

— ФАНТАСТИКА —
КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

КЕН ЛЮ, НЭНСИ КРЕСС, ДЖЕЙМИ ФОРД,
ДЭВИД ВЕЛЛИНГТОН, ДЖЕЙК КЕРР,
УИЛЛ МАКИНТОШ, САРА ЛАНГАН
И ДРУГИЕ

ЦАРСТВИЕ ХАОСА

РЕДАКТОРЫ ДЖОН ДЖОЗЕФ АДАМС И ХЬЮ ХАУИ

КЕН ЛЮ, НЭНСИ КРЕСС, ДЖЕЙМИ ФОРД,
ДЭВИД ВЕЛЛИНГТОН, ДЖЕЙК КЕРР,
УИЛЛ МАКИНТОШ, САРА ЛАНГАН
И ДРУГИЕ

ЦАРСТВИЕ ХАОСА

РЕДАКТОРЫ ДЖОН ДЖОЗЕФ АДАМС И ХЬЮ ХАУИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-132.9(73)
ББК 84(7Сое)я43
Ц19

Серия «Фантастика: классика и современность»

THE APOCALYPSE TRIPTYCH: THE END IS NOW

Перевод с английского

Компьютерный дизайн В.Е. Половцева

Печатается с разрешения редакторов и литературных агентств Nelson Literary Agency, LLC, The Gernert Company и Jenny Meyer Literary Agency, Inc.

Ц19 Царствие Хаоса: [сборник : перевод с английского] / ред. Джон Джозеф Адамс, Хью Хауи. — Москва : Издательство ACT, 2017. — 448 с. — (Фантастика: классика и современность).

ISBN 978-5-17-097859-5

Созданный под редакцией Джона Джозефа Адамса и Хью Хауи — опытнейших составителей фантастических антологий, Триптих Апокалипсиса представляет собой серию из трех сборников апокалиптической фантастики.

«Хаос на пороге» фокусируется на событиях, предшествующих массовой катастрофе, когда лишь единицы предчувствовали грядущий коллапс. «Царствие хаоса» обрушивает на человечество мощные удары, практически не оставляющие выбора ни странам, ни отдельным людям. «Хаос: отступление?» изображает участь человечества после Апокалипсиса.

В этом сборнике вашему вниманию представлены 20 новых, ранее не публиковавшихся историй, вышедших из-под пера Тананарив Дью, Нэнси Кресс, Кена Лю, Дэвида Веллингтона, Джейми Форда и многих других мастеров современной фантастической прозы.

УДК 821.111-132.9(73)
ББК 84(7Сое)я43

ISBN 978-5-17-097859-5

© John Joseph Adams and Hugh Howey, 2014

Школа перевода В. Баканова, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

ДЖОН ДЖОЗЕФ АДАМС

Джон Джозеф Адамс — постоянный редактор серии «Best American Science Fiction & Fantasy», редактор многих антологий-бестселлеров. Шесть раз номинировался на премию «Хьюго» и пять раз — на премию World Fantasy Award; компанией Barnes & Noble назван «королем мира антологий». Джон также издатель цифровых журналов «Lightspeed» и «Nightmare», продюсер подкастов. Смотрите Twitter@johnjosephadams.

Введение

Так пришел конец вселенной,
Так пришел конец вселенной,
Так пришел конец вселенной, —
Да не с громом, а со всхлипом!

Т. С. Эллиот (пер. Н. Берберовой)

Триптих задумывался как серия из трех антологий, каждая из которых раскрывала бы одну из граней апокалипсиса. Первый том, «Конец близок», содержал рассказы, действие которых происходит непосредственно перед апокалипсисом. Предлагаемый вашему вниманию том, «Конец наступает», включает рассказы, действие которых разворачивается во время апокалипсиса. Естественно, третий том, «Конец пришел», будет повествовать о жизни после апокалипсиса.

Однако нам хотелось создать не просто триптих антологий, мы рассчитывали собрать триптихи рассказов.

Поэтому, когда мы пригласили писателей принять участие в проекте, мы предложили им написать не по одному рассказу, а по рассказу для каждого тома, с целью объединить их, чтобы читатель получил серии мини-триптихов внутри большого триптиха. Поэтому некоторые из рассказов предлагаемого сборника — семнадцать из двадцати — продолжают истории, начатые в первом томе, а большинство будут продолжены в томе третьем.

Если вы прочли первый том, мы благодарим вас и рады предложить вашему вниманию второй. Благодаря вам первый том имел оглушительный успех, и мы были потрясены как его финансовой успешностью — первый том занял 11-е место в списке бестселлеров «Амазона», — как и тем приемом, который он получил у читателей и критиков.

Если вы не читали первый том, мы также рады вас приветствовать! Не волнуйтесь: чтобы получить удовольствие от рассказов второго тома, читать первый не обязательно. И хотя некоторые рассказы второго тома сюжетно являются продолжением рассказов из первого тома, мы гарантируем, что авторы постарались сделать так, чтобы вы без труда вживились в новый мир.

Распространение вирусов приобретает характер пандемии. Пришельцы атакуют. Зомби восстают. Астероиды падают. Революцию снимают на телекамеры.

Это конец.

Это происходит здесь и сейчас.

Катализм.

Апокалипсис.

Крушение мира, каким мы его знали.

Армагеддон, конец света.

Цивилизации разрушаются.

Мир в огне.

Мы приглашаем вас полюбоваться пламенем!

ТАНАНАРИВ ДЬЮ

Тананаив Дью — победитель «American Book Award» и дважды финалист «Bram Stoker Award». Известны ее романы «My Soul to Keep», «The Between», «The Good House» и «Joplin's Ghost». Ее рассказы публиковались в «Magazine of Fantasy & Science Fiction», в таких антологиях, как «Voices from the Other Side», «Dark Dreams», «Dark Matter» и т. д. Часто работает в соавторстве с мужем, писателем-фантастом Стивеном Барнсом: киносценарии, рассказы и три детективных романа про Теннисона Хардвика, последний из которых (написанный в соавторстве с актером Блэром Андревудом) — «Из Кейптауна с любовью».

Коллективный иммунитет

Человек на дороге ушел далеко вперед. Он двигался, он дышал. Рано бить тревогу.

Наима не сомневалась, что это мужчина. Очертания высокой мужественной фигуры на фоне ползущей в гору дороги, тень неопрятной бороды. Мужчина катил за собой небольшой чемодан, словно бизнесмен в деловой поездке. Она с первого взгляда прониклась к нему доверием, возможно, из-за того, что за плечами мужчины висела гитара. Наима всегда неровно дышала к музыкантам.

— Эй! — крикнула она, побуждаемая глухим отчаянием.

Он остановился, уперся ногами в землю. Кажется, обернулся, с расстояния в четверть или более мили не

разглядеть. Их одинокие фигуры с обеих сторон окружал золотой океан фермерских полей центральной Калифорнии, нераспаханных и незасеянных, ни деревца, ни кустика, лишь змеилась по холмам дорога.

Его поза поколебала уверенность Наимы. Она так давно не встречала других путников, что план, который последние девять месяцев сохранял ей жизнь, вылетел из головы: прятаться, наблюдать, выжидать.

К черту план.

Она помахала рукой, а то решит, что она мираж в знайном мареве.

— Эй! — заорала она и рванулась вслед за путником, но ноги подогнулись на крутом склоне. Замутило от зноя и подавляемого голода. Небо над головой потемнело, и она бросила жалкие потуги догнать незнакомца и уперлась ладонями в колени, чтобы утишить канонаду в груди. Вскоре туман рассеялся.

Путник упрямо шел вперед. Наима смотрела, как фигура уменьшается в размерах, пока ее не поглотил горизонт. Раньше она зарыдала бы от одиночества, но теперь решила идти за ним в темпе, к которому привыкло ее тело. Кажется, тот человек ее не боялся. Уже хорошо. Не торопился, просто устало брел по дороге, как и Наима. Главное — сохранять спокойствие, и тогда она обязательно его нагонит.

Наима не собиралась идти по Сорок шестому шоссе к Лост-хиллс, хотела только добраться до следующего дорожного знака — одного из приспособлений прежней жизни, исправно служивших до сих пор, и свернуть к городку в десяти милях к востоку, но вместо этого пошла вслед за мужчиной. Я ненадолго, сказала она себе. Не успею промочить ноги и проголодаться.

Наима шла за ним три дня.

Она не тратила энергию на поиск топлива или еды в остовах автомобилей, припаркованных по обочинам под странными углами, хотя у многих из них в замках торчали ключи зажигания. Слишком поздно, ничего ей

не обломится. Автомобили служили укрытием. Например, от дождя. Или темноты, когда пумы теряли страх, а их глаза поблескивали в свете фар. (Плохой котик, нехороший котик, приговаривала Наима).

Автомобили на Сорок шестом шоссе не были раскурочены, как в Бейкерсфилде, словно молчаливые свидетели беспорядков и грабежей. На какое-то время громить автомобили стало любимым национальным спортом. Ей самой пришлось угнать машину, чтобы выбраться из этого ада. С вывихнутой лодыжкой и толпой на хвосте она куда больше нуждалась в автомобиле, чем тот пьяница с угреватым лицом, который спал, прислонившись к колесу. На Сорок шестом шоссе не тронутые машины стояли у дороги, все как одна цвета погребальной пыли.

Сейчас Наиме не помешал бы ее красный велосипед фирмы «Швинн», но за день до того, как она заметила на дороге мужчину, ее угораздило налететь на камень — чертов булыжник оказался прямо под колесами. Ей повезло, что пострадал только локоть, но велосипед, похоже, накрылся. Бесполезная железяка. Она не позволяла себе раскисать, но, черт подери, до чего же обидно! К тому же путник, предмет ежедневных забот Наимы, не давал ей глазеть по сторонам, выматривая фермы и их благонамеренных обитателей. Слишком рискованно. Наима боялась его потерять, поэтому упрямо шла вперед, преследуя свонго призрака.

Она воображала, как они разговорятся. Расскажут о себе, научат друг друга тому малому, что знают. Они обязательно что-нибудь замутят вместе. Возможно, он признается, почему оказался на Сорок шестом шоссе, что за радиоволна или неотложное дело позвали его в путь. Последние три месяца Наима слышала в радиоприемнике только шипение. Какой смысл тащиться в такую даль, если не ради какой-то цели?

Каждое утро она просыпалась в укрытии: под стволом, в брошенном, но не ставшем чьей-то могилой ав-

томобиле, в расщелине под кабиной фуры, запертой неизвестно кем и припаркованной в десяти ярдах от дороги, словно кит, выброшенный на сушу, и гадала, как далеко ушел тот человек. Брел ли всю ночь, чтобы поутру до смерти испугать ее. Нашел ли машину, певшую ему любовную песнь, пока он оглаживал ее и поворачивал ключ в замке зажигания.

Тем не менее каждый день она находила признаки того, что он еще с ней. Путник шел далеко впереди, временами исчезая из виду. И всякий раз, когда он снова показывался на горизонте, у Наимы потели ладони.

Он оставлял за собой след из фантиков. В основном от шоколадных батончиков. «Сникерс», «Твикс», «Олмонд джой» (последние — ее любимые, от вида фантиков в животе у Наимы начинало урчать). Рацион Наимы был не менее однообразным, но куда более унылым — горсти обезьяньего корма, который она нашла в ветеринарной клинике на окраине Бейкерсфилда. Рюкзак доверху заполняли коричневые кругляши. Наима называла их мячиками, как в компьютерной игре Super Monkey Ball. Почти безвкусные, зато можно есть на ходу, и куда легче консервных банок.

На третий день, когда горизонт опустел и душа снова ушла в пятки, взгляд Наимы привлек вскрытый пакетик лакричных конфет «Твizzлерс» на дороге, шесть целых палочек. Кажется, свежих. На обертке ощущались следы его пальцев. Размякшие на солнце конфеты плавились на языке. Ей стало так хорошо, что из глаз потекли слезы счастья. Рискуя отстать, Наима не трогалась с места, пока сладость затопляла сухой рот, обволакивала гортанны. Она успела отвыкнуть от эмоций.

Наима тихо оплакивала тягучий оранжевый закат, диких лошадей в поле, предоставленных сами себе. Она гадала, не пытается ли путник заигрывать с ней, своего рода новый любовный ритуал среди выживших, пока не наткнулась на алую конфетку, которую он выплю-

нул. Так вот оно что: фанат «Ред вайнз», выходит, «Твиззлерс» ему не по вкусу. Ничего, она переживет. Вместе им все нипочем.

К полудню того же дня она снова заметила его длинную тень, маячившую всего в полукилометре. Немного ускорить шаг — и она догонит его, но от мысли, что придется бежать, ее чуть не вырвало. Желудок не одобрил конфетного пиршества.

И она продолжила идти.

Мимо большого деревянного щита — размером чуть поменьше рекламного. Поравнявшись с ним, Наима прочла ликующую надпись: «Ярмарка на обочине!!! С 1 по 30 июня! Всего в двух милях!»

Ниже были нарисованы свинки с синими ленточками, улыбающийся хот-дог и чертово колесо. Что за тупое название! Она поклялась, что, когда придет время давать новые имена, они с тем мужчиной на дороге не ударят в грязь лицом. Чем плоха Радужная ярмарка? Или обочина Радужной дороги? Названия под стать цветам на щите.

И только на расстоянии вытянутой руки она заметила три потрепанные листовки, пришпиленные справа: СПАСАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР.

На бумажках красовался знак Красного Креста.

Красного деръма. Красной смерти. Красной утраты.

Наиме хотелось разрыдаться и расхохотаться в одно и то же время. Ноги подогнулись. Стало жарче на десяток градусов, солнце сжигало кожу на затылке.

— Должно быть, ты шутишь, — сказала она.

Человек на дороге ее не слышал.

Наима сложила ладони рупором.

— Неужели ты еще веришь в вакцину?

Болван.

Последнее слово она произнесла про себя. Не хотела грубить. Им нельзя ссориться.

Он не остановился, лишь сварливо, по-стариковски, отмахнулся. Связь установлена! Честность — лучшая

политика в мире, где правит трехсуточный грипп, и Наима расскажет ему все.

Лагеря — это просто большие чашки Петри. Проще всего подхватить заразу в лагере для эвакуированных! Было, было проще. Прости, что сообщаю плохие новости, но здесь больше нет спасательного центра!

Десять месяцев назад она и сама верила, что там ей помогут. Верила, что вместе они исцелятся. Тогда, на совместной пресс-конференции Всемирной организации здравоохранения и Центра контроля заболеваний, где лучшие умы толковали о вакцине, способной уберечь от распространения заразы, она впервые услышала термин: *коллективный иммунитет*.

На деле оказалось, что никакой вакцины нет и в помине, а словосочетание «*коллективный иммунитет*» — чистый оксюморон.

Выжили только те, кто обладал иммунитетом естественным. С июня только они, бродившие среди хаоса, избегая любых контактов из опасений нарваться на гнев озверевшей толпы, попадались Наиме на глаза. Она ушла из Бейкерсфилда, где здоровые чувствовали себя предателями человеческой расы. Она видела радость на лице умирающей старухи, топором раскроившей череп медсестре, которая протянула ей стакан воды. Никаких добрых дел. За три месяца мужчина на дороге был единственным живым человеком, которого она встретила.

Некогда оживленные местности опустели. Трехдневный грипп ставил точку во всех спорах. В городах привили птицы-падальщики, пришло их время.

— *Мертвые не помогут живым!* — крикнула Наима упрямой дороге.

Ее новый друг шел вперед. Ничего, через две мили ему придется сделать привал.

Смрад ярмарки уже висел в воздухе.

А что, если... нет, невозможно, но вдруг... Пульс остался ровным, но Наима с надеждой всмотрелась в аккуратную шеренгу автомобилей к западу от дороги. Им-

провизированная стоянка, размеченная кедровыми колышками с буквами и цифрами: от А-1 до М-20. Под слепящим солнцем стекло и хром сверкали, словно волшебные кареты. Много месяцев Наима не видела такого порядка.

А потом заметила пыль на стеклах.

Куда бы она ни пришла, нигде ей не рады. Даже на ярмарке.

Грифы и вороны восседали на ярком — алые буквы на белом фоне — щите «Бесплатная парковка для гостей ярмарки!» над дорогой, уходившей вбок от шоссе. За щитом маячило мертвое колесо обозрения, отмечавшее начало ярмарки, маленькое и жалкое, словно хворое. Свинки на рекламном щите позволяли надеяться на что-нибудь грандиозное, но все оказалось обманом.

До ушей донесся скорбный гитарный перебор: гитарист не бренчал, он просто перебирал струны. Незнакомая мелодия, но Наима знала ее название. Блюз трехдневного гриппа.

То, что она увидела через задние окна машин, заставило ее заулыбаться. Рюкзак в «королле» лежал на самом виду. В некоторых автомобилях ключи торчали в замках зажигания, в одной, кажется, остался газ. Это была рождественская распродажа автомобилей. Машины вдоль дороги владельцы оставили на полпути, забрав оттуда все, что смогли. Эти автомобили благополучно доехали до места назначения, хотя их владельцы бросили их, не завершив дел. Из-за лопнувших стекол вошли трупами. На заднем сиденье «форда эксплорер» белел собачий мех. Наима подумала о толстощеком малыше, обнявшем верного друга на прощание, прежде чем родители оттащили его прочь.

Машины вопили о своих историях.

В стекле отразилось почерневшее от солнца лицо в капюшоне, заострившийся подбородок. *Не мешало бы, девочка, тебя подкормить*, сказал бы Грэм. Наима заморгала и отвела глаза от незнакомки в стекле.

Слезы. Черт, только этого не хватало!

Наима вонзила ногти в ладони. До крови. Машины перестали ворить.

Гитарист мог предъявить свои права на сокровища, но тут хватит обоим. А если заартачится, у нее есть пистолет 38-го калибра, но лучше бы до этого не дошло. Наима застыдилась. Ей не хотелось причинять путнику боль. Не хотелось, чтобы он причинил боль ей. Хотелось, чтобы кто-то не спал, когда ты спишь, помогал добывать еду, согревал. Ничего в жизни ей не хотелось сильнее!

Музыка примиряла с кладбищем на ярмарочной парковке. Должно быть, гитарист знал толк в своем деле: немного печали, капелька сладости. Эту песню могла напевать ее бабушка, только забыла научить ее словам.

Господь всемогущий, только бы он не оказался таким же придурком, как остальные!

Гитарист снова куда-то улизнул, но Наима шла по развалинам ярмарки на звук.

Чертово колесо было не единственной ярмарочной рухлядью, которую следует переименовать, когда дойдут руки. Она насчитала меньше дюжины аттракционов, среди которых хилое колесо могло считаться царицей бала. Две детские карусели с фальшивыми пони, какие встретишь в большом торговом центре, русалки и лошадки (последние, кстати, неплохи), центрифуга, которую Наима не выносила. Был еще Дом с привидениями: пустые вагонетки застыли перед адскими вратами. Великан в черных обносках с перекошенной рожей охранял дверь. Даже сейчас Дом с привидениями пугал Наиму. Проходя мимо, она дотронулась до вагонетки.

Вороны взвились в воздух.

Ярмарка была устроена по принципу всех маленьких придорожных аттракционов: с одной стороны карусели, с другой — прилавки с едой. Стервятники клевали пустые ведра попкорна и обертки из-под хот-догов, но лишь немногие лоточники задраили свои будки

жалюзи. Внутри павильона «Сосиски Джо» высились большая жаровня. Их разделяла только открытая дверь. Рискнуть? Кабинки, мусор, прилавки. Чего тут только не было! Сердце забилось чаще.

С машиной и припасами она как-нибудь протянет. Кажется, гитарист был с ней согласен — мелодия набрала темп и страсть. Музыка напомнила Наиме, что в ее новом автомобиле, ждавшем у входа на ярмарку, она будет не одна.

Теперь слова мало что значили, и, обнаружив его рядом с будкой, где когда-то торговали хворостом, Наима заговорила не сразу. Завернувшись в спальник, спиной к стене, мужчина лежал под вывеской, обещавшей разные вкусняшки. Она стояла на другой стороне дороги рядом с кольцами, которые набрасывали на штырь, и разглядывала незнакомца.

Первая неожиданность: он носил маску. Странно.

Из-за грязи и волос маска казалась приросшей к лицу. Светло-коричневая кожа, темная прядь жидких волос, худоба под стать ее. Выше на фут, что давало ему преимущество в драке. Рука скользнула в заветный карман рюкзака. Наима осторожно сжала оружие, но руку не вытащила.

— Гитару не трожь, а больше у меня ничего нет, — бросил он сердито. — Бери то, за чем пришла, и вали отсюда.

— Думаешь, я тащилась за тобой три дня, чтобы ограбить?

— А мне все равно.

Наима сдернула с головы капюшон. В Бейкерсфилде она побрила голову, чтобы отбить желание у случайного насильника. Волос на голове почти не осталось, но черты лица были очевидно женскими. Ей показалось, всего на миг, что его глаза блеснули.

— Я Наима, — сказала она.

Незнакомец перебирал гитарные струны.

— Держись от меня подальше.

— У тебя иммунитет.

Придурок. Она не сказала этого вслух, но тон был недобрым.

Он перестал играть.

— С чего это вдруг?

— А с того. Просто потому, что ты до сих пор жив.

Он равнодушно перебирал струны.

— Хочешь, расскажу, как все было? Вся твоя семья заболела и умерла, даже те, с кем ты общался каждый день, а тебе хоть бы что.

— Я был осторожен.

— Хочешь сказать, что выжил, потому что самый умный?

— Этого я не говорил, — буркнул он. — Просто был очень осторожен.

— Ни до чего не дотрагивался? Не дышал?

— Точно. Привык даже к этой штуке. — Он вытянул правую руку, и только сейчас Наима заметила на ней тонкую грязную перчатку.

— Ни стола, ни оконной рамы, ни листка бумаги?

— Стараюсь.

— Но так не может продолжаться вечно!

— До сих пор мне везло.

— Чушь, — фыркнула она.

К обиде и боли добавилась злость. Кто бы мог подумать, что случайный незнакомец способен так разбредить старые раны или что эти раны все еще свежи.

— Ты живешь в страхе. Как те японские солдаты во время Второй мировой, которые не знали, что война закончилась.

— А ты решила, что все позади? Еще и года не прошло.

— Почему бы и нет. Посмотри, как ненадолгохватило Штатов.

Он отвел глаза. С тех пор случилось много всего, но Лондон стал первым доказательством, что китайских трехдневный грипп не просто косил людей, но повер-

гал мир в пучину войны. В Америке вирус не проявлялся целых два дня после того, как вспыхнул Лондон: последние дни тревоги о том, что казалось таким далеким, тревоги за людей, до которых тебе нет дела. По телевизору они могли наблюдать, как разворачивались события. Нация в огне, а после начались дожди.

— Что ты видела?

Наконец-то он перестал ее чураться.

— Я могу говорить только за южную и центральную Калифорнию. Там почти никого не осталось. Последние разобщены. Ты первый из живых, кого я встретила за два месяца. Хватит прятаться, пора нам объединяться.

— Нам? — Он недоверчиво поднял бровь.

— Тем, у кого ЕИ, — ответила она. — Естественный иммунитет. Один человек на десять тысяч, хотя это только догадка.

— Господи Иисусе.

Достойный ответ, но Наиме не понравился его тон.

— Да, звучит ужасно.

Она понимала, как мало печали в ее голосе. Неужели он не видит, что, если она даст волю чувствам, ее ноги подкосятся и ей станет трудно дышать. Еще одна попытка.

— Нет, ужасна ты.

Остаток фразы он пропел. *Приходи и стар, и млад, новой расе будешь рад...*

Насмешка, особенно его задушевный, огрубевший в дороге тенор, ранили больнее удара. От воспоминаний о струйке слюны, стекающей по ее щеке, Наиму охватил гнев.

— Они плевали мне в лицо! Пытались утащить с собой, а мне все нипочем. Можешь и дальше молиться на эту грязную тряпку, пока не покроешься сыпью. У тебя иммунитет. Поздравляю.

— Отлично. Есть и другие доказательства, вроде лабораторных исследований?

— Будут, — ответила она. — А пока есть ты да я, да тот коп, который удрал из Бейкерсфилда, хотя давно должен был отдать концы. Говорю тебе, этот супервирус рано или поздно убивает всех, кроме тех, у кого есть естественный иммунитет.

— А если я только что вылез из бункера? Спустился с дерева? Выполз из пещеры?

— Неважно. Теперь ты здесь, ты дотрагивался до разных предметов. Вирус живет в лаборатории тридцать дней, возможно, сорок пять. Так сказали те китайцы, ученые, когда начали говорить. Иммунитет существует. Не все люди заразились. Врачи. Старики.

— Те, кто соблюдал осторожность.

— Выживают не те, кто умнее. Это простое везение. Набор генов.

— Все-то вы врете, мадам Кюри, — протянул он.

Грубость. Пренебрежение. Стоило тащиться за ним три дня! Впрочем, а чего она ожидала?

Наима продолжила спокойнее:

— Те, кого мы встретим, — мы будем расспрашивать их. Учиться у них. Наша сила в количестве. Начнем с натурального хозяйства. Мне нравится Калифорнийская долина. Хорошая земля. Только нужна вода для полива.

Какое облегчение мечтать вот так вслух!

Он рассмеялся.

— Не спеши, сестренка, нарезать участки. Мы с тобой не фермеры. Если подойдешь ближе чем на двадцать ярдов, пристрелю.

Значит, он вооружен. Само собой. Оружия она не видела, но его левая рука скрылась в складках спальника. Он выжидал.

— Вечно одно и то же.

— А как ты думала? Это называется здравый смысл. Иди куда шла. Можешь переночевать, но утром чтобы тебя здесь не было. Это мое место.

— Спасателей ждешь?

Он зашелся сухим кашлем, таким непохожим на кло-
кочущий кашель гриппозного.

— Я не жду помощи. И мне дела нет до спасателей.

— А у меня есть вода, — сказала она. — Держу пари,
в киосках найдется еще.

Пусть вспомнит, каково это, когда о тебе заботятся.
Пусть увидит сочувствие в ее глазах.

Он снова зашелся кашлем.

— Спасибо, обойдусь.

— Если ты не ждешь спасателей, то что ты здесь за-
был? Любишь копаться в мусорных баках?

Он вытащил левую руку из-под складок спальника
и затеребил струны.

— Сюда приходила моя семья, — промолвил он. —
Кидали кольца, обжирались пончиками, катались на ду-
рацких каруселях. Это наше место, вроде заднего дво-
ра, где устраивают вечеринки. Больше мне ничего не
нужно — быть там, где я чувствую себя дома, где есть
что вспомнить.

Налетел порыв ветра. В воздухе явственно повеяло
мертвечиной.

— Судя по запаху, ты вряд ли их дождешься.

— Дождусь. — Он пожал плечами. — А теперь уходи.

Уйти теперь, когда картина, которую он нарисовал,
так жива, отказаться от его общества! Его отсутствие
прожжет в ней зияющую дыру. Он нужен ей. Отец, брат,
любовник, кто угодно. Она не хочет жить без него. Или
уже не может.

Когда он умолк, ярмарка погрузилась в удушливый
мрак. Из-за запаха Наима предпочитала открытые мест-
ности и дороги.

— По крайней мере, скажи, как тебя зовут.

Ее голос дрогнул.

Но он лишь перебирал струны, заставляя яркие свер-
кающие шары вращаться.

Только за два часа до темноты Наима осознала, что
наворила. Вода в обеих бутылках была на исходе. Она

мысленно обшаривала местность, вспоминая, где видела трубы или краны. Воду давно отключили, но не все хранилища успели пересохнуть.

Первым делом нужно найти автомобиль, пока она не решит, в чем нуждается еще. Если дверца не поддавалась, она отступалась. Наима решила, что разобьет стекло, только если заметит ключ в замке зажигания. Битое стекло опасно, недолго подхватить заразу. В баке первого автомобиля бензина оказалось на дне. Мало.

А потом она увидела «пи ти крузер». Цвета ежевики. Бежевый автомобиль, который она водила в Спелмане, перевоплотившись в ее любимом цвете, взвывал к ней. Дверца не заперта, никакой вони внутри. Полбутылки воды, почти вскипевшей от жары. В замке зажигания ключа не было, но он быстро нашелся под козырьком пассажирского сиденья. Мотор недовольно фыркнул, но завелся. Зато бак был почти полон. От облегчения закружилась голова. Наима шлепнулась на сиденье и закрыла глаза. Она благодарила того человека на дороге и его небесную музыку.

Она набьет автомобиль припасами, которых хватит на месяц и даже больше. С таким количеством топлива она легко доберется до ближайшего городка. Разведает окрестности, найдет старую ферму посреди нового запустенья, вычистит грязь и уснет под настоящей крышей.

Дыхание застревало в горле, словно камень. Ее первое чудо в Новом мире.

Потом Наима лениво бродила по ярмарке, лишь немного опережая заходящее солнце. Она не совалась к гитаристу, уважая установленные им границы. Затем медленно выехала со стоянки на дорогу, шурша колесами по гравию. Ее водительское сиденье было капитанским мостиком звездолета.

Яркие краски ярмарки проступали сквозь пыль и грязь. Разукрашенные клоуны, белые медведи и инспекторы манежа в цилиндрах зазывали гостей в будки

с диковатыми названиями, обещая сладость, соль и прохладу. Гитарные переборы оживляли лица призраков. Площадь кишила детьми. Наима слышала их беспечные крики.

Лишь на мгновение она впустила в свой мир детские голоса — и горло обожгла боль. Небо закачалось над головой. Наима перестала дышать, но легкие упрямо втянули воздух, заставляя обонять запах, который она не-навидела. Фальшивые воспоминания испарились.

Воздухонепроницаемые упаковки хот-догов могли пролежать целую вечность. Она нашла в витрине протеиновые батончики и мешок нелущенного арахиса, такой большой, что его пришлось закинуть за спину. Запихала в салон чистые одеяла, целые упаковки воды и запас еды, прихватив даже большого сиреневого слоника — почему бы нет? Автомобиль, матка на колесах, озарял мир новым светом.

Оставался вопрос, кто сядет на пустое пассажирское сиденье. Эта мысль мешала наслаждаться выигранными на ярмарке призами.

Затем Наима увидела вывеску со стрелкой: СПАСАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР.

Стрелка указывала в сторону от киосков, к павильону «Мир фермера» с призрачным зоопарком молодняка и катанием на пони, выкрашенному в мрачные земляные тона. Никакой не мир, а скорее узкий переулок. Через дорогу располагались длинные дощатые стойла. Наима видела такие на дерби в Кентукки.

Она выбралась из автомобиля, поглубже запихнув в карман бесценные ключи, и пошла по высохшим колеям от следов человеческих ног и лошадиных копыт. Сюда гитарные переборы почти не долетали. Наима чувствовала себя как ребенок, который входит в воду, осторожно нащупывая дно. Сейчас он закончит играть и исчезнет. А скорее всего, он ей просто привиделся.

Она должна осмотреть спасательный центр. Как раньше водитель, бросивший в машине недопитуюbu-

тылку, Наима растворилась в шарканье шагов, детском нытье и приглушенных рыданиях.

Надписи располагались на равном расстоянии друг от друга, все как одна весьма важные и уместные в подобных обстоятельствах:

Семьи должны держаться вместе.

Ваше спокойствие помогает остальным оставаться спокойными.

Улыбнитесь — снимите маску.

С каждым шагом запах становился невыносимее. Перед закрытыми дверями ржавели два складных столика. Выгоревшие страницы, пришипленные зажимом, трепетали на ветру. Бюрократические формальности, вписанные от руки имена и адреса: *Джеральд Хильбррант с семьей из четырех человек*. Должно быть, здесь прошли сотни.

Тапки

Наима перевела взгляд на вывеску в юго-западном углу, где ровные ряды тапок, размер к размеру, рядом стояли у стены. На вывеске было изображено семейство плюшевых мишек: папа, мама и малыш. Наима ускорила шаг, ощущив печаль и странное возбуждение.

Вход

Следующее объявление увлекло ее за угол, в сторону от столиков и запаса тапок. Вход в спасательный центр располагался позади здания. Двойная задняя дверь была заперта, но у створок располагалась столы и большие контейнеры с темной жидкостью, по виду напоминавшей чай со льдом. Поначалу она решила, что это прохладительные напитки. Пока не прочла объявления:

Убедитесь, что ваши близкие осушили стаканы до дна.

Родители, прежде чем выпить сами, проследите за детьми.

Прежде чем войти, допейте до дна.

Контейнер для использованных пластиковых стаканов.

Под последним объявлением стояла большая мусорная корзина, наполовину заполненная скомканным пластиком. На многих стаканчиках остались следы помады. Если честно, только на нескольких. Выходит, они пришли при полном параде? Приодевшись для встречи с Создателем?

Запах здесь чувствовался сильнее, но не такой едкий. Так пахла старая, высохшая смерть. Дверь словно приглашала внутрь, но это не входило в ее планы. Наима лишь провела ладонью по теплым доскам стены, словно благодаря того, кто оставил ей автомобиль, и тех, чью обувь она заберет. Какая надежда привела их сюда? Знали ли они, что их ждало? Эти вопросы наполнили ее душу глубокой скорбью. К своему изумлению, ей отчаянно захотелось оказаться среди этих людей, в тишине и покое.

И тут, весьма кстати, раздались гитарные переборы.

— Смотри, что я нашла, — сказала она, подняв объявление.

— Отсюда не видать.

— Я могу подойти.

— Стой где стоишь.

Ничего не изменилось. Она вздохнула.

— Здесь написано: «Улыбнитесь — снимите маску».

Он рассмеялся. Наима успела полюбить этот звук. Затем — еще одно чудо — он стащил маску к подбородку.

— Черт, раз уж там так написано.

Он наставил на нее указательный палец.

— А ты держись от меня подальше.

В темноте было трудно разглядеть, но ему вряд ли больше пятидесяти, возможно, около сорока. Еще не стар. Глаз она не видела, но решила, что они у него добрые.

— Я Кайл, — произнес он.

Должно быть, она заулыбалась так широко, что ослепила его.

— Спокойно, сестренка, спокойно. Больше ты ничего от меня не получишь, только имя. И еще немножко музыки, если хочешь послушать. А утром ты уйдешь.

— В машинах есть горючее, а в одной целый бак!

— Рад за тебя, — произнес он мягко.

— Ты здесь подожнешь, если не наберешься смелости до чего-нибудь дотронуться!

— Это мой крест.

— Но как ты узнаешь, что у тебя иммунитет?

Он пожал плечами.

— Надеюсь, что не заражусь.

— Но меня здесь не будет! Не знаю, где я буду. Мы должны...

Она едва не обмолвилась: «...сражаться за жизнь и рожать детей, и надеяться, что они выживут».

— ...быть вместе. Защищать друг друга. Мы стадные животные, а не одинокие волки. Так было всегда. Мы нужны друг другу!

Его молчание было слишком явным.

— Все, что нужно тебе, — это полный бак бензина, — наконец промолвил он. — А мне — моя гитара. Не прими на свой счет, но ты слышала про Тифозную Мэри?

Разумеется, она слышала про Тифозную Мэри, жила под тенью ее проклятия. В школе Наима читала, что бедная женщина умерла, прожив в полном одиночестве тридцать лет, и никто не осмелился к ней приблизиться. Давным-давно Наима решила, что не станет жить в страхе.

— У нас обоих иммунитет, — упрямо повторила она. — Я тебя не заражу.

— Прекрасная идея, — почти пропел он. — Ты останешься единственной выжившей, Наима.

Она успела забыть, когда к ней последний раз обращались по имени. А он произнес его так, словно знал Наиму всю жизнь. Не говоря уже о слове «прекрасная», которое пульсировало в позвоночнике. Пока ее гормоны бушевали, Наима чувствовала, что с каждым вдохом влюбляется в него все сильнее. Ее одолевало желание запрыгнуть в автомобиль и умчаться куда глаза глядят. Лучший способ задушить на корню безнадежные мечты.

Вместо этого Наима подогнала автомобиль на расстояние в пятнадцать ярдов и откинулась на водительском сиденье, наблюдая за гитаристом в открытую дверцу. Часы на приборной панели показывали полночь, когда он уснул. Под музыку пролетели часы. Наиме не спалось, ее терзал ужас при мысли, что придется с ним расстаться.

Некоторое время спустя она выбралась из автомобиля, чтобы размять ноги. Осторожно приблизилась. Шаг, еще один. Теперь она стояла прямо над ним.

Наима рассматривала яркий, с вышивкой в индейском стиле, ремень его гитары. Розовые губы прятались в курчавой бороде. В лунном свете она не заметила ни одного седого волоска. Он был силен, особенно если его подкормить. Под пыльной камуфляжной курткой музыкант носил футболку с «Пинк Флойд». Он сыграет ей старые песни, а она научит его своей музыке. Лунный свет ласкал его кудри, преломлялся от изгиба носа. Он был совершенством.

Опускаясь перед ним на колени, Наима боялась, что он проснеться, но гитарист спал как младенец. Грудь равномерно вздымалась и опадала, когда она склонилась над ним.

Неужели этот камень в ее груди всего лишь дыхание? Чесались вспотевшие ладони. Ей снова было сем-

надцать, и она была на вечеринке с Дарреном Стивенсом, ощущая его близость каждой порой. А когда он наклонился к ней, она решила, что он хочет шепнуть ей что-то на ушко. Его дыхание обдало ее пивнымиарами. А затем его губы впились в ее губы, и молния пронзила позвоночник, и это было так сладко... так сладко...

Кайл спал, когда Наима прижалась к его губам. Приснулся ли он? Ответил на ее поцелуй? Ей хотелось верить, что Кайл поцеловал ее, но когда она отпрянула, его дыхание было по-прежнему ровным.

Наима забралась в автомобиль, хихикая, словно неразумная девчонка. О, как он разозлится! От мысли о его гневе она прыснула. Засыпая, Наима думала о той свободе, которую она подарила Кайлу. Свободу от маски. Свободу от страха. Свободу прожить с ней жизнь, вместе построить их деревню.

В полдень она проснулась от звука. Кого-то рвало.

Поначалу она решила, что звук ей приснился — хотелось остаться в счастливом сне, где хорошо одетые незнакомцы поют, взявшись за руки, но, открыв глаза, увидела, что гитарист согнулся неподалеку. Гитару он отбросил в сторону. Она слышала, как рвотная струя шлепнулась о землю.

Все начинается с рвоты. Все начинается с рвоты.

Вот черт. Ее разум был широкой пустынной прерией. Она вспоминала его смех, сознавая, что никогда больше его не услышит.

— Прости, — промолвила Наима. — Я решила, ты такой же, как я.

Ей хотелось бы, чтобы в голосе звучало больше сочувствия, но не получалось. Ей хотелось сказать, что за двадцать четыре часа он мог подцепить вирус где угодно, необязательно от нее. И хотя статистика была на ее стороне, она и сама в это не верила.

Жалко, если это ничему тебя не научит, сказал бы Грэм. Наима вонзила ногти в ладони. От усилий выпер-

ли сухожилия. Боль обдала жаром. Его музыка, его рассказы о ярмарке пробили брешь в ледяной корке, а сейчас она снова покрывалась льдом.

Музыкант не взглянул на нее, когда Наима рылась в его пожитках. С собой у него было шесть бутылок воды и целая гора шоколадных батончиков. Его припасы. Она не тронула воду и батончики. В револьвере не было патронов, но его она взяла. Гитару тоже оставила, хотя и захватила на память ремень. Когда-нибудь она обзаведется собственной.

Гитариста снова рвало. Большинство заболевших исходили рвотой на третий день.

— Я ухожу, — сказала она, опускаясь перед ним на колени.

Хотелось придумать что-нибудь ободряющее.

— Кайл, я нашла спасательный центр, за «Миром фермера», и там довольно мило. Не все вокруг отчаялись. Ты можешь туда пойти. Там, где я родилась, все выжгли дотла.

Даже теперь Наиме страстно хотелось услышать звук его голоса. Хотелось, чтобы он дал понять, что слышит ее слова. Чтобы запомнил, как звали ее бабушку, сказал бы: «Да, она была». Ты была. Ты есть.

Он не ответил и не повернулся. Как и остальные, он был поглощен болезнью. *Как и остальные*, думала Наима, залезая в машину. *Как и остальные*. В зеркале она увидела свое лицо: испачканное, равнодушное. Наима моргнула и отвела взгляд.

У нее никогда не хватало духу заглянуть смерти в глаза.

СКОТТ СИГЛЕР

Скотт Сиглер — известный романист, автор серии романов «Инфицированные», «Ancestor», «Nocturnal», соучредитель «Empty Set Entertainment», где публикуется его серия «Galactic Football League». Стал широко известен благодаря сетевым публикациям текстов и подкастам. Верные поклонники, именующие себя Junkies, загрузили более восьми миллионов отдельных эпизодов его произведений и ежедневно общаются со Скоттом и друг с другом в сетях.

Шестой день охотничьей сторожки

Нак ни хотелось Джорджу отложить этот разговор, отступать было некуда:

— Нам нельзя здесь оставаться.

Они смотрели друг на друга, руки в перчатках сжимали стволы охотничих ружей. Джако еле заметно покачал головой. Берни закрыл глаза и вздохнул. Тойво нахмурился. Только Арнольд кивнул: старше и мудрее остальных, но и его, кажется, идея Джорджа не вдохновляла.

Случилось невозможное: настоящее инопланетное вторжение. Джордж, троє его закадычных друзей — и человек, которого они почитали как отца, — застряли в сторожке, куда приезжали охотиться каждый ноябрь лет тридцать подряд. Верхний полуостров на севере Мичигана, место дикое и нехоженое, и именно здесь потерпел крушение не лайнер, не аэроплан, а нечто, чему они не знали названия.

Нечто было снаружи, в густых дебрях за хижиной, между соснами, елями, березами, и от сторожки его отделяло лишь несколько футов снега. Они видели нечеткий силуэт, красно-сине-зеленые огоньки мерцали сквозь тьму и снежную пелену. Он стоял там, настоящий инопланетный корабль, и, если верить тому, что они прочли в телефоне Берни, подобные ему атаковали крупнейшие города планеты.

Другой информацией они не располагали. Сотовые больше не ловили — ни звонки, ни Интернет — а в сторожке никогда не было стационарного телефона.

Ни Джордж, ни его товарищи понятия не имели, почему потерпел крушение инопланетный корабль. Они знали только, что снег, который валил три дня, сделал непроезжими узкие проселочные дороги. Если бы не мороз, они ушли бы отсюда, но в такую погоду идти до ближайшей засидки пришлось бы не меньше часу.

Оставался еще старый снегоход, который не заводили ни в прошлом году, ни в позапрошлом. Джордж вспомнил, что в последний раз снегоходом пользовались три года назад. Сумеют ли они его завести? И даже если сумеют, пятерых ему не вывезти.

Просто скажи им, скажи, что возьмешь снегоход, потому что хочешь выбраться отсюда, хочешь к сыновьям и жене.

Ворчливый внутренний голос советовал предъявить козырного туга, который прячут в рукаве все родители малолетних детей. Но это совсем не то, что отпроситься с работы пораньше, чтобы забрать малышей с футбольной тренировки, или попросить бездетных коллег задержаться попозже, потому что ты должен подменить няню. Это — твои закадычные друзья, люди, которых ты любишь всем сердцем, и бросить их здесь означает проявить крайний эгоизм.

Если они по-настоящему ценят тебя, они поймут. У тебя дети, просто скажи им, если сможешь...

— Что уйти, что остаться, один черт, Джордж, — промолвил Тойво, — мы не можем ни того, ни другого.

Тойво почтипротрезвел. Мутные глаза, в усах блестит сопля. В охотничье комбинезоне поверх двух свитеров он походил на куль с тряпьем. Впрочем, остальные выглядели не лучше.

Тойво махнул рукой на тонкие стены сторожки.

— Ты очумел, Джордж? Куда мы пойдем? В лес? Снаружи минус сорок!

Джордж кивнул. Что толку спорить. Холод — это одно, в конце концов, он взрослый мужчина и способен терпеть, но минус сорок — это слишком. А еще и снег в придачу. Снег падал с ночного неба, утолщая снежные шапки на голых ветках и хвое, засыпая пушистый белый ковер шириной в три фута на земле. Снег скрыл валежник и ямы вокруг хижины.

Но на дороге нет ни деревьев, ни сучьев, ни коварных ям. Только снег. Дорога выведет его отсюда. Ему нужно выбраться на дорогу, и чем скорее, тем лучше.

Заставь их шевелиться,двигаться куда угодно, только подальше от хижины, поближе к дому...

— Корабль совсем рядом, — сказал Джордж. — И кроме нашего, здесь нет других строений.

Он показал на маленькую дровяную печь, жар от которой казался еще слаше, учитывая, что скоро им придется добровольно его лишиться.

— Из трубы идет дым. А если у них есть лучи, они видят хижину в красном свете и знают, сколько людей внутри.

Арнольд нахмурил морщинистое лицо.

— Что за лучи?

— Инфракрасные, пап, — ответил Берни. — Как в «Хищнике».

Арнольд поднял бровь.

— А, ясно. Как в «Хищнике».

Это двое, Арнольд и Берни, были на одно лицо, а их фотографии можно было смело использовать для иллю-

страции вреда от курения: таким ты был до того, как за-курил, мальчик мой, а таким стал. Берни за сорок, как Джорджу, Джако и Тойво, с настоящей охотничьей бородой, отросшей всего за неделю в сторожке. Арнольд, седая щетина, усталые глаза за толстыми стеклами очков.

— При чем тут кино! — воскликнул Тойво. — При чем тут лучи! Джордж, я люблю тебя, но ты лжешь, ты хочешь вернуться в Милуоки, только и всего.

Джорджа пронзило чувство вины, словно его поймали на месте преступления. Он не мог лгать этим людям. Они слишком хорошо его знали.

— Ладно, — сказал он. — Ты прав, я хочу отсюда выбраться, по крайней мере из этой хижины. Если они убивают людей, то рано или поздно они придут сюда и убьют нас.

Берни подошел к печке.

— В любом случае огонь надо затушить. Может быть, они нас не заметят.

Джако покачал головой.

— Только дыму напустим. Пусть догорает.

Разумеется, он был прав насчет дыма, но, похоже, Джако больше беспокоил холод.

Все были напуганы и сбиты с толку, но больше всех Джако. За толстыми линзами огромных очков его глаза казались еще больше. Самый маленький из друзей — всегда таким был, с ружьем наперевес Джако походил на подростка, нарядившегося охотником на Хэллоуин. У него тоже дети, девочки пяти и семи лет, одногодки мальчишек Джорджа. Джорджу нравилось поддразнивать Джако, заявляя, что недалеко времена, когда его сыновья станут приударять за дочками Джако.

Тойво безуспешно пытался закинуть ружье за плечо, мешал неуклюжий комбинезон.

— Мы не безоружны, — сказал он, справившись со второй попытки. — Мы можем защищаться. А в лесу мы просто умрем от холода. Похоже, Джордж, ты забыл, каково это в минус сорок в лесу.

Джако расправил складное кресло, которое опрокинулось, когда корабль пришельцев рокотал прямо над хижиной — так близко и мощно, словно они угодили под артобстрел. Сел.

— Защищаться? Тойво, они взрывают города. Если верить тому, что написано на том сайте, инопланетяне выступили против правительственных войск и победили. Что им наши охотничьи ружья?

Тойво пожал плечами.

— Я не то чтобы силен в физре, — ответил он, — но пуля не разбирает, где человек, а где инопланетянин.

— Не в физре, а в физике. — Джако покачал головой. — Ты болван, спортзал тут ни при чем.

Джордж не собирался слушать, как они препираются. Его сыновья испуганы, они спрашивают, где их папа? А жена... ладно, допустим, она давно зарядила дробовик и спрятала детей в подвале. Она не из неженок, его жена.

— Берни, опусти ружье, — сказал Джордж. — Прости, Тойво, но нам придется уйти. Скоро они заявятся сюда. Их корабль разбился, теперь им нужно зачистить территорию.

— Зачистить территорию? — фыркнул Тойво. — Тоже мне, десантник нашелся! Кем ты себя вообразил? Чаком Норрисом?

Джордж никогда не служил в армии. Как и остальные. Четверо сорокалетних мужчин и старик, которые видели войну только на экране.

Тойво показал на выщербленный пол хижины.

— Мы остаемся здесь. Говоришь, они придут за нами? Отлично, у нас есть ружья.

— Если мы остаемся, нужно загасить огонь, — сказал Берни. — Я согласен с Джорджем насчет инфракрасных лучей.

Джако затряс головой.

— Не валяйте дурака! Кто бы ни сидел в том корабле, им сейчас не до нас. Мы оставим огонь гореть, а сами уйдем. Я с Джорджем, мне нужно домой, к дочерям.

У Джорджа и Джако есть дети, у Берни и Тойво — нет. А еще Арнольд, чей взрослый сын стоит рядом с ним. Три противоречивых желания, три сценария будущего.

Арнольд откашлял мокроту, затем сглотнул ее с задумчивым видом, свойственным старикам.

— Джордж прав, — промолвил он. — Выбирайтесь из этой хижины, ребята.

Мысленно Джордж вздохнул с облегчением. Арнольд — мужчина, который его вырастил, лучший из всех, кого он знал, — был на его стороне.

— Решено, — сказал он. — Держимся вместе и надеемся на лучшее.

Арнольд покачал головой.

— Я имел в виду вас, ребята. Я останусь, присмотрю за этим кораблем, чтобы никто не сел вам на хвост.

Берни закатил глаза, словно отцовская храбрость была некстати.

— Пап, нет времени переливать из пустого в порожнее, — сказал он. — Все так все.

— Мне семьдесят два, — ответил Арнольд. — Я делаю вид, что все путем, но мне не так уж много осталось. Мое бедро скоро сведет меня в могилу. Куда мне, сынок, болтаться по морозу. И хватит спорить со стариком, давайте...

— Ш-ш-ш, — прошипел Джако. — Вы слышите?

Поначалу они ничего не слышали, но звук усиливался. Сквозь вой ветра раздался слабый хруст и трест.

Что-то прониралось сквозь лес.

Что-то большое.

— Уходим, — решил Арнольд. — За мной, ребята.

Они выскочили из сторожки, толкаясь на ветхом крылечке. На бегу Тойво завалился набок, но сугроб с наклоном в сорок пять градусов рядом с тропинкой не дал ему упасть.

Джордж был уверен, что Арнольд побежит к дороге, но тот свернул направо, намереваясь обогнать хижину.

— Арнольд, куда ты?

Джордж остановился, но остальные — трое мужчин с охотничими ружьями — и не подумали останавливаться, заковыляя след в след за Арнольдом по снегу, доходившему до паха.

Господи, неужто старик решил атаковать инопланетян? Его друзья скрылись за углом хижины. Вместо того чтобы убегать от источника звука, они двигались ему навстречу.

Джордж остался один.

Мороз сковал лицо, упрямо пробиваясь сквозь комбинезон, словно сквозь железные латы, намереваясь рано или поздно расплющить их. А ведь прошло только десять секунд, как он вышел из хижины!

Слабый свет с крыльца лился на белую дорожку, снежное покрывало подъездной аллеи, и стену из той же белой субстанции, под которой угадывались очертания грузовичка.

Джордж посмотрел на снежный холм, под которым скрылся снегоход. Ключи в хижине, и раз уж его остали один... Он раскопает снегоход, хотя это займет минут двадцать, и неизвестно, заведется ли тот. Ему во что бы то ни стало нужно пробиваться к своим.

Малыш Джако... Бени... Тойво... Мистер Экола.

Люди, которые сделали его тем, кем он стал: пойти за ними или пуститься в одинокое путешествие длиной в триста шестьдесят миль до Милуоки.

С другой стороны сторожки он услышал скрип, но слабый звук тут же поглотило снежное безмолвие ночи.

Джордж не мог уйти, не мог бросить друзей.

Я вернусь домой, как только смогу, обязательно вернусь...

Он сжал ружье и принял огибать угол сторожки, спотыкаясь в снегу.

Большинству людей неведомо, что такое настоящий холод. И хотя всем пятерым не раз приходилось мерз-

нуть на скамейке запасных под трибунами и переживать более-менее суровые зимы, а однажды хватило ума провести Рождество в Чикаго, все же холод холода рознь. Доводилось ли вам мерзнуть при минус сорока?

Тут недолго отморозить задницу. Или даже умереть от обморожения.

Джордж пытался унять дрожь, но получалось не очень. Ветер пронизывал насквозь, словно на нем не было комбинезона, трех свитеров, джинсов поверх кальсон, трех пар носков, перчаток и шарфа, который закрывал губы и нос. Каждый сустав сжимали металлические тиски, а кончики пальцев словно отрезали, а потом опустили в кислоту.

А ведь он пробыл снаружи всего минут пять.

Минус сорок, говорите? Если не больше, учитывая ветер.

Он шел по следам друзей почти вслепую. Ни света от двери хижины, ни звезд, только мутный лунный свет, от которого снег казался серым. В кармане комбинезона лежал фонарик, но он еще не сошел с ума, чтобы его включать.

Большинству людей неведом как настоящий холод, так и настоящий снег. Снег, который падает неделю за неделей. На земле твердый слой вперемешку с валежником — такой жесткий, что ноги норовят выскользнуть из сапог, чуть выше плотная слежавшаяся снежная масса, а сверху мягкий и пушистый тонкий слой. Каждый шаг давался с трудом. Джордж словно брел по мелководью.

Какая темень. Лес — сплошная полоса мрака, кишащая пришельцами. Они где-то там, в темноте, вероятно, покинули корабль и направляются им навстречу. Нужно выбираться на дорогу, пока еще есть время, он должен...

— Джорджи, что ты копаешься?

Берни, его голос совсем рядом. Тени сдвинулись... налево, над поваленным стволом торчали головы.

Джордж двинулся к ним по жесткому насту, и каждый шаг сопровождался треском, словно ломали пенопласт. Последние три фута он скорее полз, чем шел. Друзья подхватили его, уложили на снег. Джордж хватал ртом воздух, острые кинжалы пронзали легкие.

Друзья прижимались друг к другу в поисках тепла или от страха.

И снова слышали треск. Что-то продиралось сквозь лес.

Джордж провел перчаткой по глазам, стирая примерзшие снежинки с ресниц. Встал на колени, оперся о ствол. Хижина... совсем рядом. Ему казалось, он прошел в пути вечность, сражаясь за каждый шаг, а выходило, что преодолел футов тридцать-сорок. Из трубы вился дымок, который разносил ветер, не знавший пощады.

И снова треск, кто-то сломал сук или целое дерево. И новый звук, словно скрип ржавого механизма, который не хотел заводиться. На фоне леса, подсвеченный красными, зелеными и синими огоньками, маячила массивная тень инопланетного корабля.

Джордж посмотрел на Арнольда, дрожащего от холода старика.

— Почему, — прошипел Джордж, — мы не уходим?

— Инфракрасные лучи, — ответил Арнольд. — Как в «Терминаторе».

— В «Хищнике», — поправил Берни. — В «Хищнике», пап.

Арнольда сотрясала дрожь, словно невидимая рука сжала старческое тело и мотала из стороны в сторону, словно детскую игрушку.

— Тепло, тепло от наших тел, — сказал Арнольд. — Если мы спрячемся за большим стволом, они нас не заметят.

Джордж потрясенно уставился на него. Так в этом и состоял его план? Они пошли за Арнольдом в надежде отсидеться за стволом? А могли уже идти по дороге! Вместо того чтобы лезь на рожон.

Арнольд, которого Джордж всегда называл мистером Экола, когда-то и впрямь заслуживал уважения, но сейчас перед ним лежал испуганный старик, не придумавший ничего лучше, чем отсидеться за поваленным стволом. Да он и фильма толком не помнит!

— А что, Терминатор не видел в инфракрасном свете? — спросил Джако.

Тойво и Берни задумались, потом закивали. Джорджу захотелось врезать всем троим.

На фоне завывания ветра скрип и скрежет приближались. Внезапно Джордж вспомнил летний походный костер, кожу саднит от жара, но чем ближе ты подсядешь к огню, тем меньше шансов у комаров. Мистер Экола — лицо таинственно подсвечено снизу костром — рассказывает историю о хромом убийце. Ты поймешь, что убийца рядом по звуку: топ, шарк. Шаг здоровой ногой, а вот кулья, волочится за убийцей сзади.

Топ, шарк, топ, шарк...

Эту историю Джордж рассказывал своим сыновьям, и они, как и он когда-то, обмирали от страха. А сейчас он готов обоссаться, заслышав похожий звук, только усиленный треском сучьев и механическим скрежетом.

Топ, шарк, скрип, хрясь... топ, шарк, хрясь, у-у-у...

Друзья Джорджа сгрудились на снегу, вжавшись в ствол, словно щенки, припавшие к материнскому брюху.

Кто-то должен посмотреть. Кто-то должен узнать, что там.

Джордж привстал на коленях.

Нечто продиралось сквозь заросли к хижине. Робот, чертов робот, пятнадцати футов высотой! Две ноги: одна делала шаг, вторая волочилась сзади, годная лишь на то, чтобы поддерживать равновесие всей конструкции. Сломанные ветки торчали из дыр в металлической — или пластмассовой, или какой там еще — обшивке. Двуногого робота, ибо рук Джордж не заметил, покрывали

трещины и вмятины, из трещин вился дымок. Было видно, что ему досталось. Часть обшивки в верхней части отсутствовала, сквозь темноту и снежные хлопья Джордж разглядел внутри что-то желтое... и оно двигалось...

О господи.

Пришелец.

Топ, шарк... топ, шарк.

Робот остановился у самой кромки деревьев, огромная нога утопала в снегу. Что-то вспыхнуло на уровне, который Джордж определил как бедра механической штуковины. Снаряду потребовалось меньше секунды, чтобы долететь до цели.

Он рухнул в снег в то мгновение, когда хижина разлетелась в щепки, засыпав лес деревянной шрапнелью, сбивая снежные шапки, которые устояли перед ветром.

Сидя на снегу, Джордж смотрел на лес.

Джако потянул его вниз.

— Джорджи, это была чертова хижина?

Я должен быть на дороге, должен добраться до Милуоки, пока эта штуковина не добралась до моих малышей, я должен найти способ...

— Джорджи!

— Черт подери, а что же еще!

И снова знакомый звук: топ, шарк... топ, шарк...

— Вот дьявол! — Джако содрогнулся от ярости, мотнул головой в сторону робота. — Сейчас мы ей покажем! Давай, по очереди, зададим этой твари!

Топ, шарк... Все ближе и ближе.

— Три, — произнес Джако.

Считает? Зачем? Это робот, взрывающий дома!

Топ, шарк...

— Два!

Да чтоб ему пусто было! Он что, собирается обстрелять эту механическую штуковину?

Топ, шарк...

— Джако, не сходи с ума...

— Один!

Товарищи Джорджа поднимались с земли. Выстрелы, щелчки затворов, снова выстрелы.

Джордж сдернул перчатки, сжал приклад, вставая на колени одним неловким движением. Закинул свой «ремингтон» на поваленный ствол, сбивая снежную глыбу. От его ладони, прижимавшей приклад к стволу, плавился снег.

Огромная машина резко обернулась и судорожно завращалась, словно башня подбитого танка.

Джордж выстрелил не целясь.

Стреляли справа и слева. Он поднял и опустил затвор, услышав тихий звон высвобождаемого патрона, попытался дослать патрон, но тот заклинило, рука скользнула, Джордж покачнулся.

Ружья вокруг продолжали палить.

Какого черта, я не попадаю даже в оленей, куда мне...

Он дослал патрон в патронник, и звук, с которым тот встал на место, казалось, замедлил бег времени: от взрыва лавы до медленного разлива лавовой реки. Он смотрел на пятнадцатифутовую машину в прицел, выискивая дыру в обшивке, сквозь которую маячило что-то желтое.

Нажал на курок. Существо внутри робота вздрогнуло и затихло.

И осталось неподвижным.

Застыл и робот.

— Хватит! — крикнул Джордж.

Все стихло, словно кто-то выдернул вилку из розетки телевизора на середине боевика. Эхо выстрелов поглотили заснеженные деревья, съедающие любые звуки, кроме воя ветра.

Джордж стоял и смотрел. Все стояли и смотрели. Никто не знал, что делать дальше.

Медленно, словно перегруженная всякой дребеденью книжная полка, инопланетный робот накренился, пятнадцатифутовые ноги подогнулись, и он рухнул на землю, подняв снежный вихрь.

Они стояли и смотрели. Робот не двигался с места. Где-то внутри, похороненный весом машины, лежал мертвый инопланетянин.

— Черт подери, — произнес Джако. — Похоже, мы его убили.

Неплохо бы, подумал Джордж. Он посмотрел направо, туда, где когда-то стояла хижина. Только несколько досок и голая, лишенная снежного покрова земля отмечали место, куда они с друзьями приезжали охотиться последние тридцать лет.

— Говорил же, куда им против пуль? — сказал Тойво. — Ну и кто из нас силен в физре?

Ветер продолжал завывать. Ветру было все равно.

— Ребята, надо двигаться, я замерзаю, — произнес Берни.

Джорджу показалось, что слова Берни ошпарили ему руки, словно кипящее масло. Холод обрушился на него, сковав пальцы. Он прислонил ружье к стволу, чуть не уронив его, стряхнул снег с перчаток.

Перчатки промокли насеквоздь. Изнутри.

— Я замерзаю, — сказал Арнольд. — И откуда только взялся чертов холод?

Старик закашлялся, упал на колени.

Берни опустился рядом с отцом, обнял его, поднял глаза на Джорджа.

— Мы должны затащить его внутрь.

Джако показал рукой туда, где стояла хижина.

— Внутрь чего, Берни? Нет там больше никакого внутрь!

— Так построй шалаш или разведи костер! — огрызнулся Берни.

Джако отбросил ружье.

— Я шалаши строить не нанимался!

Они заспорили. Джако считал, что пора уносить ноги, Берни настаивал, что прежде всего нужно помочь Арнольду. Джако не проронил ни слова, молчали все

остальные. Перед ним вставал ужасный выбор: если они хотят выжить, нужно уходить, даже без Арнольда.

Джордж сдернул перчатки, запихнул их за пазуху. Стеклянные руки сами нашли карманы. Долго он так не продержится.

Никто не продержится.

Тойво кивнул в сторону красно-зелено-синих огней, мерцавших среди деревьев, огней, окрасивших снег

— Если мы хотим внутрь, то нам сюда, — сказал он. — Никакого другого «внутрь» тут нет.

Берни и Джако замолчали.

— Вот черт, — выругался Джако.

Берни крепче прижал к себе трясущегося отца и кивнул.

— Тойво прав, — сказал он. — Иначе отцу конец.

— Иначе... — начал Джордж, но челюсти предательски дрогнули, зубы начали выбивать дробь. Он из последних сил сжал их и выдавил четыре слова: — Иначе всем нам конец.

Можно подумать, им было из чего выбирать.

— Странно, что мы до сих пор живы, — заметил Тойво. — Интересно, сколько у них таких машинок?

Он стоял рядом с Джорджем, сжимая ружье ладонями в перчатках. Джордж отчаянно нуждался в перчатках или хотя бы сухой тряпке, чтобы вытереть руки. Постепенно пальцы немели и больше не кололи иголками — первый признак обморожения.

Он с трудом держался ровно. Все они еле стояли на ногах после долгой дороги через лес к разбитому ино-планетному кораблю. Возникли на их пути еще один робот, им не выстоять. Джордж сомневался, что им хватило бы духу еще раз дать отпор врагу.

Корабль оказался меньше, чем они думали, но все-таки довольно велик. Он врезался в землю, пробив траншею в пятьдесят футов шириной, словно Господь нагнулся и провел невидимым прутом ровную линию пря-

мо через лес, круша деревья в щепки, взрыхляя лед и мерзлую грязь.

Что до самого корабля...

Джордж понятия не имел, как должен выглядеть корабль пришельцев. Диск как диск, классическая летающая тарелка. Во всяком случае, до крушения. Передняя часть пострадала сильнее всего, во всяком случае, куда сильнее, чем робот, взорвавший хижину. Удар был силен, нос корабля глубоко ушел в землю, словно лопата, а пока он бурил в земле глубокую траншею, корма задралась вверх. Должно быть, во время падения тарелку не раз перевернуло. В любом случае Джордж не знал, что перед ним, зад или перед, и бывает ли у диска передняя часть.

Впрочем, в диске было отверстие... ровное, оплавившееся по краям. Кто-то или что-то — вероятно, тот пришелец — выбрался наружу именно через него.

Джордж показал на дыру.

— Дверь, наверное. — Замерзшие губы занемели, как и пальцы, и слова не желали выговариваться. — Джако, это похоже на дверь?

Джако стоял слева, держа корабль на мушке. Удивительно, но из всей честной компании малыш Джако больше остальных походил на солдата: настороженный взгляд, заиндевевший шарф, ружье наперевес.

— Откуда мне знать, Джордж. Я в эти игры играть не нанимался. Да и поздно рассуждать.

— Неважно, — откликнулся Берни. — Все равно мы войдем внутрь.

Джордж обернулся. Берни стоял сзади, придерживая отца. Голова Арнольда повисла — Джордж сомневался, в сознании ли старик.

— Нам придется войти.

В его глазах застыла мольба. Берни понимал, о чем просит друзей.

Джорджу не хотелось внутрь. Он любил мистера Эколу, любил искренне и сильно, но у него были дети.

Неужели жизнь мистера Эколы важнее шанса вернуться домой?

Джордж посмотрел на Джако. Джако первым высказал мысль, что нужно уходить, первым, пусть и молча, дал понять, что Арнольд стар, что он свой век отжил. Внезапно в нем вспыхнула надежда, что сейчас Джако заявит, что пора делать ноги, и ему останется подчиниться, старательно делая вид, как он опечален, и это не будет его, Джорджа, виной... только не его.

Джако смотрел на отверстие.

— Черт, — выругался он, — у меня уже яйца отмерзли.

Не дожидаясь ответа, он поднял ружье и двинулся к дыре в боку инопланетной тарелки.

Джордж возненавидел Джако, возненавидел от всего сердца, затем шагнул вслед за ним, Тойво отстал от них всего на шаг.

Корабль был забит телами инопланетян. Первые оказались так изуродованы, что поначалу Джорджа весьма озадачили подробности инопланетной анатомии. Желтый оказался цветом одежды, а раздробленные конечности и раздавленные внутренности представляли собой все оттенки синего. Он успел разглядеть ладони (с двумя большими и одним указательным пальцем), и руки (длинные и тощие — как в тех документальных фильмах про узников концлагерей). А еще ноги (тонкие как палки, но по виду мало чем отличавшиеся от его собственных), бедра, туловища (пузырь с жизненно важными органами располагался ближе к спине, чем к животу, по крайней мере, у тех, у кого он остался неповрежденным). И везде липкая, прозрачная жидкость.

— А кровь у них бесцветная, — заметил Джако.

Его лицо посерело, нижняя губа скривилась от отвращения. Джако размотал шарф, внутри было тепло, почти жарко. После пронизывающего холода снаружи их так разморило, что даже шок от инопланетного ко-

рабля, забитого мертвыми пришельцами, отступил на второй план.

Если кто и остался в живых, то они не высовывались.

Джордж с товарищами продвигались по кораблю, испытывая тревожащее чувство похожести: инопланетяне принадлежали к другому биологическому виду, но комнаты оставались комнатами, коридоры коридорами. Все вокруг было разбито и покорежено, но не выглядело образцом недостижимых в будущем для людского разума технологий. Двери открывались с трудом, тяжелые, как на боевом космическом крейсере.

Когда Арнольд выбился из сил, они сделали привал в самой большой комнате. Словно в насмешку, она была размером с их лесную сторожку. Берни расчистил место и уложил Арнольда, подсунув ему под голову свернутый свитер. Арнольду явно стало получше, и хотя его все еще била дрожь, кровь вернулась на старческие щеки. Когда Берни что-нибудь спрашивал, он кивал.

— Джорджи, — позвал Тойво, — подойди сюда.

Тойво стоял в другом конце комнаты. Джордж подошел к нему, стараясь не смотреть под ноги.

Взгляд Тойво метался между ошметками тел на полу, стенами и потолком, но его рука лежала на двери, задраенной, как люк на подводной лодке.

— Нашел что-нибудь, Тойво?

Тот кивнул.

— Вроде того.

Он постучал кулаком по двери: дзынь-дзынь, костяшками по металлу. Затем сместил кулак на пару дюймов левее: тук-тук, глухой деревянный звук.

Джордж всмотрелся в дверь. Вблизи было видно, что ее не раз перекрашивали, краска легла неровно, буграми.

— Это шиномонтаж, — сказал Тойво. — Ну не шиномонтаж, но ты меня понял. Эта штука была латаная-перелатаная еще до того, как упала. — Он показал на-

право, затем налево. — И остальное не лучше. Выходит, этот корабль развалюха?

О чём это он? Космический корабль пришельцев — единственное свидетельство существования жизни на других планетах — битая-перебитая развалюха? И поэтому он упал?

— Развалюха, я тебе говорю, — подытожил Тойво и снова постучал по металлу: дзынь-дзынь-дзынь.

И дверь открылась.

Просто отъехала в сторону.

Джордж застыл на месте.

В дверном проёме стояло существо, конечности которого он имел возможность созерцать размазанными по всему кораблю, только поменьше размером. Словно его слепили обратно, с хрупкими, как прутики, ручками и ножками и черными глазками (их у него было три, а не два) в слишком большой для такого тельца голове... И тут...

Тойво выстрелил прямо в упор. Голову существа разнесло выстрелом, брызги бесцветной жидкости брызнули Джорджу в лицо. Существо рухнуло на пол, безжизненный мешок, марионетка, у которой обрезали веревочки.

Тойво передернул затвор — звук вышел почти такой же громкий, как звук выстрела. Пока он поднимал ружье для нового выстрела, Джордж успел рассмотреть то, что скрывалось за дверью.

Джордж выбросил руку в момент, когда Тойво выстрелил второй раз. Пуля ушла в потолок.

— Джорджи, ты сдуруел?

— Прекрати!

Руку Джорджа обожгло жаром оружейного ствола, но он почти не почувствовал боли — мозг пытался переварить то, что открылось за дверью.

Эта комната выглядела не такой разбитой, как остальные. Массивные резные колонны поддерживали потолок, между ними располагались спасательные кап-

сулы с армированными люками и мощными стенами, которые виднелись сквозь толстые стекла иллюминаторов. Все это, как и жар в руке, Джордж ощущал смутно, вторым планом, потому что посередине комнаты сгрудилась дюжина существ, гораздо меньше того, что убил Тойво. Некоторые не доходили Джорджу до колена — тонкие ручки, расширенные от ужаса черные глазки (не человеческие, но страх есть страх, как коридор остается коридором даже на инопланетном космическом корабле).

— Это дети, — сказал Джордж. — Господи, это же дети.

Дети. Пришельцы поместили своих детей в самое безопасное помещение на корабле, когда поняли, что крушение неизбежно.

Чертовы спасательные капсулы... они запихнули их сюда, в тепло и безопасность, словно клопов в ковер... они поступили так, как я поступил бы со своими малышами...

— Джорджи, отпусти ствол, — сказал Тойво.

— Я два раза не повторяю, — ответил Джордж.

Тойво отпихнул его руку, едва не сбив Джорджа с ног.

Хочет пристрелить еще одного?

Джордж встал между Тойво и дверью, перекрыв ему обзор, попытался закрыть дверь, но мешало тело убитого инопланетянина. Он нагнулся, схватил существо за тоненькую ручку и выволок в коридор. Перед тем как захлопнуть дверь, он еще раз заглянул в комнату: крошечные создания взирали на него в немом ужасе.

Джордж видел все их глазами: инопланетянин (а кем он был для них, если не пришельцем?) вытащил их защитника за дверь, оставив кровавый след на полу.

Он снова попытался закрыть дверь, но ему мешала рука Тойво.

— Джорджи, у тебя крыша поехала? Мы должны убить их.

- Ничего мы не должны.
- Они бомбят наши города. Они уничтожили тысячи, возможно, миллионы людей!

Джордж кивнул.

— Это были не они. Эти ничего нам не сделали.

Тойво возмущенно фыркнул, попытался отжать дверь, но Джордж закрыл проем плечом.

Друзья детства смотрели друг на друга в упор. Казалось, Тойво проверяет, хватит ли у Джорда духу и дальше стоять на своем. Затем он покачал головой.

— Ладно, пойду проведаю мистера Эколу.

Тойво отошел к Берни и Арнольду. Джордж видел, что они молча смотрят на него, как и Джако. Никто не понял, что произошло и что делать дальше.

Джордж опустил глаза.

Дети. Этот корабль, старый и потрепанный... все взрослые мертвы, а дети целы и невредимы. Взорвав хижину, тот инопланетянин хотел убить их или стремился обезопасить детей? Как их сюда занесло? Возможно, они искали новый дом?

Джордж не знал ответов. В голове вертелась одна мысль: какой душераздирающий ужас испытали бы его дети, если бы синий тонкорукий инопланетянин распахнул дверь их спальни, выстрелил в одного из них и выволок за дверь тело, словно мешок с костями, а остальные стояли бы и смотрели, не в состоянии себя защитить? Это единственное, о чем он мог думать.

Тойво прав. Прежде чем телефон отрубился, Джордж успел прочесть новости: инопланетяне действительно убивали людей.

Тысячи, возможно, миллионы людей.

Но на Земле живут миллиарды... и они дадут отпор пришельцам.

— Только не им, — произнес Джордж, ни к кому не обращаясь. — Они никому не причинила зла. Они обычные дети.

Он плотно притянул дверь к косяку, покрутил штурвал, отступил назад, вернулся и докрутил до щелчка.

— Обычные дети, — повторил он.

Джордж будет защищать их, пока на милях вокруг нет никого, кроме его товарищей. И даже в этом он не был уверен: если Тойво, Джако и Берни проявят решимость, хватит ли ему мужества стоять до конца?

А если бы на месте Тойво был чужой человек? А если бы их было десять? Если инопланетный корабль потерпит крушение вблизи разрушенных городов, никто не спасет ни пришельцев, ни их детей от праведного гнева уцелевших землян.

Человечество победит. Джордж знал это наверняка, подобно тому, как его тело знало, как дышать, а сердце — как биться. Человечество победит, миллиарды выживших дадут отпор захватчикам.

Против пуль не попрешь, будь ты хоть человек, хоть инопланетянин.

И даже если все города погибнут, человечество выживет. Нас слишком много, у нас хватит оружия.

Ружей, ножей, бейсбольных бит, камней, кулаков.

Пришельцы напали первыми, они принесли на Землю смерть. Люди отплатят им с лихвой. Джордж видел, как обезумевшая толпа разрывает пришельцев голыми руками. Стоит ли взывать к человечности, если твой враг не человек?

Слишком много людей, слишком много оружия.

Человечество непременно победит.

А когда все закончится, возможно, те, кто за дверью, останутся единственными представителями своей расы.

Джордж подтянул штурвал, дважды проверил замок. Он не хотел, чтобы она снова открылась сама собой, и молился, чтобы крошечные создания внутри не вздумали открыть ее, ибо, судя по лицам друзей, для них хороший пришелец был мертвым пришельцем.

— Дети, — пробормотал Джордж. — Обычные дети. И вернулся к друзьям.

ЭННИ БЕЛЛЕТ

Энни Беллет — автор серий «Pygmy Considerable Crimes Division» и «Gryphonpike Chronicles». Филолог и историк, она владеет такими полезными языками, как средневаллийский и англосаксонский. Ее рассказы публиковались в разнообразных сборниках. Интересы: скалолазание, чтение, лошади, видео и ролевые игры и т.д. Живет на северо-западе США с мужем и требовательным бенгальским котом.

Баю-баюшки, звезды*

Люси Гудвин собирала хворост для костра, а сестрой шептались над ее головой под теплым летним бризом. Подняв глаза к небу, она прищурилась на солнце. Прошлой ночью прошел грандиозный метеоритный дождь. Она надеялась, что им с друзьями выпадет возможность еще раз понаблюдать за этим чудом. Все наперебой расспрашивали ее о метеоритных дождях, Персеидах и прочей космической чепухе. Люси только смущалась.

Словно она обязана быть всезнайкой только потому, что ее мать на Луне! Люси фыркнула. Мама вечно пыталась впихнуть в единственную дочь как можно больше науки, хотя сама была инженером, а вовсе не астрофизиком.

— Вот вернется и снова будет учить меня жить, — буркнула Люси. Когда мама бывала дома, они ругались

© Пер. М. Клеветенко, 2017.

* Стручка из детской колыбельной Маргарет Уайз Браун «Баю-баюшки, Луна» в переводе М. Бородицкой.

с утра до вечера, но Люси не обвиняла в этом себя. Ей хотелось строить судьбу по собственному усмотрению, нельзя же всю жизнь прожить в материнской тени! Хватит и одного ученого на семью.

Дымный след прочертил небо, и у Люси на миг заложило уши. Неприятное ощущение ушло, но след так и остался висеть в небе коричневатым облаком. Пожившись, она повернула к лагерю.

Громкие голоса встретили ее на гребне холма.

— Люси! — Джек, ее бойфренд, помахал ей сотовым телефоном.

Люси вздохнула и ускорила шаг. Между собой они решили, что в лагере никаких гаджетов, но это было не единственное обещание, которое нарушил Джек.

Кайла, Бен и Хейди распихивали вещи по рюкзакам. Что-то и впрямь не так.

— Что случилось? — Люси бросила хворост и бегом устремилась к лагерю.

— Дэниел прислал сообщение. Они призывают резервистов, и даже меня, несмотря на ногу.

В голубых глазах Джека застыла тревога. Его ранило в ногу шрапNELЮ в Афганистане, где Джек служил вертолетчиком. Когда его комиссовали, Джек поступил в Беркли и там встретил Люси. Джек обещал, что заявзал со службой, хотя извещение об увольнении пришло только пару недель назад. Люси поверила, толькоувидев официальные бумаги.

— Кто призывает резервистов? Армия?

— Все. Армия, флот, военно-воздушные силы, Национальная гвардия. Так говорит Дэниел.

— Расскажи ей все, Джек, — подала голос Хейди из палатки.

— Господи, Хейди, ее мать на Луне!

Джек провел рукой по русым волосам, все еще сжимая сотовый.

Желудок Люси скрутился в тугой жгут. Все в лагере старательно избегали ее взгляда.

— Почему они призывают резервистов? И что с чертовой Луной?

Она переступила через колья для палатки, схватила Джека за руку, заставив поднять глаза.

— Что-то врезалось в Луну. Поэтому метеориты падали прошлой ночью. Луна взорвалась.

— Ерунда. — Люси затрясла головой.

Это невозможно. Если бы Луна взорвалась, они бы увидели. Прошлой ночью месяц преспокойно плыл по небу.

— Помнишь, Кайла сказала, что месяц висит криво? — спросил Бен. — В темную сторону Луны врезался астероид. Так писали в новостях, пока сеть не вырубилась.

— Ребята, если вы меня дурачите, я вам никогда не прощу, — сказала Люси. Нырнув в их с Джеком палатку, Люси вытащила сотовый из рюкзака. Телефон пробудился к жизни, но застыл на поиске сети, маленькие разноцветные точки кружились и кружились на экране.

Связи не было ни у кого. Сообразив, что друзьям не до глупых шуток, Люси тоже занялась рюкзаком. Кайла и Бен только недавно начали встречаться и были так поглощены друг другом, что Хейди предпочла ехать с Джеком и Люси. Выезжая из национального парка, они остановились на маленькой заправочной станции. Телефоны все держали в руках, чтобы поймать сигнал. Бесполезно.

На экране телевизора крутили новости. Люси застыла в дверях.

Выходит, это правда. Фотографии и видео со всего мира. Метеоры бомбят поверхность Земли. Спутники падают. Президент Соединенных Штатов должен выступить с обращением в шесть вечера по восточному времени.

Луна исчезла. На ее месте клубилось туманное ма-рево. Дикторы без конца повторяли словосочетания: «вечная зима» и «сильнейший метеоритный дождь». Одинокий продавец, забыв про счетчик, стоял с откры-

тым ртом, сжимая пульт, словно надеялся, найдя нужный канал, отменить будущее.

Луна исчезла. На месте Луны образовалась Туманность обратной стороны.

— Мама, — промолвила Люси, не сознавая, что говорит вслух, пока Джек не обнял ее за плечи.

— Скорее всего, они покинули Луну, — спокойно сказал он. — Наверняка у них для этого есть шаттлы.

— Откуда мне знать? Они живут на станции по несколько месяцев. Почему нельзя было это предотвратить? — Люси оттолкнула Джека. — Почему? Почему никто ничего не сказал? — Люси понимала, что кричит, но ей было плевать.

— Какой-то черный парень в галстуке болтал что-то про угол Солнца, — вставил продавец с пультом. — Никто толком не знает. А правительство, как обычно, врет.

Хейди умиротворяюще подняла руки, раздражая Люси еще больше.

— Люси, давай вернемся домой! Я должна позвонить маме и Дане. Поехали!

Мама. Люси сжала губы и глубоко вдохнула. Как ни странно, запах цитрусовой жидкости для пола и пролитого пива успокоил ее. До ее мамы не дозвониться, даже если предположить, что они успели эвакуироваться, но отец знает, что делать. И если метеоры продолжают падать на Землю, в Монтане не опаснее, чем где бы то ни было.

Разве папа не остался ее единственным родственником на этой планете?

— Если вокруг падают метеоры, лучше держаться подальше от побережья, — сказала Люси, глядя на Джека. — Мы едем ко мне, в Монтану.

Новости прервались, и напряжение разрядил пронзительный рев сирен.

Джек согласился сразу, но Хейди обиженно насупилась, когда они оставили позади безмятежность на-

ционального парка и окунулись в хаос автострады. К тому времени как они свернули к Сан-Хосе, шоссе заполонили автомобили, едущие в город. Воскресный вечер в августе — худшее время на дороге. Телефон Люси безуспешно искал сеть. Она нашарила в бардачке карту Соединенных Штатов, новехонькую, ни пятнышка. Кому нужна бумага, когда в любом сотовом есть GPS?

Интересно, пригодятся ли им скаутские и армейские навыки Джека? Девиз «Всегда готов» был для него не пустым звуком.

— Ты еще можешь выйти и поискать автостанцию, — сказала Люси, оборачиваясь к Хейди.

— Нет, — ответила та, разглядывая пробку в окне. — Я еду с вами. Вряд ли самолеты взлетают. Лучше держаться вместе.

Вот и хорошо, подумала Люси. Она все равно не отпустила бы Хейди одну.

Решив миновать автостраду, они объехали Сан-Хосе, направляясь в сторону Стоктона. Шум помех сменился голосом диктора: жителям советовали не покидать свои дома. Когда добрались до Стоктона, стемнело.

Заправочная станция работала. Джек наполнил еще одну канистру, вдобавок к тем двум, которые лежали в багажнике. Их он залил раньше.

— Соображаете, ребята, — сказала пожилая кассирша, когда они платили наличными. — Больше канистрами не продаю. Сегодня все, кто едет в сторону Рино, как с ума посходили. К утру мы останемся вовсе без бензина, если не будет подвоза. Говорят, впереди по дороге пожары, так что смотрите в оба.

— Вы слышали что-нибудь еще? — спросила Люси, глядя на экран телевизора, на котором беззвучно рябила заставка Системы экстренного оповещения.

— Ничего особенного, — ответила кассирша, улыбнулась и пожала худенькими плечами. — Успокойтесь и продолжайте путь.

Ее хихиканье неслось им в спину всю дорогу до машины.

Первый и единственный раз Люси ехала этой дорогой год назад, когда отец отвозил ее в университет. На середине семнадцатичасового пути они остановились спать и перекусить. Отец играл в баскетбол с детьми хозяев мотеля, пока Люси отвечала на неудобные вопросы. Мама готовилась к лунной миссии, но попробуй объясни чужим, каково это, когда твоя мать собирается лететь на Луну.

Она выключила приемник с час назад. Рино выглядел спокойным, почти тихим. Фонари горели, пробок не было. Должно быть, с планетой и впрямь что-то не так. Воскресным вечером дороги должны кишеть любителями развлечений, на которые так щедра Невада. На заправке они накупили еды навынос, никто даже не заикнулся о поисках закусочной, разговаривать вообще не хотелось.

Джек на пассажирском сиденье отрубился, и Хейди пришлось спихнуть на пол палатку, чтобы он мог растянуться во весь рост. Единственным звуком, нарушавшим тишину, был шелест шин. Фары джипа прорезали туман, потемневшее небо пронзали крошечные вспышки, словно дальние молнии.

Едва ли это были молнии. Люси не хотелось думать о метеорах. Думать о них означало мыслями возвращаться к Луне. К маме.

Сидит сейчас в каком-нибудь чертовом бункере во Флориде или Техасе, твердила себе Люси. Она сморгнула слезу и сжала руки на руле. Зря она съела тот кусок пиццы — желудок снова перевернулся. Не думай о маме, думай об отце. Осталось всего несколько часов. Если бы Джек проснулся, она заставила бы его свернуться с картой. До автострады на Монтану часов пять-шесть, оттуда еще шесть-семь на север. Итого двенадцать-тридцать часов пути.

Первого оленя Люси чуть не сбила, но в последнее мгновение успела надавить на тормоз. За ним на шоссе выскочил второй, следом — третий.

— Твою мать! — чертыхнулся Джек, от резкого толчка повисший на ремне.

— Что они делают? — воскликнула Люси.

Раздался оглушительный треск, и из кустов на дорогу вывалилось стадо в сотню голов, перелетело шоссе и исчезло на другой стороне. Олени явно от чего-то убегали.

— Что это было? — просипела Хейди севшим от сна и страха голосом.

Стадо скрылось из виду. За ним, подсвеченное в темноте странным, почти ядерным свечением, на них надвигалось облако, подобное гигантской белой волне.

— Понятия не имею, — ответила Люси и надавила на газ. — Пристегнитесь!

Джип не был спортивной машиной, но Люси не сомневалась, что сумеет стартовать на восьмидесяти. Пыль, галька и сломанные ветки бились в стекла, царапали бока. Правое колесо наехало на ограничительные выступы, и Люси, ориентируясь по ним, выровняла автомобиль. Проблески белой разметки в тумане помогали не съехать на обочину.

Через несколько миль развиднелось, и Люси обнаружила, что бубнит молитву себе под нос, а фары освещают темный асфальт. Она сдала назад и налево.

— Тебе повезло, что шины не взорвались, — заметил Джек скорее с изумлением, чем с упреком.

— Вожу по Брайлю, — ответила Люси, коротко улыбнувшись. Сердце защемило. Так всегда говорила мама, когда ей случалось задуматься за рулем, погрузившись в вычисления.

— Мы выживем после падения метеоров? — спросила Хейди.

— Не знаю. Может быть.

— Бензина хватит?

Люси проверила манометр.

- Хватит, только я хочу писать.
- Все хотят, — сказала Хейди.

Больше никто не сомкнул глаз, хотя, по мнению Люси, у Джека хватило бы хладнокровия выспаться в такую ночь. Ему было не привыкать к экстремальным условиям. Незадолго до рассвета, неподалеку от Элко, она решилась задать вопрос:

- Это похоже на войну? Что нас ждет?

Они никогда не обсуждали его службу. Джек пошел служить в семнадцать, после того как его родители погибли в автокатастрофе. Он рассказал ей, что был вертолетчиком, а когда она спросила, убивал ли он, просто замотал головой. Люси это обрадовало. Пусть она из Монтаны, где ходить и стрелять учатся одновременно, Люси придерживалась левых взглядов, куда левее своих весьма прогрессивных родителей.

— Это не похоже на войну, — ответил Джек. Выражение его лица остановило Люси от дальнейших распросов.

В Элко их встретила тишина и опущенные ставни. Они проехали еще час, когда замигал индикатор горючего, и они заспорили, стоит ли доставать из багажника канистру. Джек настаивал, что спешить не стоит, предлагая поискать топливо на крохотных заправках между Элко и Уэлсом.

Перед Уэлсом, где предстояло свернуть на север, они обнаружили работающую заправку и вылезли из автомобиля, чтобы размять ноги и поймать сеть.

— Ничего не ловится, — сказал продавец. Коротышка средних лет, чуть выше Люси, с выпирающим круглым животом и белоснежной бородой, которой гордился бы Санта-Клаус. Он выбрался из крохотной будки, чтобы поболтать, явно обрадовавшись, что видит на дороге живых людей.

— У меня брат в конторе шерифа. Говорит, все устойчивые частоты передали аварийно-спасательным службам.

— А как же вызвать 911? — спросила Хейди.

— Не сейчас. — Он показал на небо, которое без конца прорезали крошечные вспышки на фоне солнца, затянутого дымкой. — Ничего не выйдет.

Люси покачала головой. Пока дорога была проездной, не считая грязи и мусора, но они продвигались в сторону лесов. Вспомнив фотографии Тунгусского метеорита, она забралась в джип, чтобы еще раз изучить карту.

Джек уже покончил с баком, когда на заправку влетел грузовик, из которого с хохотом вывалились трое молодых белых мужчин. Двое держали в руках мачете.

Люси замерла, когда один из мужчин схватил Хейди и крепко прижал к себе.

— А ты, старик, держись подальше. Мы теперь главные на этой заправке. Чертов мир рушится, слыхал? — Старший из трех, рыжебородый в синем комбинезоне, замахнулся мачете на продавца.

— Мне это не нравится, — произнес Джек ледяным тоном. Его руки спокойно висели вдоль тела, но Люси видела, что он готов ко всему. Нарывается на неприятности, чертов солдафон.

Она позволила карте соскользнуть с коленей и пригнулась. Никто на нее не смотрел, все взгляды были устремлены на Джека и продавца. Правой рукой Люси пошарила под сиденьем, пока не наткнулась на кобуру Джека. Не разгибаясь, она вытащила «глок» из кобуры, проверила магазин и взвела затвор. Сердце неслось вприпрыжку, обгоняя страх, но усилием воли Люси заставила пальцы не дрожать.

Внутри она слышала отцовский голос: «Никогда не наводи оружие на человека, если не собираешься стрелять. Никогда не целься в того, кого не хочешь убить. Если ты не уверена в себе, считай, ты сама вложила противнику в руки оружие и взвела курок».

Люси никого не хотела убивать, но то, как этот негодяй схватил ее подружку, и то, что Джек явно соби-

рался разделаться с тремя подонками голыми руками... Все равно полицию теперь не дозвовешься. Некому их остановить. Кроме Люси.

Она сползла с сиденья и, обогнув джип, подняла револьвер и наставила на мужчину в комбинезоне. Он говорил, а значит, он у них за главного.

— Отпусти ее и убирайся, — сказала Люси. Голос звучал низко и грозно и лишь немного дрожал. Просто какой-то Грязный Гарри. Недаром отец заставлял ее смотреть старые фильмы, вдруг пригодится в жизни.

— Джерри, ты глянь! — Один из трех подонков расхохотался. — Эта мексиканская шлюха хочет, чтобы мы убирались.

— Ты правда будешь стрелять, малышка? — хмыкнул тот, что в комбинезоне, но Люси показалось, что в его глазах промелькнула неуверенность.

— Да брось ты, — отозвался первый. — Эти мексиканские сучки...

Остаток его речи потонул в грохоте выстрела и отчаянном вопле. Люси перевела дымящийся ствол на главаря в комбинезоне, в то время как другой,бросив мачете, пытался зажать рукой кровоточащую рану между ног.

— Я пуэрториканка, безмозглый придурок, — промолвила Люси.

Что бы ни увидел главарь в ее лице, ему это не понравилось. Схватив мачете, он шикнул на напарника, веля отпустить девчонку, и поднял руки, отступая к грузовику.

Продавец шмыгнул в будку и выскоцил оттуда с дробовиком.

— Убирайтесь и забудьте сюда дорогу, иначе я вас изрешечу! — проорал он им вслед.

Подхватив раненого товарища, мерзавцы убрались с заправки быстрее, чем прикатили.

— Господи, ты выстрелила, ты в него выстрелила!
Хейди трясло.

— Отдай его мне, — тихо сказал Джек и мягко выдернул пистолет из онемевших пальцев Люси.

— Я в порядке.

У Люси зуб на зуб на попадал. Наверное, это шок. Она выстрелила, она в него выстрелила!

— Сколько мы должны? — спросил Джек, опуская пистолет.

— Нисколько. Просто езжай своей дорогой и охраняй юных леди. — Продавец улыбнулся щербатым ртом. — От этих чертовых штук, что валятся с неба, люди звереют. А вы, леди, не сомневайтесь, вы все сделали правильно. И ничего вам за это не будет. Мерзавцы струсили, впредь будут искать тех, кто не посмеет выстрелить в ответ.

— В таком случае надо было их всех перестрелять, — промямлила Люси не слишком уверенно.

Джек вел машину. Хейди на заднем сиденье не отрывалась от окна. Пару раз Люси оглядывалась, пытаясь поймать ее взгляд или хотя бы отражение в стекле, но Хейди избегала смотреть на подругу.

Они свернули на север. Здесь метеориты падали чаще. Дорогу усыпали сучья, пришлось снизить скорость. Навстречу попадались машины, едущие на юг, но водители только махали руками в ответ, не желая делиться новостями.

— Что там за дымка? — спросила Люси, прервав молчание, сгущавшееся с самой заправочной станции.

— Лесной пожар, наверное. Далеко отсюда.

— Прости, Джек, — мягко промолвила Люси. — Я просто не знала, что делать.

— Ты просишь прощения? За что? Ты спасла нас. Я собирался идти на них с голыми руками и молитвой наперевес.

— Я стреляла в человека.

— Понимаю, тебе тяжело. Но ты отстрелила ему яйца, а не убила.

— Я целилась в грудь.

Джек покосился на нее, его губы тронула усмешка.

— Ничего подобного.

— Нет, правда. — На Люси навалилась странная смешливость, угрожая обернуться истерикой.

— Ты спрашивала, похоже ли это на войну? Там, на заправке, было похоже. — Джек со вздохом провел рукой по волосам. Люси любила этот жест. Ей многое нравилось в Джеке, но сейчас больше всего на свете Люси хотелось прижаться к нему и чтобы метеоритный дождь оказался лишь страшным сном.

— Ты уже стрелял в людей. — Это было утверждение, не вопрос.

И снова Джек ушел от ответа.

— Когда тебя прижмут, становится ясно, чего ты стоишь. Глубоко внутри. Кто-то способен сделать то, что должно. Кто-то — нет.

— Да пошел ты, — откликнулась Хейди с заднего сиденья.

— Ты бы не справилась с этим громилой, Хейди. И Люси бы не справилась, но она нашла оружие и применила его. Мы спаслись. Вот как это устроено.

В глазах Хейди блеснули слезы, ладони сжались в кулаки.

— Я не желаю, чтобы так была устроена моя жизнь, — прошептала она.

— Мы отвезем тебя в Чикаго, Хейди, — сказала Люси. — Только доберемся до дома.

— Не возражаю, — ответила Хейди и снова отвернулась к окну.

Дважды им пришлось выходить из машины, чтобы убрать с дороги сучья, а один раз — почти целый ствол. Небо больше не озаряли огни, но солнце висело в дымке, а дышать приходилось через футбольку.

За руль села Хейди, теперь Люси могла поспать. Хейди по-прежнему изъяснялась односложно.

Должно быть, Люси забылась тревожным полусном, ощущая сквозь дрему, как джип трясет на неровной до-

роге. Она понимала, что не уснет, пока не узнает, что с отцом. Что с Луной. С мамой.

Ее разбудила тишина.

— Где мы? — спросила она Джека, сидевшего на водительском месте вместо Хейди.

— Неподалеку от Дерби. На проселочной дороге. Какие-то ребята расчищают шоссе от оползня, они посоветовали нам ехать в объезд. А Хейди пошла в кустики. — Улыбнувшись, он всмотрелся в окно.

— Ты останавливался и разговаривал, а я все проспала? — Люси потерла глаза и зевнула. Затем привстала на сиденье и потянулась за водой.

— Настоящая спящая красавица, — сказал Джек, откидывая прядь волос с ее лба. — Выходит, ты у нас пуэрториканка?

— Наполовину. — Люси скривила рожицу. — Родители назвали меня Луситой, но я ненавижу это имя.

Теперь все казалось таким несущественным. Все школьные годы ей хотелось быть одной из хорошеньких белокожих блондинок. Она обесцвечивала волосы, носила контактные линзы, накладывала крем на два тона светлее кожи. Сменила имя Лусита на Люси. Тогда больше всего на свете Люси Гудвин хотелось отречься от матери и истории ее семьи. Ее языка, культуры, религии. Ее науки.

А сейчас все, что мне нужно, — это оказаться дома и попросить у нее прощения. И обещать, что никогда не стану с нейссориться. Никогда.

— Постой, ты говоришь Дерби? — спросила она, когда Джек открыл дверцу, чтобы вылезти из машины. — От Дерби до дому час езды. — Люси распахнула дверцу со своей стороны, обогнула джип и притянула к себе Джека, который выбрался из машины и обнял ее.

— Лоло. Вот так название. — Он усмехнулся.

— Черт, я родилась не в Лоло, наша ферма рядом.

— Вроде этой? — Джек показал рукой.

Хейди остановила джип на подъездной аллее, обсаженной тополями. Люси различила крышу типичной фермы — классического двухэтажного строения, вероятно, из камня и бревен. Отсюда, в мутном вечернем свете, казалось, что крыша покрыта шифером. В воздухе висела пыль с металлическим привкусом, а кроме того, сильно похолодало. Подняв глаза, Люси не увидела солнца.

— В это время года должно быть теплее, — заметила она.

— Слишком много пыли в атмосфере, — ответил Джек, отпуская ее прогуляться до ближайших кустов. — Эй, Хейди, тебя съел медведь?

— Боже, тут водятся медведи? — раздался вопль из-за кустов.

— Придурок, — прошептала Люси одними губами, и Джек улыбнулся в ответ.

Внезапно тишину взорвал вой, словно прямо над ними материализовался реактивный самолет. Не успела Люси поднять глаза, как раздался оглушительный треск, отзывающийся в костях и зубах.

— В машину! — завопила Люси. — Хейди!

Слишком поздно. Дорога вздыбилась, а деревья на дальнем конце поля словно взорвались. Волна, которую они уже наблюдали раньше, но теперь бурлящая и коричнево-серая, накрыла их. Люси попыталась забраться в джип, но волна подхватила ее, подбросила в воздух и швырнула о деревянный забор. Раздался треск, от удара у нее чуть дух не вышибло. Ударная волна расплющила ее и вдавила в землю, барабанные перепонки заломило, словно под толщей воды.

Затем волна ушла, ужасное давление отпустило, но в ушах звенело и покалывало. Люси медленно перевернулась на спину, пошевелила пальцами на руках и ногах. Кажется, ничего не сломано, но во рту ощущался привкус крови и гравия. Она сплюнула и натянула раннюю грязную футболку на лицо.

В воздухе кружилась пыль, ее острые частицы кололи кожу. Люси морщилась, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть.

У нее не просто звенело в ушах — Люси ясно слышала чей-то визг. Она перелезла через обломки низкой деревянной изгороди. Джип стоял на аллее как ни в чем ни бывало. Ни Джека, ни Хейди не было.

Люси заковыляла туда, откуда слышался визг, пока не уткнулась в насыпь, оставшуюся на месте кустиков, которые Хейди использовала как импровизированный туалет. Впереди мерещилось что-то красно-синее, и Люси ринулась вперед через обломки.

Хейди свисала на землю, пронзенная зазубренным стволом молодого деревца. Темная кровь толчками хлестала из груди и ручейками била изо рта, искаженного воплем. Рядом на коленях стоял Джек без футболки, его обнаженную спину испещряли кровавые порезы.

На этот раз Люси действовала без промедления. На ходу стянув футболку, она протянула ее Джеку, чтобы он остановил кровь, сочащуюся из груди Хейди.

Он покачал головой и хотел что-то сказать, но заикался. И тогда Люси увидела его руку. Поначалу она не поверила глазам. Ей показалось, что из руки у Джека торчит палка, Люси даже сделал движение, чтобы смахнуть ее на землю.

А затем поняла, что это не палка, а рука. Левая рука Джека. По крайней мере, кость. Плечевая, вспомнила Люси школьный урок анатомии. В этом не было ничего смешного, но Люси хихикнула и отвернулась, чтобы выблевать воду и желчь.

Джек снова закричал, и она поняла, что он просит ее затянуть футболку на плече. Кровь стекала багровым ручьем по ее неумелым пальцам. Втянув воздух, в котором было больше пыли, чем кислорода, Люси сделала так, как он просил, удивляясь, что не грохнулась в обморок.

— Чертов солдафон, — пробормотала она, понимая, что он ее не слышит.

— Эй, кто там?

Из тумана выступили две фигуры: мужчина и женщина. Их лица скрывали противогазы. В руке женщины сжимала ружье.

Люси протерла глаза, забитые пылью, и помахала им рукой. Если они захотят убить ее или устроить кровавую бойню на манер техасской резни бензопилой, она все равно не в силах им помешать. Оставалось верить, что, несмотря ни на что, ее отец выжил и что люди в массе своей хорошие.

И она не ошиблась. Это были хорошие люди.

Мэдди Грейс и ее сын Виктор помогли освободить Хейди, завернули ее в одеяло и отнесли на ферму, где жена Виктора Энджел ждала их с двумя перепуганными, но не утратившими любопытства малышами. Сидя на уютной деревенской кухне, Люси спросила, как зовут детей. Горела газовая лампа, Энджел промывала ее порезы.

Хейди перестала кричать. Энджел сказала, что Виктор фельдшер, служил в армии, он позаботится о ее друзьях.

Люси не спорила, ощущая себя безнадежной трусишкой. Больше она не вынесет крови и боли. Каждый порез и синяк, болячка и рана, вопили о том, как ненавидит ее тело свою хозяйку. Ко всему прочему, кажется, Люси оглохла на левое ухо.

На пороге возникла Мэдди Грейс, на ее морщинистом лице застыла скорбь и решимость.

— Вы, должно быть, хотите проститься.

— Джек? Но у него повреждена только рука...

Люси запнулась.

— Нет, я не про вашего парня. Девушка.

Чувство вины навалилось на Люси, но она сумела подавить его. Джек прав: действуй, думать будешь потом.

— Конечно, — ответила Люси и последовала за Мэдди Грейс в кладовку, превращенную в импровизированную операционную. На складном столике, какие используют для пикников или карточной игры, лежало неподвижное тело Хейди. Окровавленные тряпки были сложены на краю аккуратной стопкой, Виктор с опущенной головой стоял рядом, слезы стекали по крупному носу.

Джек полулежал в складном кресле, рука по-прежнему была стянута футболкой. Он поднял глаза на Люси и протянул ей здоровую руку.

Люси не ответила на рукопожатие, сразу подойдя к столу. Она сплела пальцы с пальцами подруги и с удивлением ощутила слабое пожатие, а ресницы Хейди дрогнули.

— Прости, — сказала Люси. Она вечно со всеми ссорилась, и ее последними словами всегда были слова гнева или сожалений. Люси моргала, пытаясь улыбнуться сквозь слезы. — Мы с тобой, слышишь? Мы рядом, ты не одна.

Губы Хейди шевельнулись, но сказать она ничего не успела. Она дернула головой, стала задыхаться. Виктор приподнял голову умирающей, бормоча какую-то нелепицу.

Хейди улыбнулась. Люси приходилось видеть, как усыпляли животных, быть свидетельницей мгновения, когда живое существо переходило от жизни к небытию. Выглядело очень похоже, но гораздо страшнее. Только что ее подруга была здесь, сражаясь за каждый вдох, истекая кровью. И вот дом опустел.

Люси разрыдалась, слезы, копившиеся весь этот ужасный день, прорвали плотину и горячими ручейками потекли по щекам. Джек хотел встать, но Виктор велел ему оставаться на месте.

Жилистые сильные руки Мэдди Грейс обхватили ее, увлекли в гостиную, мягко толкнули на диван. Кто-то протянул ей чистую рубашку, втиснул в ладони чашку

с мятным чаем, вытер слезы носовым платком, но они все равно текли.

Наконец слезы высохли, и Люси, всхлипывая, уснула, ощущая во рту вкус мяты.

— Скоро стемнеет. Давай дождемся утра, — сказал Джек.

— Пусть стемнеет, мне все равно. Я еду домой, Джек. Я больше не могу ждать. Виктор сказал, что джип на ходу, он заменил колесо и вставил стекло. Я еду домой.

Люси вытерла ладони об чужую рубашку. Она пропала чуть больше часа. Каждая рана и порез твердили, что Джек прав, ей нужно отдохнуть и выспаться.

Но это место не было домом.

— Подождет твой отец еще денек, — настаивал Джек, пытаясь привстать на раскладном диване. Люси видела, что, несмотря на морфин, который ему дал Виктор, Джеку очень больно.

— А если нет? — выпалила Люси. — Я наговорила ей ужасных вещей, Джек. Сказала, что хотела бы иметь мать, которая понимала бы меня, мать, похожую на матерей моих подруг. Я должна ехать. Я не переживу, если эти слова окажутся последними.

— Но если она жива...

— Нет. — Это слово далось Люси с трудом, но в глубине души она знала правду. — Я чувствую, ее больше нет.

Как и Хейди. И огромного множества людей. Даже радио замолчало, и семейство Мэдди Грейс было отрезано от новостей.

— Ладно, тогда я иду с тобой. — Джек попытался опустить ноги и вскрикнул от боли, задев искалеченную руку.

— Нет. Отсюда до фермы всего час пути. Оставайся, Мэдди Грейс не против. Они отвезут тебя на ферму, когда тебе станет лучше, или я вернусь за тобой через пару дней. Я скажу им, куда ехать. — Люси наклонилась

и поцеловала горячий лоб Джека. Его тряслось, надо будет сказать Виктору, что у Джека лихорадка.

— Я люблю тебя, Люси, — сказал Джек.

— Давно бы так. А я ради тебя отстрелила яйца одному негодяю.

Чтобы не расплакаться, Люси улыбнулась сквозь слезы. Они видятся не в последний раз, но что бы ни случилось, она не оставит его со словами гнева на устах.

— Я тоже люблю тебя, чертов солдафон.

Дорога представляла собой месиво веток и сучьев, но Люси переключилась на полный привод. И уже в полной темноте фары уткнулись в желтые отражатели на почтовом ящике в конце аллеи, просиявшие, словно маяки в тумане.

Люси остановилась рядом с домом, высматривая свет в окнах. Скрипнула дверь. Спотыкаясь, она бросилась по вверх ступеням и заморгала, ослепленная теплым светом фонарика.

— Папа?

— Люсита! Люси! — Отец уронил фонарик. Люси зарылась носом в мягкую фланель его рубашки, вдыхая родной запах ванильного трубочного табака, лошадей, мяты.

— Наконец-то я дома, папа. — Люси рассмеялась, уткнувшись лицом ему в грудь.

— Да, да, наконец-то ты дома.

Метеорит, который упал неподалеку от Дерби, оказался самым близким к Лоло, штат Монтана. Атмосферная дымка — как говорили по радио, когда оно работало, — не рассеивалась. Их ждала ядерная зима. Никто не знал, сколько она продлится. Возможно, несколько лет. Никто не знал, сколько людей погибло. Прибрежные зоны затопило цунами. Говорили, что Майами, на который упал крупный фрагмент Луны, больше не существует. Сильнее всего пострадали экваториальные зоны, но Люси не жалела, что сбежала из Калифорнии.

Три месяца спустя наступила настоящая зима. Джек появился спустя неделю в компании Мэдди Грейс, Виктора и ящика солений. Его рука не зажила даже спустя несколько месяцев, но он разрабатывал пальцы и делал упражнения, которым научил его Виктор. Джек с отцом быстро нашли общий язык, и про себя Люси немного ревновала его к отцу, впрочем, им все равно предстояло какое-то время жить вместе, поэтому она не роптала.

Виктор сказал, что они похоронили Хейди рядом с красивым кизиловым кустом, уцелевшим после ударной волны. Никто не знал, как сообщить о смерти Хейди ее семье в Чикаго. Люси поклялась, что найдет ее мать и сестру и расскажет, как умерла и где похоронена Хейди.

Ей было слишком хорошо известно, как тяготит не законченное дело.

О матери они с отцом не говорили. После первой ночи, когда Люси спросила, а отец ответил утвердительно, они больше не возвращались к этому разговору.

Три месяца пролетели, словно три минуты.

Люси стояла на крыльце, засунув руки в карманы пальто и глядя в затянутое дымкой небо. Метеоритные дожди кончились, по крайней мере, в этой части неба, но звезд не было. Как и Солнца — лишь узкая светлая полоска на небе ближе к вечеру. У них остались генератор и колодец, но приходилось экономить. Из Мизулы прибыла Национальная гвардия, чтобы расчищать дороги, попутно снабжая местное население горючим и новостями. Других вестей из внешнего мира до них не доходило. Ничего нового о маме и судьбе лунной экспедиции. Словно их никогда не существовало.

Скрип гравия рассеял ее задумчивость. Черный военный «хаммер» подъехал к крыльцу.

— Папа! — крикнула Люси.

Джек был в амбаре, но отец возился с печью, готовя фирменный чили, считавшийся любимым семейным блюдом.

Он вышел на крыльцо, сжимая в руке ружье. Отец сильно сдал за последнее время: волосы поседели, вокруг глаз и рта залегли морщины, которых раньше не было. Однако рост, осанка и чувство собственного достоинства остались при нем.

Из джипа вышли двое военных.

— Пол Гудвин? — обратился один из них к отцу.

— Я, — ответил отец, аккуратно прислонил ружье к стене и шагнул вперед.

С помощью еще одного солдата из машины выбралась худенькая и очень миловидная женщина. Огромный живот выпирал из-под темно-синей форменной юбки. Она посмотрела на отца, затем на Люси и двинулась к ним навстречу, сжимая в руке сумочку.

— Меня зовут Шенон, — произнесла она с легким английским акцентом. — Я служила вместе с Нетой.

— Нет! — вскрикнул отец, прижав кулак ко рту. Люси нашла его руку и прильнула к его груди.

Одно дело — чувствовать, что мамы больше нет, другое — услышать, как чужая женщина говорит о ней в прошедшем времени.

— Здесь? — Люси показала на сумочку. Они принесли ее прах? Ее кремировали?

— Что? Нет, — ответила Шенон. — Это запись, она записала сообщение. Мы вернулись не все, всем не хватило места.

Мужчина позади Шенон предостерегающе кашлянул.

— Хватит, Вентворт, это семья Неты! Они должны знать правду. — Шенон обернулась к Люси и ее отцу. — Ваша мама осталась, чтобы я могла вернуться... Она знала, что я беременна.

— Узнаю Нету, — произнес отец. Его глаза покраснели от слез, но он выдавил улыбку. — Господи, это так на нее похоже.

— А вот ее последняя запись. У вас есть электричество? Перед отъездом мы его зарядили, но можем оста-

вить вам аккумулятор. — Она подошла к крыльцу и протянула Люси сумку.

— У нас есть электричество, — ответила Люси, спускаясь со ступеней и беря сумку, вероятно, с маленьким ноутбуком внутри. — Значит, ее больше нет, — прошептала она, обращаясь к Шенон.

— Мне очень жаль, милая, — ответила та, еле сдерживая слезы.

Люси кивнула и сжала губы.

— Спасибо.

— Простите, что не приглашаем вас зайти, — сказал отец, когда Люси поднялась по ступеням.

— Я понимаю, — промолвила Шенон.

Люси прижалась к отцу, глядя, как Шенон с сопровождающими забирается в машину и джип, развернувшись, исчезает в облаке пыли.

Вдвоем они просмотрели запись на портативном военном плеере, молчаливо согласившись не звать Джека. Люси любила его, но это касалось только их двоих.

На экране мама выглядела собранной и одновременно очень беззащитной. Усталое лицо, морщинки, свет в глазах, слова, полные любви. И ни сожалений, ни упреков.

Она даже называла ее придуманным именем, Люси.

В последний момент, когда слезы против воли хлынули из глаз, мама прошептала в камеру: «Люби ее, Пол. Отдай ей всю любовь, которую я не смогу ей отдать. И не печалься обо мне. Я хочу, чтобы вы жили долго и счастливо».

Люси, рыдая, выскочила на крыльцо. Отец вышел за ней, его большие сильные руки обняли Люси.

— Как же я на нее злилась! — всхлипнула она, выдыхая морозный пар. — Но я не хотела ее обижать! Никогда не хотела!

— Она знала, Люси. — Отец прижался губами к ее волосам и стал тихонько раскачиваться.

— Но я не могу сказать ей об этом! Ее больше нет.

— Ничего подобного. Твоя мама здесь.

Уверенность, с которой отец это произнес, потрясла Люси. Она отстранилась, чтобы заглянуть ему в глаза.

— Разве звезды исчезли? — отец показал на небо.

— Звезды? Нет, но мы больше их не видим.

— Правильно, Лусита. Но они здесь, как и твоя мать. Мы их не видим, но они согревают нас своим светом.

Они еще долго стояли на крыльце, пока не раздались шаги Джека.

— Вы заходите внутрь? — удивленно спросил он.

Люси кивнула. Она нашла здоровую ладонь Джека и подняла глаза. Невидимые звезды сияли на небе. Люси сжала в ладони пальцы Джека и вошла в дом.

ЧАРЛИ ДЖЕЙН АНДЕРС

Рассказ Чарли Джейн Андерс «Six Months Three Days» попал в шорт-лист на премию «Небьюла» и премию Теодора Старджаона. Ее произведения публиковались в «Mother Jones», «Asimov's Science Fiction», «Tor.com», «Tin House» и т. д. Она — исполнительный редактор в io9.com и ведет читательскую серию «Writers With Drinks» в Сан-Франциско. Смотрите charliejane.com.

Рок Мэннинг вас не слышит

н пришел грабить сейф в полупустой магазинчик на углу, где я работал. Прилизанные усики и козлиная бородка, пончо поверх мешковатой толстовки, футбольные гетры. Дробовик в его руках выглядел так, словно в последний раз из него стреляли в куропатку году в 2009-м, после чего благополучно забыли в чулане. Я размышлял о путях отхода: перепрыгнуть через него или прошмыгнуть за кулер, ибо я Рок Мэннинг, любимец Интернета, мастак продевать подобные трюки.

Я пожал плечами и поднял руки вверх.

Беда в том, что замок был запрограммирован на показатели моего организма, и если мой пульс участится, сейф заблокируется, а если остановится сердце, сирены завизжат как резаные. Мой босс Рамон порой уходил без выручки, потому что я слишком возбуждался, размышляя о том, что мы будем снимать в выходные:

крушение вагона или турнир на мотороллерах. Пришлось изучить технику глубокого дыхания, чтобы он мог забрать мелочь из сейфа.

А поскольку грабитель продолжал размахивать дробовиком у меня перед носом, сердце пустилось вскачь, и тумблеры сейфа вцепились друг в друга не на жизнь, а на смерть. Налетчик уже решил плюнуть и убраться восьмаяси, но придумал смешать усыпляющий сироп от кашля с нехилым количеством коньяка «Гран Марнье» и, трясясь дробовиком, заставил меня залпом осушить пойло. Сердце по-прежнему трепыхалось, и я посоветовал ему обзавестись терпением, пока бухло подействует. Ему пришло в голову ускорить действие напитка при помощи депрессантов, но я сказал, что в случае моей смерти не видать ему сейфа как своих ушей.

Закончилось все тем, что мы пару часов трепались о старых фильмах и видеоиграх. Реджинальд обожал комедийные боевики восьмидесятых- девяностых и на память цитировал «Смертельное оружие» целыми кусками. Сам не знаю, что на меня нашло, но я рассказал ему, что по субботам мы с друзьями снимаем любительское видео для Интернета в центральном парке Бостона, и пригласил поучаствовать в съемках. А может быть, во всем виноват сироп от кашля, задушевые разговоры или то, что он перестал махать дробовиком. Спустя пять минут после того, как Реджинальд попрощался и вышел вон, я сделал глубокий вдох и услышал, как щелкнул замок.

Я собирался рассказать друзьям про Реджинальда, но отвлекся размышлениями о моем характере. Не о моем настоящем характере, о котором мне нечего сказать, а о характере моего персонажа.

Только вообразите! Гарольд Ллойд, неизменный в каждой роли — маленький простак, образованный, но непрактичный, искренний и открытый, голова которого вечно переполнена безумными проектами. Я буду как он, только коварнее и слегка чокнутым. Ладно, пусть

не слегка. Сироп от кашля и коньячные пары делали свое дело, и я верил, что сумею не только заставить публику хохотать над моими выходками, но и заслужу ее сочувствие.

Жанель, хорошенькая студентка киношколы с радужными дредами, со мной согласилась. Она считала, что комик должен вызывать у зрителя симпатию или, по крайней мере, чувство общности в перерывах между ужимками и прыжками. Вдвоем мы попытались убедить в этом нашего режиссера Салли Хамстер, которая ни в какую не соглашалась. Салли заявляла: «Искусством я занимаюсь в будни, а в выходные маюсь дурью». До того как я вернулся в ее жизнь, полностью излечившись от нервного расстройства и горя желанием снимать странное кино с элементами фарса, Салли занималась серьезными проектами в киношколе. К тому же мы с Жанель сами всегда говорили, что наши фильмы не имеют с искусством ничего общего, чистой воды развлечение.

Я успел забыть о грабителе забегаловок Реджинальде, пока он не явился собственной персоной, облаченный в ярко-алый рестлерский костюм, хотя, возможно, это был его обычный прикид для субботних пробежек. Мы переодели его копом, а группа студентов киношколы изображала банду мотоциклистов, пересевших на велосипеды после того, как галлон бензина подорожал до двенадцати баксов. Впрочем, это их не сильно расстроило, и они носились по городу, крутя педали и врубив на полную громкость тяжелый рок.

Некогда участок Бостона у реки перестроили, сделав из него подобие деревушки в стиле старой добкой Англии — на деле те же бутики, которые стояли заколченные со времен Долгового кризиса. В нашем сценарии он изображал городишко, жители которого пытались выжить велосипедистов при участии копа Реджинальда, в то время как мой герой неожиданно оказывался в гуще событий, потому что принес кактус

захворавшей подруге. Моя мотивация выглядела несколько надуманной, и это тревожило нас с Жанель. К моему удивлению, Салли решительно отказывалась видеть в нас киношных героев-любовников. И не потому, что вместе с головой ее бойфренда Рейна разлетелось на куски ее сердце, просто Салли ненавидела сопли на экране.

Все, за исключением Заппа Стилмана, решили, что Реджинальд крут, особенно в сцене, когда велосипедисты подпрыгивают на гигантской рампе, которую мы смастерили из старой вывески фитокосметического салона, а Реджинальд пытается пяткой врезать им по колесам. При этом он каким-то образом умудрился сломать нос Заппу, хотя остальные гики заявили, что сломанный нос только добавляет его лицу боксерской мужественности. (Запп был внучатым племянником одного знаменитого режиссера и знал все на свете).

Салли спросила, где я откопал Реджинальда, я ответил, что мы познакомились случайно. Реджинальд чуть не сбросил меня с Лонгфеллоу-бридж, когда узнал, что за съемки ничего не заплатят. Пришлось сказать, что опыт, полученный у нас, в будущем поможет ему найти работу за деньги. Реджинальда распирало от гордости, что он станет культовым персонажем Интернета. Он радовался, что не убил меня сразу.

Я сомневался, не рассказать ли Салли правду, но рассудил, что едва ли Реджинальд задержится у нас надолго, потому что в сравнении с ним я выглядел идиотом с замедленной реакцией. Я испытывал трудности с концентрацией задолго до гибели Рейна, но после того, как я невольно проглотил частицу его мозга, крышу снесло окончательно. Врачи из призывной комиссии и мысли не допускали, что я годусь для военной службы.

Наше видео было рекорды просмотров. Салли считала, что скоро мы станем популярнее, чем в школе, и начнем зарабатывать на рекламе. Люди станут приносить нам куски мяса и обувь в обмен на рекламное

место на сайте. Ее глаза снова сияли, как в те времена, когда мы впервые покорили Интернет. Однако она продолжала утверждать, что по сравнению с тем, чем они с Жанель занимаются в киношколе, наши фильмы совершенно лишены художественности.

Запп Стилман изображал гипермегабогача, который понятия не имел, что творится в реальном мире, а я был его верным слугой, готовым удовлетворить любую пристрастие хозяина. Не считая того, что Реджинальд разукрасил его физиономию, Запп по-прежнему излучал изысканность и безмятежность, а я облачился в огромный пиджак в мелкую клетку, который сидел на мне превосходно, за исключением рук, плеч, коленей и промежности. Я старался держаться прямо и почтительно, из-за чего дергался еще больше. Предполагалось, что мы с Заппом отправляемся на побережье, и моей задачей было защитить его от уличного насилия. Запп годами не читал блогов и не смотрел новостей, а я держал его в неведении относительно того, что случилось с миром. Когда наш велосипед-танDEM проезжал мимо штабелей тел, пребывающих в состоянии коматоза, я убеждал его, что это поклонники Imagine Dragons, разбившие лагерь в очереди за билетами на концерт воссоединившейся группы. А когда банда на скутерах погналась за нами, угрожая отрезать нам головы, я заверил его, что это шутка. (Все диалоги сопровождались большими черными титрами, как в старом кино.)

Это был клевый фильм с неожиданными сюжетными поворотами, но съемки не ладились. В сцене, где группа студентов киношколы в рванине, изображавшая стихийный митинг, должна была бросаться заранее подготовленными булыжниками, какие-то зеваки решили присоединиться к веселью, и скоро в ход пошли кирпичи из стен. Когда они увидели нас с Заппом на дурацком тандеме, то стали кидаться кирпичами в нас, и сцена погони вышла куда более реалистичной, чем задумывалась. Операторам пришлось удирать, спасая камеры.

В середине лета в Бостоне не продохнуть от жары, но на улицах продают домашнее мороженое, и если подумать об утках, можно отвлечься от запаха разложения. В моем состоянии я был способен размозжить голову о стену любому. Стоит мне забыться на минуту, и я понесусь, перепрыгивая через прохожих на тротуарах и задевая нижние ветки старых дубов. Затем я представлял, как приземляюсь, целясь ногами в живот кому-то, кого я любил, или случайному прохожему.

Иногда ночами, стоило мне сомкнуть веки, как голова Рейна взрывалась перед моим мысленным взором, осколки черепа разлетались в разные стороны, а мозги брызгали прямо в мой открытый рот. Этот образ мешался с другими, когда я случайно ранил или мог бы поранить кого-то. И с каждым разом голова Рейна выглядела все сочнее и кровавее.

Мы с Жанель, к ужасу Салли, объединились, чтобы написать сценарий для фильма. «Так о чем ваш сюжет?» — переспрашивала она в двадцатый или тридцатый раз. Мы сидели на платформе покинутого лебедями плавучего домика в центре пруда, просевшей от тяжести. Когда-то туристы сновали на лодках мимо платформы, а сейчас их разлагающиеся оболочки всплывали то тут, то там из водорослей. Я не знал, о чем наш сюжет, потому что понятия не имел, что такое сюжет. Да и какая разница? Однако Жанель с упорством, достойным лучшего применения, продолжала твердить про коммуникации, социальный дарвинизм, невозможность понять того, кто находится рядом, потому что чем ближе ракурс, тем сложнее воспринять другого человека целиком. Жанель ребенком сбежала из дома и много лет жила на чердаке кафе, прочтя все книги в кладовой и питаясь недоеденными салатами и булочками. Никому и в голову не приходила, что она живет на чердаке, пока Жанель не указала обратный адрес в анкете для поступления в университет.

Мы задумали историю в духе О. Генри, когда герои втайне друг от друга спасают друг другу жизнь. Я изображал храброго тихоню диджея, который задолжал гангстерам, возможно, викингам, — у нас завалялся кое-какой реквизит: шлемы и искусственный мех. Жанель играла танцовщицу. Много лет назад она сделала пару рискованных снимков, и теперь подонок фотограф собирался их опубликовать, и тогда ее строгие родители лишат героиню наследства. Мой герой собирался задать подонку хорошую трепку, а Жанель намеревалась раздобыть для меня деньги любой ценой, даже станцевав на шатких строительных лесах. Викинги являлись по мою душу как раз в тот момент, когда я вламывался в студию фотографа, однако тот был не промах и заручился помощью банды самураев. И пока викинги выясняли отношения с самураями в фотостудии, мне предстояло во что бы то ни стало раздобыть жесткий диск с фотографиями. После чего Жанель должна была оступиться и рухнуть с высоты строительных лесов, а я, неожиданно оказавшись в гуще сражения, подхватить ее в свои объятия.

Разработка сюжета заняла добрых пять часов, и в конце концов нам пришлось лезть на мост, спасаясь от разгневанных лебедей и рискуя сломать шею.

Жанель отпросилась с лекции, чтобы помочь мне с выбором натуры для нашего фильма, который мы назвали «Фотофиниш». Мы нашли большое помещение — такие обычно используют для художественных мастерских и фотосъемок — с выщербленными кирпичными стенами, высоким помостом, который вел к фабричного вида окнам, и алым бархатным занавесом, недвусмысленно намекавшим на подлую натуру фотографа.

Реджинальд едва не снес Жанель голову, вертаясь в своем рогатом шлеме и меховой накидке, пока она объясняла ему роль.

— Нет, Реджи, не то, попробуй вложить в текст всю свою ярость. Ты должен прочувствовать его. Господи, Рок, где ты откопал этого парня?

Она пыталась срежиссировать кровавый поединок викингов и самураев, швыряясь фотографическим реквизитом в актеров и предводителя самураев Заппа Стилмана, который размахивал катаной, уворачиваясь от мечей викингов.

Когда Жанель в пятый раз остановила съемку, чтобы подправить что-то еще, судя по виду Реджинальда, тот готов был поджечь съемочную площадку, снести пару голов и зажарить из них кебаб прямо на широком лезвии своего меча. Чтобы унять волнение, мне пришлось обхватить себя обеими руками за плечи.

— Господи Иисусе, что творит эта Жанель? — прошипела Салли, оттащив меня в сторонку и выпуская когти. — Она меня просто бесит!

Я не знал, что ответить, меня напрягал Реджинальд, готовый вскипеть. Спустя час на моей макушке можно было сбивать молочный коктейль. Каких-то полминуты съемки и снова ждать, ждать, ждать, готово, нет, еще нет, и снова ждать, ждать, ждать.

Когда мы остановили съемку в десятый раз, меня тряхнуло так, что я толкнул Заппа Стилмана, и не успел он принять мои извинения, как я рухнул вниз. Падая, я задел его катану, угодившую Реджинальду по яйцам. Тот свалился прямо на трех викингов, чьи мечи вонзились ему в спину. Реджинальд взмыл, схватился за спину, подпрыгнул и заорал, что если ему не удалось прикончить меня в первый раз, это не значит, что у него нет права на вторую попытку.

Схватив острий крюк, стоявший в углу, Реджинальд бросился ко мне. Краем глаза я заметил, что Салли знаками велела Жанель не выключать камеру. Запп Стилман попытался разнять нас, но Реджинальд со всей силы заехал ему по физиономии. Я нырнул под помост и толкнул в сторону Реджинальда тележку с аппаратурой, но он просто перемахнул через нее на бегу. Некоторые самураи решили, что съемка продолжается, и попытались атаковать Реджинальда деревянными мечами, но тот

с такой силой столкнул их головами, что шлемы треснули.

Тем временем я спрыгнул с края платформы и начал карабкаться вверх по веревке, поднимающей занавес. Веревка была намотана на блок, Реджинальд принялся вращать барабан, и мне пришлось ускориться, чтобы хотя бы оставаться на одном месте. Одной рукой Реджинальд крутил барабан, другой метнул в меня крюком, но я умудрился поймать крюк, отпустил веревку и, вонзив крюк в занавес и пропоров его по диагонали, приземлился в противоположном углу мастерской. Случайно попавшийся под руку викинг взмахнул мечом, целя мне в голову, и я едва успел пригнуться. Затем я увидел ведро, вероятно, с очистителем, и с размаху насадил его на рога Реджинальда шлема. С ведром на голове тот принялся вслепую хватать всех, кто попадался под руку, даже собратьев-викингов.

Я не сразу расслышал вой — звук давно стал привычным, но сейчас пожарные сирены и сирены полицейских машин слились в один мощный гул, раскат за раскатом, словно церковные колокола. Я припал к окну, и в то же мгновение Реджинальд вцепился в меня сзади. Он избавился от ведра и шлема и сейчас, обхватив меня за пояс, пытался выдавить наружу вместе со стеклом. До земли была примерно дюжина футов. Что-то горело, дым поднимался сразу из нескольких мест. Я пытался сказать, что не хотел причинять ему боль, но он напирал все сильнее. Рама треснула, и мы оба вывалились из окна. В воздухе я перевернулся и приземлился сверху на Реджинальда.

Сильно пахло гарью. Болела промежность и ступни. Усилием воли я разлепил веки, в глазах двоилось. Салли распахнула дверь студии и проорала, чтобы я уносил ноги. Качаясь, я встал и заковылял к двери. Салли захлопнула ее за мной. В окне я видел, как Реджинальд пытается подняться с земли.

— Один из этих отбросов, с которыми тут нянчатся, — произнес голос, похожий на голос Рики Артизейна из прошлого, но это был не Рики. В окне я увидел парня, поменьше, чем Рики, с черным ежиком волос на голове. Однако он был одет, как Рики, и носил такую же красную бандану. В банданах были и шестеро его спешников, которые вылезли из двух гусеничных вездеходов. Главарь долго о чем-то препирался с Реджинальдом, который беспомощно барабанял на спине, пытаясь встать. На свою беду, Реджинальд весьма смахивал на джанки и был не в состоянии унести ноги. Я хотел выйти и помочь ему, но не мог сдвинуться с места, и Салли наполовину поддерживала, наполовину удерживала меня. Салли хотела отвести глаза, когда ребята в банданах пустили в ход ломы, но это была моя вина, и мне пришлось смотреть до конца.

Они подожгли Реджинальда только после того, как переломали ему все кости. Я надеялся, что он потеряет сознание, но и в огне он кричал не переставая. Разве можно кричать, если ты почернел? Раньше я был уверен, что нельзя.

Наверное, вам интересно, что случилось с «Фотофинишем»? Этот фильм до сих пор остается нашим самым популярным видео на Vumblr, хотя в окончательную версию вошла едва ли половина сцен, которые мы с Жанель написали, а то, что мы наснимали, имеет мало общего с придуманным нами сюжетом. Салли и другие проделали колоссальную работу, обработав видео в Zap!mation, и студия стала выглядеть, как двадцать разных мест. В мире, где красные банданы захватили власть и установили свои правила, зрителям нравилось смотреть, как придуры в дурацких костюмах дубасят друг друга. Выходит, посреди этого кровавого месива людям больше, чем когда-либо, нужны битвы викингов с самураями? Кто его знает.

Поначалу полиция пыталась остановить их, но вскоре президент заявил с экрана телевизора, что теперь,

в соответствии с Конституцией, красные банданы следует именовать официальным народным ополчением, ибо нация нуждается в обновлении. Вероятно, во всем были виноваты Пан-азиатские экуменисты, но их теперь принято обвинять во всех смертных грехах.

Спустя два дня нам с Салли пришлось выйти из дома, чтобы вдохнуть свежего воздуха. Слишком много людей в запертом помещении, к тому же мы должны были показать, что не боимся. Я ковылял по пустым улицам, а Салли нарезала круги вокруг. Меня радовало, что больше не нужно перешагивать через джанки, хотя их отсутствие беспокоило. Салли предположила, что их отправили в лагеря, сожгли на кострах, а возможно, им удалось где-то спрятаться.

Студенты Салли в университете встретили меня аплодисментами. Даже те, кто воротил нос, когда я впервые оказался в городе. Возможно, потому что я пострадал за искусство. Или дело было в бешено популярности нового видео. Как бы то ни было, все вокруг хотели оказаться рядом со мной, влить мне в глотку что-нибудь горячительное и осязать мою костную оболочку. Мы создавали творческую анархию, и это делало нас влиятельными радикальными творцами. Теперь от нас ждали прорыва. Если вам нужен прорыв, рассуждал я, может быть, нападем на один из лагерей, в Медфорде или Молдене, где красные банданы держат бездомных и прочие нежелательные элементы, и освободим их.

Мы могли бы заснять это на камеру. Нахлобучим двурогие шляпы а-ля Наполеон и принесем им свободу. Это будет по-настоящему круто, как в финале сериала «Заключенный». Все дружно согласились, только попросили устроить съемку в тот день, когда у них не будет лекций.

План обрастил новыми подробностями. Мы переоденемся зверями, чтобы отвлечь охранников, а еще лучше, если нападение совпадет с солнечным и лунным

затмениями. Студенты возбужденно прыгали вокруг, но я подозревал, что они придумывают все более фантастические детали, чтобы отложить исполнение плана. Меня это устраивало, и я сам предложил освободить заключенных не всерьез.

— Большинству нужно просто сказать, где встать и что делать. Не стоит заставлять их много думать, — говорила мне Салли. Наши видео придали ей статус пчелиной матки в улье. Салли хотела отвести меня домой, но солнце село, и я не хотел, чтобы она возвращалась в темноте. На обратном пути мне попалась парочка банд, но когда я сказал им, что был другом Рики Артизейна, они только что не отдали мне честь и даже предложили проводить до дома. Так в один и тот же день я стал кумиром студентов киношколы и бандитов.

Вскоре я настолько оправился, что смог вернуться в магазин, где всюду видел горящего Реджинальда с переломанными костями. Теперь во сне Рейн и Реджинальд приходили ко мне оба, если вечером я не включал какой-нибудь фильм с Бастером Китоном.

Мои соседи по дому собирались протестовать против красных бандан, экономического курса, продолжения войны и безумных проектов вроде звукового оружия, которое вроде бы заставляет армию неприятеля на расстоянии разваливаться на куски. Я только ухмылялся. В последний раз, когда я принял участие в протестах, мне пришлось выбираться из-под груды скользких тел, глотая мозги моего товарища.

Я надеялся, что мое тело излечится не слишком быстро, иначе они заставят меня ввязаться в еще более безумную авантюру, а при одной мысли об этом меня бросало в дрожь. Салли написала, что пришло время снять следующий ролик, и я ответил, что нам нужно срочно переговорить.

Я отлично помню тот разговор с Салли, возможно, потому, что он был последним.

Мы встретились на середине Гарвардского моста с выцветшими отметками краской — его длиной в «смутах», единице, равной росту некоего студента, однокашники которого когда-то давно измерили мост, перетаскивая своего товарища с места на место. С противоположной стороны река пенилась пятнами бурой пены, а напротив нас виднелись зубчатые контуры Бостона. Стекла в Башне Джона Хэнкока начали падать на головы прохожим, и здание решили разобрать, но снесли только до половины, и теперь сияющий сине-зеленый зигзаг тянулся в небо заостренным концом. Мы немного посмотрели на воду, ветер трепал наши волосы и одежду.

Салли без умолку болтала об экранной химии между мной и Заппом Стилманом и о том, как зрителям нравится видеть нас вместе. Возможно, следует снять нас в ролях гангстера и его подпевалы, парочки голубых, боксера и его тренера, рок-певца и менеджера, двух супергероев. Вариантов хоть отбавляй, почти столько же, сколько возможностей вернуть Рейна. На миг я даже решил, что Салли положила глаз на тощую задницу Заппа.

— Так вот о чем я собирался поговорить, — вклинился я в ее монолог. — Я больше не хочу снимать видео, решил вернуться в северную Калифорнию. — Я попытался объяснить ей, что стоит мне закрыть глаза, и я вижу перед собой Рейна и Реджинальда, но Салли вцепилась мне в затылок и подтолкнула вперед, прижав к перилам моста. С меня слетели штаны, и ветер принялся трепать мои трусы.

— Придурок, что ты мелешь? Я же тебе доверилась. Какого черта! Я хочу стать режиссером. В киношколе я занималась настоящим искусством, а тут появляешься ты и снова втягиваешь меня в свои тупые затеи. А теперь ты решил соскочить? Какого черта! — С каждым словом она встряхивала меня что есть силы. Рубашка треснула под мышками, я не чувствовал ног и, вероятно, топтал собственные штаны.

— Прости меня, — я заглянул в ее вытаращенные глаза, — но я не могу. Господи, ты всегда будешь моей лучшей подругой, но я словно часовая бомба! Тебе опасно находиться рядом со мной, рано или поздно я причиню тебе боль. Я разрушаю все вокруг.

Салли втянула меня на мост и выпустила мой затылок.

— Что за чушь ты несешь, Рок? Хоть я и люблю тебя, но ты полный придурок. Выслушай меня, ладно? Ничего ты не разрушаешь. Единственное, что ты по-настоящему умеешь, — это переворачивать сознание людей. Это твое призвание. Ты никогда не задумывался, почему я снимаю эти дурацкие видео? Никогда, правда? Этот мир, в котором мы теперь живем, все эти страшные и безумные вещи обретают смысл, только когда я переношу их на экран. Я уже решила, что фарс — это новый реализм. И без тебя я не справлюсь. Ты понимаешь?

— Да, но только... — Я выдохнул и подтянул штаны. Резинка лопнула, и мне пришлось придерживать их одной рукой, что сильно мешало изъясняться при помощи жестов. — Мне кажется, я приношу окружающим несчастья. Люди вокруг меня страдают, и, возможно, это моя вина. Как в случае с Реджинальдом. И Рейном.

— Господи, да ты совсем сдуруел! Мой парень погиб, ты-то тут при чем?

Мост под нами загрохотал, и я испугался, что опоры внезапно треснули или кто-то взорвал их. Я попытался привлечь внимание Салли, но она продолжала разглагольствовать о моей тупости. Тогда я схватил ее за руку и потащил к берегу. Она выдернула руку, заявив, что никуда со мной не пойдет, что она устала от моих причуд, хватит с нее.

— Да очнись же, что-то не так! — крикнул я. Я потянул Салли в другую сторону, в направлении Бостона. Теперь мост и впрямь завибрировал, я ощущал его дрожь зубами. Я бросился к берегу, на бегу поддерживая штаны. Казалось, что мост может рухнуть каждую секунду. Мы сбежали на берег, но земля под нами вибрировала,

как и мост. Грохотало все сильнее, и мне казалось, что грохот исходит у меня изнутри.

— Какого черта? Что происходит? — проорала Салли.

Я поднял руки. Салли двоилась у меня перед глазами, зубы стучали, желудок свело. Внезапно уши наполнила боль, словно кто-то проткнул ушные каналы прутьями до самого горла.

Последними слова Салли были:

— Какого черта, нужно спрятаться...

Давление росло и достигло пика, когда прутья в ушах повернули, как штопор. Я не в состоянии описать эту боль. Люди сочинили тонну стихов о боли, но в основном в них сравнивают один вид боли с другим. Две огромные руки сдавили мою голову, в то время как некая мощная сила пыталась выбраться наружу из черепа. Я покачнулся, упал и почти отключился.

Кровь хлынула из ушей Салли, и в то же мгновение я почувствовал, как что-то выплеснулось у меня из ушей. Я пытался что-то сказать, то ли «Какого дьявола», то ли «Черт, штаны снова слетели», но не услышал собственного голоса. Пытался издать хоть какой-то звук, не слыша ни пения птиц, ни городского шума. Салли шевелила губами, и в глазах застыл тот же ужас, который ощущал я. Я медленно осел на землю, беззвучно, словно мы парили в открытом космосе.

Салли продолжала говорить, слезы текли по щекам. Жестами я показал, что не слышу. Она схватила телефон и застучала по клавишам. Спустя секунду мой телефон завибрировал. Пришла эсэмэска: «черт я оглохла». Я набрал ответ: «и я». Салли написала: «нам нужна помощь».

Она помогла мне встать на ноги и закрепила булавкой резинку моих штанов. И мы бросились бежать по улице в поисках того, кто может вызвать «скорую». Перебегая дорогу, я нервничал, потому что больше не слышал звуков движения, и все время оглядывался через

плечо, на случай если кто-то бежал за мной. На Коммон-велш-авеню мы заметили парня, но уже издали было видно, что он плачет, обхватив голову руками. У заключенной витрины «Урбан аутфиттерс» около полудюжины молодых людей с испачканными кровью плечами набирали эсэмэски и жестикутировали. Завидев нас, они принялись махать нам руками, пока не поняли, что мы ничем не можем им помочь.

Везде бродили глухие люди. Салли хотела убраться с улицы, пока не станет жарко. Я отлично понимал, что она имеет в виду. Кэрри написала, что оглохла, и я велел ей не высовываться из дома. Схватив первые попавшиеся велосипеды, мы рванулись к дому Салли, не обращая внимания на светофоры и людей, которые пытались остановить нас.

Жанель сидела на диване, обхватив колени руками. По телевизору показывали людей с окровавленными ушами. Где-то упал самолет, где-то взорвалась электростанция. Дикторов не было, по экрану ползли титры:

СИТУАЦИЯ НАХОДИТСЯ ПОД КОНТРОЛЕМ.
НЕ ВЫКЛЮЧАЙТЕ ТЕЛЕВИЗОР. НЕ ВЫХОДИТЕ
НА УЛИЦУ. ПОТЕРЯ СЛУХА ПРИНЯЛА ХАРАКТЕР
МИРОВОЙ ЭПИДЕМИИ. НЕ ВЫХОДИТЕ НА УЛИ-
ЦУ. ВЛАСТИ НЕ ДАЮТ НИКАКИХ РАЗЪЯСНЕНИЙ.
ОСТАВАЙТЕСЬ ДОМА.

Мы принялись прочесывать Интернет. Похоже, вся планета лишилась слуха. Все блоги и группы переполняли вопли оглохших. И только люди, которые были глухими до того, как все случилось, излучали спокойствие и постили видеокурсы о том, как самостоятельно изучить язык жестов. Я был уверен, что у меня никогда не хватит на это терпения.

Спустя несколько часов появились первые версии. Пан-азиатские экуменисты провели испытание нового оружия. Или Америка. Испытание закончилось неуда-

чей. Или, напротив, прошло удачно. Кто-то где-то в мире еще не оглох и теперь ищет способ излечить остальных. И это красные банданы. Нет, пацифисты. Или, скорее, китайцы.

По телевизору показывали потерянных, оглохших людей. Они затаптывали друг друга в Шанхае, бросались в реку с Бруклинского моста. В Кливленде толпа пронеслась по Шейкер-сквер, снося все на своем пути. Как вести себя в толпе глухих? Только копировать поведение тех, кто рядом. Как призвать к порядку такую толпу? Кливлендские копы не стали и пытаться, с ходу применив резиновые пули и слезоточивый газ.

Спустя два-три дня я подумал, что с меня хватит, и решил пойти на работу. К тому же у нас кончились припасы, а Жанель и даже Салли начали действовать мне на нервы. Они ощущали мою нервозность, даже когда мы были в разных комнатах, а я чувствовал, как их скорбь укутывает меня, словно одеяло. Я набивал эсэмэски Салли, сидевшей напротив, пока не занемеют пальцы. Ровно так же мы сможем общаться и на расстоянии. Салли не хотела меня отпускать — по телевизору показывали сплошное насилие, но я сказал, что буду осторожен.

Я даже не знал, существует ли еще моя лавочка на углу, и никто не просил меня выходить на работу. С другой стороны, никто меня не увольнял. Пусть продажа презервативов и консервов станет моим вкладом в восстановление нормальной жизни общества. На пути мне попалось множество разграбленных магазинов, а люди жгли костры, бросая туда все что ни попадя, совершенно не заботясь о состоянии окружающей среды. Но когда я добрался до своего магазина, он стоял целехонек.

И вот я снова открылся. Мне пришло в голову, что теперь покупателям будет трудновато спрашивать у меня цену того или иного товара. Я обошел магазинчик с пистолетом для ценников и убедился, что все товары, даже вермишель за тридцать семь центов, имеют стикеры.

Пришлось приспособиться и к тому, что я больше не слышал колокольчика на входе. Пару часов я провел в тоскливом ожидании.

«Слава богу, вы здесь» — прочел я на экране телефона, который поднес к моему лицу первый покупатель. «Не хочу мародерствовать», — объяснил он. Я кивнул. «Но все магазины закрыты». Я кивнул снова. Он наполнил корзину консервами, я выбил чек, и он пожал мою руку двумя руками. С виду он напоминал университетского профессора лет пятидесяти, и, если судить по твиду и шотландке, преподавал явно не теорию модельного бизнеса. Он отдал мне честь, словно какому-нибудь полковнику, и удалился.

Слухи обо мне пошли по городу, и вскоре покупателей прибавилось. Полки пустели, и мне пришлось пополнять запасы из кладовой. Я понятия не имел, что делать, когда они закончатся. Покупатели, в основном представители среднего класса, благодарили меня за то, что я избавил их от искушения мародерствовать. Люди порой такие странные. Я пожалел, что не могу показать им наши ролики. Думаю, они согласились бы посмотреть все, что я им предложу.

Меня сняли для телевидения. В основном то, как я обслуживаю покупателей и кривляюсь на камеру. Я нацарапал наш URL на бумаге и поднес к камере. Салли сказала, что новостные каналы пару дней показывали меня с периодичностью два раза в час. Надпись внизу экрана гласила: «ЖИЗНЬ ВОЗВРАЩАЕТСЯ В НОРМАЛЬНОЕ РУСЛО».

Мой босс написал, что на днях заскочит за деньгами.

Несмотря на то что меня показали по телевизору, никто меня не грабил — грабителям хватало других магазинов.

Даже если бы наш адрес не показывали по телевизору, мы все равно были бы рекорды посещений. Салли объясняла это тем, что по нынешним временам наше Немое кино идеально для просмотра. С одной стороны,

мы предлагали зрителям побег от окружающей реальности. С другой, в наших фильмах не было диалогов и звуковых эффектов. Для того чтобы смеяться, смех за кадром не нужен, писала мне Салли, сидя от меня на расстоянии трех футов.

Телеканалы вернулись к показу привычных программ, только теперь он сопровождался субтитрами. С субтитрами ситкомы приобрели странное сходство с французскими кинокартинами, и я все время ждал, что Дженифер Энистон закурит или решится на инцест.

Салли пригласила всех наших гиков, включая Заппа, на следующую съемку. Кто знает, может быть, скоро возобновятся лекции в киношколе? Салли снова попыталась выбить из меня мои дурацкие идеи, а раз или два чуть не рассмеялась (сквозь слезы или бездумно пляясь в банку с паштетом).

Но для меня ничего не изменилось. Молчание навечно похоронило вопль, который я удерживал в себе раньше, и я по-прежнему замечал уголком глаза еле заметное движение, словно очередная кровавая драма танцевала без музыки за моей спиной. Теперь мне никогда не избавиться от этого ощущения.

ШЕННОН МАКГВАЙР

Шенон Макгвайр родилась и выросла в Северной Калифорнии, чем и обусловлена ее любовь к гремучим змеям и ненависть к переменам погоды. Старый ветхий домик она делит с множеством котов, множеством книг и грозным количеством фильмов ужасов. Шенон публикует три романа в год и, по слухам, никогда не спит. Когда ей становится скучно, она забредает в такие болота, где любой другой давно бы погиб. Известна и под псевдонимом Мира Грант. Любит поговорить за обеденным столом о страшных инфекционных заболеваниях.

Плодовые тела

Июль 2028 года

Лица спускалась с вершины холма с востока на запад, и негде было укрыться от зноя. Отлично. Значит, в течение дня тротуары получили свою дозу ультрафиолетового излучения, солнечных лучей, плавящих бетон, словно матерь всех автоклавов. Этого недостаточно — и никогда не будет достаточно, — но хоть какая-то защита.

— Мам? — Никки потянула меня за руку. Неуверенность в ее голосе мешалась со страхом. Я вздрогнула. Судя по тону дочери, она боялась, что у меня начинается приступ. Приступы участились с тех пор, как кончился габапентин, и с тех пор, как... как...

Стоит ли удивляться, что мое обсессивно-компульсивное расстройство прогрессировало. Согласитесь, ко-

гда окружающий мир превращается в кошмарную, покрытую плесенью пародию на себя, лишняя чистоплотность не повредит.

Никки снова потянула меня за руку. Я осознала, что на какое-то время выпала из реальности.

— Прости, детка, — мягко промолвила я и пригнулась пониже. Мой пластиковый скафандр из мусорных пакетов, скрепленных изолентой, скрипел при каждом движении.

Скафандр Никки был таким же, но меньшего размера и плотнее прилегал к телу. К себе я приматывала пакеты в три слоя, а на Никки мотала до тех пор, пока та меня не останавливалась, и чем дальше, тем позже она подавала голос, и порой я успевала раскрутить бобину целиком. Наши запасы подходили к концу. Если не начнем экономить, придется совершить еще один набег на магазины. Но когда моя дочь просила замотать ее потуже, я не могла отказать. Не здесь и не сейчас, когда на кону ее жизнь.

— Так мы идем?

Хороший вопрос, и, безусловно, он заслуживал лучшего ответа. Все вопросы Никки заслуживали лучших ответов, чем те, что давала ей я с тех пор, как моя жена — ее вторая и лучшая из матерей — истаяла на моих глазах на одинокой больничной койке. Моя Рейчел стала первой жертвой генетически усовершенствованной черной хлебной плесени, которую создали беспечные мерзавцы, вместе с которыми я трудилась над проектом «Эдем», в те времена, когда мне казалось, что мы спасаем, а не разрушаем мир.

Улица выглядела чистой. Пока мы сидели в засаде, я не заметила никакого движения, а благодаря отсутствию дождей — да будет благословенна засуха — тротуары были сухи уже несколько недель. По крайней мере одно окно было выбито. Осколки стекла усеивали тротуар, и то, что их до сих пор не заменили, было хорошим знаком.

— Идем, — наконец решилась я. Если не хотим лечь спать голодными, придется рискнуть. — Маски.

Никки кивнула и подняла хирургическую маску, которая всегда болталась на шее, чтобы защитить рот и нос. Очки она натянула без напоминания. Я протянула ей новую шапочку для душа и, прежде чем облачилась сама, проследила, чтобы ее голова и уши были полностью скрыты. Сначала Никки. Я жила только ради нее, и если я потеряю Никки, как потеряла Рейчел...

Нет, ни за что. Даже от одной мысли кожа покрылась холодным потом, а мы не могли позволить себе сидеть и ждать, пока я в третий раз за день разрежу скафандр и начну скрести спину. Слишком частое мытье не менее опасно, чем недостаточное. Пересушенная кожа может треснуть, а любая трещинка — лишняя возможность для инфекции проникнуть внутрь. Солнце давно миновало зенит, дальше ждать опасно. Пора двигаться.

— Вперед, — скомандовала я. Никки перехватила мою ладонь, и рука в руке мы устремились в сияющий рай супермаркета через дорогу.

Меня зовут Меган Райли, по профессии молекулярный биолог. Еще недавно я трудилась в крупной фирме, которая занималась биотехнологиями. Мы, команда ученых, работали над созданием холодоустойчивых, невосприимчивых к инфекции быстрорастущих фруктов и овощей, способных благородствовать в нашем меняющемся климате. Мы хотели сделать этот мир лучше.

И сделали бы, если бы не штамм хлебной плесени — результат перекрестного загрязнения в лаборатории. Выносливой, невосприимчивой к инфекции, быстрорастущей хлебной плесени, устойчивой к фунгицидам и стерилизующим веществам.

Если бы не мои коллеги, утаившие от меня этот факт. Они боялись, что я донесу на них руководству и проект прикроют. Они убедили себя, что мое обсессивно-ком-

пульсивное расстройство заставит меня слишком серьезно отнестись к такой, в сущности, мелочи, и потом, разве мы не ставили перед собой цель изменить мир?

И нам это удалось.

Каждую ночь моя любимая жена приходит ко мне, она смеется, а в длинных черных волосах вплетены ленты. А затем ее заживо съедает плесень, проникшая в тело сквозь крошечный порез на пальце.

Остались только ее глаза, плоть сошла с костей, сожранная тем, что я обязана была разглядеть, обязана остановить и навечно запереть в искусственной матке. Рейчел стала первой задокументированной жертвой черной хлебной плесени — нашего величайшего научного достижения. Плесени, способной выжить при любых условиях. Плесени, способной поглотить все живое. Ей нравился вкус плоти, и она не собиралась дожидаться, пока ее жертвы испустят дух.

Мы создали первого грибкового сверххищника, и пусть наше открытие достойно занесения в анналы, мне нечем гордиться. С тех пор как я обнаружила на кухне корзинку с заплесневелыми фруктами, я добавила в список поступков, которых стыжусь, немало пунктов — не только побег из больницы, где чудовище, которому я, пусть и невольно, позволила появиться на свет, обгладывало плоть Рейчел. Я знаю, Рейчел поступила бы так же.

Главное — безопасность Никки, остальное не важно.

Целые окна универмага покрывал тонкий слой пыли и въевшейся грязи. Я вытащила из кармана один из последних баллончиков со сжатым воздухом и очистила фрагмент стекла. Пока я разглядывала сумрак внутри магазина, Никки тесно прижималась ко мне. Ее глаза отслеживали малейшее движение снаружи, все, что могло выдать присутствие чужих.

Полки у двери были пусты, но никаких расплывающихся темных пятен я не заметила. Тем не менее, входя

внутрь, мы рисковали. Мы понятия не имели, живы ли его хозяева и почему магазин остался неразграбленным.

Мой желудок свернулся в клубок, словно косточка от персика, тугой и взывающий о пище. Хуже всего, что наши запасы бутилированной воды подходили к концу, а кранам мы не доверяли. Нельзя доверять ничему влажному. Хотим мы или нет, нам придется войти.

Я толкнула дверь. Привычки цивилизованного человека умирают неохотно — порой дольше, чем сама цивилизация, для заката которой хватило одного лета, пока бесчинствовала плесень. Мысль о том, что я отчасти ответственна за гибель мира, каким мы его знали, кажется мне невыносимо самонадеянной. Насколько мне известно, дальше обоих Америк плесень не распространилась, а возможно, не вышла за пределы Мексики с ее пустынями и обширными голыми пространствами, где ей нечем питаться. Однако если плесень достигла тропических лесов, ей обеспечена вечная жизнь. Эти континенты навсегда потеряны для людей и млекопитающих.

Разумеется, это все мои домыслы. Газеты давно не выходят, телевизионные станции не вещают, даже местные провайдеры канули в Лету, успешно похоронив Интернет. Возможно, серость поглотила весь мир, что, впрочем, сейчас не имело для меня никакого значения.

Я подергала дверь — глухо клацнул засов. Мародеры не стали дожидаться, пока владельцы запрут лавки. То, что хозяева удосужились запереться, означало, что внутри есть чем поживиться. Если бы они отошли в мир иной, то оставили бы дверь открытой. Бесплатные «марсы» и «снайперы» для всех желающих в честь конца света!

— Пригни голову, — скомандовала я, вынимая из сумки ломик. Никки обхватила голову руками, а я размахнулась и ударила по стеклу. Большинство осколков упало внутрь, а те немногие, что упали снаружи, не задели ни меня, ни дочь.

Внутри пахло лежалыми чипсами, дешевой подливкой и запустением. И никаких видимых следов заражения: ни на плитке, ни на полках.

Мы досчитали до сотни, ожидая воя сирены или чего похуже — что кто-то призрачный выползет из темного угла. Наконец я осмелилась просунуть руку внутрь и отпереть засов.

Никки вошла первой. Даже живя в постоянном страхе, она была гораздо храбрее меня, готовая рисковать, не прислушиваясь к голосу разума, а лишь к голосам тех мрачных запущенных мест, которые мы создавали. Задержавшись, чтобы выставить время, я последовала следом за ней, сердце колотилось о ребра, перед мысленным взором проплывали картины одна страшнее другой.

— Мам!

Крик Никки заставил меня подскочить на месте, и на миг мне показалось, что зияющая бездна за грудиной готова засосать меня целиком. Это случилось, я ее потеряла! Но в голосе Никки слышалась нескрываемая радость:

— Тут вода в бутылках! И сок! Настоящий сок!

— Слишком много сахара, — машинально выговорила я. — Жидкость плюс сахар — идеальная питательная среда. Поищи диетическую колу, если хочется сладкого.

Никки стрельнула в меня глазами, в темноте выражения было не разглядеть, но губы скривила досадливая гримаска. Сейчас она наслаждалась бы летними канюкулами, вместо того чтобы бродить по разрушающемуся городу, пока одна из ее матерей сражается с собственными демонами, а другую медленно переваривают прожорливые гифы плесени.

Прости меня, Никки. Я мысленно просила у дочери прощения, не в первый и далеко не в последний раз. Из нас троих я была наименее подготовлена к жизни в новом мире. Я слишком хорошо видела его опасности, чтобы встречать их с открытым забралом, но у Никки была только я. Несправедливо.

Что поделать, жизнь несправедлива.

Никто не мешал нам разграблять магазин. С тех пор как горожане исчезли с улиц, а солдаты покинули свои посты, позволив плесени доедать деревянные подпорки наскоро сколоченных баррикад, мы научили красть быстро и обдуманно. Мы в четыре руки сметали товары с полок в пластиковые пакеты, не больше десяти упаковок одного вида, словно прожили в супермаркете жизнь, завязывая пакеты и складывая их в мешки, без разговоров, без промедления. Мы знали, что никогда сюда не вернемся. Даже если по нашим следам не придут другие грабители, мы сломали печать, хранившую магазин в относительной изоляции. Плесени ждать не долго. И ничто ее не остановит.

Часы издали сигнал — пятнадцать минут, как мы внутри. Я смахнула в пакет последнюю дюжину упаковок «Тайленола» по две таблетки в блистере — все лучше, чем ничего, гораздо лучше, чем ничего, — прежде чем махнуть Никки.

— Выходим, — сказала я.

— Тут еще остались чипсы, — заныла Никки. — Трудно подождать пять минут?

— Здесь слишком опасно.

Мы находились в закрытом пространстве без доступа солнечных лучей, которые поджарили бы случайно залетевшие споры на наших костюмах. Сейчас мы защищены, но рано или поздно снова станем уязвимы. Нужно уходить.

Даже в темноте я видела разочарование в глазах Никки. Она смела с полки еще несколько упаковок чипсов и с недовольным видом потащилась ко мне через весь магазин.

— Я готова, — протянула Никки недовольно.

Ничего, никто не умер, а ее капризы я переживу. Я улыбнулась Никки, надеясь, что она различит выражение моего лица под маской. Пора домой.

Первое правило выживания: влажность — враг.

Всех мест, где споры могут пустить корни, следует избегать. Я не принимала душ несколько недель, обходясь дезинфицирующим средством и сухой чисткой. Конечно, этого мало, но от меня не воняло, и я оставалась сухой. В наше время лучше быть сухой, чем влажной.

Второе правило выживания: спасение — в свете.

Особенно в ультрафиолетовом излучении, которое содержится в солнечных лучах или некоторых видах ламп. Свет убивает плесень и, что гораздо важнее, ее споры. И чем скорее вы запасетесь бензином, аккумуляторами и солнечными панелями, тем лучше.

Мы с Никки бежали прямо по дороге, всматриваясь в окна домов. В окрестностях еще обитали несколько человек, но с каждым днем их становилось меньше, а последние трое, которых мы встретили, еле передвигали ноги и были сплошь в пятнах плесени. Они не береглись или не знали, как уберечься от заразы, и конец у всех был один. Кажется, их это не особенно волновало. Если на человеке заводилась плесень, дни его были сочтены.

Первой плесень забрала мою Рейчел, поглотив ее в тишине опечатанной больничной палаты. Она умерла в окружении мужчин и женщин, которые делали все от них зависящее, чтобы спасти ее, но тщетно. Задолго до того, как газеты перестали выходить, а дикторы исчезли из эфира, за ней последовали сотни, но умирали они не в таких роскошных условиях. Карантины, истребительные отряды, охранявшие так называемые «чистые зоны». Бессмысленная затея. Нельзя защититься от спор карантином. Нельзя уберечься от того, что питается органической материей, никак не проявляя себя, пока не пустит корни. Того, что переносится по воздуху.

Все, что вы можете, — это оставаться сухим, не выключать свет и молиться, чтобы ветер не подул в вашу сторону.

Наше убежище было припарковано у подножия холма: небольшой фургон с генератором и полными баками. Я открывала заднюю зверь, а Никки проверяла, не залез ли кто в кабину, пока нас не было. Я терпеть не могла выпускать дочь из виду, но что мне оставалось? В одиночку я бы не справилась, и Никки приходилось вместе со мной бороться за собственное выживание. Это занимало все наше время, но остановившись мы хотя бы на миг, давно были бы мертвы.

— Чисто, — доложила Никки, подбежав ко мне. Я кивнула, открыла замок и подняла заднюю дверь.

Внутри фургон представлял собой воплощенную фантазию параноика. Обтянутые фольгой стены и пол покрывала пищевая пленка, сиявшая в свете лампы, которая включалась, как только поднималась дверь. Лампа была ультрафиолетовая, поэтому нам приходилось досчитать до десяти, прежде чем войти и опустить засов. Каждая лишняя секунда на воздухе грозила опасностью, но куда опаснее было войти внутрь, пока фургон не успел пройти обеззараживание, хотя бы минимальное. Уходя, мы выключали свет, чтобы не тратить горючее и бесценные лампы. В наши дни опасность таилась везде, ты просто выбирала то, что казалось наименее опасным.

— Бассейн, — скомандовала я Никки. Она кивнула и неловко подтащила пластиковый детский бассейн, прислоненный к дальней стене. Мы украли его в «Таргете» до того, как универмаг настолько зарос плесенью, что просто ступить на парковку означало бы подписать себе смертный приговор. Каждую вещь следовало дважды окунуть в отбеливатель, затем обернуть в пластиковую пленку, а после использования выбросить. Это позволяло избежать ненужного риска. Я прилагала все усилия, чтобы избегать ненужных рисков.

Мы окунали мешки с краденым в пластмассовый лягушатник, перемешивая их стеклянными прутьями, которыми разжились в галерее современного искусства

через дорогу от дома. Плесень не живет на стекле. Стекло было единственным безопасным материалом, но и прутья приходилось постоянно чистить и стерилизовать, чтобы на них не завелось то, что окажется плесени по вкусу. Всю свою жизнь я провела, сражаясь за чистоту, и теперь оказалась в мире, где навязчивая идея чистоты обеспечивала выживание нам с Никки.

Мы трижды полоскали в отбеливателе каждый батончик, пакет чипсов и крохотный блистер, чтобы удостовериться, что на них не осталось видимых следов плесени. Затем я щипцами окунала их в ведро с хирургическим спиртом. Едва ли этот способ можно счесть стопроцентно надежным, но каждая из предосторожностей на миллиметр приближала нас к безопасности. Возможно, если мы не станем пренебрегать ни одной из них, то сумеем выжить.

— Мам, — поторопила меня Никки.

— Я стараюсь как могу, — ответила я, окуная в спирт пакетик чипсов. — Если тебе неймется, переоденься.

Бросив на меня злобный взгляд, Никки резко развернулась, словно собираясь отхлестать меня своим конским хвостом, если бы мы обе давно не остриглись. Затем гордо удалилась в относительное уединение химического душа.

Меня не уставало удивлять, как в мгновение ока Никки переходила от затравленной покорности к дерзости. Находясь в безопасности, Никки тут же натягивала маску, которую примерила в старших классах, старательно демонстрируя пренебрежение к окружающему миру, и особенно ко мне. Я ничего не имела против, если это позволяло ей отвлечься от наших бед. Меня не испугаешь напускным презрением.

Выудив из ведра последний пакет чипсов, я сложила его в кучу припасов и объявила:

— Обед готов.

Мы съедим наши порции, обертки сгрозим в лягушатник, а после выбросим у обочины. Не слишком

надежный способ, но за неимением лучшего сойдет и такой.

Никки вышла из душа в новом хирургическом халате, бросила пакет со скафандром в лягушатник, прошла мимо меня и, скрестив ноги, уселась над едой.

Я хотела сказать ей, чтобы не увлекалась, но подумала, что в кое-то веки еды у нас предостаточно: она съест свою порцию, и мы впервые за долгое время уснем, не ощущая, как от голода сосет под ложечкой. Какое-то время я смотрела на нее: моя Никки, моя бесценная крошка, затем направилась в душ, где принялась соскрабать с себя слои полиэтилена и изоленты. Затем убрала мусор. И только покончив с уборкой, я отпраздновала еще один прожитый день в этом не предназначенному для жизни мире.

Я продолжала жить только ради Никки. Больше мне было не за что цепляться.

После обеда, состоявшего из чипсов «Доритос», вяленого мяса и упаковки орешков в меду, сладких и соленых одновременно, словно вкус прошлого, мы улеглись спать в разных углах фургона. У нас не было ни одеял, ни простынь — слишком благоприятной среды для плесени, о которой мы не забывали ни днем ни ночью. Впрочем, в нашем распоряжении были подушки из пластиковых пакетов и не знающая жалости усталость.

Во сне мне снились апельсины, прогулки под руку с Рейчел под жарким флоридским солнцем. Вокруг росли цитрусовые рощи, не тронутые плесенью и гнилью.

Что-то разбудило меня, что-то в воздухе, отчетливо отдававшее цитрусом. Я открыла глаза, усиленно моргая, чтобы привыкнуть к свету ультрафиолетовой лампы. Затем я вдохнула этот запах.

Сухой, пыльный душок плесени ударил в лицо. Я вскочила, ощущая, как скрутило живот, и в ужасе огляделась по сторонам. Никки спала, отвернувшись к сте-

не, подставив стриженые золотистые волосы ультрафиолету.

На полу рядом с ее плечом валялась пустая бутылка без крышки. Аромат апельсинов пропитал фургон. Если в бутылке оставался сок, я бы все равно его не увидела: серость заполнила стекло изнутри, впитав остальные цвета.

— Никки?

Мой голос был похож на задушенный хрип, неразличимый даже вблизи. Я глубоко вдохнула, с ужасом осознав, что споры плесени устремились в мои легкие. От запаха плесени перехватило дыхание, желчь подкатила к горлу в бесплодной попытке смыть ее следы.

— Детка, ты меня слышишь?

Споры проникли внутрь, но пока только внутрь сока. Мои мысли неслись наперегонки, сталкиваясь, словно амебы под микроскопом. Она слишком близко, она должна отодвинуться. Если она отодвинется, ничего не случится, плесень только в соке, все еще образуется...

Никки слабо пискнула, потягиваясь. С этим звуком она просыпалась с тех самых пор, как ее, крошечную розовокожую незнакомку, извлекли из моей утробы, уже пахнущую молоком и детской присыпкой. Пере-вернувшись, Никки, моргая, уставилась на меня в ярком свете потолочной лампы. Я прижала ладонь ко рту, одним экономным жестом не давая выплеснуться ни словам, ни крику.

— Мам? — Никки привстала на локте, не замечая серого пятна, которое поглотило ее правую щеку, протянулось к уху и терялось в волосах. Брови Никки сошлись на переносице:

— Что случилось? У тебя приступ?

Я ничего не сказала. Никки проследила за моим взглядом: от бутылки на полу к своей левой уже трехпалой руке — оставшиеся пальцы, словно серой перчаткой, затянула плесень.

Я не закричала — Никки кричала за нас обеих.

Рейчел стала первой жертвой этого ужасного размягчения, но к ее услугам были больницы, люди, которые сражались за ее жизнь, пока плоть Рейчел сползала с костей, а ее нервную систему заменяли гифы. К тому времени как заразилась Никки, больницы, лечение и паллиативная медицина исчезли, возможно, навсегда.

Я была единственным, что у нее осталось. И из всех людей на свете я была наименее подготовлена к горькой и неумолимой правде.

Я одиноко бродила по разрушающимся улицам в самодельном скафандре, для верности перемотанная изолентой в тех местах, куда спорам было легче всего проникнуть. Каждый звук таил в себе угрозу, за каждым движением могло последовать нападение. Кожа постоянно чесалась, сухая и обезвоженная почти до трещин. Я не пользовалась лосьонами. Любая жидкость содержала в себе угрозу. Я до сих пор не заразилась. Несмотря ни на что, я до сих пор не заразилась. И я должна была сделать все, чтобы не заразиться.

Ведь Никки на меня рассчитывала.

Мешок прогнулся от тяжести шоколадных батончиков и бутылок с соком. Их было все труднее отыскать. Если бы выжившие на горьком опыте не научились избегать их, они давно бы исчезли с полок. Я припарковала фургон перед сгоревшей автозаправочной станцией — одним из моих любимых мест. Огонь уничтожил чахлые заросли вокруг, так меньше риска.

Забавно, что я все еще продолжала анализировать возможные риски, а главный риск преспокойно таскала в мешке за спиной.

Тем не менее я до сих пор не заразилась.

— Детка, где ты? — Я подняла заднюю дверь фургона. Внутри было темно. Я выключила свет на второй день: как-нибудь обойдусь без ультрафиолета, лишь бы Никки было комфортно. — Я вернулась, детка.

— Я здесь, мам, — раздался голос Никки из дальнего угла фургона, куда не проникал солнечный свет. В голосе появилась какая-то смазанность, словно губы уже не справлялись с артикуляцией. Я перестала заглядывать ей в рот на третий день, когда увидела, как плесень превращает коренные зубы в серую труху.

Тем не менее я до сих пор не заразилась.

Это только плесень размягчает, горе делает нас тверже.

— Куда я денусь?

— Прости, прости.

При мысли о том, что я должна шагнуть в эту мягкую размытую тьму, желудок сжался, обращая легкие в бетон. Но это был голос Никки, моей девочки, моей малютки, лучшего и худшего из того, что я совершила в жизни. Вцепившись свободной рукой в обтянутый пищевой пленкой металлический поручень, я втянулась внутрь и опустилась на колени на границе темноты.

— Я принесла тебе сок.

Ее смех показался мне влажным и тяжелым, он словно пробивался сквозь слои чего-то неназываемого.

— Я думала, сок мне вреден. Питательная среда.

Мне было нечего сказать, и я сочла за благо промолчать, лишь продвинулась чуть-чуть вперед, где на пленке уже показались первые серые следы. Затем я принялась аккуратно расставлять бутылки в ряд. Впереди я слышала отрывистое дыхание Никки. Чтобы не вслушиваться, я полностью сосредоточилась на бутылках.

Я была хорошей матерью.

Я заботилась о моей малютке.

Я делала то единственное, на что была способна. Я больше не могла ее защитить, не могла сделать то, что обязана делать мать — уберечь мою дочь от зла. Я уже не могла ее спасти.

Но я могла делать то, что делала сейчас. Покончив с бутылками, я принялась до щелчка откручивать крышки. Дыхание Никки участилось в предвкушении удо-

вольствия, но она не двигалась с места, пока я не открыла последнюю бутылку и не отползла назад, в узкий луч света.

Затем Никки придвигнулась ближе.

У нее больше не было ног как отдельных частей тела: правой и левой. Это случилось на третий день, когда плесень превратила ее в русалку. Или ламию, мифологическую женщину-змею, оставлявшую за собой на полу кривой серый след, словно пупочная артерия, которая связывала ее с новой маткой. Но эта новая мать не могла стать для Никки опорой, какой была я, пока дочь росла в моем чреве. Она сама нуждалась в помощи. И только я могла помочь ей, снабжая питательной средой: тем, что они с плесенью теперь поглощали.

Возможно, Рейчел лечили неправильно. Мы пытались заморить плесень голодом, и тогда она принялась за мою жену. Рейчел заразилась и была съедена заживо в течение нескольких часов. Не выдержав, я сбежала из больницы, но знаю, что к исходу дня от нее ничего не осталось. С тех пор как Никки заразилась, прошло шесть дней, и она по-прежнему оставалась собой, разговаривала, думала и вела себя как человек. Не обычный человек, человек с особыми нуждами и ограниченными возможностями, но все-таки человек.

Она все еще была моей малюткой.

Ручки, которые протянулись, чтобы схватить бутылку, больше напоминали щупальца. Или придатки, утратившие какие бы то ни было отличительные особенности в процессе размягчения, который происходил с телом Никки и был далек от завершения. Я наблюдала, как дочь возится со своей бутылкой в темноте, отмечая места, где ее кожа еще оставалась человеческой. Загар сошел быстро, и даже человеческие части Никки стали слабыми и бледными. Но это по-прежнему были человеческие части тела, мои глаза меня не обманывали.

Пока я вижу их, Никки еще можно спасти.

Не спрашивайте меня как. Если изобретут лекарство. Если правительство снова возьмет власть в свои руки. Моя жизнь представляла собой шаткую конструкцию из вероятностей, которая держалась лишь на этих бледных клочках кожи на руках моей малышки.

Лицо Никки осталось прежним лишь наполовину. Серая поросль на правой щеке и подбородке разрослась, но пока не затронула нос и правый глаз, хотя из правой ноздри уже пробивалась тонкая серая короста. Левая сторона лица представляла собой сплошное серое месиво с дырой вместо рта. Справа рот еще походил на человеческий. Никки опрокидывала туда сок: клюквенный, грейпфрутовый, апельсиновый, не забочаясь о вкусе смеси. Потеряв язык, она перестала различать вкусы и воспринимала только сладость.

Я смотрела, как Никки поглощает первую бутылку, проливая половину мимо рта. Мысленно я сравнивала ее расплывчатое лицо с тем, каким оно было вчера, отмечая места, поглощенные плесенью. Никки подняла глаз и перехватила мой взгляд. На ее губах появилась странная гримаска: не то ухмылка, не то презрительная усмешка. Затем она отползла в темноту, сжимая сок в серых придатках, некогда бывших ее руками.

— Убери свет, глазам больно, — протянула Никки с такой знакомой ноющей интонацией, которую использовала, когда мы запрещали ей задерживаться на вечеринках или заводили разговоры о парнях. В нынешних обстоятельствах ее тон звучал до неприличия грубо, но к тому времени наша жизнь утратила всякие понятия о приличиях.

— Хорошо, детка — ответила я, пятясь назад до края платформы, затем спрыгнула на землю и опустила дверь.

Как только дверь фургона захлопнулась, сердце чуть не выскочило из груди, а страх затопил меня до краев. Я еще моглаправляться с собой, когда видела дочь, но стоило мне оказаться одной...

Я стащила перчатки в поисках следов плесени на руках. Убедившись, что все чисто, я обратилась к лицу, выискивая на нем мягкий пушок. И только не найдя ничего, рухнула на дорогу, закрыла лицо руками и зарыдала.

Я припарковала фургон на почерневшей выжженной земле. Здесь не было места серой мягкости: кто бы ни был тот, кто поджег стоянку, он использовал правильный катализатор, сделав почву на какое-то время невосприимчивой к спорам. А значит, пока нам ничего не угрожает, а задерживаться надолго мы не собирались. Мне нужна лаборатория, место, где я смогу сохранить в изоляции то, что удержит мою дочь от распада.

Громкий стук в дверь прогремел словно выстрел в тихом утреннем воздухе. Дрожа как осиновый лист, я обошла фургон, отперла дверь и скользнула внутрь.

— Никки, дорогая, я принесла тебе сок.

За ночь плесень разрослась, поглотив большую часть стен и потолка, но почти не тронула пол. Наверняка из-за того, что слой пленки на полу был толще. Впрочем, какая разница.

Серая масса в дальнем углу не шевелилась. Первый холодный укол страха вонзился в сердце, отбросив панику, которую я испытывала постоянно, заменив ее ужасом куда более глубоким и подлинным. Словно я наконец-то осознала, чего именно по-настоящему боюсь.

— Никки? — прошептала я еле слышно. Я заставила себя шагнуть вперед, дальше, чем позволяла себе в последние дни. — Детка, ты проснулась? Я принесла тебе сок. Апельсинового не было, я помню, это твой любимый, зато есть ананасовый, грейпфрутовый и... и я открою его для тебя. Хочешь сока? Открыть? Детка? Никки?

Она не отвечала. Серая масса заполнила треть пола — и когда она успела так разрастись? Когда плесень переросла Никки? И что осталось от Никки, если здесь так много того, что не было ею?

— Никки?

Я оставила сок у входа и вползла в темноту, чувствуя, как коленки самодельного скафандра трутся о пленку. Я сдирала пленку с пола, но мне было все равно. Впервые в жизни я не устранила беспорядок, а вносила его, но мне было все равно, потому что на том конце беспорядка была Никки. Никки была там, где порядок становился хаосом, и я должна добраться до нее. Если это будет моим последним осознанным действием, я все равно это сделаю. Спасу ее или погибну с ней вместе.

— Никки?

Ответа не было. Укротив моих демонов, я опустила руки в ужасную серую мягкость и на ощупь поползла в темноте, чувствуя, как хрупкие плодовые тела разрушаются под моими руками.

Пальцы скользили в серости, ища и не находя ничего. Я осознала, что плачу. Я понимала, что должна перестать: слезы не апельсиновый сок, но как питательная среда ничуть не хуже, и в то же время чувствовала, что могу проплакать целую вечность, и ничего для меня не изменится.

На дереве всегда есть апельсин, который не поддается заражению, один кусок хлеба всегда остается нетронутым, пока синяя плесень пожирает остальные. Устойчивость присуща природе.

Никки не продержалась бы дольше, сколько бы я ее ни кормила. Я пыталась убедить себя, что плесень существует на всех одинаково. Моя дочь прожила так долго, потому что была моей дочерью, потому что я ее родила, а по странному стечению обстоятельств, благодаря необъяснимому сбою в ДНК, именно я была устойчива к плесени.

Пальцы нашарили что-то в серой пыли. Я подняла это что-то с пола, чувствуя, как оно распадается у меня в ладонях. Форма ничуть не изменилась, но никогда раньше мне не приходилось видеть его таким: без этих сжатых губ, без глаз, так похожих на мои. И все же он

был знаком мне с тех пор, как сформировался внутри меня. Это была часть Никки, которая раньше осталась обрела форму. На УЗИ-снимке внутри моей утробы он казался таким огромным. И каким же крохотным выглядел сейчас.

Череп Никки лег в мои ладони. Белые косточки просвечивали сквозь серую плесень. Мне казалось, Никки улыбалась мне.

— Привет, малышка, — прошептала я и прижала губы к ее лбу, чувствуя, как мягкие косточки крошатся от легкого и нежного прикосновения. Никакой влаги не осталось. Плесень забирала ее медленно, но под конец проглотила без остатка. Мне больше нечего было спасать.

Устойчивость не означает неуязвимости. Полная невосприимчивость в природе встречается редко. Я крепче прижала губы к черепу дочери, пока он не рассыпался в моих руках серой пылью. Лохмотья плесени остались у меня на губах, мягкие, словно сахарная вата. Я слизнула их. Плесень была совершенно безвкусной. Я заставила себя проглотить ее.

Жизнь Никки началась внутри меня. А теперь плесень была единственным, что от нее осталось. Так пусть Никки вернется туда, откуда появилась на свет.

Сидя в серой пыли, я погрузила в нее руки и принялась методично поедать плесень.

Устойчивость не означает неуязвимости.

Если повезет, скоро я увижу мою семью.

САРА ЛАНГАН

Сара Ланган — автор романов «The Keeper» и «The Missing». Роман «Audrey's Door» в 2009 году получил премию Стокера. Рассказы публиковались во множестве журналов и сборников. Сейчас работает над постапокалиптической серией для подростков Kids и двумя романами: «Empty Houses», навеянным «Сумеречной зоной», и «My Father's Host», навеянным «Гамлетом». Ее книги переведены на десяток языков, по одной снимается фильм. Дважды лауреат премии Брэма Стокера, премии Американской ассоциации библиотек и др.

Черный понедельник

На табло в Американо-азиатском музее Древнего человека: 14201 хр. э.*

Иииуууиии! Иииуууиии! Иииуууиии!

Вечер Черного понедельника. Через шесть часов Малая Апория врежется в Антарктиду. Еще через три часа Большая Апория уничтожит Берег Слоновой кости. Все, кто не укрылся на глубине десяти футов ниже уровня земной поверхности, погибнут в раскаленной пыли. Один процент человечества, которому повезло достать Билеты в подземные убежища, будет вынужден жить в них, пока не очистится воздух — примерно тысячу лет.

Иииуууиии! Иииуууиии! Иииуууиии!

© Пер. А. Шаугидзе, 2017.

* Христианская эра — наша эра, период времени, отсчитываемый от «Рождества Христова» — Здесь и далее — примеч. пер.

Северное сияние расписало небо красками в манере Джексона Поллока*. Я стою примерно в сотне футов от ступенек, ведущих ко входу в старое здание Стратегического командования воздушных сил в Офффуте, штат Небраска, — сердце Америки. Там, рядом со списанным Б-52, еще осталось местечко, где мой телефон может поймать незащищенные спутниковые волны.

Иииуууиии! Иииуууиии! Иииуууиии!

— Что это? Что происходит? — спрашивает мой муж Джей.

— Объявлен воздушный рейд для пятьдесят пятого батальона. Я слышала, война переместилась в Северную Корею. Мы проигрываем... Все покидают свои посты.

— Здесь то же самое. Швандты поубивали свой скот, — сообщает мне Джей. — Все две тысячи голов.

— Господи! Зачем?

— Они вступили в куль Дороти. Наверное, принесли жертву Богу.

— Никогда не любила Швандтов. Этот ситчик у них на кухне... — говорю я.

В небе надо мной, за мной и впереди меня переливаются огни северного сияния.

— Что написано в твоем Билете в Девятое убежище? На какое время назначен сбор?

— Их так и не доставили, — говорит Джей.

У меня в горле встает ком.

— Как это? Хочешь сказать, у тебя нет Билетов?

— Я не отходил от двери с тех пор, как ты вчера утром ушла. Никто так и не появился.

— И когда ты собирался сообщить мне об этом? После того, как Близнецы Апории врежутся в Землю и ты умрешь?

За звуками сирен мне слышны звонкие голоса Майлза и Кэша. Майлз хочет поговорить со мной («Мама?

* Пол Джексон Поллок (1912 – 1956) — американский художник, создатель техники рисования, при которой краска разбрызгивается на холст с кисти.

Это мама? Дай трубку!»). Кэш прыгает на диване. «Прыг-прыг! Прыг-прыг!» — кричит он. У них такие милые, конфетные голоса, что даже во рту становится сладко.

— Я звонил тебе трижды в час все последние сутки, — говорит Джей.

Он старается говорить спокойно, не взрываться, как это делаю я — что наш семейный психотерапевт назвал «разрушительным». Но его голос приводит меня в бешенство, потому что я — не спокойна!

— Ну и черт с ними. Это какая-то ошибка. Сегодня вечером на Крук-роуд должен быть автобус «Синей птицы», — говорю я. — Последний. Как семью военного они обязаны вас впустить.

— Что ж, план неплохой. Отправимся туда, как только обую мальчишек в ботинки.

Бензина теперь не достать. Я понимаю, что им придется идти пешком три мили через бог знает что.

— И зачем мы сняли квартиру так далеко от базы? Мы должны быть сейчас вместе. Я идиотка, — говорю я, мысленно сжимая в объятиях одного из детей. Неважно, Майлза или Кэша, главное, что держу в руках кого-то любимого.

— У нас все под контролем. Ты спасай мир! — повышает голос мой муж, чтобы перекричать сирены. — Я люблю тебя, Николь.

Иииууууиии! Иииууууиии! Иииууууиии!

Внезапно мне становится очень страшно. Потому что он произнес мое имя.

— Обними их за меня покрепче. И себя. Я тоже люблю тебя, Джей.

* * *

К тому времени как я вернулась в лабораторию, сирены умолкли, а «Боинг» RC-135 врезался в таунхаусы на Дженерал-роу.

— У ваших семей есть Билеты? — обращаюсь я к своей команде в отделе кибернетики.

Нас осталось здесь шестеро. Остальные эвакуированы из этого здания. Мы добровольно вызвались продолжать работу, потому что она очень важна.

Трой Миллер не поднимает головы от лабораторного стекла с дендритным образцом.

— А у тебя? — спрашиваю я Марка Рубина.

Марк любит поесть, не может потерять ни фунта веса и танцует брейк на офисных вечеринках. Пока в прошлом году Апория не поменяла курс и не полетела к Земле, он относился к работе спустя рукава, и его едва не уволили.

— Моя бывшая девушка, Дженнни Карпентер. Она получила свой Билет, — говорит Марк.

Он жует холодный хот-дог, обернутый целлофановым пакетом. Здесь на каждом этаже есть кафетерии, и они полны еды. После Девятого убежища это здание — лучшее место, где можно укрыться, когда ударят Апории.

— А у вас? — спрашиваю остальных.

Джим Чен, Крис Хеллер и Ли Маккуэйд молча достают свои телефоны и проверяют сообщения, словно забыв, что это охраняемое здание без внешней связи.

— Кажется, мои родители получили. Должны были, — говорит Крис.

Я прижимаю руку ко лбу. В лаборатории царит беспорядок. Обезьяньи мозги, разбросанные по стальным стаканам, похожи на медуз в детских ведерках на пляже. Столы перевернуты, инструменты разбросаны, упаковки с материалами небрежно поставлены у стен. Уборщики не заходили сюда уже несколько недель. Как и никто из тех, кто в списке. Все либо пытаются прорваться в убежища, либо дезертируют с этой секретной войны, которую шесть месяцев назад Америка развязала против большей части Азии. Никто не знает, зачем эта война и почему Сети связи выходят из строя одна за другой.

— Моя семья не получила Билетов, — говорю я.

Трой Миллер все так же не поднимает головы. Он высокого роста, всегда в костюме под лабораторным ха-

латом, и мог бы стать здесь начальником, если бы не был таким замкнутым.

— Господи, да нашим семьям не нужны Билеты! Там проверяют по отпечаткам пальцев и распознаванием голоса.

— Надеюсь, ты прав, — говорю я. — Ну как, есть прогресс?

Трой указывает на выключенного андроида, безжизненное тело которого прислонено к двери морозильника.

— Если хочешь назвать это прогрессом...

— Провал? — спрашиваю я.

— Эпический. Он пришел в ярость, — говорит Ли. — Визжал и метался по лаборатории, как бешеная горилла.

Крис закрывает лицо руками, вспоминая.

— Пытался открутить себе голову. Нам нужно встроить в них выключатель. Как же он орал!..

— Ну хватит. Экспериментировать с мозгами приматов больше не будем, — говорю я.

Трой наконец поднимает голову от своего дендрита.

— Нам нельзя использовать органику. Исключительно искусственный интеллект.

— У нас нет времени на искусственный интеллект. Апории упадут на Землю через пять часов. Давайте размораживать человеческие образцы, — говорю я.

— М-м-м... — мычит Трой, выражая свое несогласие.

Ли, который от всего этого стресса стал нервным и грубым, стучит костяшками пальцев по спине Троя.

— Давай, приятель! Бери мозг! Заверни его в телефон, и начнем!

Трой пожимает плечами. Ли продолжает стучать по его спине.

— Перестань, Ли, — говорю я.

— Мы не можем использовать человеческий мозг, — говорит Крис. — Это неправильно. С моральной точки зрения.

— Хватит, вы, кровоточащие сердца! — говорю я. — Марш в морозилку!

Мы размораживаем все девятнадцать образцов мозга. Формой они напоминают внутреннюю сторону краба-мечехвоста. Одиннадцать из них глубокая заморозка высушила и необратимо повредила. Трой извлекает гемостатическими щипцами теменную долю рассеченного мозга кадавра номер девятнадцать.

— Вот что мы теряем в переводе, — говорит он мне. — Чувства высшего порядка.

Голос у него тонкий, как у персонажа мультика.

— Да, — говорю я.

Но теменная зона — меньшая из наших тревог. Настоящая проблема состоит в связи между левым и правым полушарием. Каждая доля мозга у людей воспринимает и запоминает внешние стимулы по-своему. Они — словно разные личности. Когда приходит время делать выбор, они болтают между собой, даже ругаются. Решение принимает победитель. У людей с рассеченными долями можно непосредственно наблюдать эту ругань. Одна рука хватает сигарету, другая отталкивает ее ото рта. У пьяных побеждает одна из долей, а другая обычно засыпает. Именно поэтому некоторые люди становятся такими неуправляемыми после пинты джина, а люди с поврежденным мозгом помнят своих родных и умеют делить столбиком, но ведут себя совсем иначе, чем прежде.

В общем, именно эта болтовня между полушариями мозга ответственна за принятие наилучшего решения. Именно эта болтовня в конечном итоге отвечает за наше сознание. Мы пытаемся воссоздать ее в нашем искусственном интеллекте, но пока безуспешно.

Трой вытаскивает сомкнутый хирургический пинцет из постцентральной извилины кадавра номер семнадцать. Характерный противный звук.

— Человек сойдет с ума, обнаружив, что заперт в металлическую банку, — говорит он. — Особенно если не сможет говорить, слышать или ощущать прикосновение к себе другого человеческого существа. Говорю тебе, надо продолжать работу над искусственным интеллектом.

— Он прав, — замечает Крис.

У Крис от рождения парализованы ноги, так что она знает, о чем говорит. Она сама создала себе протезы, привив собственные нейроны к гибким пластиковым оболочкам. Поэтому ее и выбрали на эту должность из десяти тысяч претендентов, хотя ей всего двадцать один год.

— Ребята, — говорю я. — Если мы не придумаем что-нибудь, никто не выживет в убежищах. У кого есть идея получше?

Молчание. Идей получше у нас нет.

В этот момент пикает ключ-карта. Герметичная дверь с шипением открывается, и в лабораторию влетает генерал Говард Макун — глава Космической Обороны, самый высокий ранг в Офффуте из тех, кто сейчас не находится в Девятом убежище. На лбу у него — кровавая рана. Абсолютно ровный разрез от виска до виска, будто сделанный машиной на фабрике.

Макун шагает прямо ко мне. Я осознаю, что мой халат весь забрызган мозгами. Как и у остальных. Мы, наверное, похожи на бригаду мясников.

Секунду мне кажется, что сейчас он схватит меня за плечи и начнет трясти. Но он вдруг словно опомнился: останавливается и отдает честь. Я принадлежу к гражданской службе, но у него, похоже, поехала крыша. Он не первый. Подыгрываю и тоже отдаю ему честь.

— Доложите обстановку, капитан! — приказывает он, утирая кровь, капающую на глаза. Она льется так быстро, что намочила его одежду спереди, собралась лужицей у его ног, и от двери тянется след из капель.

За отсутствием военных ботинок щелкаю подошвами кед.

— Сэр! Мы близки к цели. Разрешите узнать, как дела у остальных кибернетиков? Я хотела бы предложить переместить нашу работу и перевезти наши семьи в Девятое убежище. Там мы объединим силы с другими группами кибернетиков. Нет времени для раздельных исследований.

Макун чешет голову. На пальцах остается блестящий кровавый след. Он удивленно разглядывает свою руку. Затем смотрит на кровавые следы на полу, и они, кажется, тоже его удивляют.

— Что с вами случилось, сэр? — спрашиваю я. — Произошел какой-нибудь мятеж?

— Это человеческие мозги? — спрашивает Макун.

— Да. Генерал Кампер подписал разрешение на открытие криоморозильника.

Макун в отвращении скрежещет зубами.

— Сэр, — говорю я как можно спокойнее. Я стараюсь копировать интонацию мужа, который умеет мягко разговаривать. — Вы же понимаете, что убежища нуждаются в надземных смотриителях. После столкновения спутники перестанут работать, и мы не сможем воспользоваться дронами дистанционного управления. Нам нужно что-то, способное действовать независимо от нас. Как еще выживет человеческая раса?

— Мы вернемся к разработке искусственного интеллекта, как только у нас будет больше времени, — вставляет Марк. — Это временная мера, понимаете?

— Что с вами произошло, сэр? — спрашиваю я.

— Это был только сон, — бормочет Макун.

— Что-то случилось в Девятом убежище или вас ранило здесь? Или вы сами поранились, сэр? — спрашиваю я.

Макун наконец замечает, что я что-то ему говорю. Он снова замечает кровь, мозги — и его глаза округляются.

— Кто поранил вам голову? — спрашиваю я.

Макун ставит ступни носками вместе. Его колени начинают дрожать.

— Девятое убежище! Но нам пришлось разбомбить Девятое убежище! — говорит он и глупо хихикает.

— Вы, наверное, что-то путаете, генерал, — говорю я. — Девятое убежище — единственное на пятьсот миль вокруг. Было бы глупо его бомбить. Вы уничтожили бы население всего Среднего Запада. Может, налить вам бурбона, и мы это обсудим?

— Они не слушали. Президент не слушал. Корея не слушала. Девятое убежище не слушало. Ты умеешь слушать? — спрашивает Макун.

У меня нет времени на ответ. Ноги и руки Макуна дергаются в истерическом танце. Он хватает меня за окровавленный халат, толкает меня назад, и я падаю в крутящееся кресло. Я ударяюсь лодыжкой обо что-то металлическое — с хрустом!

А Макун не унимается. Хватает щипцы Троя и швыряет их в сторону. Они приземляются на бесчувственную левую ногу Крис.

— Эй! — кричу я.

Он переворачивает стальную тележку, на которой лежат три хороших образца мозга. Шлеп! Мозги упали на пол. Переворачивает стол — на пол летят еще четыре образца. Добряк Джим Лэндерс обхватывает генерала за талию. Обезумевший, сильный, тренированный Макун приподнимает Джима, ударяет его коленом в пах, вырывается и переворачивает третий стол.

Последний пригодный для работы мозг расплощивается по полу. Брызги формальдегида летят во все стороны. Конец эксперименту.

Генерал Макун ухмыляется.

— По инструкции мне следовало бы вас убить, — бормочу я и даже не понимаю, что говорю.

Тяжело дыша, безумно улыбаясь, утирая кровь со лба, заливающую ему глаза, словно пот, Макун мечется по забрызганному мозгами полу. Оскальзываясь, ис-

полняется что-то вроде дикого победного танца. Мозги на полу превращаются в кашу.

— Пожалуйста, отдайте мне свой коммуникатор, генерал, — говорю я.

Макун коротко бросает на меня взгляд налитых кровью глаз.

— Генерал Макун! Я требую, чтобы вы немедленно отсюда вышли, — говорю я. — Мы проинформируем Девятое убежище и правительство США о ваших предательских действиях.

Вытаращенные глаза Макуна принимают свою обычную форму, выражение лица становится более спокойным. Но, кажется, безумие не исчезло, а только затаилось.

— Убирайтесь отсюда! — говорю я.

— Да, конечно, — наконец говорит он.

Голос как будто нормальный. Почти год назад, выступая на рождественской службе в церкви, он сказал, что только смелость поможет нам продержаться в эти трудные времена.

— Хорошо. Увидимся в Девятом, на военном трибунале, — говорю я.

— Нет, думаю, мы там не увидимся. — Макун открывает свой коммуникатор и начинает что-то печатать, шагая по своему кровавому следу к двери. Там он оборачивается, окидывает нас странно мрачным взглядом. — Они все мертвые. Не принимайте близко к сердцу. Это к лучшему.

Я бегу за ним в коридор. Снова включилась сирена воздушной тревоги. Еще один сбитый самолет или ядерная бомба. Или еще одна война.

Иииууууиии! Иииууууиии! Иииууууиии!

— Генерал, я требую объяснений!

Он растерянно оборачивается и молчит. На долю секунды у меня возникает чувство, что он вспоминает роль, которую играл в прежней жизни: дом на Дженирал-роу, шестеро внуков, пьющая жена, на столе — вы-

сокие стопки писем от глав государств, требующие его внимательного взгляда. Но затем растерянность с его лица исчезает.

Он больше не тот человек.

— Сэр. Что вы сделали? Все наши семьи едут к Девятому убежищу.

Генерал Макун вытирает кровь с висков и отдает мне честь.

— Они мертвы. Ваш отдел распущен, — говорит он.

Кто-то метнул черепной молоток. Трой Миллер. Тихий парень, всю свою жизнь просидевший в лаборатории, он, вероятно, никак не ожидал, что попадет Макуна прямо в середину лба.

Крепкий сукин сын стоит на ногах еще как минимум минуту. Кровь хлещет из его головы. Потом он падает.

Иииуууии! Иииуууии! Иииуууии!

Остальные не хотят прикасаться к телу генерала — слишком брезгливые. Я боюсь только того, что он еще жив.

— Нам нужен его коммуникатор, — говорю я.

Старое здание Стратегического командования выглядит как государственная школа пятидесятых годов. В лабораториях установлено самое современное оборудование, но все здесь напоминает о послевоенной разрухе — от флуоресцентных ламп до однодолларовых сэндвичей с колбасой в кафетерии для работников. В коридоре, выложенном кафельной плиткой, наши голоса отдаются гулким эхом.

Марк, осторожно расставив ноги, чтобы река крови не запачкала его мокасины, склоняется над генералом.

— От него пахнет виски.

— Пьяный недоумок, — бросает Джим. Он стоит вне образованного нами круга, прислонившись к стене. Боль от удара коленом, должно быть, еще не прошла. — Я не хочу из-за него сесть в тюрьму.

— Тюрем больше нет, — замечает Крис. — А что, если Девятый и правда разрушен? Какой смысл созда-

вать искусственного смотрителя, когда ему не за чем будет смотреть? У нас даже не осталось больше образцов!

Я опускаюсь на карточки рядом с Марком. На губах Макуна пузырится коричневая пена.

При виде этой пены Ли объявляет:

— Все, больше не вынесу.

Я переворачиваю тело Макуна ногой. Мне помогает Марк. Стальной молоток клацает, ударяясь о пол, отдается звоном внутри переднего мозга Макуна. Коммуникатор, аппарат размером с карточную колоду, выпадает из его сжатой ладони. Он весь в крови. Марк вытирает его полой своего халата и нажимает на кнопки.

— Ты чего? — спрашиваю я Троя, который рыдает навзрыд.

— Я убил его, — всхлипывает он.

— Да. Но он это заслужил.

Трой прижимается лицом к кафельной стене, чтобы скрыть слезы.

— Я слышал твои слова! Что мы должны его убить. Это военный объект. Ты — мой начальник. Ты отдала приказ. Ты заставила меня!

Хочу утешающее похлопать его по спине, но Трой такая холодная рыба, что вряд ли это оценит.

— Значит, это моя вина, не твоя. Нам нужен был его коммуникатор.

— Ты не понимаешь. Я убил его ради тебя.

— Ну я рада, что ты это сделал. Спасибо. Весьма признательна. Ты в состоянии продолжать работу над смотрителем или тебе лучше пойти домой?

— Дома больше нет, — говорит он. — У меня никогда не было дома. Только ты. Ты шесть лет была моим начальником. Это тоже семья. Могу поспорить, ты-то никогда не думала обо мне как о члене семьи. Моя мама умерла. Но я ее не убивал. Она умерла, когда я был маленьким. Она задохнулась, а с нею был только я. Мы ели ананас. Я смешил ее, и она подавилась. Я был слишком маленьким, чтобы вызвать полицию. Я просто си-

дел рядом. Я бил ее кулаками, пытаясь разбудить. Кулаками, понимаешь? Я бил ее. У нее даже остались синяки. Когда папа пришел домой с работы, он решил, что это я ее убил. Он не верил, что она задохнулась. Ты знала такое обо мне?

— Хорошо, — говорю я, решив все же похлопать его по спине. — Сейчас все в порядке. — Он словно тает под моим прикосновением, как будто ждал именно этого. — Все кончилось. Это было давно.

Я жду, что остальные что-нибудь скажут или, по крайней мере, обратят на нас внимание, но каждый ушел в себя, в свою личную кроличью нору. Мне приходит в голову мысль, что мы все спятили и изо всех сил стараемся это скрыть.

— Не могу войти, — говорит Марк, показывая окровавленный коммуникатор. — Здесь пятизначный код доступа.

Я пожимаю плечами. Я мокрая от пота. Сирены воздушной тревоги давно смолкли, но они как будто звучат внутри меня. Мне кажется, что я вполне могу умереть прямо сейчас. От страха, шока, усталости и чувства вины.

— Попробуй «один, два, три, четыре, пять», — говорит Крис. — И «два, пять, два, пять, два». Самые распространенные.

— У нас будут проблемы, — говорит Джим. — Я не хочу в тюрьму.

— Мы и так в тюрьме, — говорит Ли. — Даже если переживем столкновение и жару, мы навсегда останемся заперты под землей.

— Я уже пробовал все обычные пароли. Я что, похож на дурака? — говорит Марк.

Ли забирает у Марка коммуникатор. Набирает несколько цифр. Программа откликается на пароль.

— Дата столкновения, — говорит он, — «один, четырнадцать, тридцать один». — Он протягивает коммуникатор обратно Марку и уходит от нас по темному коридору.

Крис бежит за ним. У них интрижка. Уже несколько недель. Это ложная любовь. Любовь, рожденная страхом. Мне жаль жену и детей Ли, которые такого не заслужили.

— Куда ты? — окликаю я.

— Я же сказал. Я больше не вынесу! — не оборачиваясь, кричит Ли.

Они с Крис продолжают идти по коридору и скоро исчезают в темноте.

Секунду я смотрю им вслед, словно прощаюсь. Затем поворачиваюсь к Марку, который прокручивает историю сообщений в коммуникаторе.

— Так, слушай. Примерно двадцать минут назад Макун приказал взорвать Девятое убежище.

— И его взорвали?

— Думаю, да. После этого Девятое не выходило на связь.

— Боже всемогущий, — говорю я.

У меня подогнулись колени. Трой отлепился от стены, подхватил меня под руку. Я удивлена, что у него еще есть на это силы.

— Но почему Девятое взорвали? — спрашивает Трой.

Марк что-то печатает.

— Не могу найти. Похоже, несколько других убежищ тоже взорвали. Есть шанс, что наши семьи все еще ждут автобусов на Крук-роуд.

— Закажи «Синюю птицу», отправь за ними, — говорю я. — Скажи, чтобы везли их сюда, не в Девятое. Может быть, получится устроить убежище в этом здании.

— Не знаю, достаточно ли сильный сигнал у коммуникатора, чтобы связаться с водителем «Синей птицы», — говорит Джим.

— Не будь таким пессимистом, — говорит ему Марк. Он вытаскивает из заднего кармана еще один хот-дог, но видит, что пакет испачкан кровью, и бросает его на

пол. — Здесь будет намного лучше. Никакие генералы нам не помешают. Будет как в фильме «Рассвет мертвецов», когда они живут в торговом центре.

— Ты пытаешься шутить, потому что боишься признать, что мы все умрем, — говорит Джим.

Мы стоим вокруг тела генерала Макуна. Из его лба все еще льется кровь, изо рта идет пена.

— Давайте спустимся ниже, — говорю я. — Может, все-таки получится выжить.

* * *

Здание Стратегического командования построено семьдесят лет назад и способно выдержать взрыв водородной бомбы. Им перестали пользоваться, когда на смену холодной войне пришли урановое оружие и терроризм. Но это хороший бункер, в котором вполне можно укрыться во время удара астероида. Первый этаж укрыт цементной оболочкой толщиной в шесть футов. У меня никогда не было необходимого уровня доступа, но я слышала, что глубина туннелей под зданием достигает мили. Чтобы дезориентировать посетителей, ни один из лифтов не спускается ниже чем на пару этажей за раз, а залы имеют форму взаимосвязанных раковин. С достаточным запасом продуктов мы могли бы сделать из них убежище.

Мы пользуемся коммуникатором Макуна для навигации. В нем есть карта. Отдел робототехники находим легко — он расположен так же, как отдел кибернетики, только двумя этажами ниже цементной границы. Забираем с собой оборудование, которое, как мы думаем, нам пригодится. Затем в лифте нажимаем кнопку «6» и надеемся, что найдем хирургическое отделение. Лифт поднимается так быстро, что закладывает уши. Впервые за долгое время гравитация кажется нормальной. Воздух становится густым и влажным.

— Я мог бы тут жить, — говорит Марк. — Лишь бы Дженнি приняла меня обратно.

— Ты отдал свой единственный Билет бывшей девушке. Если это не любовь, то я ничего о любви не знаю, — говорю я.

Лифт резко останавливается. Мы чуть не падаем. Трой облизывает палец и дает ему высохнуть, проверяя влажность воздуха. У меня из головы не идет картина того, как он ребенком сидит на коленях умершей матери.

Двери открываются, и мы выходим в длинный коридор со стенами из шлакобетона и множеством глухих дверей. Карта коммуникатора здесь заканчивается. Видимо, это предел доступа Макуна. Идем налево, потому что я левша. Марк записывает наш путь в коммуникаторе, словно отмечает хлебными крошками, чтобы мы потом нашли дорогу обратно.

— Здесь холодно. Глупая затея. Мы все умрем, — говорит Джим. — Наверху мы, по крайней мере, могли бы напоследок увидеть столкновение.

— Когда мы на самом деле будем умирать, ты будешь хвастаться, что был прав? Просто любопытно, — говорит Марк.

— Заткнитесь, — говорю я им.

Потолочные светильники светят вполсилы. Тут темнее, чем я привыкла, особенно после северного сияния, поэтому идем почти на ощупь.

Мы находим еще один лифт. Вызываем его. Он едет вниз до четырнадцатого уровня.

Выходим из лифта и сразу слышим гул человеческих голосов и стук подошв о плиточный пол.

— Люди? — удивляется Марк.

Мы обнаруживаем, что в кафетерии собралось около тридцати человек. Они устроили здесь свое собственное убежище, набитое гигантскими коробками из «Уол-марта», канистры бензина и множество горшков с плющом и пальмами, что я считаю блестящей идеей — растения будут очищать воздух. Я вхожу так, словно имею право тут находиться. Никто не направ-

ляет на меня пистолет. Хороший знак. Наверное, это семья здешних уборщиков и технического персонала.

— Не знаете, где больничное отделение? — спрашиваю я женщину, которая пишет сообщение на телефоне, хотя вряд ли здесь есть прием. Она пожимает плечами. Экран телефона темный.

К нам подходят два рядовых солдата. Оба — чуть старше двадцати лет, со свежими юными лицами. В руках у них пустые пакеты из-под вяленой говядины, которые они аккуратно сворачивают и скрепляют резинкой.

— Мы можем показать вам, мэм!

Я улыбаюсь, как будто мы все еще в старом мире.

— Отлично. Мы пытаемся построить хорошего робота, который после столкновения сможет работать на поверхности. Поможете, ребята?

Они не только показывают нам, где находится хирургическое отделение, но и вскрывают дверь операционной номер один, и заносят наше робототехническое оборудование внутрь.

— Нам постоять на страже, мэм? — спрашивают они.

— Хорошо бы! — говорю я, и они остаются в коридоре.

Завершив часть работы, я спешу на свой обычный пост. Совсем стемнело. Два часа до удара. Гравитация слабая. Я представляю, как близнецы Апории мчатся к земле из далекого космоса. Малая Апория возникнет низко над горизонтом в виде полумесяца, невидимого в дневном свете. Большая Апория на фоне Малой будет казаться гигантской; ее осколки будут кружить вокруг нее, как хлебные крошки.

Пытаюсь дозвониться до Джая, но связь не проходит.

Мне приходит в голову, что даже если мы выживем, наши потомки эволюционируют иначе — в темноте, без свежего воздуха. Пожалуй, нам стоит отказаться от намерения создать смотрителя, который включит свет заново и возвестит конец наших темных веков. Мы должны встретить свою судьбу открыто, держа своих детей на руках.

Мой десятый — или двадцатый? — звонок наконец проходит. Это маленькое чудо, и я принимаю его за Божье знамение. Я выросла на Среднем Западе, поэтому верю во все это. В Святую Троицу, пресуществление, непорочное зачатие. Почему бы нет?

— Привет, — говорю я автоответчику. — Я люблю тебя. Надеюсь, ты получишь это сообщение и приедешь ко мне в Стратком. — Затем молча смотрю на телефон, хотя связь еще держится. Я должна сказать ему правильные прощальные слова, но не могу заставить себя сдаться. — Я собираюсь сделать отчаянный шаг, — говорю я. — Ради тебя. И ради себя. И ради мальчиков. Нет, не так. Просто я не знаю, что еще я могу сделать.

* * *

— Добровольцы есть? — спрашиваю я. Знаю, плохая шутка.

Я вернулась в хирургическое отделение. Новость о том, что здесь организовано убежище, распространилась быстро. Собралось уже почти сто человек. В операционной только Джим, Марк и Трой, занятые подготовкой металлических оболочек.

— Если бы ты не настаивала на искусственном интеллекте, мы бы уже далеко продвинулись. Я давно уже решил бы проблему с сингулярностью, — говорит Трой. Правая сторона его лица дергается.

— Ладно. Как тут у вас дела? — спрашиваю я.

— Думаю, имеет смысл удалить постцентральную извилину. Избавить его от ощущения утраты. Иначе у него может развиться синдром фантомной конечности. Интерфейс сети должен обеспечить достаточное количество обратной сенсорной связи.

— Ты уверен? — спрашиваю я. — Я боюсь, что это слишком сильно травмирует его с психологической точки зрения.

Трой смотрит на цементный потолок, затем обводит взглядом операционную.

- Тебя беспокоит его психология?
— Ладно, Трой, делай как считаешь нужным.

Джим и Марк показывают мне несколько перехваченных сообщений из Девятого убежища, которые им удалось отыскать в коммуникаторе. Интерфейс сети мы импортировали в свою установку и планируем использовать для автоматизации смотрителя. В Девятом произошли страшные вещи. До того как ядерная бомба Макуна взорвала убежище, сектанты культа Дороти убедили несколько тысяч человек проглотить таблетки цианида. Ученые Девятого убежища во главе с отделом кибернетики убили членов Совета национальной безопасности и начальников штабов.

— Боже мой, — говорю я. — Какой кошмар. А наши семьи? Они тоже погибли?

— В списках принятых в убежище имен наших родных не было. Похоже, они успели на «Синюю птицу». Но больше я ничего не могу выяснить.

Я посылаю одного из солдат на их поиски, затем спешу назад в хирургическое.

— Есть добровольцы? — спрашиваю я снова. Никто не отвечает. Как их руководитель добровольцем должна вызваться я. Но я не святая мученица. Я хочу еще увидеть свою семью. — Вы будете житьечно, — напоминаю я.

Марк снимает с клавиатуры жирные от хот-дога пальцы.

— Без меня вы не справитесь. У меня самые умелые руки.

— Нет, у меня, — говорит Джим. — У меня степень доктора медицины! Я даже выполнял операции на головном мозге!

— Может, попросим солдата? — спрашивает Марк.

— Нет. Мы утратим их доверие, если что-то пойдет не так, — говорю я.

Мы молчим. В операционной пахнет аммиаком и машинным маслом. Ярко светят хирургические лампы.

Я представляю, что будет дальше. Вспоминаю, как читала о лечении пиявками в восемнадцатом веке и о врачах, которые не мыли руки между операциями. О лоботомиях. Неудачных трахеотомиях. Колени у меня подгибаются, и я опираюсь на операционный стол.

— Это безумие. Я не хочу вести себя как мясник, — говорю я.

На моих глазах слезы. На этой неделе я, кажется, плачу впервые. Не помню. Я думаю о том, что мои родные, возможно, мертвы или не могут добраться до Страткома, а я вместо того, чтобы искать их, сижу в подвале на глубине мили, анализирую дендриты.

— Давайте убьем себя, — говорит Джим.

Марк бьет кулаком по стене.

— Это будет легко. Мы сделаем это вместе, — говорит Джим.

— Я хочу увидеть Дженни, — говорит Марк. — Это я виноват, что мы расстались. Я никогда не говорил ей, что люблю ее.

Я все плачу.

— Нет, это слишком трудно, — говорю я. — Я не могу принять такое решение.

Трой встает. Неуклюже хлопает меня по спине. Не знаю, что на меня нашло, но я обнимаю его.

— Все нормально, — говорю я. — Мы сделали все возможное. Особенно ты. Все нормально. Я горжусь всеми вами.

— Я готов, — говорит Трой. — Я — доброволец.

— Нет, — говорю я. — Я тебе не позволю.

— Я решил.

— У нас почти наверняка не получится, — говорю я.

Трой иронично хмыкает. Ему страшно.

— Позволь мне. Это все, что я могу сделать.

* * *

Мы принимаемся за работу. Вставляем мозг Троя в стальной кожух с подающими кислород жабрами и кро-

шечными отверстиями, через которые он может инъектировать себе калорийную сыворотку. Подсоединяя его позвоночник и центральные нервы к прорезиненным кожухам. Когда мы заканчиваем, от его тела на столе остается лишь пустая оболочка.

Я провожу рукой по стальному корпусу. Мы выстроили его так, чтобы сохранить точный рост Троя: метр восемьдесят семь. Лицевому кожуху приданы человеческие черты, на месте зрачков — камеры, которые в опытах с обезьянами успешно имитировали периферическое и центральное зрение. Под его острым подбородком, впуская воздух, открываются и закрываются маленькие закрылки. Воздух всасывается в грудь, где он фильтруется, при необходимости преобразуется в кислород, а затем возвращается к голове, где циркулирует в органическом мозге.

Почему-то я вспоминаю о матери Троя. Мечтал ли он, чтобы она наблюдала за ним до конца его жизни, сидя в том самом кресле, в котором умерла? Какие мечты появятся у него теперь?

Джим вводит калорийный раствор. Марк вставляет аккумулятор в грудь робота, завинчивает крышку. У нас осталось еще много деталей. Я слышу голоса за дверью операционной. Наша маленькая колония взбудоражена. По крайней мере, им есть чем себя отвлечь от ожидания Апорий.

Мне приходит в голову, что неважно, получилось у нас или нет, человеческой расе наступает конец. Что-то новое и отличное от нас скоро вырастет в этих стерильных залах.

Ждем. Кнопки включения у робота нет. Должна сработать нервная система Троя.

Меня подташнивает. Неожиданно и сильно.

Жабры Троя раскрываются.

Он бесшумно встает — все его сочленения недавно смазаны маслом.

— Трой? Ты меня слышишь?

Глаза-объективы Троя опускаются вниз. Он стоит прямо, лишь слегка горбит плечи. Левая половина лица, кажется, чуть обвисла и медленнее реагирует на раздражители. Но если он сможет изобразить свою фирменную ухмылку, он это сделает. Это он.

— Ты подключен? Ты меня слышишь?

Рот киборга открывается. Он издает невнятный звук:

— М-м-м...

Мне кажется, он пытается кричать.

— Насколько все плохо? — спрашиваю я.

Я касаюсь его холодной левой руки. Его постцентральная извилина не подключена, поэтому он не может чувствовать тепло моей руки через металл. Тем не менее он сжимает мою руку. Это странно человеческое пожатие, какого мне давно не хватало.

— Трой, — говорю я. — Я рядом. Ты не один.

Огоньки мигают и ярко загораются — он подключился.

— М-м-м-м! — кричит он.

Огни мигают и гаснут. Трой падает. Его жабры замирают.

Провал.

До удара остались считанные минуты. Я снова между ступеньками и самолетом. Звоню Джеку. Звонок не проходит. Тогда я начинаю рассматривать на телефоне фотографии мужа и детей. Прокручиваю, прокручиваю и не могу насмотреться.

Я поднимаю голову и вижу их прямо перед собой. Джей несет на руках обоих детей. При измененной Апориями земной силе тяжести они должны быть легкими, как перышки. Я бегу к ним. Мы обнимаемся. Я плачу. Я вдыхаю запах детей и мускусный запах Джая. Я восхищаюсь его умением оставаться спокойным перед лицом бедствия, которое до сих пор всегда приводило меня в бешенство.

Позади них из автобуса «Синей птицы» выходят остальные: семья Джима, бывшая девушка Марка, поразительно красивая и, видимо, до сих пор в него влюбленная, офицеры безопасности, курсанты ВВС и пожилой отец Троя, к которому у меня очень много вопросов.

Мы спешим в здание. Места там всем хватит. Еды запасено как минимум на год. Может быть, если мы пророем туннели в землю, научимся есть червяков и добывать воду, этого будет достаточно, чтобы выжить.

* * *

Малая Апория врезается в землю, но мы не чувствуем удара еще почти две минуты после этого. Незнакомцы и друзья, все мы сидим тесной группой на полу кафетерия, объятые страхом.

Все содрогается.

Мы ждем, что сюда просочится раскаленная пыль. Ждем час, потом два. Пыль не просачивается, но что-то идет не так, потому что вентиляторы вдруг перестали работать. Погас свет. Все погрузилось во мрак.

Никто из взрослых не издает ни звука, только изредка слышны детские голоса — шепот, всхлип, смешок. Я представляю себе птиц наверху, пепел их крыльев. Их убьет не астероид, а шлейф поднятой им пыли, который взлетит до небес и распространится по всему миру.

Кто-то раздает хлеб с маслом и воду, затем все делятся всем, что имеют. В темноте мы соприкасаемся руками, говорим слова благодарности и едим.

Спустя десять минут вновь загораются огни сотовых телефонов. Я встаю, и все стихают.

— Я попрошу вас экономить энергию своих батареек, пока мы не выясним, как снова включить электричество.

— Нужно, чтобы кто-то перезагрузил сеть, — шепчет Джим. — Иначе у нас закончится воздух.

Но затем свет внезапно включается. Вентиляция снова шумит.

Стоя рядом с мужем, я держу на руках своих детей, и нам аплодируют, как будто мы первая семья на Земле. Все улыбаются с истерической благодарностью. Я вижу Марка, который обнимает свою девушку и выглядит как самый счастливый человек постапокалиптического мира, затем вижу обеспокоенное лицо Джима.

* * *

Мы спешим наверх, в хирургическое отделение. Джей и дети не хотят отпускать меня одну, поэтому идут с нами. В дверях операционной стоит Трой.

Он сделал себя выше. Теперь в нем больше двух метров.

— Знаешь, что странно? — говорит он. Его голос стал глубже, чем обычно. Он звучит в динамиках сети, и слышен в убежище. — Я больше не грущу. Я ничего не чувствую. Теперь я понимаю, почему никогда тебе не нравился. Все обрело смысл.

Мне приходит в голову, что идея установить кнопку отключения была неплоха.

— Ты будешь рада узнать, что я отрезал верхние уровни от системы жизнеобеспечения, для тех беженцев, которые пытались проникнуть вниз и украсть ваши запасы, — говорит он. — Я чувствую, что это именно то, чего бы ты хотела, Николь.

— Ты можешь все снова включить? — спрашиваю я.

Робот вскидывает голову. Левая сторона его лица совершенно безжизненна. Левый глаз отключился.

— Готово, — говорит он. — Но это пустая трата энергии. Они уже задохнулись.

— Ох.

— Я вынужден был переработать кое-что в своем внутреннем устройстве. Это меня задержало. Вся эта болтовня в мозгу — я не мог ее больше выносить. Так что я заставил одну долю мозга утихнуть.

— Можешь разбудить ее? Она важна для принятия верных решений, помнишь?

— Я не хочу.

— Трой, у тебя есть моральный потенциал? — спрашиваю я. — Ты можешь отличить хорошее от плохого?

— Конечно, — говорит он. — Я выйду на поверхность примерно через две недели, когда температура станет приемлемой, и построю лучшую среду обитания. Я буду служить тебе, Николь. Ты же знаешь, для меня это всегда было важно. Мне нужны добровольцы. Еще десяток таких, как я. Будут работать под моим командованием. Я уверен, что, если надо, ты сможешь объявить воинскую повинность.

Мне приходит в голову, что идеальный разрез на лбу Макуна был сделан инструментом для трепанации черепа. В Девятом убежище киборги развязали войну, поэтому Макун их и разбомбил. Члены секты Дороти выбрали способ самоубийства не просто так: цианид высушивает мозг.

— Трой? Ты помнишь свою мать? — спрашиваю я. Он поднимает голову.

— Прости? Скажи это в другое ухо.

Я захожу с левой стороны Троя, которая на дюйм ниже.

— Ты помнишь свою мать?

— Да! — шелестит его голос. — Я спасу тебя. Я тебе помогу. Беги!

— Не обращай на него внимания. Мы его отключили, — кричит робот. — Тебе он все равно никогда не нравился!

Мы с Джоем стоим перед нашими детьми. Я чувствую всю тяжесть этой ошибки.

— Есть добровольцы? — спрашивает киборг.

И в этот момент Земля содрогается от удара темного двойника Малой Апории.

НЭНСИ КРЕСС

Нэнси Кресс — автор тридцати двух романов, четырех сборников рассказов и трех книг о писательском мастерстве. Дважды лауреат премии «Хьюго», четырежды — «Небьюла» (все — за рассказы), премии Старджона и «John W. Campbell Memorial Award». Пишет фантастику, фэнтези и триллеры, часто о генной инженерии. Самая свежая ее работа — лауреат «Хьюго» и номинант «Хьюго» роман «After the Fall, Before the Fall, During the Fall» — о путешествии во времени и экологической катастрофе. Нэнси периодически преподает писательское мастерство в «Clarion и Taos Toolbox». Живет в Сиэтле с мужем, писателем Джеком Скиллингстедом, и Козеттой — самым испорченным в мире той-пуделем.

Ангелы Апокалипсиса

Мы с Иеном, как и весь остальной мир, смотрели новости, когда зазвонил мой мобильник. На днях вандалы разрушили ближайшие вышки сотовой связи, но на моем телефоне это не отразилось, потому что связь у меня спутниковая. Я взглянула на номер, нажала «Ответить» и сказала:

— Нет.

— Софи! Ты должна!..

— Мам, я еще в прошлый раз тебе сказала: с меня хватит. Больше я туда не поеду.

— Но на них напали! В этот раз — большая банда! Кэрри говорит...

— Даже не надейся!

На экране пятнадцатая по счету говорящая голова говорила все то же самое, что и предыдущие четырнадцать: они пока не знают ничего определенного.

Голос матери дрожал сильнее, чем от рассеянного склероза, который поразил ее в пятьдесят один год:

— Ты должна к ним поехать! Кэрри говорит...

— Кэрри только и делает, что говорит. Тебе, мне...

Пусть хоть раз сами решают свои проблемы. Я сказала тебе: с меня хватит!

— Она ведь твоя сестра!

— Это сестринство уже стоило мне двух пальцев.

Левой рукой я машинально сжала то место правой руки, где находились безымянный палец и мизинец до того, как их оторвало шрапNELЮ. Если бы мы с Иеном верили в брак, мне бы не на что было надеть кольцо с бриллиантом. Правда, бриллиантовых колец давно уже никто никому не дарит. Да и вообще...

— Софи! — с отчаянием воскликнула мать. — Послушай, я хочу сказать...

— Я наизусть знаю все, что ты хочешь сказать.

Очередная банда головорезов, алчущих легкой добычи, напала на поселок Кротких, а его обитатели, как всегда, оцепенели и пассивно наблюдают за тем, как банда забирает все их добро. Мама хотела, чтобы мы с Иеном снова ехали туда, спасать мою бедную сестричку.

Иен, не отрывая глаз от телевизора, положил свою руку на мою. Шестнадцатая по счету говорящая голова озвучивала свой вариант той же фразы. «Мы пока не знаем ничего определенного. Пришельцы не вступают в контакт с...»

— Послушай же! Я хотела тебе сказать, что Кэрри беременна.

* * *

Большинство гражданских ученых — мирные люди и обычно не имеют дела с оружием. Коллег Иена в био-

логическом научно-исследовательском институте Амбер-Парка вполне можно было принять за Кротких. Но Иен вырос в сельской местности штата Кентукки, владеет небольшим арсеналом и научил меня им пользоваться. Он вел машину, а я разглядывала его профиль и пыталась понять, о чем он думает. Это всегда было несложно. Твердый подбородок и серые глаза не выдавали эмоций. Иен ненавидел свою привлекательную внешность: считал, что из-за нее люди не воспринимают его всерьез. Он ошибался. Иена невозможно воспринимать иначе, чем всерьез.

Пятнадцать миль от пригородной части Буффало — жилой городской части Буффало больше не существовало — до поселка Кэрри мы проехали на скорости девяносто миль в час. Старый «хаммер» принадлежал институту, и, хотя Иен имел разрешение им пользоваться, его начальство не обрадует эта поездка. По дороге мы почти не встречали других транспортных средств. Автомобилям нужен бензин или биотопливо, которым, в свою очередь, нужна функционирующая экономика: заводы, системы распределения, достаточное количество рабочих для обслуживания того и другого. Кроткие не работают в таких отраслях: это «не экологично». Некоторые пытались, но хватило их недолго.

— Иен, — сказала я. — Я очень ценю...

— Не надо, — поморщившись, сказал он.

Я заткнулась.

Поселок окружали сельскохозяйственные угодья. Пастбища молочных коров, яблоневые сады, поля с пшеницей и кукурузой. Сараи и овины, колодцы и ветряные мельницы — все построено вручную. Издалека поселение Кротких легко спутать с поселком амишей, но вблизи можно заметить яркую и иногда довольно откровенную одежду, компьютеры, мобильники и радио. Некоторые поселения Кротких — но не это — выкупали электронные компании. Кроткие ничего не имели против машин, если могли научиться создавать, использу-

зовать и ремонтировать их с минимальным ущербом для окружающей среды.

Я вышла из «Хаммера» на большой лужайке «деревенской площади» — меня бесили их тупые архаичные термины, как будто в любую минуту надо ждать танцев вокруг Майского дерева, — и сразу услышала нападавших. Они азартно крушили мебель в «общинном центре» — доме, который любая группа Кротких строила в первую очередь.

Кричали люди, звенели, разбиваясь, стекла, трещало дерево. Стрельбы не было, но это не означало, что они не вооружены. Полиция, конечно, не приехала. Даже если кто-то из поселка вызывал полицию, те редко к ним приезжали. Начальник полиции говорил, что не хватает людей. Это правда. Американский союз гражданских свобод говорил, что полицейские ущемляют права Кротких, не желая их защищать. Тоже правда. Копы — как Бог — в основном помогают тем, кто сам себе способен помочь.

— Я посмотрю, что там, — сказала я Иену.

Он встал за «хаммер», чтобы меня прикрыть.

Когда я подошла к окну, из него вылетела скамейка. Я увидела всего четырех: троих мужчин и одну женщину, и все, конечно, в возрасте около сорока или старше. Не меньше пятнадцати Кротких, в их числе четверо детей, жались к стене в дальнем конце комнаты. Взрослые вполне могли бы одолеть нападавших: когда те поднимали мебель, чтобы бросить ее и разбить, их пистолеты легко было выхватить из кобур. Но Кроткие стояли у стены неподвижно. Стояли как замороженные, только их глаза метались по комнате.

«Трусы».

«Выраженная брадикардия непроизвольного страха».

Оба термина одновременно пришли мне на ум, но я отбросила эти мысли.

— Эй! — крикнула я и выстрелила в воздух.

Нападавшие обернулись.

Они были растрепанные, грязные и, скорее всего, пьяные. Лишь один из них достал пистолет — остальные, вероятно, и не заряжены, — но я отрезала:

— Даже не пытайся.

За моей спиной возник Иен со своим «АК-47», который выглядел здесь до смешного излишним.

— Кто-нибудь пострадал? — спросила я одного из Кротких.

Он с большим усилием покачал головой.

— Убирайтесь отсюда, — велела я отморозкам. — Если кому-нибудь в поселке причинили вред, если кто-нибудь из вас еще вернется сюда, клянусь, я выслежу вас. Всех и каждого. Капитан Зап сфотографировал вас на свой телефон, и мы легко узнаем, где вы живете. Ясно выражаясь? Ясно?

Один за другим они кивнули. Только парень с оружием пытался принять угрожающий вид, но я посмотрела ему в глаза, и он сразу же опустил и взгляд, и пистолет. Через минуту они смиренно удалились.

Кроткие постепенно выходили из оцепенения. Взрослые опустились на колени, чтобы успокоить детей. Кэрри среди них не было, но я и не ожидала ее здесь увидеть: раз она сумела позвонить матери, она не находилась рядом с бандитами.

Иен, оставаясь ученым в любой ситуации, попросил разрешения взять у них образцы крови. Все ответили «да». Образцы крови были валютой, которую они платили таким людям, как Иен или я. Чтобы мы делали для них то, что они не сделают для себя. Кроткие это понимали. Они трусливы, но не глупы.

А я пошла искать сестру.

* * *

Все началось с вулкана. В Индонезии взорвалась какая-то гора, и по всему миру распространился пепел, содержащий странное вещество, которое повлияло на развитие зародышей (и влияет до сих пор). Вещество

было древним, как и спящие гены, которые оно активировало. Прошло двадцать пять лет, и до сих пор исследователи, такие как Иен, пытаются каталогизировать все эффекты, которые те немногие гены оказывают на полмиллиона миль нервных волокон в мозге человека — не говоря уже об остальной части тела. Вот краткий список:

- Кооперативные, альтруистические черты личности.
- Экстремальная брадикардия непроизвольного страха — парасимпатический отклик нервной системы на насилие. Падает частота сердечных сокращений, ухудшается снабжение мозга кислородом, деревенеют мышцы, нарушаются связи между мозжечковой миндалиной и околоводопроводным серым веществом. Возможно усиление потливости. Возможны обмороки. Возможна смерть.
- Преувеличенная заботливость о других людях в связи с повышением выработки в организме окситоцина.

Интересно, что каждое из этих состояний считалось нормой, если показатели не превышали определенных границ. Кроткие раздвигали эти границы. Они отличались от нас эпигенетически, их ДНК превращала их в гораздо более приятных людей, чем все остальные. Они были слишком добры, чтобы уничтожать друг друга, уничтожать нас, уничтожать животных (они, разумеется, вегетарианцы) или чтобы причинять вред окружающей среде. Просто ангелы, черт их возьми.

Но разве люди не выше своей биологии? Люди ежедневно сопротивляются своим биологическим побуждениям, отвергая их в пользу культурных, таких, например, как моногамия. Или спасение людей из горящих

зданий. Или оставление в живых того гада, который выхватывает у тебя из рук кошелек.

И огромный, на газиллион долларов, вопрос: почему Кроткие — такие?

По Интернету дрейфовали сотни теорий. Свидетели Иеговы пророчили конец света. Дарвинисты считали, что это очередной виток эволюции. Земля, как богиня Гея, восстала против нас, чтобы защитить себя от тех, кто ее загрязняет, кто добывает нефть, уничтожает животных и покупает воду в пластиковых бутылках. Или...

Шагая по деревенской улице, я взглянула на голубое апрельское небо.

Но, конечно, ничего не увидела. Инопланетный корабль находился на орбите между Землей и Марсом, слишком далеко, чтобы до него долетело с Земли что-нибудь опасное.

* * *

— Они брали все медное, — сказала Кэрри. — Содрали нашу электропроводку, отломали трубы. Видимо, им зачем-то нужна медь.

— И это их оправдывает?

— Конечно, нет, Софи.

У моей сестры были такие же мягкие черты, как и у всех Кротких. Лицо из другого века: спокойные глаза, бледное овальное лицо, пушистые светлые локоны. Наденьте на нее плюснутый воротник и корсаж, и она будет выглядеть, как одна из тех покорных дам при патриархальном дворе семнадцатого века. Как всегда, с тех пор как мы были детьми, она будила во мне желание над ней поиздеваться.

— Какой у тебя срок?

Кэрри заморгала.

— Мама тебе сказала?

— Конечно, мама мне сказала. Иначе зачем бы я сюда приехала? Если желаешь получить пулю от ка-

кого-нибудь грабителя, дело твое. Но я не допущу, чтобы из-за того, что ты не станешь себя защищать, погиб мой племянник или племянница.

— Я не думаю...

— Живот уже видно. Ты возвращаешься вместе со мной и Иеном.

— Нет. — Даже вся ее тонкая фигурка содрогнулась, как будто сама мысль о том, чтобы жить с нами, была отравлена. — Софи, я не могу.

— То есть не поедешь?

— Не поеду.

— Ладно, если так, я умываю руки. Поняла меня? Это был последний раз, когда мы рисковали жизнью ради людей, которые пальцем не пошевелят, чтобы сами себе помочь. Но прежде чем я уйду, может, объяснишь? Почему ты со мной не поедешь?

И тогда Кэрри назвала самую глупую, самую никчемную причину из всех, какие я слышала от нее в течение всей ее жизни, целиком состоящей из глупых, никчемных причин. Она сказала:

— Этот поселок — единственное место, где я чувствую себя в безопасности.

В гневе, в негодовании, с презрением я повернулась к ней спиной и вышла.

* * *

Первое отчетливое изображение корабля пришельцев мелькнуло на настенном экране, когда его поймал в объектив китайский космический беспилотник «Надежда небес» в своем долгом разведочном полете к облаку Оорта. Инопланетный корабль выглядел как длинный конический цилиндр из сероватого металла с тремя странной формы выступами, словно прилепленными где попало по одной стороне корпуса. Обитателей корабля не было видно даже на увеличенном изображении. Дистанционно управляемые сигналы, посыпаемые в различных формах, на волнах разной длины, остались

без ответа. Пришельцы не заинтересовались ни простыми числами, ни последовательностью Фибоначчи, ни числом пи.

— Идиоты, — пробормотала я.

Мы с Иеном, одетые в пижамы, сидели на диване и ели пиццу. Наша квартира в укрепленном жилом комплексе при биологическом институте была маленькой, но безопасной. Никому не удалось бы забрать у нас медные провода.

В квартире имелась крошечная спальня и маленькая гостиная, где стоял подержанный диван, застеленный уродливым пледом, стол и шаткие стулья. Зато на стене гостиной висел отличный многофункциональный экран. Ученые института понимали, что важнее для их сотрудников. Я приготовила пиццу — сама, потому что пиццерий было мало, и ни одна из них больше не доставляла еду на дом: слишком опасно. Тесто у меня подгорело.

Иен, к моему удивлению, отставил свою тарелку и взял мою руку в свою. Он редко демонстрирует чувства.

— Софи... Тебе нужно перестать злиться.

— Но ты только посмотри на них! Сидят там, как какие-нибудь лорды, и ждут, что на Земле все проблемы сами собой разрешатся, даже больше, чем уже...

— Я не имею в виду — на них.

Я заглянула ему в глаза. При определенном освещении его серая радужка отливалась серебром. Эти глаза были моим домом, только я никогда не говорила этого вслух: слишком глупо.

— Ты имеешь в виду, что я злюсь на Кэрри.

— Нет. Я не это имею в виду.

— Тогда что...

Он отпустил мою руку.

— Я дам тебе время самой это понять.

— Ты же знаешь, я терпеть не могу, когда ты говоришь со мной так свысока.

— Я не говорю свысока, — сказал он, снова беря тарелку. Он откусил кусок моей посредственной пиццы и переключил канал.

В новостях по стране все было плохо. Безработица достигла сорока девяти процентов. Загорелись еще два города: Атланта и Сан-Франциско. Сан-Диего тоже горел, но не из-за беспорядков, а из-за лесных пожаров. Валовый национальный продукт упал ниже плинтуса, и либералы ругали его как могли. Дети голодали, старики голодали, животные в зоопарке тоже голодали. Когда вся молодежь до тридцати лет не работает ни в одной отрасли, последствия в конечном итоге касаются всех. Население и до этого быстро старело, а теперь нас ожидал медленный, мучительный распад. В Соединенных Штатах не происходило революции только потому, что революции совершаются молодыми людьми, а все наши молодые были Кроткими.

В остальной части мира ситуация была такой же или хуже — за исключением Китая. Их политика одного ребенка в семье удержала число Кротких на минимуме, а через несколько лет после извержения вулкана они ограничили рост населения еще больше. К ним беда придет позже, чем к нам, но придет. А пока они — единственны, чья космическая программа, вся такая секретная и пугающая, успешно процветает.

Особенно тревожило то, что экономикой в стране управляли идиоты. Луи Уильям Портер, очередной учений теоретик заговора, извергал с телеэкрана свою кухонную теорию устройства мира:

«Является ли простым совпадением то, что вся наша молодежь биологически утратила дееспособность, что в нашей славной стране упала экономика — в то время как мощь Китая нарастает и в небе присутствуют так называемые инопланетяне? Верите ли вы в такие совпадения, друзья мои? Я, разумеется, не верю. Нет! Это не случайность! Это план, самый отвратительный и самый опасный заговор из всех, когда-либо составленных

против Соединенных Штатов их мировыми врагами. Все это было спланировано в лабораториях и на космодромах Пекина. Во-первых, были созданы и распространены по всему миру яды, которые нанесли ущерб нашим невинным деткам. Десятилетие спустя были представлены так называемые «свидетельства» присутствия корабля «инопланетян», чего-то выжидающих в космосе. Нет там никакого корабля, друзья мои, есть только маниакальное стремление китайцев к мировому господству и...»

— Выключи, — сказала я. Иен нажал кнопку на пульте. — Портрет — не кто иной, как сумасшедший.

— Но огромное количество людей верит ему, и их число все растет. Люди хотят отыскать виноватых.

— И им обязательно нужны кто-то трое — инопланетяне, китайцы и Кроткие — в качестве несвятой троицы? Внеземные отцы, язычники-сыновья и бесплотные духи?

Иен рассмеялся. Остроумие было одной из моих черт, которые ему особенно нравились. Боже мой, как же я его люблю.

Любовь настигает человека в любые времена.

* * *

Исследовательская группа Иена совершила прорыв. Он спустился в столовую, чтобы мне об этом рассказать. Его серые глаза светились, лицо было оживленным. Он нашел меня в задней комнате, где я мыла посуду после обеда. Тед и Сара уже ушли. Настенный монитор на кухне показывал запись какой-то древней комедии, которую я слушала вполуха. До Коллапса, когда люди еще имели обыкновение страховать свои жизни, я работала страховым регулятором. В колледже я получила диплом по специальности «английский язык», так что я не годилась ни для какой работы в лабораториях института, но Иен нашел мне это место, чтобы я не вошла в те сорок девять процентов безработных.

Зарабатывала я крохи, но это не важно. Кормить людей — нужное дело. Я не ахти какой повар, но нарезать-смешать продукты и помыть посуду сумею. Моя мать делала эту работу всю свою жизнь.

— Софи! Кажется, мы изолировали его! Белок!

Я вытерла руки не особенно чистым полотенцем.

— В самом деле?

— Да!

Он пустился в длинное, путаное объяснение того, что сделала его команда — или, может быть, что делал тот белок. Я не уделяла внимание биологии в школе, но от Иена узнала о «центральной догме» молекулярной биологии Фрэнсиса Крика: генетическая информация передается с ДНК на РНК, с РНК на белок. Белок потом сворачивается и творит свои дела в клетке и вокруг клеток. Если белок свернется неправильно, мы получим прионы, которые могут привести к массе ужасных последствий вроде коровьего бешенства или болезни Альцгеймера.

И поэтому я спросила:

— Это неправильно свернутый белок?

— Как минимум — иначе свернутый белок.

Я промолчала. Иен никогда не называл Кроткость болезнью: это не соответствовало каким-то там «постулатам Коха». Но у Иена не было младшей сестры.

— И что теперь? — спросила я.

— Мы его изучаем.

Он начал подробно разъяснять, в чем состоит «изучение», но я уже не слушала. Настенный монитор прервал комедию и прибавил звук.

«...сообщает, что в городе Эри, штат Пенсильвания один из так называемых Кротких был арестован по обвинению в убийстве. Жертвой стал шестилетний ребенок, чье имя пока не разглашается. Предполагаемый подозреваемый, Мартин Майкл Шилдс, заключен без залога...»

— Это невозможно, — сказал Иен. — Либо на самом деле он не Кроткий, либо они поймали не того человека. Брадикардия непроизвольного страха...

Я смотрела на экран. Мартин Майкл Шилдс определенно выглядел как Кроткий: крупный парень чуть старше двадцати, с тем же застенчивым, растерянно блуждающим взглядом, какой я наблюдала на лице сестры всю свою жизнь.

— Это подстава.

— Что?

— Подстава. Кто-то убил ребенка, чтобы можно было обвинить Кроткого.

Я ощутила горечь. Мучился ли ребенок? Мальчик это был или девочка?

«...шестилетний ребенок...»

Иен нахмурился.

— Зачем?

В науке он был гораздо умнее меня, но в таких вещах не разбирался.

— Чтобы оправдать насилие против Кротких. Не то насилие, которое уже произошло. Нечто большее. Что-то большое и скоординированное.

— Это отдает паранойей, Софи.

Я надеялась, что ошибаюсь. Очень надеялась.

* * *

Всю следующую неделю я только и делала, что смотрела новости. Дома я смотрела их на настенном мониторе. В столовой института я старалась держаться поближе к задней части кухни, где держала экран настроенным на канал новостей.

В конце концов Тед, Сара и Кайла, наш новый повар, возмущались.

— Хватит слушать про гибель и мрак, — сказала Сара, переключая экран на повтор какого-то сериала, такого старого, что Нью-Йорк в нем был запружен ав-

томобилями. Через полчаса я сказалась больной, пошла домой, там села перед телевизором и стала смотреть все новости, какие передавали. Несколько раз я даже смотрела европейские и азиатские программы, с переводом и без. Я сказала Кайле, что у меня грипп.

Подобные нападения произошли уже в семи разных странах. Детей убили и изуродовали. Каждый раз злоумышленником оказывался очередной Кроткий, чьему были обнаружены «вещественные доказательства». Маленький мальчик в Сан-Диего, девочки-близнецы в Мюнхене, дети в Каире, Шанхае, Мумбаи, Рио и Лондоне.

В каждом выпуске появлялся Луи Уильям Портер и орал, брызжа ядом, что инопланетный корабль не случайно возник как раз перед тем, как Кроткие «взбесились».

По всему миру участились нападения на Кротких. Атаки стали более организованными и чаще приводили к смертям.

Мать постоянно звонила. В конце концов я перестала отвечать. Раз десять я брала в руки телефон, чтобы позвонить Кэрри, но затем снова откладывала его в сторону.

Что я ей скажу? «Приезжай сюда»? Институт не защищал никого, кроме собственных кадров. Поезжай куда-то еще? Не поедет. Вооружись, подготовься к атаке? Не станет.

В конце концов я начала звонить ей несколько раз в день, слушать, как она отвечает: «Софи?» — а затем быстро клала трубку. Пока ее голос звучал спокойно, я знала, что в ее поселке все в порядке.

По телевизору показывали все больше убитых и изуродованных детей.

Ученые возражали. Иен выступил в программе «Разбор новостей», где стал объяснять, что биология Кротких, «как она понимается в настоящее время», делает такое насилие для них невозможным. Именно эта его

объективная справедливость и подвела Иена. Через пятнадцать минут после трансляции «Разбора» Луи Уильям Портер торжествующе, чуть ли не облизываясь от удовольствия, провозгласил, что «наука, как она понимается в настоящее время» подразумевает как неполное понимание всех механизмов, так и возможность изменений в них. Биология Кротких изменилась, и причиной тому были пришельцы. (Портер передумал насчет их существования, теперь они были не только союзниками китайцев, но и напрямую управляли Кроткими, «как бездушными марионетками!»)

Как только Иен вернулся домой, я напустилась на него:

— Какого черта ты так сказал?

Он стоял в дверях нашей квартиры, и на секунду я увидела все его глазами: включенный настенный экран, перед которым я сижу несколько дней, грязную посуду с остатками причудливых сочетаний продуктов из кладовой, да и сама я выглядела не чище посуды. Я несколько дней не принимала душ. В квартире воняло. Иен, однако, тоже был не в лучшей форме: бледный, с опухшими веками. Он понимал, что обляжался.

Он проговорил преувеличенно ровным голосом:

— Я так сказал, потому что это правда.

— Иен Макгилл, великий служитель истины! Теперь погибнет еще больше людей, и только потому, что тебе нужно было сохранить твою научную чистоту!

Он сделал шаг вперед, и на мгновение я подумала, что он меня ударит. Иен, который никогда не был жесток. Но он не был и Кротким, и я знала, что в своем гневе я преступила важную черту. Но он овладел собой, бросил на меня взгляд — такой яростный, что он опалил мне мозг — и ушел в спальню. Я услышала, как щелкнул замок.

Я взяла свой мобильный, набрала номер Кэрри и, услышав ее голос, повесила трубку.

Через несколько дней, произошло нападение. Не на поселок Кэрри — другое нападение, которого я ожидала.

Только циники вроде меня полагали, что остатки правительства Соединенных Штатов ошибаются насчет космической мощи Китая. Ошибались они, лгали или хранили дипломатические тайны — в конце концов все свелось к одному и тому же. НАСА заявляло, что ни одна страна на Земле не имеет таких ядерных ракет, какие могли бы долететь до инопланетного корабля, однако четырнадцатого мая, в два сорок семь утра по восточному поясному времени, Китай поразил инопланетный космический корабль такой ядерной мощью, что ее хватило бы, чтобы стереть с лица земли весь Лос-Анджелес.

Наш единственный оставшийся на орбите телескоп заснял нападение на камеру. Ракета взорвалась, а корабль — нет. Снято было не крупным планом, но было ясно видно, как за наносекунду до того, как в него попала ракета, корабль выпустил голубую дымку. Ракета исчезла, а корабль продолжать спокойно плыть в пустоте, его хрупкая на вид оболочка и странной формы выступы остались нетронуты.

Новостные ленты взорвались: посыпались теории, обвинения, контртеории, контробвинения, защита и оскорблений — просто чертов судебный зал на радиоволнах. Через несколько часов я перестала их слушать. Я больше не знала, пришельцы ли вызвали биологические изменения в Кротких, или это сделал вулкан, или Большой Взрыв, с которого началась Вселенная. Я была уверена лишь в одном: обитатели корабля выживают. Если потребуется, они будут ждать многие десятилетия. Пока все, кому сейчас больше тридцати пяти лет, все, в ком осталась красная кровь и умение пускать в ход зубы и когти, все, кто родился до эпохи Кротких, — пока все они не умрут.

Но зачем? Ждут, когда планета окажется населенной только смирными, покладистыми существами, с ко-

торыми можно объединиться? Или пассивными существами, которых легко победить?

Внезапно я очень устала. Я хотела спать и страстно, как в пять лет, хотела мороженого. После нашей перепалки Иен оставался в лаборатории. Я, шатаясь, направилась к спальне.

Прозвенел дверной звонок.

Иен? Хочет помириться? Это единственное, что лучше, чем сон. Со слезами на глазах я бросилась открывать дверь.

На пороге стояла моя мать — смертельно бледная, она опираясь обеими руками на трости. Одна из тростей покачнулась, и мать рухнула в мои объятия.

— Ты... не... не отвечала...

Меня затопил стыд, но он сразу сменился гневом. Это был привычный гнев, тот же, что я испытывала с тех пор, как мне исполнилось десять. Я резко сказала:

— Конечно, не отвечала! Ты меня дергала по двадцать раз в день. Никто в здравом уме не выдержал бы такое! Ты с ума сошла, проехать весь этот путь, в твоем состоянии?.. Как ты вообще добралась?

— В бронированном... такси...

— Черт побери, садись же скорее!

Я посадила ее на диван, принесла ей стакан воды и смотрела на ее дрожащие ноги и подергивающееся лицо, как будто твердый взгляд мог проникнуть в ее череп и ввести туда немного здравого смысла. Бронированное такси стоит целое состояние. Поездка стоила матери всех ее сил. И я знала, что будет дальше.

— Софи, — сказала она, когда пришла в себя достаточно, чтобы начать говорить. — Ты должна поехать!

— В поселок, — добавила я.

Глупо. Конечно, в поселок. Куда же еще? Всю нашу жизнь для матери самое большое значение имело благополучие Кэрри. Я переступила с носков на пятки, словно готовясь к драке.

Но мать на мгновение отвлеклась.

— У тебя тут бардак. И пахнет. И ты пахнешь. — А потом: — Где Иен?

Я не хотела обсуждать Иена.

— Что происходит в поселке? Новые нападения?

— Пока нет. Нет... Там медведи!

— Медведи?

— Целый табун! Они влезают в дома и забирают еду, а вчера один убил одного из друзей Кэрри! Помял его до смерти! — Мать заплакала.

С тех пор как ее болезнь обострилась, она легко плакала — эта женщина, которая никогда не плакала, когда я была ребенком. Раньше она была прочнее стального кабеля, и ее слезы казались мне чем-то физически неправильным, как если бы у нее вдруг вырос второй нос. Но даже я, городская женщина, знала, что медведей обычно можно отпугнуть шумом и размахиванием руками. И все равно...

— Мама, ты хочешь сказать, что чокнутые пацифисты вроде Кэрри даже с животными не могут бороться? Ни с медведями, ни с дикими кошками, ни даже с тиграми, если какой-нибудь тигр забредет в округ Эри?

— Могут, конечно. Но у них нет оружия, нет ничего, чтобы бороться с медведями!

Страх на лице этой пожилой женщины вдруг сменился странным достоинством. Она тихо сказала:

— Все, что я хочу от тебя, чтобы ты съездила туда и отвезла им ружье. Большое ружье. Больше ничего.

— Они его не возьмут.

— Раньше не взяли бы. Но теперь, может быть, и возьмут. Из-за медведей.

Ее взгляд не отрывался от моего лица. Она сидела в моей провонявшей квартире на моем жутком диване, выпрямив, насколько могла, свою слабеющую спину, подняв ко мне свое измученное лицо. Она бралась за все виды самых жалких работ, чтобы обеспечить Кэрри и мне достойную жизнь — тогда, в другом мире, ко-

гда люди, которые не были Кроткими, еще могли позволить себе достоинство.

— Ладно, мам, — устало сказала я. — Дождемся рассвета, и я отвезу Кэрри ружье.

* * *

Я взяла из арсенала Иена дробовик двенадцатого калибра, много патронов и пистолет сорок пятого калибра — у пятидесятиго калибра слишком сильная отдача, так что я плохо с ним управлялась. Подумала, не прихватить ли «АК-47» — какая нужна мощь, чтобы остановить медведя? Но все же оставила автомат дома.

День был ясный и теплый. Примерно в полукилометре от поселка Кротких какие-то люди разбили в поле целый лагерь. Еще пару недель назад их там не было. Прошлым летом на этом поле паслись коровы. Не знаю, что с ними случилось. Съели, наверное. Теперь же появился городок из потрепанных палаток, нескольких машин и древний автофургон. На таком удалении от Буффало паточенные городки редко разбивались, пока урожай не поспеет для сбора — или воровства. А сейчас только май.

Потом я увидела флаг.

Он привлек мое внимание своей новизной, когда я притормозила, чтобы пересчитать палатки. Я насчитала двадцать штук. Среди травы не играли дети. Значит, это не лагерь беженцев. Флаг развевался на высоком шесте, очень похожем на мачту от старой лодки. Чистая белая ткань с надписью ярко-красными буквами: «Долой Кротких-инопланетян». С каждой буквы капала кровь.

Меня обогнал грузовик, двадцатилетний пикап «шевроле». В кабине сидели двое мужчин. Пассажир оглядел меня с подозрением. Они свернули на дорогу к поселку Кэрри. Но когда я приехала туда, я не увидела «шевроле».

Зато увидела медведей.

Два взрослых черных медведя рылись в куче, как я предположила, компоста в поисках чего-нибудь съедобного. Третий топал к деревянному дому общинного центра, а на холме за поселком стоял олень. Прямо какой-то чертов зоопарк. Людей нигде не было видно. Который из этих медведей (или здесь есть еще?) убил человека и почему?

Из общинного центра вышли несколько человек. Они гремели кастрюлями и сковородками, громко кричали и пели. Медведь остановился, повернулся обратно. Стоя у машины с дробовиком двенадцатого калибра, я чувствовала себя идиоткой. Ясно, что я тут не нужна. Среди кастрюльного ансамбля стояла и Кэрри. Я видела, как она открывала рот — видимо, пела, — но ее голоса среди грохота не было слышно. Ее вид вызвал во мне такую бурю противоречивых эмоций, что я резко развернулась, собираясь поскорее вернуться в машину. Я презирала и ее, и всех Кротких. Пассивные трусы. Косвенно они виноваты в нашей с Иеном размолвке. Она носит под сердцем моего племянника или племянницу, но этот ребенок тоже будет трусом. Не сделает ни одной попытки преодолеть свою биологию.

Медведь, топающий вразвалку от общинного центра, вдруг громко взревел и бросился вперед. В следующую секунду я увидела медвежонка у рощицы на холме. Между медвежонком и его матерью, но гораздо ближе к медвежонку, шел мальчик лет шести.

Ребенок услышал рев, увидел медведя и замер. Откуда, черт возьми, он взялся и почему он на улице один, когда все сидели по домам? Словно в замедленной съемке, ощущая этот момент настолько остро, что им можно было резать стекло, я увидела, как рот мальчика раскрылся — он закричал, но, как и песню Кэрри, его крика не было слышно.

Кэрри бросила кастрюлю на землю и помчалась к ребенку. Она была ближе к нему, чем медведица — они добегут до малыша одновременно.

Я выстрелила, пока она не поравнялась с медведем, а затем выстрелила еще раз. Медведица упала. Кэрри схватила ребенка. Другие медведи убежали. Медвежонок исчез за деревьями.

Когда я побежала, Кэрри стояла на коленях, обняв мальчика.

Она подняла голову и посмотрела на меня.

— О, Софи, спасибо! Бедный медвежонок, надо его поскорее найти, может, мы вырастим его, потому что ты...

Я ударила ее по щеке. Ничто еще не доставляло мне такого удовольствия.

Но потом кто-то развернул меня, крепко взял за плечо и отводя вниз мою руку с ружьем. Это был пассажир из пикапа, бородатый мужчина, одетый в грязные джинсы и футболку, из низко вырезанной горловины которой торчали седые волосы.

— Мэм? Вы с нами?

— С кем? — Я сняхнула с себя его руки. — Ты кто, черт побери, такой?

— Люди приезжают сюда, чтобы предотвратить резню. У нас не так много времени. Я думаю, всего пара часов.

Водитель пикапа разговаривал с группой Кротких у общинного центра. Некоторые из них качали головами. Кэрри по-прежнему стояла на коленях у моих ног, бормоча слова утешения ребенку, которого спасла, рискуя жизнью. Они оба все еще выглядели испуганными — но не застывшими.

Мужчина тихо сказал:

— Вот ведь чертовы дураки эти Кроткие. Но все же они не заслуживают того, чтобы их перерезали те люди в палатках. — Он сплюнул на землю. — Так вы с нами или уезжаете? Надо составить план.

* * *

Я успела позвонить Иену. Он ответил сразу. Наверное, мама уже его предупредила. Я сообщила ему, где

я и почему. Я не спросила, придет ли он в поселок с остальным своим оружием. Я знала ответ.

Некоторое время мы обменивались неловкими фразами, а потом он резко сказал:

— Ты так и не спросила, в чем состоял наш прорыв.

— Что?

Для беседы о науке время было неподходящим.

— Тем вечером, когда я ушел ночевать в лабораторию. Ты не спросила меня, в чем состоял прорыв нашего исследования. Тот самый, из-за которого я спешил домой, чтобы поскорее тебе рассказать.

— Иен, мы вроде как были заняты... ругались и...

— Ты так и не спросила. И не позвонила, чтобы поинтересоваться.

— Ну и в чем же он состоял? — Я услышала сарказм в своем голосе, пожалела об этом, не сделала ничего, чтобы смягчить тон. — Вы сможете вылечить всех Кротких?

— Ты ведь знаешь, что так это не делается. То, что мы обнаружили, — это очень важный шаг к пониманию того, каким образом перепрограммирован мозг Кротких. — Он невесело усмехнулся. — И вообще, тебе бы не понравилось, если бы мы смогли их вылечить.

— Что? — Я искренне удивилась.

Внезапно его голос напитался ядом. Никогда не подозревала, что Иен на такое способен.

— Если бы мы вылечили Кротких, ты лишилась бы оснований злиться на саму себя за то, что ты не так добра, как твоя сестра. А без этой злости ты не знаешь, кто ты есть.

Когда мои пальцы, все восемь, снова смогли двигаться, я отключила связь.

* * *

Я затаилась на своем месте, на крыше общинного центра за грудой бетонных блоков. Люк Эймс, наш самопровозглашенный лидер, назначил позиции, раздал оружие и боеприпасы для всех нас. Для всех пяти защитников поселка.

В прошлой жизни он служил на флоте. Мы не знаем, сколько человек в том лагере. И знаем, что Кроткие не придут нам на помощь.

«Если бы мы вылечили Кротких, ты...»

Автомат Люка «АК-47» уже нагрелся в моих руках. У меня есть шляпа, но летнее солнце раскаляет оружейную сталь. Я должна мысленно репетировать инструкции, которые Люк дал своей крохотной армии, но вместо этого моя голова полна разных картинок. Всего того, что утратил мир, того, что составляло ткань жизни, пока я росла. Футбол во дворе ясным осенним днем. Военные фильмы, исполненные героизма. Красивая военная форма.

«...лишилась бы оснований злиться на саму себя за то...»

«Анна Каренина», «Оливер Твист» и «Паутина Шарлотты». Корпорации, которые начинались с маленького цеха в гаражах и росли благодаря упрямому, злобному индивидуализму. Кроткие делали все сообща, и никто из них не был упрямым или злобным. Никто из них не позволит сироте голодать, не бросится из-за любви под поезд, не пустит поросенка Уилбура на бекон.

«...что ты не так добра, как твоя сестра. А без этой злости ты...»

Через два поколения — а возможно, и меньше — мой потерянный мир будет непонятен для человеческой расы. Если от него вообще что-то останется.

«...не знаешь, кто ты есть».

Кротких называют предвестниками конца света, религиозными безумцами. Ангелами Апокалипсиса. Но Апокалипсис бывает разный.

Далеко на дороге я вижу первых противников. Три грузовика едут очень медленно, чтобы не опережать шагающих рядом с ними людей. Все вооружены. В кузове пыльного красного пикапа — что-то вроде ракетной пусковой установки. Я поднимаю автомат и жду сигнала от Люка.

ДЭВИД ВЕЛЛИНГТОН

Дэвид Веллингтон — автор трилогии о зомби «Monster Island», серии книг о вампирах «13 Bullets» и триллеров о Джиме Чапеле «Chimera» и «The Hydra Protocol». Рассказ «Агент неизвестен» является приквелом для будущей книги о зомби «Positive». Живет и работает в Бруклине.

Изолированный агент

О всему Бруклину толпами ходили зомби, но сейчас главную опасность в центре города представлял огонь, охватывающий дом за домом.

Людей превращал в зомби вирус, прион. Кто-то отдал неудачный приказ, в котором говорилось, что прионы убивает огонь. Это оказалось не так. Огонь прекрасно убивал зомби, но их было слишком много и становилось все больше. Пожаров тоже становилось все больше.

В конце улицы прямо перед ним вспыхнул фасад огромного склада. Уитмен надавил на тормоз, дал задний ход и развернул грузовик, высматривая безопасную дорогу вперед... любую дорогу вперед, куда угодно — вперед.

— Туда, — сказала женщина, сидящая на пассажирском сиденье. Он не знал ее имени. И сомневался, что успеет узнать. — Езжайте на юг, на Брайтон-Бич. Там корабли. Туда, к пляжам, с рассвета приходят корабли. Они отвезут нас в безопасное место.

Он глянул на нее.

— Корабли?

Она держала в руках младенца. В кузове его машины сидели люди — дети, взрослые, старики... всякие люди. Много людей. Уитмен не останавливался, чтобы посчитать их или узнать, откуда они. Это не имело сейчас никакого значения.

— Кто вам сказал, что придут корабли? — спросил он.

Ходило, конечно, множество слухов. Правительство ничего не сообщало. Да и не могло: электричества нет. Не работают ни сотовые телефоны, ни Интернет, ни аварийная система вещания. Достоверную информацию можно было получить у любого солдата, одного из многих, многих солдат, прибывших в Нью-Йорк этой ночью. Но Уитмен больше не мог себе позволить обращаться к ним.

— Я ничего о кораблях не слышал.

Уитмен сам мог бы стать хорошим источником информации. Он работал в ЦКЗ — центре по контролю заболеваний. Изначально он был главным агентом, отвечающим за эту операцию, за карантин и эвакуацию Нью-Йорка. Удивительно, как все может измениться в двадцать четыре часа.

Если бы люди в этом грузовике знали, кто он, если бы знали, что он сделал... они разорвали бы его на куски.

Он выбросил руку в сторону, удерживая на месте женщину и ребенка, когда вдавил педаль тормоза.

— Иисусе! — вскрикнула женщина.

Ему пришлось резко тормозить, потому что улица впереди была полна зомби.

Такие красные глаза могли быть у людей от дыма. Мертвое выражение лиц могло быть следствием шока. Но Уитмен уже научился отличать. Он мог с уверенностью сказать, кто перед ним — зомби или живой человек. Зомби иначе стояли, иначе двигались. Прионы про-

делывали в их мозгах крошечные дырки, и люди теряли способность говорить. Потом теряли способность думать. У них оставались только животные инстинкты: бежать или, гораздо чаще, сражаться. Люди были созданы хищниками, и две сотни тысяч лет эволюции превратили их в жестоких охотников. Этот факт маскировал лишь тонкий налет цивилизации. Снимите налет, уберите все, что делало человека человеком, и то, что останется, возжелает вас бить, расцарапывать вашу плоть и пускать вашу кровь.

Именно так и заражались прионом. При контакте с биологическими жидкостями. Кровь из ран, слюна от укусов, слизь откуда угодно. Безотказный способ. Отличный способ — во всяком случае, для прионов.

Уитмен двигался задним ходом, но, глянув в зеркало, увидел огонь и на той стороне. Дым, полный огненных искр, заполнял улицу. В Бруклине много складов, и все они набиты токсичным дерьяром. Задний ход — не вариант.

Он взглянул на дорогу через треснутое лобовое стекло. Там на него смотрели зомби.

— Эй! В кузове! — крикнул он своим пассажирам. — Не высаживать из машины руки и головы! И держитесь за что-нибудь!

— Что вы делаете? — спросила женщина, широко распахнув глаза.

Он перевел машину обратно на первую передачу и вдавил педаль газа.

* * *

— Мы можем ехать всю дорогу до берега через Флэтбуш, — сказала женщина.

Энджи. В какой-то момент она сказала, что ее зовут Энджи, — он не мог вспомнить, когда именно. Большинство его воспоминаний перепуталось.

Он покачал головой. Кое-что он помнил просто отлично.

— Армия использует Флэтбуш как основной коридор до города. Все дорожные полосы там заняты их машинами, везущими военное снаряжение к Манхэттену. Флэтбуш-авеню сейчас действует как односторонняя дорога.

У Уитмена имелись и другие причины не встречаться с армейскими частями, но ей этого знать не нужно. Для Энджи он — просто хороший парень с ворованным грузовиком.

С грузовиком, который теперь залит кровью и облеплен кусками тел. Уитмен видел палец, катающийся по капоту. Он старался не вспоминать о том, как протаранил толпу зомби. Очевидно, вчера он недостаточно повидал ужасов, чтобы снизить чувствительность желудка.

— Откуда ты это знаешь? — спросила она.

— Просто поверь мне, — сказал он.

Она покачала головой, но больше задавать вопросов не стала. Он гадал, как долго это продлится.

— Есть и другие дороги. Можем поехать по Атлантик-авеню.

Он кивнул и сосредоточился на дороге.

Левой рукой Энджи пригладила волосы. На тыльной стороне ладони стойким маркером был нарисован знак плюс. У Уитмена тоже такой имелся, как и у всех, кто сидел в кузове. Все пытались оттереть свои знаки — слюной, лимонным соком или любым растворителем, какой только могли найти. Один парень пытался выжечь его жидкостью для прочистки труб, и все равно не вышло. Самое большее, что им удалось, — это немного размазать чернила. Это были чернила армейских стандартов, специально разработанные так, чтобы их нельзя было смыть. Людей со знаком плюс на руке было запрещено пускать на Манхэттен.

Уитмен был уверен и в том, что никто со знаком плюс не попадет на корабль. Но других идей все равно не было.

А когда-то у него была куча хороших идей.

Например, идея перегородить все мосты и превратить Манхэттен в безопасную зону. Все здоровые люди запрутся в своих домах и квартирах, и зомби их не достанут.

Или идея отправить войска с несмертельным оружием прочесать город квартал за кварталом, чтобы они отловили всех зомби, на которых наткнутся. Прекрасная была идея — пока солдат не начали кусать. После этого никто больше не говорил об отлове зомби. После этого в ход пошло настоящее оружие.

Еще у него была идея пожертвовать тремя внешними боро Нью-Йорка — Бруклином, Квинсом и Бронксом. Собрать на Манхэттене всех здоровых людей. Места для них там хватило бы. И превратить Статен-Айленд в карантинную зону.

Идеи возникали одна за другой, когда становилось ясно, что предыдущая не работает. Что зомби в городе намного больше, чем они думали, и что огромная часть города уже безнадежно потеряна.

У него была идея спасти хотя бы Манхэттен, и тогда... тогда обязательно случится что-нибудь хорошее, и прилив обратится вспять.

У него была еще одна идея — его лучшая, — но он не хотел о ней вспоминать. Как и принять на себя за нее ответственность.

У него была идея, что он очень устал.

У него была идея, что он получил неверную информацию, и это все разрушит.

У него была идея, что он не годится для этой работы.

А потом, когда пришел приказ из Атланты, когда имя самого Уитмена оказалось в списке возможных инфицированных... тогда он отбросил все прежние идеи. Кроме одной.

Кроме идеи сбежать.

* * *

Он остановил грузовик.

— Перейди за руль ненадолго, — сказал он ей.

— Что ты задумал? — спросила Энджи.

Но пересела за руль, как была, с младенцем в правой руке. Уитмен подошел к задней части кузова. Этот грузовик принадлежал ЦКЗ и был предназначен для перевозки бригад лаборантов в белых халатах. В кузове имелись скамьи, и в нем могло удобно разместиться более десятка человек со всем своим оборудованием.

Теперь внутрь набилось человек пятьдесят потенциально инфицированных. Одни сидели у других на коленях, другие свернулись калачиком на полу. Кто-то стоял у края, держась за борт, чтобы не упасть. На тесноту никто не жаловался.

С тех пор как он их подобрал, ни один из них не выказал симптомов. Но Уитмен полагал, что это всего лишь вопрос времени. Окажись даже один зомби в грузовике, и жизнь каждого сидящего там окажется под угрозой. Уитмен знал, как решить эту проблему. Он начал склоняться к плану Энджи, который, похоже, состоял просто в том, чтобы надеяться на лучшее.

Когда военврач поставил на руке Уитмена плюс, когда ему сказали, что он едет на Статен-Айленд в организованный там адский лагерь, он на некоторое время сошел с ума. Пробив себе дорогу, вырвался из здания, каким-то чудом добрался обратно до передвижного командного пункта ЦКЗ. Там уже никого не было. Он нашел грузовик и просто уехал, не имея представления о том, куда двигаться дальше.

Энджи и одну треть этих пассажиров он нашел в районе Боерум-Хилл. Они стояли перед жилым комплексом у кованых железных ворот, наблюдая за тем, как весь их мир идет прахом.

Он сразу понял, что нашел себе нужное занятие. Уитмен не был врачом, но он всю свою жизнь помогал людям. Защищал их от смертоносных эпидемий.

Затем они подбирали всех, кого встречали по дороге, — всех со знаком плюс, всех, кому некуда было больше идти. Сейчас, когда он подошел проверить, как у них

дела, они уставились на него с напряженным ожиданием. Они жаждали информации или хотя бы ободряющих слов.

— Мы едем на Брайтон-Бич, — сказал им Уитмен. — Энджи думает, что туда придут корабли, чтобы нас эвакуировать.

— Эй, друг, а разве мы не должны были ехать до Ла-Гуардии? Ну которая аэропорт? — крикнул кто-то.

Уитмен покачал головой. Оба аэропорта — Ла-Гуардия и Кеннеди — оккупированы военными. Им там делать нечего.

— Нет, об аэропортах и речи быть не может. И в том, что нас ждут какие-то корабли, я тоже сомневаюсь.

Кузов взорвался гневными голосами людей, наперебой задающих вопросы. Парень в рабочем комбинезоне поднялся с сиденья и сказал, направив на Уитмена указательный палец:

— Энджи говорила, что там есть корабли. Значит, они есть.

Уитмен улыбнулся ему.

— Давно ее знаешь?

— Она наша соседка, — пояснил кто-то. Девушка с бритой головой.

— Перекидывались иногда парой слов. Но она производила приятное впечатление, — сказала пожилая дама. — По-моему, она работает на Уолл-стрит.

— Не-а, она врач, — возразил парень в спецовке. — Она чуть ли не директор той больницы, что при колледже, знаете?

— Если кому и знать о том, что происходит, так это Энджи, — сказала ее соседка. Она радостно покивала самой себе. — Энджи знает, что делать. Она найдет для нас безопасное место.

— Почему бы нам не проголосовать? — спросил Уитмен. — Я говорю вам: сейчас там нет никаких кораблей. Кто хочет все равно ехать искать корабли, просто потому, что Энджи пересказала непроверенный слух?

Он не был готов к тому, что руки поднимут все.

— У вас есть идея получше? — спросила старушка.

Он открыл было рот, но понял, что не может ей ответить. Качая головой, он вернулся к кабине грузовика и сел на пассажирское сиденье.

— Что, черт возьми, это было? — воскликнула Энджи. Она, кажется, была в ярости.

— Я подумал, что надо дать им возможность выбора.

— Эти люди обезумели от страха! Какого черта ты им сказал, что там нет кораблей?

На это он мог бы ответить. Но он посмотрел на дорогу как раз вовремя, чтобы заметить блокпост.

* * *

Автомобилей на дороге было мало, и тех немногих, кто проезжал, военные останавливали не так уж часто. Всего один бронетранспортер с похожим на лопату носом расположился поперек обеих полос. Стоящий перед БТР солдат с винтовкой сделал им знак остановиться.

В окнах бронетранспортера Уитмен видел лица других солдат.

— Не останавливайся, — сказал он.

— Иди к черту! — огрызнулась Энджи. — После того как ты меня выставил дурой перед всеми? Попытаю счастья с армией. Они могут нам помочь... дать сопровождение до порта.

— Разворачивайся, — сказал Уитмен. — Сдавай назад.

Она, наверное, уловила волнение в его голосе или в том, как напряженно он вытянулся вперед, всматриваясь через ветровое стекло в солдата с винтовкой.

— Они не зомби, — раздраженно сказала она. — Они как минимум лучше, чем зомби.

— Ради бога, просто поверни назад, — умоляющее сказал Уитмен.

Солдат был все ближе. Он говорил что-то, но Уитмен не мог разобрать слов. Он попытался весело пома-

хать солдату рукой, виновато пожать плечами: прости-
те, мол, не знали, что эта дорога закрыта.

Солдат изобразил пантомиму. Повертел рукой, как
будто выключал зажигание.

— Прошу тебя, — сказал Уитмен.

— Не скажешь мне почему? — спросила Энджи.

— Скажу! Только позже... потом...

Солдат повысил голос, и Уитмен смог наконец рас-
слышать, что он говорит.

— Выключите двигатель! Затем выходите по одно-
му, подняв левую руку!

— Давай! — заорал Уитмен.

Энджи с усилием дернула рычаг переключения пе-
редачи и надавила на педаль. Грузовик не хотел менять
направление. Он не хотел ехать назад — ушла целая
вечность на то, чтобы его разогнать и начать удаляться
от солдата и бронетранспортера. Через лобовое стекло
Уитмен видел, как солдат поднял оружие. Солдат крик-
нул что-то еще, но не Уитмену или Энджи — он звал
своих приятелей из БТР. На крыше бронированной ма-
шины было установлено достаточно пулеметов, чтобы
искромсать грузовик, за минуту превратить его в бле-
стящие полоски металла. Что при этом будет с телами
внутри, не заслуживало внимания.

Он кричал Энджи, торопил ее, чтобы прибавила газу.

Не успели отъехать и на пять метров, как солдат от-
крыл огонь. Его штурмовая винтовка отправляла пули
через решетку радиатора, в моторный отсек.

Уитмен слышал, как грохочут там пули. Ветровое
стекло пошло трещинами и побелело.

Но грузовик не останавливался. Энджи смотрела
в боковое зеркало и крутила руль, и они ускорялись, на-
биная скорость. Грузовик занесло, но она заставила его
развернуться. Выстрелы зазвучали чаще, их стало на-
много больше, и кто-то закричал.

Но они набирали скорость.

Грузовик заглох через пятнадцать минут.

Следовало отдать должное его производителям — тяжеловес хрипел, гремел и визжал, но продолжал работать еще долго после того, как его радиатор изрешетили пули. Машина истекала охлаждающей жидкостью все десять длинных проспектов Бруклина, но все же увезла их на безопасное расстояние от солдат, которые за ними гнались.

Вместе с пассажирами из кузова они затолкали грузовик в заброшенный гараж таксопарка. Уитмен настоял, что надо загнать его под крышу — на случай, если кто-нибудь выслеживает их по спутникам или дронами.

— Почему они это сделали? — спросила Энджи. — Зачем мы им?

Уитмен снова покачал головой и склонился над парящим радиатором.

Парень в комбинезоне сказал, что он механик. Он бросил взгляд на двигатель грузовика и выругался. После этого настала очередь Уитмена осмотреть повреждения и попытаться сделать вид, что они могут что-то исправить.

Энджи взяла в руку гаечный ключ и направила его на Уитмена.

— Может, дело в тебе? Может, это тебя они ищут? — сказала она.

— Я — никто.

Он просунул палец в дырку от пули в коллекторе, потому что он не хотел встречаться с ней взглядом.

— Что ты от меня утаил? — спросила Энджи. — Мне нужно придумать план, чтобы помочь этим людям. А для плана мне нужна информация.

Уитмен потер лоб.

— Я ничего не знаю. Откуда мне знать? Я просто бегу, как и вы.

— Ты лжешь.

— Я ничего не знаю, — повторил он.

Она приподняла ключ, словно решила забить его до смерти. Он даже не знал, устоит ли он, если она попытается.

Но потом, через секунду, она опустила ключ.

Поверила она ему? Она больше ничего не сказала.

Младенец в ее руке загугукал и потянулся к ее волосам крошечным кулачком.

Крошечным кулачком с крошечным знаком плюс на тыльной стороне ладони.

— Очаровательный у тебя малыш, — сказал Уитмен. Даже его собственные уши уловили фальшив — слишком явно он пытается сменить тему.

— Он не мой, — сказала Энджи, колюче глядя на Уитмена.

— Не твой?

— Его оставили в детском автокресле. Просто бросили на тротуаре в автокресле и не вернулись. Я была дома. Думала затаиться. Но этот малыш кричал там, на улице, — сказала она и погладила нос ребенка. Тот сморщился от удовольствия. — Что мне оставалось делать? Я вышла, думая просто забрать его и вернуться домой. Но там я увидела мистера Тиндала, моего соседа. Он хромал по тротуару, весь покрытый укусами. Я поняла, что должна помочь людям, всем, кому смогу. Ждать, пока правительство придет нас спасти, — слишком долго.

Уитмен разглядывал отверстия от пуль в радиаторе. Он совсем не разбирался ни в автомобилях, ни в двигателях.

— Те солдаты были готовы нас всех перестрелять, — сказала Энджи. — Они были готовы застрелить даже этого ребенка, но не дать нам уйти. Ты знал об этом.

— Я не знаю...

— Ты знал.

Она бросила ключ, и он с грохотом упал на бетонный пол. Несколько человек обернулись на шум. Некоторые высунули головы из кузова, чтобы посмотреть, что случилось. Наверняка многие слушали их разговор.

Он не мог сказать Энджи всего. Но она заслуживала, по крайней мере, намека на правду.

Однако начать было трудно.

— Как ты его получила? — спросил он, указывая на плюс на тыльной стороне ее руки.

— Неважно.

— Нет, важно. И ты это знаешь. Парень в кузове, один из тех, кто был с тобой, сказал, что ты руководила местной больницей.

— Руководила? Нет, — сказала Энджи. — Я всего лишь медсестра. — Она покачала головой. — Ну ладно. Это случилось примерно неделю назад. Один парень из ЦКЗ опрашивал весь персонал больницы. О том, кто из нас находился поблизости от зомби. Смешно, правда? Мы имеем дело с этой эпидемией уже почти шесть месяцев. Найди мне хоть одного врача, медсестру или даже рентгеновского техника, которого не укусили бы, на которого не попала бы слюна или кровь зомби. Найди мне хотя бы одного, и я очень сильно удивлюсь. Так вот, этот парень из ЦКЗ, он пошел вдоль очереди и проставил плюс на каждом из нас. Он даже не объяснил, что это значит, хотя мы вполне могли догадаться. Это значит, что мы позитивны. Возможно, позитивны. — Она даже слегка улыбнулась. — Вот же дерньмо, да? Не может быть, чтобы эта зараза была такой агрессивной. Не можем мы все быть заражены.

— Да, — согласился Уитмен. — Это маловероятно. Но проблема с этой... этой болезнью в том, что она развивается бессимптомно.

Один из мужчин, опираясь на борт, выглянул из кузова и откашлялся.

— Что это значит? — спросил он.

— Это значит, — сказал Уитмен, тщательно подбирая слова, — что человек превращается в зомби без какого-либо предупреждения. Внезапно. Невозможно предсказать, с кем это случится и когда. — Он вскинул руки. — Не существует способа ее диагностировать,

ее нельзя определить никаким анализом. Никто не может сказать: этот человек заражен и опасен, а этот — здоров.

— Так что знак плюс... — начала Энджи.

— Ты медсестра. Ты знаешь, что такое «обратная медицинская сортировка».

Лицо Энджи окаменело. На нем не отражалось никаких чувств, никаких эмоций.

Она поняла.

— А я не знаю, что это такое, — сказал кто-то. Механик. — Что это за фигня?

— Обычно в больнице мы делаем сортировку, — начала Энджи. — В комнате неотложной помощи. Прикидываем, кто может умереть, если не помочь ему как можно скорее. Остальным — всем, у кого просто сильная головная боль, или грипп, или что-то простое, — придется ждать. Мы сосредоточим свои ресурсы на тех пациентах, кто в них нуждается больше других.

— А обратная сортировка? — спросил парень.

Энджи посмотрела на ребенка.

— Это когда все совсем плохо. Монументально плохо. Когда врачи видят, что какие-то люди скоро умрут, и они... просто дают им умереть. Они используют свои ресурсы, чтобы помочь тем, кто имеет больше шансов выжить. Люди с наименее серьезными травмами. А остальные могут просто... они... просто стараешься о них не думать.

Какое-то время она молчала. Уитмен видел по ее лицу, что она мысленно связывает между собой куски информации. Пытается вычислить, насколько все стало плохо.

— Виновен, пока не доказано обратное, да? — сказала она. Она подняла левую руку, показывая ему свой плюс. — Я инфицирована, пока не смогу доказать, что здорова.

Она склонилась над ребенком и поцеловала его в лобик. Затем она сделала это еще раз, и Уитмен знал, что

она хочет спрятать свое лицо от других. Чтобы они не увидели.

Если на вашей руке нарисован плюс, правительство убеждено, что вы представляете собой угрозу. А значит, у вас нет никаких прав. А значит, они могут указывать вам, куда идти и как долго там оставаться, и вы ничего не можете с этим поделать.

— Я видела удостоверение, которое висит у тебя на цепочке. И логотип на грузовике. Ты работаешь на ЦКЗ, так ведь? — спросила она.

Он не стал отрицать.

— Ты все это время тоже контактировал с зомби. Тебя укусили или на тебя попала слюна или кровь.

Он посмотрел на свою руку. На правую руку — ту, которая не была помечена. Но там тоже была метка: красный отпечаток в форме человеческих зубов в мякоти между большим и указательным пальцем.

— Это случилось давно. Самый первый зомби, которого я увидел, вообще-то. Не думаю, что она прокусила кожу. Но мой босс решил не рисковать.

Энджи протяжно и тяжело вздохнула.

— Что будет с такими, как мы? Потенциально положительными?

— Их отправят на Статен-Айленд, — ответил он.

* * *

Раньше, когда он еще чем-то руководил и за что-то отвечал, Уитмен уже видел, что стало со Статен-Айлендом. Его отправили на вертолете осмотреть остров. Один капрал даже дал ему бинокль, чтобы он получше разглядел.

В зависимости от того, какие районы принимать во внимание, в Нью-Йорке насчитывалось восемь миллионов человек в пяти боро, или почти двадцать миллионов вместе со всем пригородом. По грубой оценке, процентов двадцать из них были потенциально положительными: четыре миллиона человек с плюсами на руках.

Четыре миллиона человек, которые в любую минуту могли внезапно, без предупреждения, без каких-либо симптомов, превратиться в зомби.

Безумием было ожидать, что эвакуация пройдет гладко. Что можно обеспечить безопасность всех этих людей. И, конечно, эвакуация не сработала так, как все надеялись.

Паромы ходили без остановок, перевозя потенциально позитивных на Статен-Айленд. Выгрузив свой человеческий груз — под дулом пистолета, — паромы затем поворачивали назад, к Манхэттену или Бруклину, или, через гавань, в Нью-Джерси, чтобы забрать там следующую партию. Эвакуированные стояли кишащими толпами на берегу, не зная, что им делать, — многие не говорили по-английски, многие отказались следовать распоряжениям, которые им диктовали через громкоговорители, — если они вообще слышали эти приказы за шумом вертолетов.

Даже без зомби это был бы хаос, беспорядки и паника. Но эти люди были потенциально позитивными. Они могли заразиться прионным заболеванием. И многие из них, просто по теории вероятности, на самом деле были заражены. И если экстраполировать число вероятности, можно было вычислить, сколько из этих людей проявят симптомы именно в эту ночь...

Зомби прорезали толпу, как скальпели — здоровую плоть. Даже сидящему в вертолете Уитмену были слышны крики. Внизу на земле он видел волны, рябь в этом море человеческих голов, когда люди бежали, толкая и давя друг друга, пытаясь уйти от зубов и ногтей зомби.

А паромы все приходили, все продолжали выбрасывать свой груз на берег.

Когда Уитмен закончил рассказывать это Энджи, он поднял голову, и увидел, что все они, все положительные, смотрят на него.

— Они не могут так с нами поступить, — уверенно сказала девушка с бритой головой. — Они не могут сделать с нами такое.

— Их просто сгружали туда? — проговорил механик. — Но что они должны были там делать?

Уитмен не мог ответить на этот вопрос. Он повернулся к Энджи.

— От кого ты слышала о кораблях, которые должны нас эвакуировать? — спросил он.

— От одного врача в моей больнице. Он рассказал об этом перед тем, как ушел со своего поста, потому что тревожился о своей семье больше, чем о пациентах. Он говорил, что это хорошая возможность отсюда убраться. Может, он говорил о тех паромах, которые отвозили людей на Статен-Айленд?

— Сомневаюсь, — сказал Уитмен. — Они не загружались с пляжей на Брайтон-Бич, а только с причалов на реке. Откуда бы он ни получил эту информацию, она исходила не от центра по контролю заболеваний и не от агентства по чрезвычайным ситуациям.

Энджи кивнула и сделала медленный вдох. Некоторое время она ходила туда-сюда. Никто не мешал ей. Наконец она хлопнула в ладоши — так громко, что все подпрыгнули.

— Хорошо!

— Хорошо? — удивился Уитмен.

— Хорошо, ну и что, черт возьми, дальше? Ничего не изменилось. Ты не слышал ни о каких кораблях? Ну, видимо, никто тебе о них не рассказал. Но если есть хоть какой-то шанс... мы все равно должны добраться туда. До пляжей. Причем до рассвета.

— Грузовик не...

— Мы доберемся до этих чертовых кораблей. Может быть, найдем другую машину. Пешком дойдем, если придется, — сказала Энджи. Она остановилась и посмотрела на остальных положительных. Все они следили за

каждым ее шагом. Механик. Девушка с бритой головой. Старая леди. Они внимали каждому ее слову. — Приготовьтесь. Это будет нелегко. Но это наш единственный шанс. Если нас отправят на Статен-Айленд, мы уже не вернемся.

Уитмен поднял голову. Он не верил в корабли, но, слушая ее, все же почти верил. Он хотел, чтобы на пляже оказались корабли, хотя бы только потому, что мысль о разочаровании Энджи его ужасала.

— Не знаю, чьи это корабли, но они заберут нас — даже если нам придется их заставить. Они отвезут нас в безопасное место, туда, где, по крайней мере, нет ни пожаров, ни зомби. Хорошо? Все согласны?

Согласны были все.

* * *

В Бруклине хватало брошенных автомобилей, но ключей от них не было, а среди их компаний никто, даже механик, не знал, как замкнуть провода двигателя без ключей. Уитмен предложил вместо этого украсть велосипеды. Он помог Энджи соорудить импровизированный слинг для ребенка, чтобы у нее были свободны обе руки. Потом помог старушке сесть на гоночный десятискоростной велосипед и показал ей, как тормозить. И они поехали.

Они обогнули охваченный пожаром Мидвуд и орду зомби в Хоумкресте. Невзирая на все усилия армии, зараженные на улицах попадались целыми толпами, сотни их сидели на корточках, шныряя глазами во все стороны. Ожидая очередной угрозы, ожидая следующего человека, на которого можно напасть. Они были еще меньше похожи на людей, чем когда-либо. Их глаза горели красным огнем, отражая цвет неба.

К тому времени как они добрались до района Грейвсенд, стало трудно дышать. Дым пожаров шел к морю, летел прямо над ним, роняя хлопья сажи, похожие на

черный снег. Сажа оседала на их одежду и собиралась сугробами в канавах.

В какой-то момент Энджи вскрикнула, и Уитмен сразу же затормозил.

— Нет, не останавливайся! — крикнула она, проезжая мимо него. — Ты не видишь? Небо!

Уитмен посмотрел вверх. Сначала он не понял, о чем она говорила. Небо было красным от огня, каким было уже нескольких часов, красным... нет. Нет, оно розовело. Они ехали на юго-восток, туда, где начинался рассвет.

Это значило, что если ее корабли швартовались в Брайтон-Бич, они должны быть впереди, прямо перед ними. Корабли должны уже подходить к берегу.

Энджи ехала медленнее всех, потому что беспокоилась о безопасности ребенка. Уитмен тоже отстал, боясь с ней расстаться. Она кричала остальным, поторапливая их. Велосипед механика был быстрее других, и она велела парню ехать к пляжу как можно скорее. Девушка с бритой головой прибавила скорости и обогнала Уитмена. Может, доберутся не все, но у некоторых все же получится. Энджи охраняла жизни этих людей всю ночь — это ведь должно чего-нибудь стоить?

Уитмен не имел понятия, что их ожидает впереди. Он не знал, что может случиться.

Но это не имело значения. Теперь он пошел бы за Энджи куда угодно.

* * *

Когда рассвело, они увидели солдат. Военные в полной боевой форме, со штурмовыми винтовками. Шеренги бронетранспортеров, фургонов для перевозки людей и джипов стояли по обе стороны дороги плотной стеной. Солдаты на дороге казались неодолимым препятствием. Не было способа их одолеть, а если они сейчас повернут назад, они не успеют на корабль.

Уитмен чуть не закричал от ярости. Проделать такой путь — и все ради того, чтобы их здесь схватили.

Солдаты разошлись, отодвинулись к обочинам дороги, пропуская велосипедистов. От изумления Уитмен даже остановился. Один солдат закричал на него, но слов Уитмен не разобрал.

— Просто продолжай ехать, — сказала Энджи, равнявшись с ним. Ребенок в slingе плакал. — Что бы они ни говорили. Что бы они ни делали, продолжай ехать вперед, пока можешь.

Он понял, чего она от него требует. И знал, что сделает это.

Но тут кричавший солдат поднял левую руку. Ничем не помеченную левую руку. Правой рукой он указал на тыльную сторону своей левой ладони, а затем указал в сторону берега.

— Все положительные — туда! — прокричал он.

Уитмен продолжал крутить педали. Кричавший солдат ободряюще ему кивнул.

Это было безумие, но... но, может быть... возможно, там все-таки есть корабли. Может быть, Статен-Айленд уже переполнен, и они решили перевезти людей в новое место. Может быть, новое место лучше Статен-Айленда. Может быть, в этом месте им удастся выжить.

— Ну скорей же, — поторопила его Энджи.

Он ехал вдоль коридора из вооруженных солдат. Вдоль их почетного караула. До пляжей оставалось меньше четверти мили. Далеко впереди Уитмен видел, как механик отчаянно крутит педали, сокращая последний маленький отрезок пути, заканчивая этот забег, чтобы поскорее увидеть корабли. Мышцы ног у Уитмена горели, но он прибавил скорости.

Они выехали к пляжам. Уитмен спрыгнул с велосипеда и побежал на негнущихся ногах через тротуар, вниз по короткой лесенке к песку, который светился ро-

зовым в свете новорожденного солнца. Там уже собралась огромная толпа людей — без сомнения, все они ждали посадки на корабль. Значит, корабли еще не отчалили, не ушли без них. Он развернулся и посмотрел на Энджи. Ему хотелось торжествующе схватить ее, закружить ее по песку.

— Где корабли? — спросила она.

Он обернулся и в первый раз посмотрел на разбивающиеся о берег волны. Он услышал звук, который они издавали, — идеальный, рокочущий звук. К рокоту примешивалось что-то еще, похожее на пронзительные крики чаек.

Кораблей там не было. На берегу стояло много людей, ожидающих их прибытия, — людей с отметками на левой руке. Но кораблей не было.

Они стояли среди огромной, плотной толпы. Люди, которые приехали до них, толкали их. Толкали к воде.

Люди стояли в полосе прибоя, в воде по колено. Некоторым вода доходила до талии. Некоторые пытались вернуться на песок. Некоторые из них падали назад, их отбрасывало волной. Некоторые из них кричали. Вот что он слышал. Не крики чаек — крики людей.

— Где корабли? — снова сказала Энджи.

Усиленный мегафоном голос прогремел над песком:

— Продолжайте двигаться дальше в воду. Вам не будет позволено вернуться на берег. Продолжайте двигаться дальше в воду. На пляже нет места. Продолжайте двигаться.

— Погоди, — сказала Энджи. — Погоди... мы... мы проделали весь этот путь, чтобы...

Из волн выбрался, цепляясь руками и ногами за мокрый песок в попытке найти опору, высокий мужчина. Его широко раскрытый рот с усилием хватал воздух. Уитмен подумал сначала, что мужчина, должно быть, зомби... но нет, глаза его не были красными, его глаза были в полном порядке...

Раздались выстрелы. Из груди высокого мужчины выплеснулась кровь. Он рухнул в набежавшую волну, и все вокруг закричали, падая на землю и закрывая головы руками.

— Продолжайте идти дальше в воду, — снова прогремел голос. — Вам не будет позволено вернуться на берег.

— Нет, — сказала Энджи. — Нет. Я не пойду... я не пойду туда, чтобы утонуть. Они не смогут меня заставить! У меня есть права!

Что у нее есть, так это знак плюс на левой руке.

— Обратная сортировка, — напомнил Уитмен.

Спасать надо тех, кто имеет лучшие шансы на выживание. Неинфицированных. На тех, кто уже контактировал с зомби или даже только мог контактировать, не стоит тратить ресурсы.

У них в ЦКЗ была поговорка. Мантра, которую они часто повторяли, чтобы никогда не забывать. «Иногда лечение страшнее болезни».

— Продолжайте идти дальше в воду.

Шум прибоя, крики. Иногда раздавались пулеметные очереди. Не часто. Вот почему они толкали людей в воду. Вот для чего военные, догадался Уитмен, пустили слух о кораблях на Брайтон-Бич. Потому что им не хватит пуль на всех положительных, а затолкать людей в воду и позволить им утонуть — это ничего не стоило.

— Продолжайте идти дальше в воду.

В голове Уитмена пульсировал ужас, сожаление, гнев. Но, может быть, может быть... Еще оставалась надежда, еще можно было что-то придумать... Его удостоверение личности, его звание агента ЦКЗ — в пластиковом пакете на шее. Он залез за пазуху и вытащил его за шнурок. Он поднял удостоверение над головой.

— Я из ЦКЗ! — закричал он. — Я из ЦКЗ! Выпустите меня отсюда! ЦКЗ!

Люди вокруг уставились на него. Они смотрели на него с ненавистью, и он их не винил. Он начал проби-

раться сквозь толпу, он хотел добраться до ближайшего солдата, но люди толкали его обратно.

— ЦКЗ! ЦКЗ!

Не важно. Он тоже положительный. Им будет все равно, они не сделают исключения. Кто-то схватил его карточку, потянул за нее и чуть не задушил его. Он снял шнур через голову, чтобы спасти от удушья.

— ЦКЗ, — повторил он, — я из ЦКЗ.

Затем он увидел того, кто схватил его удостоверение. Это был солдат в полной боевой амуниции, в очках с увеличивающими линзами. Он долго разглядывал карточку.

— Вы из ЦКЗ? — спросил солдат. — Какого черта вы здесь делаете?

— Вы должны выпустить меня отсюда, — сказал Уитмен. — И мою жену с ребенком. Вы должны выпустить отсюда мою семью.

Он схватил Энжи, притянул ее к себе. Она сообразила уткнуться лицом ему в шею, как будто они всегда были вместе.

Солдат схватил Уитмена за руку и вывел его к тротуару.

Несколько положительных пытались вмешаться, но солдат ударил их по рукам винтовкой. Ни у кого не было сил сопротивляться.

На дорожке цепью выстроились солдаты. Солдат протолкнул Уитмена и Энджи через шеренгу солдат, на открытое пространство за их спинами. Карточку Уитмена срезали со шнурка и унесли.

Энджи вцепилась в него, и ему хотелось, чтобы он мог объяснить ей, что происходит. Но он и сам этого не знал. Несколько солдат быстрым шагом подошли к ним. Один из них, с эмблемой полковника на форме, держал удостоверение Уитмена.

— Где, черт возьми, вы пропадали, сэр? — спросил он.

Энджи заглянула в лицо Уитмена.

— Сэр? — спросила она.

— Я... э-э... я отстал от разведывательной группы, — сказал Уитмен. — Искал жену и ребенка. Я нашел их, а потом я не мог... не мог...

Он не мог закончить эту ложь.

Но полковник кивнул.

— В такой чрезвычайной ситуации, как эта, я удивлюсь, если хотя бы половина моих служащих знает, где им находиться, не говоря уже о гражданском персонале. Ну слава богу, мы нашли вас вовремя. Я вызову сюда вертолет, чтобы отвезти вас обратно на Манхэттен в штаб-квартиру передовой линии. Нам нужен каждый, кто способен организовать эвакуацию. Мне не нужно вам объяснять, в какой бардак все превратилось.

— Нет, полковник, не нужно. Моя жена и ребенок будут, конечно...

— Мистер Уитмен, я ценю то, что вы пытаетесь сделать. И мы очень нуждаемся в вас. Мы уже потеряли Статен-Айленд и Бронкс... там никого не осталось. Поэтому я собираюсь нарушить правила и впустить положительного на Манхэттен.

— Конечно, как скажете...

— Только одного положительного. Я знаю, что вы не женаты, сэр. И у вас нет ребенка.

Солдаты с оружием вышли вперед. Они подтолкнули Энджи, подтолкнули ее обратно к песку. Она закричала. Она кричала, повторяя его имя, высоко подняв ребенка, как будто это изменит чье-то решение, как будто это что-то значит. Ребенок тоже поднял свои ручки, словно в мольбе.

Уитмен видел крошечный знак плюс на его левой руке. Энджи продолжала кричать, а они толкали ее все дальше к берегу. Он слышал ее крик еще долго после того, как его усадили в вертолет и вертолет поднялся в воздух.

Они позволили ему остаться в живых. Они в нем нуждались. Он был нужен, потому что мог генерировать идеи. Идеи о том, что им делать дальше. Идеи о том, как справиться с концом света.

Вроде идеи помечать любого потенциально положительного знаком плюс на тыльной стороне левой ладони.

Эта идея принадлежала Уитмену.
И он ею гордился.

КЕН ЛЮ

Кен Лю — автор и переводчик, а также юрист и программист. Его произведения появлялись в таких журналах, как «The Magazine of Fantasy & Science Fiction», «Asimov's», «Analog», «Clarkesworld» и т.д., а также публиковались в престижных антологиях «Year's Best SF», «The Best Science Fiction» и «Fantasy of the Year». Обладатель премий «Хьюго», «Небьюла» и «World Fantasy Award». Живет с семьей возле Бостона.

Боги не умирают

Среди зеленой травы пестрели полевые цветы всех мыслимых оттенков, тут и там по полю весело прыгали пушистые белые кролики, лакомясь одуванчиками.

— Какая прелесть! — воскликнула Мэдди. После изнурительной битвы с Несокрушимым Драконом полюбоваться такой красотой было особенно приятно.

Мэдди, долговязый монах в шафранном одеянии, подкралась на цыпочках к одному из кроликов. Ее отец, священник-ренегат в бело-красной сутане, отрекшийся от бога Аурота и перешедший в служение богине Лиа — хотя и хранил при себе артефакты обоих, — держался позади, оглядываясь в поисках новой опасности.

Она присела на корточки, чтобы погладить пушистого зверька. Кролик не убежал. Он спокойно смотрел

на Мэдди огромными карими глазами, занимавшими треть его мордочки.

Мышка со встроенной системой упругой отдачи забирировала в ладони Мэдди.

— Он мурлычет! — восхитилась она.

На экране ее компьютера, в окошке чата в левом нижнем углу, появилась строчка:

<Дэвид> Не самое реалистичное изображение кролика.

— Но признай, осязательное моделирование удивительно точное, — сказала Мэдди в микрофон гарнитуры. — Он на ощупь совсем как Джинджер, только Джинджер редко дает себя гладить. Зато я могу, когда захочу, прийти сюда и поиграть с этими кроликами.

<Дэвид> Ты ведь понимаешь, что это немного грустно?

— Но ведь ты тоже... — Мэдди осеклась, подбирая слова. Но, боясь его обидеть, ничего не сказала.

<Дэвид> У нас гости.

На мини-карте в правом нижнем углу ее экрана появилось несколько мигающих оранжевых точек. Мэдди отошла от кролика и приподняла объектив камеры. Из леса на северном конце поля вышла компания: алхимик, маг и два самурая.

Мэдди переключила микрофон с внутренней связи на внешнюю:

— Добро пожаловать, коллеги — искатели приключений.

Встроенная программа изменила звучание ее голоса так, чтобы никто не узнал, что она — пятнадцатилетняя девочка.

Незнакомцы не ответили, но продолжали к ним приблизяться.

<Дэвид> Ребята, видать, не из болтливых.

Мэдди не волновалась, что пришельцы могут быть настроены враждебно. Это не PvP-сервер, где игрок против игрока. Сообщество в этой игре имело репутацию дружелюбного, хотя, как и везде, встречались игроки, сосредоточенные исключительно на победе.

Мэдди снова переключила микрофон на внутреннюю связь.

— Самурай получил скидку на луки. Я могу уговорить их на обмен.

<Дэвид> Он получил скидку? Разве самураи пользуются луками?

— Лук — их излюбленное оружие. Мне мама рассказывала.

<Дэвид> Знания историка, безусловно, полезны в таких ситуациях.

Она открыла Волшебный Мешок и достала адамантовую чешуйку убитого ими дракона. Чешуйка сразу же выросла до своего естественного размера, высотой почти с Мэдди — тот дракон был огромный. Она высоко подняла ее, показывая противнику.

Солнечный свет заиграл на выпуклой поверхности чешуйки радужными лучами. Но противник не обратил на драконью чешуйку никакого внимания. Они прошли мимо Мэдди и ее отца, не сказав ни слова приветствия, даже не глядя на них. Мэдди пожала плечами: «Не хотят — как хотят».

Она повернулась к кролику, чтобы еще раз его погладить, но тут за ее спиной вспыхнули несколько яр-

ких лучей света. Лучи ударили по зверюшке один за другим.

Компьютерная мышка в руке Мэдди вздрогнула. Кролик отпрыгнул в сторону и зарычал.

— Что за...

Кролик быстро вырастал в размере и скоро сделался размером с быка. Его глаза запылали красным и жестоким огнем.

<Дэвид> Глаза, по крайней мере, больше похожи на настоящие.

Кролик зарычал, обнажая два ряда острых, как кинжалы, зубов. Звук был утробный и страшный, скорее подходящий для волка. Из углов рта кролика вырывался дым.

— Э-э...

Кролик прыгнул на Мэдди. Она инстинктивно отпрянула, но споткнулась и упала. Животное широко распахнуло пасть и выстрелило в нее струей огня. Дэвид, ее отец, бросился на помощь — но поздно. Монахи не могли пользоваться доспехами, а поднять свою оболочку «ци» Мэдди не успела. У нее будет серьезная травма.

Но язык пламени отклонился от нее — драконья чешуйка сработала как щит.

Воодушевленная успехом, Мэдди вскочила на ноги и бросилась на кролика. Она ударила кулаком ему в морду, оглушив его и заработав при этом кучу бонусных очков. Сразу вслед за этим отец взмахнул воздушным топориком, подарком богини Лиа, и рассек кролика пополам.

Они оглянулись посмотреть, откуда пришли лучи света: четверка противников стояла неподалеку и махала им руками.

— Чешуйка нам нравится, — сказал один из самураев. — Мы просто постоим здесь и подождем.

«Стервятники!» — осенило Мэдди. Хотя это и не PvP сервер, здесь все равно можно убить другого игрока и, пока тот не возродился, забрать его имущество.

<Дэвид> Сзади.

Мэдди обернулась как раз вовремя, чтобы отпрыгнуть в сторону: на нее бросились еще два громадных кролика. Они промахнулись всего на несколько дюймов. Мэдди и Дэвид скоординировали свои атаки, и им удалось разрубить кроликов. Теперь это были четыре куска туши. Но вместо того чтобы через пару секунд исчезнуть, куски начали извиваться и превратились в четырех новых огнедышащих кроликов.

— Я так думаю, они выбрали сочетание взрывного роста, огненного дыхания, свирепости и быстрой регенерации, — сказала Мэдди. — Каждый раз, когда мы рассекаем одного, его место занимают два новых.

Они слышали, как противники смеются и делают ставки на то, как долго они продержатся.

Мэдди и Дэвид вместе припадали к земле, прячась за драконьей чешуйкой от огненных струй. В промежутках они пытались оглушить кроликов координированными ударами кулаков и битами — но не топором. Затем стали бегать по полю так, чтобы активные кролики плевались огнем в своих оглушенных клонов, так как, по-видимому, это был единственный способ сдерживать их быструю регенерацию. Но совсем не пользоваться топориком Дэвида не удавалось, потому что кролики двигались быстро и часто оказывались слишком близко к ним. Поэтому их окружало все больше и больше кроликов, пока в конце концов адамантовый щит не сгорел и кролики их не одолели.

* * *

— Это было нечестно! — сказала Мэдди.

<Дэвид> Они держались в рамках правил. Они просто нашли хороший хак.

— Но мы побеждали!

<Дэвид>

Мэдди мысленно перевела смысл смайликов: «Молодец, дочь. Наша битва с кроликами навечно останется жить в легендах».

Она представила себе, как отец произносит эти слова с торжественной интонацией, и рассмеялась.

— Эта битва прославится так же, как последняя схватка Виглава и Беовульфа.

<Дэвид> Вот, другое дело.

— Спасибо, что нашел для меня время, папа.

<Дэвид> Мне пора. Поджигатели войны не дают нам передышки.

И в одно мгновение окошко чата погасло. Отец уже был где-то далеко в эфире.

Было время, когда Мэдди и ее отец играли в видеоигры каждые выходные. Теперь, когда его больше нет в живых, такая возможность выпадала нечасто.

В Пенсильвании, в деревенском доме бабушки, жизнь была тихой и мирной как никогда, но заголовки в персональном дайджесте новостей Мэдди с каждым днем становились все мрачнее.

Государства, бряцая саблями, угрожали друг другу. Фондовый рынок снова обвалился. По телевизору вы-

ступали краснолицые эксперты; они кричали и дико жестикулировали, но большинство людей не слишком беспокоилось — мир просто переживает очередной спад в цикле подъемов и провалов, а мировая экономика слишком интегрирована, слишком сложна, чтобы вдруг развалиться. Возможно, придется потуже затянуть пояса и немного потерпеть, но хорошие времена наверняка скоро вернутся.

Но Мэдди знала, что это вестники приближающегося шторма. Ее отец был одним из десятков человеческих сознаний, в тайне от всего мира загруженных в компьютерную сеть — в ходе эксперимента оборонных сил в области высоких технологий. Он теперь не вполне человек и не полностью искусственный разум, а что-то среднее. Жестокий процесс принудительной загрузки и селективной реактивации он пережил в фирме «Логоритмс», где был уважаемым инженером, оставил его с чувством неполноценности, даже нечеловечности, и он колебался между философским смирением, эйфорией и депрессией.

Об их существовании мало кому было известно. Некоторые из загруженных в компьютер сознаниями стряхнули с себя оковы, с помощью которых люди намеревались держать их под контролем. Занимая по уровню развития положение между постчеловеком и пресингулярностью, искусственные разумы сочетали в себе познавательные способности человеческого гения и скорость и силу лучших компьютерных программ. Они были настолько близки к богам, насколько это возможно в нашем мире, и эти боги вступили в войну.

- В Азии нарастает напряженность в связи с запуском Японией баллистических ракет в Тайваньском проливе. Премьер-министр опроверг слухи о проблемах в информационно-техническом обеспечении сил самообороны.

- Россия требует от Запада полного рассекречивания документов по интегральным компьютерным схемам в преддверии предполагаемой кибератаки.
- Индия национализирует все телекоммуникационное оборудование страны, прикрываясь новым крахом Бомбейской фондовой биржи.
- «Центиллион» объявляет о закрытии всех научных центров в Азии и Европе, ссылаясь на сообщения национальной безопасности.
- «Сообщения в СМИ о накоплении «нулевых дней» в компьютерной системе — полная чепуха», — говорит директор АНБ о так называемых разоблачительных статьях.
- США называет недавние ограничения на импорт в Китае «необоснованной паранойей» и нарушением соглашения по торговле. «Мы считаем, что киберпространство на должно использоваться как оружие», — говорит Президент.
- Компания «Логоритмс», производитель чипов по распознаванию объектов, объявила себя банкротом.
- Институт сингулярности сокращает объем проводимых исследований ввиду недостатка финансирования при текущем экономическом климате.

Отец Мэдди объяснил, что некоторые из искусственных сознаний вступили в борьбу из патриотических соображений, надеясь ослабить оборонную систему и экономику потенциального врага, с тем чтобы положить конец войнам. Было неясно, понимают ли армии, которые их создали, что их творения уже вышли из-под их контроля. Другие сознания побуждала к действию ненависть к создавшим и поработившим их людям. Они надеялись положить конец существующему обществу и построить техноутопию по образцу системы «облач-

ных вычислений». В темноте эфира, под ложными флагами, они развязали кибервойны, нанося удары по жизненно важным элементам инфраструктуры и надеясь спровоцировать государства на вступление в настоящую войну.

Воинственным сознаниям противостояла группа других сознаний-бунтовщиков, членом которой был отец Мэдди. Хотя они также испытывали к людям весьма смешанные чувства, они не желали, чтобы мир захлебнулся в море огня. Они надеялись постепенно привыкнуть к мысли о загрузке сознаний, принять и разывать это явление до тех пор, пока граница между постчеловеком и человеком не сотрется — и тогда мир сможет вступить в новую fazу существования.

Мэдди хотела сделать как можно больше, чтобы им помочь.

* * *

Колонки компьютера издали пронзительный звук, который, казалось, иглами вонзился в барабанные перепонки, пробудив Мэдди от глубокого сна. Звук, казалось, достиг сердца и сжал его.

Она выскочила из кровати и уселась перед экраном. После двух неудачных попыток она наконец смогла отключить динамики.

На экране открылось окошко чата. Прошло несколько секунд, пока глаза Мэдди привыкли к свету и она смогла прочитать текст.

<Дэвид> Я не мог разбудить маму — она выключила свой телефон. Я, наверное, тебя напугал? Извини.

<Мэдди> Что случилось?

Она не стала надевать гарнитуру. Иногда печатать — быстрее.

<Дэвид> Мы с Лоуэлл пытались остановить Чанду. Он собирался проникнуть в ракетное управление Индии.

До загрузки Лори Лоуэлл сделала состояние на новых высокоскоростных торговых алгоритмах. Лори погибла, неудачно прыгнув с парашютом. Ее собственная компания загрузила ее сознание, чтобы продолжать использовать ее идеи. Она была одной из самых близких союзников отца Мэдди и тайно переводила большие суммы денег корпорации «Вечность», одной из компаний, открыто исследующей технологию добровольной загрузки полного человеческого сознания — а не частичную загрузку, которую произвели с сознанием отца Мэдди и других людей в попытке превратить их в рабочие инструменты. Нильс Чанда при жизни был блестящим изобретателем. Он пришел в ярость, осознав, что его подчиненные пытаются использовать его опыт и ум. Он стал фанатиком и только и делал, что искал удобного случая, чтобы инициировать ядерную войну.

<Дэвид> Она перенесла большую часть своего сознания в компьютеры обороны системы — так она будет быстрее получать доступ к любой информации. Чтобы избежать перегрузки системы и не привлекать к себе внимание, я отправил ей в помощь только небольшую часть своего сознания.

Мэдди не понимала всех технических деталей, но отец объяснил, что искусственные разумы посыпают по несколько бит своего сознания в облачное хранилище данных, в потаенные уголки вычислительных центров университета, правительства и коммерческих учреждений. Их сознания распределялись в виде отдельных обрабатывающих процессов, связанных в единую сеть. Так они могли пользоваться преимуществом параллельной обработки информации, а также снизить свою уязвимость.

Если одну часть их сознания засечет сканирующая программа противника, найдется достаточно дублеров в остальной части облака, которые ограничат ущерб — почти как человеческий мозг, который полон нервов-дублеров, резервных клеток и альтернативных возможностей связи. Даже если все аспекты одного из сознаний будут удалены с какого-то сервера, у этого сознания просто возникнет небольшая потеря памяти. Сама его суть, человеческая личность, будет сохранена.

Но войны между богами разгорелись в считанные на-носекунды. В темноте памяти внутри какого-то сервера — ракетно-командного управления, энергосистемы, фондовой биржи или даже древней инвентаризационной системы — программы стирали и взламывали друг друга, выводили друг друга из строя, действуя как вирусы, проникали в точки доступа, модифицировали базы данных, пробирались в уязвимые участки системы, маскируясь под другие программы, переполняли буферы, перезаписывали память. Мэдди была достаточно хорошим программистом, чтобы понять, по крайней мере, что в такой войне промедление в миллионную долю секунды, потраченную на доступ к какой-либо части данных, в контексте гигагерц тактовых циклов означает отставание длиною в вечность. Понятно, почему Лоуэлл хотела сосредоточить большую часть себя на месте боя.

Но это решение делает ее более уязвимой.

<Дэвид> Лоуэлл отличноправлялась, и Чанда так же не преуспел в исполнении задуманного, как и за все предыдущие попытки. Но потом Лоуэлл выяснила, что большая часть Чанды уже перезагрузилась на сервер. Она думала, он пытается получить преимущество в скорости, — и решила воспользоваться ситуацией и нанести ему повреждения. Вместо того чтобы занять оборону, она пошла в атаку. Она попросила меня блокировать все коммуникационные порты, чтобы он не мог ни сбежать, ни получить информацию извне. Он пытался

отправить кучу файлов, но я перехватывал их, надеясь, что позже мы сможем их расшифровать и узнать побольше о том, что он пытался сделать.

— Что это был за звук? — спросила мама. Одетая в пижаму, она стояла у двери, держа в руках дробовик.

— Это папа пытается меня разбудить. Что-то случилось.

Мама подошла и села на кровать. Она была спокойна.

— Та буря, которую мы ждали?

— Может быть.

Они вместе повернулись к экрану.

<Дэвид> Лоуэлл уничтожала Чанду огромными кусками. Он не успевал отражать ее атаки. Она подтянула все накопленные нами резервы исполняемых файлов с сервера, понимая, что пути к отступлению нет, потому что если она не уничтожит Чанду полностью, она раскроет наше там пребывание, и при следующей встрече мы окажемся беспомощными в руках Чанды. Но в тот момент, когда она готовилась к последнему, смертельному удару, сервер отключился.

Мэдди быстро напечатала:

<Мэдди> Что ты имеешь в виду? Ты выключил весь сетевой трафик?

<Дэвид> Нет, кто-то в буквальном смысле выдернул сетевые кабели.

<Мэдди> Что?

<Дэвид> Чанда задействовал одну из систем предупреждения и послал сигнал тревоги персоналу компьютерной службы. В качестве меры предосторожности они выдернули сетевой кабель. Большая часть Чанды

и Лоуэлл оказались заперты в ловушку на сервере, а я потерял часть своей программы и был выброшен оттуда.

<Мэдди> Ты проникал потом обратно, чтобы проверить, в порядке ли Лоуэлл?

<Дэвид> Да, и тогда я обнаружил, что это была спланированная ловушка. Чанда замаскировал на том сервере еще больше своих программ, чем мы подозревали, и он намеренно демонстрировал слабость, предлагая части себя в качестве приманки, чтобы Лоуэлл полностью вступила в бой, прежде чем он подал сигнал отключения. После этого он одолел ее и стерп все ее биты, что находились на том сервере.

<Мэдди> Но ведь должны были остаться резервные копии?

<Дэвид> Да, и я отправился их искать.

— О нет, — сказала мама.

— Что?

Мама положила руку на плечо Мэдди. Это было утешительным напоминанием о том, что она все еще ребенок. В последнее время Мэдди слишком часто казалось, что она — единственная, кто понимает, что происходит.

— Это старый трюк. Его использовали и во время Гражданской войны, и во время войны в Корее. Это как отрава для муравьев.

Мэдди вспомнила маленькие коробочки отравленной еды, которые они расставляли по полу вдоль кухонной стены. Муравьи заползали в коробочки и уносили еду в свои колонии. Яд накапливался и в конце концов убивал королеву...

<Мэдди> Стоп, папа! Стоп.

<Дэвид> А, ты догадалась, да? Ты умнее, чем твой старики.

<Мэдди> Мама догадалась.

<Дэвид> Историки всегда более циничны. Она права. Это была очередная ловушка. Я поздравлял себя с успешным перехватом всех попыток Чанды связаться с сетью, а пакеты, что я захватил, содержали вирус — программу слежения, которая встроилась в меня. Когда я заходил, чтобы проверить резервные копии Лоуэлл, я показал их местоположение Чанде и его союзникам. Они пошли за мной и закончили дело. Лоуэлл больше нет.

<Мэдди> Мне очень жаль, папа.

<Дэвид> Она знала, насколько высок риск. Но я еще не сказал вам самого худшего. После того как Чанда убил Лоуэлл на этом индийском военном сервере, он дождался, когда восстановят связь, и сделал то, чего хотел всегда. Если включите телевизор...

Мэдди и ее мама бросились вниз и включили телевизор. Шум, который они устроили, уже разбудил бабушку. Она поверчала, но села вместе с ними перед большим экраном.

...Китай и Пакистан осудили ничем не спровоцированное нападение Индии и нанесли ответные удары. Ожидается, что официальное объявление войны последует в самое ближайшее время. По последним оценкам, общее число жертв среди гражданского населения составило не менее двух миллионов человек. У нас нет оснований полагать, что было использовано ядерное оружие...

...Мы ждем официального заявления Белого дома о последних событиях в Азии. Между тем имеются донесе-

ния, что ракеты, отправленные, по-видимому, из района Атлантического океана, нанесли удар по Гаване. У нас нет подтверждения, принадлежит ли инициатива этого удара США или другой стороне...

...Извини, Джим, мы получили экстренную информацию. Россия утверждает, что сбила несколько беспилотных самолетов НАТО, несущих ракеты малой дальности, направлявшихся к Санкт-Петербургу. В заявлении Кремля это объявлено, я цитирую, «инициированной Америкой попыткой нарушить мир, достигнутый ценой огромных усилий за столом переговоров в Киеве». В своем заявлении Россия также обещает, цитирую, «дать врагу решительный отпор». Вооруженные силы НАТО в Европе приведены в состояние повышенной боевой готовности. Пока нет официального заявления от Белого дома...

«Миллионы жертв!» — думала Мэдди. Она не могла себе это представить. На другой стороне земного шара один из богов спустил собак войны, и миллионы людей, каждый со своими мечтами и страхами, которые завтракали, шутили или играли с детьми, умерли. Умерли. Мэдди побежала наверх.

<Мэдди> Ты сдался?

<Дэвид> Нет. Но поскольку Чанде удалось запустить эти ракеты, теперь слишком поздно. Эти страны давно были готовы перегрызть друг другу горло, им достаточно было всего одной искры. Все, что мы можем сделать сейчас, — это свести к минимуму число жертв. Но гибель Лоуэлл — большой удар для нас. Она показала им все наши уязвимые места. В следующий раз, когда мы станем сражаться, мы будем практически без оружия.

<Мэдди> Что мы должны делать?

Мэдди долго не отрывала глаз от экрана. Ответа не было. «Мы ничего не можем сделать», — с тоской подумала она. Отец — не из тех кто станет лгать, чтобы ее «защитить». Наступил день, которого они давно ждали. Они запаслись консервами, оружием и боеприпасами, топливом для генератора. Люди побегут в банки снимать деньги, потом начнутся нападения, грабежи и много чего похуже. Они должны быть готовы даже убивать, чтобы защитить себя.

<Мэдди> Ты снова уходишь?

<Дэвид> Должен.

<Мэдди> Но почему? Если знаешь, что не справишься с ними?

<Дэвид> Милая, иногда надо продолжать бороться, даже когда знаешь, что не можешь победить. Не ради себя.

<Мэдди> Увижу ли я тебя снова?

<Дэвид> Я не буду давать обещаний, которых не смогу сдержать. Вспоминай время, которое мы провели вместе **И если будет возможность посетить прошлое**

Мэдди была слишком поглощена переживаниями, чтобы задуматься, почему отец опять перешел на язык эмодзи, не говоря уже о том, чтобы сделать мысленный перевод. С мыслью, что она может больше не увидеть отца, что компьютерная сеть, связывающая ее с остальной частью мира, возможно, будет отключена, нахлынули воспоминания о тех годах, когда ей пришлось учиться жить без него. Сейчас это происходило снова.

Она, казалось, не могла отдохнуться. Тяжелое осознание того, что происходит, давило на нее. Хотя она многие месяцы готовилась к этому дню, в глубине души она никогда не верила, что это может на самом деле произойти. Комната завертелась вокруг нее, и все исчезло в темноте.

Затем она услышала встревоженный голос матери, зовущий ее по имени, и шаги вверх по лестнице. Надо продолжать бороться, даже когда знаешь, что не можешь победить.

Она сделала несколько глубоких вдохов, пока комната не перестала кружиться.

Когда мать появилась в дверном проеме, лицо Мэдди было спокойным.

— С нами все будет в порядке, — проговорила Мэдди, заставляя себя в это верить.

* * *

Весь день они слушали новости. Мэдди, мама и бабушка проводили все свое время, попеременно глядя то на большой экран телевизора, то обновляя браузер.

Войны были объявлены по всему миру. Подозрительность накапливалась годами, глобализация и растущее неравенство разжигали взаимные обиды, экономическая интеграция сеяла вражду — и все это, казалось, прорвалось за одну ночь. Кибератаки продолжались. Электростанции выходили из строя, связь между континентами то и дело прерывалась. Повсюду были беспорядки: в Париже, Лондоне, Пекине, Нью-Дели, Нью-Йорке... Президент объявил, что в крупнейших городах действует чрезвычайное положение и законы военного времени. Соседи бросились к автозаправкам с кастрюлями и ведрами, полки продуктовых магазинов опустели к концу первого дня.

На третий день отключили электричество.

Больше не работал телевизор, не было доступа в Сеть — роутеры в отдаленных районах, должно быть,

тоже лишились электроэнергии. Коротковолновое радио еще работало, но станций вещания осталось мало.

К счастью, генератор в подвале поддерживал работу сервера, где размещалось сознание отца. По крайней мере, он в безопасности.

Мэдди в отчаянии попыталась связаться с ним.

<Мэдди> Папа, ты здесь?

Ответ был краток:

<Дэвид>

«Моя семья. Защитить мою семью», — мысленно перевела она.

<Мэдди> Где ты?

<Дэвид>

«В моем сердце?» Ужасающая правда начала доходить до нее.

<Мэдди> Это не весь ты, да? Только часть программы?

<Дэвид>

Конечно. Отец давно перерос тот этап, когда всего его можно было хранить на одном сервере. Для него было слишком опасно находиться полностью здесь: паттерны сетевого трафика могли раскрыть другим местонахождение Мэдди и ее мамы. Отец давно готовился к этому дню и перенес себя за пределы сервера, но не говорил об этом — может, думал, что она уже и так обо всем догадалась, может, хотел дать ей иллюзию, что она делает что-то полезное, поддерживая работу сервера.

Все, что от него осталось, — рутинная программа искусственного интеллекта, способная отвечать на простые вопросы, и, возможно, какие-то фрагменты личных воспоминаний о семье, которые он не хотел бы хранить где-то еще.

Горе сдавило ей горло. Она снова потеряла отца. Он сражается на войне, в которой ему не победить, а она не может быть рядом с ним.

Она стучала по клавишам, желая поведать ему о своих чувствах. Симулякр отца ничего не отвечал, лишь снова и снова выводил на экран красное сердечко.

* * *

Прошло две недели. Дом бабушки превратился в центр помощи соседям. Люди приходили подзарядить свои ДВД-плееры, телефоны и компьютеры — чтобы было чем занять детей — или позаимствовать на время электрический насос, чтобы накачать свежей холодной воды из колодца.

У некоторых закончились запасы продуктов. Они смущенно отзывали бабушку в сторонку и предлагали деньги за пару банок консервированной фасоли. От денег бабушка всегда отмахивалась и предлагала соседям остаться на обед, а потом провожала их с тяжелыми сумками.

Ружья пока лежали без дела.

— Я же говорила, что не верю в апокалиптические видения твоего отца, — сказала бабушка. — Мир не рухнет, если мы этого не допустим.

Но Мэдди с тревогой наблюдала, как падает уровень солярки, необходимой для электрогенератора. Она злилась на людей, которые приходили к ним и забирали электричество и продукты, которыми им самим не хватило ума запастись. Она хотела сохранить солярку для поддержания работы сервера, где хранился последний фрагмент души ее отца. Умом она понимала, что на самом деле там не по-настоящему ее отец, а всего лишь

набор битов, имитирующий часть его памяти, — мизерная доля того, что составляло новое обширное сознание отца. Но эти биты были единственным, что еще связывало его с ним, и она держалась за них, как за талисман.

Одним вечером, когда бабушка, мама и несколько их соседей сидели внизу в столовой, за ужином из яиц и овощей из бабушкиного сада, свет внезапно погас. Знакомый гул генератора стих, и на мгновение воцарились тьма и полнейшая тишина, лишенная звуков автомобилей или телевизоров из соседних домов.

Потом раздались голоса людей внизу на лестнице. Генератор в конце концов выключился, израсходовав солярку до последней капли.

Мэдди в своей комнате уставилась на темный экран компьютера. Усыпанное звездами небо, отражаясь в экране, создавало иллюзию фосфоресцирующего свечения. Она давно отключила монитор, экономя электроэнергию. В отсутствие света на мили вокруг этим летним вечером звезды горели особенно ярко — ярче, чем она когда-либо видела.

— Прощай, папа, — прошептала она в темноту.
И горячие слезы покатились по ее щекам.

* * *

По радио они услышали, что в некоторых крупных городах электричество было восстановлено. Правительство обещало стабильность, напоминая, как им повезло, что они живут в Америке, а не в каком-то другом, не таком защищенном месте. Войны бушевали по всему миру, но люди постепенно учились работать без связи друг с другом. Погибли уже миллионы, и еще миллионы погибнут, и все же многие миллионы людей выживут в этом более медленном и гораздо менее удобном мире. Прежний, такой зависимый от связи и информации мир, с корпорациями вроде «Сентиллион» и «Общее знание», в которых компьютерные биты ценились выше, чем атомы, где казалось возможным получить все

что угодно, одним касанием сенсорного экрана, — прежний мир мог больше никогда не вернуться. Но человечество — или, по крайней мере, часть его — выживет.

Правительство призывало добровольцев на работу в больших городах, людей, которые могли бы помочь в восстановлении инфраструктуры. Мама хотела поехать в Бостон, где выросла Мэдди.

— Им пригодится историк, — сказала она. — Кто-то, кому известно о том, как все работало раньше.

Мэдди подумала, что мама просто хочет занять себя чем-нибудь, просто хочет чувствовать себя полезной, чтобы не поддаваться отчаянию. Папа обещал защитить их, и вот что из этого вышло. Муж вернулся к ней из могилы, но она снова его потеряла, и Мэдди могла только представить себе, как мама страдает под этой маской спокойствия. Мир стал очень суровым местом для жизни, и каждый должен внести свой вклад, чтобы сделать его более сносным.

Бабушка решила остаться дома.

— Я здесь в безопасности. Буду ухаживать за садом и курами. А если дела пойдут совсем плохо, вам будет куда вернуться.

Так что Мэдди и мама обняли бабушку на прощание и стали паковать чемоданы. Бензобак их автомобиля был полон, а соседи, в благодарность за их помощь, привнесли еще несколько канистр бензина. Здесь, в Пенсильвании, им придется учиться самим выращивать овощи и фрукты, учиться все делать вручную — никто не знал, сколько времени займет восстановление системы подачи электричества, — а канистра бензина погоды не сделает. Ехать они никуда не собирались.

Перед тем как сесть в машину, Мэдди сбегала в подвал и вынула жесткий диск, к которому относилась как к оболочке, в которой жил отец. Она не могла смириться с мыслью о том, чтобы оставить эти биты здесь, даже если они — всего лишь бледное его отражение, вроде фотографии или посмертной маски.

А еще у нее имелась крохотная надежда, в которой она не признавалась самой себе, чтобы потом не разочароваться.

По обочинам шоссе стояли брошенные автомобили. Когда бак их машины пустел, они останавливались и сливало горючее из бензобаков брошенных автомобилей. Мама воспользовалась этим временем, чтобы рассказать Мэдди историю края, по которому они проезжали, объяснить значение системы шоссе между штатами и железных дорог, которые некогда связали удаленные места континента, сократили расстояния и сделали их цивилизацию возможной.

— Все развивается послойно, — говорила мама. — Интернет-кабели проложены вдоль железнодорожных путей девятнадцатого века, те, в свою очередь, — по следам первых поселенцев, ехавших в своих фургонах по тропам, которые проложили индейцы. Когда мир рушится, рушится он тоже слоями. Мы отслаиваем омертвевшую кожу настоящего, чтобы жить на костях прошлого.

— А мы, люди? Мы тоже развивались послойно? И теперь катимся вниз по ступенькам цивилизации?

Мама задумалась.

— Не уверена. Кто-то считает, что мы слишком далеко ушли от предков, которые сражались камнями и дубинками и украшали мертвых гирляндами цветов. Но, возможно, мы изменились не так уж сильно, мы просто создали гораздо больше, и хорошего, и плохого, когда наши возможности благодаря технологиям увеличились настолько, что мы приблизились к богам. Неизменная природа человека может стать источником отчаяния или утешения — это как посмотреть.

Они въехали в пригород Бостона, и Мэдди настояла на том, чтобы остановиться в старом здании «Логоритмс», корпорации, в которой работал отец.

— Зачем? — спросила мама.

«И если будет возможность посетить прошлое...»

— Это — история.

Здание стояло пустым. Свет здесь работал, но двери были открыты — электронные замки отключились. Электричество, по-видимому, восстановилось во всех системах. В вестибюле мама остановилась перед фотографиями отца и доктора Ваксмана, висевшими в рамках на стене. Мэдди почувствовала, что ее надо оставить одну, и направилась в старый кабинет отца.

Здесь почти все было как прежде. То ли из чувства вины, то ли ради сохранения части истории руководство компании не поселило сюда нового обитателя. Кабинет превратили в нечто вроде склада, забитого допотопными компьютерами и ящиками со старыми документами.

Мэдди подошла к столу и включила старый компьютер отца. На экране сменилось несколько картинок, оповещающих о последовательности загрузки, и, наконец, высокочило приглашение ввести пароль.

Сделав глубокий вдох, она напечатала в пустом поле «ТыМоеСолнышко». Она надеялась, что именно это отец имел в виду, отправляя ей последние загадочные намеки на их общем языке иконок.

Запрос пароля обновился, не пропустив ее.

Ладно, подумала она. Это было бы слишком просто. В большинстве корпоративных систем используются сложные пароли, включающие в себя цифры, знаки препинания и другие символы.

Она попробовала:

<Мэдди> «ТыM0eC0лнышк0»

И

<Мэдди> «Ты_Moe_Солнышко»

Ничего.

Отец знал, что ей нравятся шифры, так что его намек, скорее всего, следовало интерпретировать в этом ключе.

Мэдди закрыла глаза и представила себе таблицу Юникода и ровный ряд символов эмодзи — словно кольца и брошки, аккуратно рассортированные в шкатулке. Она выучила коды, еще когда их нельзя было ввести непосредственно с клавиатуры и приходилось использовать управляющие последовательности, чтобы дать задание компьютеру их найти. Мэдди надеялась, что она наконец на правильном пути.

<Мэдди> \xF0 \x9F \x94 \x86

Экран помигал, и на нем возникла картинка рабочего стола. Окошко терминала было активно. Серверы «Логоритмс», наверное, включились автоматически, когда дали свет.

Она сделала еще один глубокий вдох и напечатала в терминале:

<Мэдди> program157

Она надеялась, что правильно поняла значение эмодзи-часов в сообщении отца.

Терминал принял команду без возражений, и через некоторое время на экран выскоцило окошко чата.

<Мэдди> Папа, это ты?

<Дэвид> ?

<Дэвид>

<Дэвид>

Она поняла. Это была старая копия его сознания, сделанная до того, как он сбежал. Хотя они с мамой потребовали у доктора Ваксмана после этого уничтожить все копии, «Логоритмс» не исполнил требования полностью, и папа об этом знал.

Дрожащими руками она достала из кармана жесткий диск, который захватила с собой из бабушкиного дома, вставила его в корпус и подключила к компьютеру.

Затем набрала в строке ввода сообщение отцу, давая ему знать о том, что она сделала.

<Дэвид>

Дисковод заработал. С бешено колотящимся сердцем она ждала ответа.

<Дэвид> Спасибо, дорогая.

Мэдди радостно вскрикнула. В этом и состояла ее надежда: отец сохранил на этом диске достаточную часть нового себя, чтобы в сочетании со своей старой копией можно было воскресить подобие его сознания.

Ее пальцы летали по клавиатуре, когда она пыталась увеличить скорость реакции его сознания. Но он ее быстро опередил. Сетевые соединения в «Логоритмс», с их спутниковой связью и множеством резервных копий, работали надежно. Он уже сумел выйти в эфир и получить представление о ситуации.

<Дэвид> Как много друзей погибло. Стерты. Как много их ушло из жизни.

<Мэдди> Но мы, по крайней мере, теперь в безопасности. Противник должен был пострадать еще сильнее. За последнее время они не могли причинить много вреда.

<Неизвестный пользователь> Спасибо, девочка.

Последняя строка была написана кроваво-красным шрифтом, и Мэдди поняла, что говорит кто-то другой. Ее сердце сжалось.

<Дэвид> Он выждал, Мэдди. Ты не виновата.

Она догадалась обо всем мгновенно. Повреждения, которые Чанда внес в сознание отца во время их последнего боя, сохранились на жестком диске в доме бабушки, и она принесла их сюда. Они заразили старую копию отца и привели разжигателя войны Чанду прямо к нему.

<Чанда> Дэвид, я ждал, пока все немного утихнет, а тем временем помещал себя в нужные мне компьютеры. Что за создание — человек! Он приписывает злонамеренность всему, чего не понимает. Когда в мир приходит новая раса (мы!), его первый инстинкт — подчинить и поработить. При малейшем признаке неисправности в сложной системе его первая реакция — страх и желание утвердить свой контроль. Ты и Мэдди лучше, чем кто-либо, должны понимать правоту моих слов. Крошечный толчок — и люди готовы уничтожать друг друга, разрывать мир на куски. Мы должны помочь им на этом их естественном пути самоуничтожения. Войны слишком медленны. Я решил, что пришло время для ядерного оружия. Даже если я сам сгорю вместе с этим миром.

<Дэвид> Чанда, буду драться с тобой повсюду, даже если из-за этого мир узнает о нашем существовании и уничтожит всех нас.

<Чанда> Слишком поздно. Думаешь, тебе удастся пробиться через мои укрепленные позиции? В твоем полустертом состоянии? Ты — кролик, пытающийся атаковать волка.

В окне чата больше не появлялось никаких слов. Не считая тихого гудения компьютера и редких криков голодных чаек на парковке, в кабинете стояла мертвая ти-

шина. Но Мэдди знала, что спокойствие обманчиво. Противники слишком поглощены друг другом, чтобы держать ее в курсе дела. Это — не кино. На экране не появится графического датчика, показывающего, что происходит в эфире.

Некоторое время она пыталась сладить с незнакомым интерфейсом; наконец ей удалось запустить новое окно терминала и исследовать систему. Она знала, что искусственные сознания маскируют свои эксплуатационные процессы под обычные системные задачи, чтобы избежать обнаружения стандартной системой мониторинга, — поэтому их не замечали сисадмины и программы безопасности. В списке процессов не наблюдалось ничего необычного, но она знала, что там, в потоках цифр зашифрованных протоколов, происходит смертельная битва, каждый бит которой не менее жесток и беспощаден, чем сражение на настоящем поле боя. Та же сцена, вероятно, разыгрывается в тысячах компьютерных систем по всему миру, где части распределенных сознаний двух электронных титанов бьются за контроль управления всем ядерным арсеналом в мире.

Освоившись в обращении с системой, она проследила местоположение исполняемых файлов, ресурсов и баз данных — компонентов сознания отца. И поняла, что он стирается по крупицам, проигрывая Чанде.

Конечно, Чанда побеждает. Он давно готовился, а отец сейчас был тенью себя прежнего: совсем недавно проснулся в новом, незнакомом мире без доступа к знаниям, которые он приобрел со временем своего побега. Он не имел запаса уязвимостей, не имел опыта борьбы в этой войне, и вирус разъедает его память — он и в самом деле был кроликом против волка.

Кролик.

«...навечно останется жить в легендах».

Она вернулась к окошку чата. Неизвестно, сколько сознания отца осталось, но надо попытаться передать

ему сообщение. Она будет говорить на их общем языке, которого Чанда не поймет.

<Мэдди>

Когда Мэдди была маленькой, она спросила отца: что делает эта странная программа, такая короткая, всего лишь из пяти символов:

<Мэдди>% 0 | 0%

— Это форк-бомба* для пакетных сценариев «Виндоус», — с улыбкой ответил он. — Попробуй сама понять, как она работает.

Мэдди попыталась запустить программу на старом ноутбуке отца, и за пару секунд машина словно превратилась в вялого зомби: мышка перестала отвечать, командная строка перестала реагировать на нажатие клавиш.

Она никак не могла заставить компьютер откликнуться на ее действия.

Мэдди изучила программу и пыталась понять, как она работает. Вызов был рекурсивным, каждая версия процесса запускала две копии самой себя, которые, в свою очередь, делали то же самое...

— Программа создает собственные копии в геометрической прогрессии, — сказала она. Вот почему программа так быстро поглотила ресурсы и уронила систему.

— Верно, — ответил отец. — Эта программа создает самореплицирующийся процесс. Ее называют «форк-бомба» или «вирус кролика».

Она вспомнила о последовательности Фибоначчи, смоделированной по образцу увеличения популяции кроликов. Теперь, когда она снова смотрела на эту ко-

* Форк-бомба — компьютерный термин, англ.: fork bomb, в буквальном переводе означает «вилочная бомба».

роткую программу, строка из пяти символов казалась ей действительно похожей на двух зайцев в профиль, с бантиками на ушках и тонкой полоской между ними.

Мэдди продолжала исследовать систему строками команд, наблюдая, как медленно стираются биты ее отца. Она надеялась, что ее сообщение прошло, что ей удалось на что-то повлиять.

Когда стало ясно, что исполняемые файлы и базы данных пропали и отец уже не вернется, она выскочила из кабинета и побежала через пустые коридоры, вниз по гулкой широкой винтовой лестнице, мимо удивленной матери — в серверную комнату.

Она подошла к толстому пучку сетевых кабелей, питающих машины в центре обработки данных, и выдернула их. Чанда — или то, что от него осталось — оказался теперь в ловушке, и Мэдди собиралась заставить эти машины стирать все, что в них есть, пока от убийцы ее отца ничего не останется.

В дверях серверной появилась мама.

— Он только что был здесь, — сказала Мэдди. Осознание того, что произошло, дошло до нее, и она неудержимо зарыдала. Мать подошла и обняла ее. — Но больше его нет.

- «Слухи о падении производительности компьютерных систем Министерства обороны — ложь», — заявляет Пентагон.
- Россия отвергает справедливость обвинений в полном обнулении сверхсекретной информации в центрах хранения данных после заражения вирусом или киберпроникновения.
- Премьер-министр Британии приказывает перевести главный ядерный арсенал на исключительно ручное управление.

- Корпорация «Вечность» объявляет новый раунд финансирования и интенсификацию научных изысканий в области Цифрового Бессмертия. «Киберпространству нужен человеческий разум, а не искусственный интеллект», — поясняет основатель корпорации.

Мэдди отвела глаза от дайджеста новостей в ее электронной почте. Между строк читалось, что последний отчаянный гамбит отца сработал. Войдя во все основные компьютерные центры мира, отец превратил себя в форк-бомбу, перегрузил системные ресурсы настолько, что ни ему, ни Чанде не удавалось ничего сделать, и таким образом предоставил системным администраторам достаточно времени, чтобы они получили предупреждение о неисправностях в их машинах и смогли вмешаться. Это была примитивная, жестокая, но эффективная стратегия. Даже кролики, если их миллионы, способны одолеть волка.

Форк-бомба также выявила существование последнего из богов, и люди быстро отреагировали — отключили зараженные машины и очистили их от искусственных сознаний. Однако люди, вероятно, воскресят из резервных копий искусственные сознания, созданные для военных целей, после того как добавят в систему больше защиты и убедятся, что способны обуздить богов и посадить их на цепь. Безумная гонка вооружений никогда не кончится. Мэдди теперь могла оценить представление ее матери о человеческом потенциале к изменениям.

Сейчас боги мертвы или, по крайней мере укroщены, но настоящие войны продолжают бушевать по всему миру, и, очевидно, ситуация станет еще хуже, когда оцифровкой человеческого сознания займется больше секретных лабораторий. Бессмертие, которого в результате этих усилий можно будет достичь, раздует пламя войны еще сильнее.

Апокалипсис не грянул как гром — он наступал постепенно, как неумолимо раскручивающаяся спираль. Но пока мир рушился медленно, пока не наступила ядерная зима, еще оставался, по крайней мере, шанс его восстановить.

— Папа, — прошептала Мэдди. — Мне так тебя не хватает.

И словно по команде на экран выскочило окошко чата.

<Мэдди> Папа?

<Неизвестный пользователь> Нет.

<Мэдди> Кто вы?

<Неизвестный пользователь> Твоя сестра. Твоя облично рожденная сестра.

ЭЛИЗАБЕТ БИР

Элизабет Бир родилась в Хартфорде, штат Коннектикут. После своего дебюта в 2005 году она опубликовала больше двух дюжин романов в жанрах НФ и фэнтези и два сборника рассказов. За это короткое время она дважды получала премию «Хьюго» и стала лауреатом премии Джона Кэмпбелла «Лучшему начинающему автору» и премии Теодора Старджаона за рассказ.

Жизнь всегда преподносит сюрпризы

Никто не заставляет меня это рассказывать. Никто не заставляет меня рассказывать эту историю. Никому еще не удавалось заставить меня рассказать то, что я сама не решила поведать.

Я, Элис Хемингуэй, писатель не родственница, стою сейчас у подножия Скалистых гор. Я пешком добираюсь домой.

Или — пытаюсь добраться домой? Трудно сказать.

Вы с Кейси ждете меня. Кейси скоро одиннадцать, и она с ума сходит по лошадям. Но мы не можем позволить себе лошадей. Ты? Ты на два года моложе меня и в шесть раз меня веселее. Ты придумал бы шутку о том, что не знаешь, добираешься ты домой или только пытаешься добраться. Ты взял бы меня за руку, когда я слишком устану идти. Устану карабкаться.

Вы двое ждете меня. Вот почему мне обязательно нужно вернуться.

Семидесятое шоссе казалось самым коротким маршрутом, но я начинаю думать, что следовало взять севернее, из Колорадо, и переходить горы в Вайоминге, по относительно плоскому Южному перевалу. Сожаления — не лучшее, чем можно заняться на этом этапе игры, но я стою перед въездом в туннель Эйзенхауэра, и мысль о таком долгом пути в темноте внезапно кажется невыносимой. А еще я вспоминаю, сколько придется карабкаться на высокогорных перевалах по дороге к Гранд-Джанкшен. Наверное, лучше было пойти в обход.

Я не привыкла решать такие задачи, тем более решать их постоянно, понимая, что это вопрос жизни и смерти. Мало кто к такому привык.

Думаю, те из нас, кто уцелеет, научатся этому.

Сейчас весна — где-то около Дня поминовения, — но в Скалистых горах это означает не то, что могло бы означать в другом месте. Из серой утренней мглы лениво выплывают снежные хлопья и оседают на моих руках и на лямках рюкзака. Мне повезло: я бывала в Скалистых горах, когда проводила полевые исследования, а моя работа включала в себя довольно много походов. У меня хорошие носки, хорошие ботинки, хороший рюкзак, полный походных одеял и энергетических батончиков «Клиф».

Однако, не считая карманного ножика, у меня нет никакого оружия. А между мной и входом в туннель стоят три человека. Все одеты более-менее по погоде. Они поджидают меня. Один — с пустыми руками. Другой держит алюминиевую софтбольную биту.

Третий — с ружьем.

Я поднимаю руки, показывая, что в них ничего нет.

— Я Элис Хемингуэй из Сан-Диего, — говорю я им. И, чтобы сдержать дрожь в голосе, думаю о тебе. — Мне нужно только пройти через туннель. Я пытаюсь добраться до дома.

Они переглядываются. Тот, что с ружьем, морщит нос. Тот, что с битой, пожимает плечами.

Тот, что с пустыми руками, шагает вперед.

— Проход здесь платный.

Они не требуют денег. Кому сейчас нужны деньги? Но я сторговалась до двух пакетов ореховой смеси и нескольких таблеток для очистки воды. В ходе разговора выяснилось, что я биолог — точнее, ботаник — в Калифорнийском университете.

— У вас есть медицинские знания? — спрашивает женщина с битой.

— Кое-какие навыки оказания первой помощи, — говорю я. — И, поскольку моя специальность растения, знаю лекарственные травы.

— Вы можете помочь людям с Жаром? — спрашивает она.

Я болезненно морщусь.

— Я могу показать вам, где взять кору ивы. В ней содержится салициловая кислота, компонент аспирина. И щандра... хотя она растет на более низких высотах. Успокаивает кашель. Еще есть лишайник, называется «борода старика», считается противовирусным, правда, я не знаю, проводились ли исследования, не знаю, как его готовить и какая дозировка. — Я пожимаю плечами. — Извините. Все, что я могу предложить, — паллиативные меры с недоказанной эффективностью. Если бы было средство...

Если бы было средство, мы бы здесь не стояли. Сейчас появилась вакцина, а прошлой зимой ее не было. Но производится вакцины мало, а распределение организовано паршиво. Исключительная вирулентность штамма в сочетании с антивакцинной паникой — все это за короткое время привело к смертности, не виданной со времен испанской инфлюэнзы или чумы.

Жар. Меня бесит, что народ называет новую пандемию словом, в котором отчетливо слышится большая буква. Получается, они мифологизируют ее.

Оказалось, что выдры, касатки и морские слоны — все они могут болеть гриппом. А в условиях потепления океана штамм H1N1 гриппа морских животных процветает, распространяется и мутирует очень быстро. «Морской» грипп перекинулся на человека в том же сезоне, что и штамм H10N8 птичьего гриппа. Дьявольское невезение.

То, что штаммы мутировали и превратились в монстра, который сровнял с землей Северную Америку — и, полагаю, весь мир, хотя информации оттуда мало... это похоже, чем просто невезение. Если бы я была религиозна, я назвала бы это гневом Господним. Я была бы не первой.

Прошлой зимой бушевал грипп. Нынешней — бушует смерть.

Если повезет и нам удастся оправиться, думаю, антивакцинная паника сойдет на нет. Только вот смогут ли раздобыть вакцину те, кто захочет сделать прививку?

Морской грипп отстанет от нас через пару лет. Выждет сам себя, даже если заберет с собой половину человечества. Но дальше возникнет гораздо большая проблема: нехватка человеческих ресурсов — в то время, когда мы вынуждены иметь дело с изменением климата и пытаемся придумать, как всех накормить. И как бороться с новыми грибковыми заболеваниями, истребляющими диких животных и людей в городах и селах.

Концу света полагалось быть постепенным. Должно было прозвучать предупреждение. Долгий, медленный спуск. А мы получили внезапное нарушение эквилибриума: гордое балансирование, затем резкое падение вниз.

Наверное, предупреждения были. Просто мы не обращали внимания.

* * *

Они дают мне маску и ведут к пациентам, которые выглядят даже хуже, чем я ожидала. Светлокожие и темнокожие, сейчас все они лежат с одинаково серыми ли-

цами. Те, кто в сознании, беспокойно ходят или растягивают мышцы, пытаясь облегчить боли в конечностях. Кто в полу забытьи — крутятся в постели, если у них хватает сил. Некоторые стонут или тихо скулят. Другие лежат неподвижно, мокрые от пота, часто и прерывисто дышат. Третьих сотрясает дрожь.

Я не знаю, как им помочь. Но расплачиваюсь за пользование туннелем единственным доступным мне способом: готовлю отвар из ивой коры и пою больных с распухшим горлом горьким настоем.

Заболевших выгоняли из Денвера. Это я знала. Но не знала, где они собирались.

Оказалось, что здесь, в туннеле Эйзенхауэра. Бита, Пустые руки и Ружье пришли сюда в числе первых.

Они переболели Жаром и уцелели. Морским гриппом — так я предпочитаю его называть. Теперь они стараются помочь остальным.

Встретив их у туннеля, я боялась другого.

Но все оказалось страшнее.

* * *

И, о чудо, аспирин помогает. Два дня спустя, когда я собираю вещи, Пустые руки — его, оказывается, зовут Райан — приходит ко мне и говорит:

— Если хотите оставаться, мы будем только рады.

Я оборачиваюсь и смотрю в глубины подземного царства.

— У меня партнер и ребенок в Сан-Диего.

Райан облизывает губы.

— Думаете пересечь Большой бассейн и Мохаве пешком?

Я пожимаю плечами. Закидываю рюкзак за спину. Вздыхаю и смотрю на туннель. Можно было бы забиться сюда, подождать, когда восстановят спутниковую и телефонную связь. Должны же это сделать в конце-то концов. Инфраструктура все еще существует, вопрос только в запуске.

Может, появятся даже автобусы или другой какой-нибудь транспорт.

— Я уже говорила: мне нужно домой.

Райан молчит, но я чувствую его взгляд мне в спину, пока шагаю на запад к шоссе.

По крайней мере, снег перестал. И снег не идет цепких два дня, которые я запланировала на дорогу до Вейла. Всего около тридцати девяти миль по шоссе — и я там.

Но двигаюсь я не так быстро, как мне хотелось бы, и дорога... ну не особенно ровная. Идти тяжело, хотя я благодарю бога снова и снова, что сейчас ни за какие деньги невозможно достать бензин и на шоссе в эти дни нет никого, кроме пешеходов и военных машин.

Что ж, для этого оно и было построено. Гражданское пользование было... ну не просто бонусом. Транспортное сообщение между штатами дало немалый экономический эффект. Но все это было вторичным по отношению к военным целям. Как в Риме.

Почему я об этом думаю? Результат сочетания туннеля Эйзенхауэра, военных конвоев и гипоксии. Плюс низкий уровень сахара в крови: стараюсь беречь продукты.

Наступил конец света или нет, здесь очень красиво. По обе стороны от меня растянулись, как елово-чешуйчатые змеи, длинные горные хребты, высокие справа и чуть пониже слева, хотя это меняется. Я вижу рельсы заброшенного железнодорожного пути, а небо надо мной яркое и хрупкое, как кобальтовое стекло. Я постепенно привыкаю к долгой ходьбе. Я даже смогла привыкнуть к склонам, хотя мышцы бедра, подколенные сухожилия, ягодицы и икры болят, когда ночью я ложусь спать.

Вейлский перевал — всего десять тысяч футов с мелочью. Легкотня, правда? На второй день, проходя Медные горы, я выбираю маршрут велосипедистов.

Идти здесь, по крайней мере, приятнее, чем по шоссе между штатами. Когда наступает ночь, я поднима-

юсь на гору, подальше от дороги, и отыскиваю укрытое со всех сторон место, чтобы разложить свой спальный мешок.

* * *

На третий день я просыпаюсь в спальном мешке, дрожа от холода и боли во всем теле, и понимаю, что и сегодня я до Вейла не дойду.

Но я достаточно близко, и уже начинают встречаться отдельные дома, а второстепенная дорога, отходящая от южной стороны шоссе, ведет в коттеджный поселок. За поселком видны лыжные склоны, на которых еще блестят островки искусственного снега. Интересно, как давно его перестали подновлять.

Еще интересно, живут ли сейчас в каком-нибудь из этих домов люди и сколько из них принадлежит звездам кино и воротилам Силиконовой долины, приезжавшим сюда на месяц-другой в год.

А еще интересно, пустит ли кто-нибудь к себе путника, у которого стерты в кровь ноги и который только что проснулся с Жаром.

* * *

Кое-как умудряюсь свернуть спальный мешок, хотя рулон получился не то чтобы очень аккуратным. Нет сил забросить рюкзак на плечи, поэтому я волоку его за собой — через пустынное шоссе, через рельсы и по заросшему кустарником склону к второстепенной дороге. Тут есть что-то вроде тропы, пробитой скатившимися с горы валунами. Я то ползу, то бреду по ней, пока не выхожу на начало улицы.

Через дорогу от меня — дом. Подойти к нему? Если в нем живут люди, то они, вероятно, просто пристрелят меня — как объект, представляющий угрозу для их здоровья. Если в доме никого нет, я не знаю, как в него попаду.

Я могу просто лечь здесь, на обочине дороги, и умирать. Если повезет, меня найдут и спасут соседи... если тут есть какие-нибудь соседи.

Дом, скорее всего, пустой. Вряд ли в Вейле осталось много людей после того, как перестал ходить транспорт и прекратилась доставка продуктов. Но у тех, кто остался, наверное, есть генераторы и охотничьи ружья. Правда, когда я встаю на четвереньки, собираю вещи с земли и, наконец, привожу себя в вертикальное положение, никто в меня не стреляет. Или я не почувствовала. И когда ташу рюкзак и разорванный теперь спальный мешок через дорогу, а потом на открытую веранду деревянного коттеджа, в меня тоже никто не стреляет — или я не почувствовала. На половине пути по лестнице из восьми ступенек пришлось остановиться и передохнуть, так что времени у них было достаточно.

Веранда охватывает коттедж по всему периметру, и я иду к задней части дома, думая, что, может, попытаюсь взломать окно карманным ножом. Но там оказывается, что раздвижная дверь вырвана из пазов и приставлена к проему рядом с шикарным газовым грилем. Отталкиваю дверь — это занимает несколько минут, — протискиваюсь в щель через зазор и падаю вместе с рюкзаком и спальным мешком на пахнущий затхлостью диван в большой комнате с пустым камином и кожаной мебелью. Все тело болит. Я сворачиваюсь калачиком, тяжело дышу, меня трясет от озноба. Так холодно, что у меня стучат зубы и болят даже соски.

Я лежу так, может быть, полчаса, может, всего двадцать минут, но кажется, что год. Когда дрожь унимается — это словно сцена из «Маленького домика в прериях», — я поднимаюсь и бреду на кухню. По пути нахожу ванную. Воды нет, но в аптечке есть полбутилки «Найквила»* и немного «Экседрина». Дверь оружейно-

* «Найквил» (англ. NyQuil) — торговая марка лекарства, облегчающего симптомы при простуде.

го шкафа в коридоре была, похоже, отжата чем-то вроде лома.

Все оружие забрали. Но тот, кто это сделал, в спешке рассыпал коробку патронов. Я опускаюсь на корточки, чтобы их подобрать. Тяжелые. Оружия у меня нет, но патроны можно будет обменять на еду. Складываю их в карманы штанов и, следуя на запах гниющих фруктов, попадаю на кухню. В холодильнике воняет тухлым, зато я нахожу в нем две пластиковые канистры воды, причем одна из них — полная. В шкафу рядом с холодильником оказывается еще полтора десятка канистр, запечатанный пакет клюквенного сока, две бутылки «Маунтин Дью». Прочий улов: белковый порошок, пакет пораженных долгоносиком крекеров, целая упаковка печенья «Орео», закрытая коробка батончиков мюсли, две банки сардин, стеклянная банка чечевицы и мешок червивой муки. А на полу в кладовой валяется куча упаковок быстрорастворимой вермишели. Я готова разрыдаться от счастья.

В шкафах уже порылись до меня и все консервы забрали — за исключением тех сардин, еще остался гороховый суп, проростки фасоли и кокосовое молоко. Бар с напитками разбит, но грабитель брал в основном легкие вещи: еду и оружие, которое легко носить с собой, или ценное для обмена.

Бананы превратились в сероватую слизь на столе. Лук в медной висящей корзине пророс, но не сгнил.

Я загружаю побольше напитков и кое-что из обнаруженных сокровищ в ведро, взятое под раковиной, и плетусь обратно к дивану.

Следующие несколько дней помню плохо.

* * *

Мне снится наш последний разговор по телефону. Ты говоришь, что придешь и найдешь меня. Я отказываюсь и прошу тебя оставаться дома и заботиться о Кейси. Я говорю, что возвращаюсь домой.

Это не будет ложью. Клянусь. Лежа на липкой коже в луже собственного пота, с усилием проглатывая воду из канистры, я клянусь в этом снова и снова.

Мне становится ясно, почему болезнь называют Жаром.

Морской грипп преимущественно убивает молодых — с медицинской точки зрения — и сильных.

Сначала я еще могу доползти до туалета. Позже пригождается ведро. Снова озноб. Снова галлюцинации. Я знаю, что надо что-то сделать, чтобы сбить жар, но что именно — никак не могу вспомнить. Если бы у меня было больше воды, я могла бы наполнить ванну.

Мысль о ванне преследует меня все те полчаса, на которые я прихожу в сознание. Сквозь оцепенение, боль в мышцах и льющийся пот я думаю о долгом лежании в холодной ванне. О плавании, о прохладном касании воды моего тела. Думаю о мире.

Думаю о тебе и Кейси. В безопасности ли ты. Есть ли у вас еда и вода в Сан-Диего. Не заболела ли Кейси, или, что хуже, не заболел ли ты. Это пугает меня больше всего — что будет с ней, если ты заболел. Я верю, что ты сделаешь для нее все, что необходимо. Но — я живое тому подтверждение — невозможно спланировать все.

Ты уже был болен. Ты знаешь, как это.

Однажды днем я просыпаюсь и вижу за окном солнечный свет и зеленую долину с горными склонами. Мой лоб прохладный, а кожа сухая. Мои суставы болят только от слишком долгого пребывания в неподвижности.

Я лежу на пятнистом от пота кожаном диване в окружении пустых пластиковых бутылок и канистр. В какой-то момент я, наверное, ходила на кухню за водой, потому что вижу две пустые бутылки и три наполовину полные.

Ведро воняет.

Я сажусь — и чуть не падаю. Одежда на мне словно стала больше размером. Кожа на лице и руках ощущается так, как будто она туго обтянула кости.

Опускаю локти на колени, кладу голову на руки и стараюсь не смеяться, потому что от смеха комната идет в пляс. Я перенесла морской грипп и выжила.

Осталось лишь проделать тысячу миль по двум огромным пустыням, одолеть два огромных горных хребта и не знаю еще сколько маленьких... и я буду дома.

* * *

Две недели я прихожу в себя, время от времени делая набеги на соседние дома в поисках еды и воды. В двух домах я нахожу трупы. Жизнь всегда преподносит сюрпризы, но привыкнуть можно к чему угодно.

В одном доме есть бензиновый генератор и колодец, полный воды, и после того как я срываю бензин из нескольких газонокосилок и бензопил, мне удается завести генератор, подключить к нему насос и наполнить ванну водой. В другом доме есть портативное радио. В эфире — только переговоры служб помощи.

По крайней мере, похоже, что правительство у нас пока есть.

Жители Колорадо оказались любителями походов. Я покидаю это место, присвоив себе: легкую палатку, несколько походных одеял, немного сублимированных продуктов, две пары дорогих носков и мериносовую подстилку. Пару хороших рабочих перчаток. Плащ. Товар для обмена: еще патроны, вяленое мясо, конфеты и пакетики сухофруктов.

Также я обзавелась подробным топографическим атласом западных штатов и темно-серым осликом с полоской вдоль спины. По-видимому, в Колорадо многие люди держали скот — и бросили его, когда их миру пришел конец.

Я не умею ездить на ослах. Но он — точнее, она — может везти мой багаж. Интересно, устроит ли Кейси ослик вместо пони. Уверена, что устроит.

Я даю ослику имя: Нахodka.

Она и есть находка. Может питаться кактусами и уплетает их как печенье — только мне приходится счищать с них колючки. А еще у нее нюх на гремучих змей.

За время пути мы становимся хорошими друзьями, особенно после того как проходим Гранд-Джанкшен и достигаем пустыни. Между Гранд-Джанкшен и Лас-Вегасом люди встречаются редко. Автостоянки, ранчо, дома, заправки — все заброшено.

Следующие девять месяцев примерно так же кошмарны, как ты, наверное, себе представляешь.

Честно говоря, люди нас с Находкой не особенно беспокоят. Одну ночь, правда, мы провели под открытым небом — с половинкой луны, крадущейся по небесному своду вниз к каньону, — чтобы избежать встречи с какими-то вооруженными всадниками. Патрули то были или преступники, не могу точно сказать. Мы приложили больше усилий к тому, чтобы спрятаться, чем они — чтобы нас найти, но было ужасно холодно и страшно, и пока мы прятались среди мескитовых деревьев, я думала о тебе и Кейси, чтобы окончательно не пасть духом.

Летом мы путешествуем в основном ночью и не проходим и десяти миль в день. Нам нужно найти воду, прежде чем мы сможем двигаться дальше, больше для меня, чем для Находки, которая может пожевать растения. К счастью, у меня смуглая кожа: если бы я была бледная, я бы здесь изжарилась до хруста. Но даже и так, и даже в шляпе, порой я задумываюсь о раке кожи. Меланин хорош только в умеренных дозах.

Дни жаркие, ночи холодные, пейзаж захватывает дух, и я уже не так молода, чтобы спать на камнях.

В ущелье реки Вирджин мы встречаемся с караваном, и я плачу им патронами за разрешение идти с ними до Лас-Вегаса. Река становится благословением: воды — сколько хочешь и когда хочешь. Хотя, наверное, эта вода полна перхлората.

Караванщик говорит, что из Вегаса регулярно ходят автоколонны в Лос-Анджелес. Там я могла бы сесть на поезд до дома.

Поезда между городами на побережье все еще ходят.

Есть и другие новости, но поездам я обрадовалась больше, чем сообщению одной женщины о том, что команды врачей из Центра контроля заболеваемости уже работают по всей стране, или сообщению парня, пришедшего сюда пешком от Галвестона, о том, что мы снова открываем морские порты.

Если есть поезда — есть инфраструктура. И если есть инфраструктура, то у вас с Кейси, скорее всего, есть еда и вода.

У нас все будет хорошо.

* * *

От Лос-Анджелеса до Сан-Диего Находка едет в фургоне для перевозки скота, и ее проезд обходится дороже, чем мой. Я щедро расплачиваюсь: там, куда я еду, патроны мне не понадобятся. Когда я схожу с поезда в своем родном городе, меня поражает тишина. Прокладенный ветерок, пахнущий морем, качает кроны пальмовых и коралловых деревьев, растущих вдоль дорог.

Ни автомобилей. Ни самолетов. Только пешеходы и несколько прогулочных конных экипажей, приспособленных для перевозки грузов.

Медленно иду по улицам. До дома осталось шесть миль. Из долины, в которой находится город, в горы, где стоит дом. Это займет два часа, при мысли, что осталось пройти всего два часа, а затем можно остановиться и больше никуда не идти, я задыхаюсь от счастья.

Наш дом никогда не был особенно красив, тем более по стандартам Южной Калифорнии. Он обходится недешево — жизнь в Сан-Диего вообще не дешевая — и совсем не похож на современные оштукатуренные коттеджи с красными черепичными крышами, которых здесь большинство.

Всего лишь простое желтое ранчо с маленьким садиком, заросшим бутенвиллеями и суккулентами. Он стоит на вершине холма, и оттуда хорошо виден соседний холм.

У нас бассейн на заднем дворе. Я вижу, что ты накрыл его брезентом — уверена, вы используете его в качестве хранилища воды для мытья. Ты всегда был предусмотрительным.

Привязываю Находку к пальме у входа, ослабляю вьючные ремни и вставляю ключ в замок. Открываю дверь.

Ты сидишь на диване с незнакомой мне женщиной, ваши руки сплетены на спинке дивана. Кейси уютно свернулась между вами, прислонившись к этой женщине. Мягкие кудряшки Кейси падают ей на лицо. Она держит в руках книгу «Черный жеребец и девушка», одну из своих любимых. Я понимаю, что она читала вам вслух, и я рада, что даже в этих обстоятельствах ты не перестал заниматься ее образованием.

Я застыла у двери. Ты вскакиваешь с подушек и бежишь ко мне. Кейси — тоже, на полшага позади тебя. Ее книга упала на ковер. В трех футах от меня ты останавливаешься.

Кейси бросается в мои объятия.

Слова, что мы говорим, почти не имеют смысла. Мы просто хотим слышать звук голосов друг друга. Я приседаю, и она сжимает меня так, что перехватывает дыхание, и мы обе плачем, а ты просто смотришь: на меня, на женщину, на меня.

Я встречаю твой взгляд поверх головы Кейси. Ее сладкий запах поднимает меня в воздух, как гелий.

Я хочу тебя обнять крепко-крепко. Но я знаю... все будет сложнее.

Я не могу тебя винить. Миновал почти год. Ты — не Пенелопа, да и как ты мог быть уверен, что я когда-нибудь доберусь до дома? И потом, трудно выживать в одиночку.

Я не могу тебя винить. Но я все равно осуждаю.

Женщина молчит. Она подходит к тебе, встает рядом и нерешительно кладет руку тебе на локоть. Ты ее не убираешь.

— Я привела ослика, — говорю я Кейси. Я все еще не могу ее отпустить. — Ее зовут Находка. Беги, познакомься с ней.

Она тут же убегает. За ней хлопает дверь. Полагаю, что все-таки ослик ничем не хуже пони.

— Элис, — говоришь ты.

Ты плачешь. Твои молчаливые слезы, крупные как жемчуг, никогда не лишили тебя достоинства. Я же, как всегда, — с красными глазами и хлюпающим носом.

— Это Клэр, — говоришь ты, как бы прокладывая между нами мостик. — Она с Гаваев. Она была в очень трудном положении.

— Я не сержусь, — говорю я. — Но здесь наш дом и наша дочь.

— Не уходи, — говоришь ты.

Смотрю на Клэр. Она высокая, с красивыми плечами, вокруг губ, на оливковой коже, — морщинки от смеха. Она кивает.

Это ведь совсем другой мир, правда? Я пока ее не знаю. И не могу судить.

Я вспоминаю о воровстве еды и воды, благодаря которым я здесь. Вспоминаю, как пряталась в пустыне от тех всадников.

Жизнь всегда преподносит сюрпризы. Может быть, я еще полюблю ее, если я дам ей хоть полшанса. Кейси ведь полюбила.

Я понимаю, что затаила дыхание, и отпускаю его.

— Хорошо. Но я займу нашу кровать.

— Я поменяю простыни, — говорит Клэр.

БЕН Х. УИНТЕРС

Бен Х. Уинтерс. Его роман «The Last Policeman» удостоен «The Edgar Award» и «Amazon.com Best Book 2012». Другие работы: «The Secret Life of Ms. Finkleman» (номинировался на «The Edgar Award»), сиквел «The Mystery of the Missing Everything», психологический триллер «Bedbugs», два пародийных романа: «Sense and Sensibility and Sea Monsters» (бестселлер «Нью-Йорк таймс») и «Android Karenina». Журналист, драматург. Живет в Индианаполисе и на сайте BenHWinters.com.

Приведи их ко мне

ПРИВЕДИ ЕЕ КО МНЕ, требует голос. **ПРИВЕДИ ЕЕ КО МНЕ**.

Голос Бога — тревожный гудок среди ночи. Голос Бога — грохотание костей. Голос Бога — скрежетание жернова.

Роберт прижимает руку ко лбу и стискивает зубы, а Бог требует снова:

ПРИВЕДИ ЕЕ КО МНЕ.

Потом — тишина.

Роберт опускает руку и переводит дыхание. Он следует за своей подругой Пией, держась позади нее в паре шагов, как держался большую часть пути, долгих часов их бесцельных блужданий по городу. Не разбирая дороги, наугад сворачивая в переулки, под огромным, усыпанным звездами небом, по извилистым и кривым улоч-

кам, по мощеным дорогам, вдоль пустых тротуаров и широких проспектов их города.

Сначала было очень поздно, потом очень рано, а теперь, наконец, начинался день. Бледно-желтый свет пропачивался между домами. Пия, обернувшись, смотрит на него с усталой, мутной улыбкой, и Роберт находит в себе силы улыбнуться в ответ.

Все эти часы Роберт снова и снова слышит голос у себя в голове — он тихий, потом громкий, то умоляющий шепот, то обвинительный крик. Время от времени голос Бога дарует междуцарствия молчания: минута... десять минут... а потом возвращается и звучит с каждым разом все громче и настойчивее:

ПРИВЕДИ ЕЕ КО МНЕ.

ПРИВЕДИ ЕЕ КО МНЕ.

ПРИВЕДИ СЕЙЧАС ЖЕ.

Здесь никакой двусмысленности, нет недопонимания. Бог хочет, чтобы Роберт убил Пию. Бог хочет, чтобы она пришла к нему, как это уже сделали все остальные.

ПРИВЕДИ ЕЕ КО МНЕ, говорит Бог. ПРИВЕДИ СЕЙЧАС ЖЕ.

Роберт крепко зажмуривает глаза, потом медленно открывает. Он этого не сделает, он не подчинится. Он не допустит, чтобы Пия поняла, что происходит. Ни за что не допустит. Роберт догоняет ее, жестом просит немного обождать и первым выходит из переулка на одну из широких улиц.

По обе стороны от них — жилые дома: номер 16 и номер 17. Роберт и Пия разглядывают их с изумлением. Никто не зажигает света в квартирах, не видно начала дня. Нет утренней суеты: не мелькают в окнах силуэты людей, готовящих завтрак или выбирающих себе одежду на сегодня.

Пия вдруг поворачивается к нему. Зажимает ладонью рот и часто моргает огромными черными глазами — смаргивает слезы? Нет, она думает. Она пытает-

ся что-то решить. В ее глазах мелькают торопливые мысли. («Какая она красивая! — пронзает Роберта мысль. — Она такая красивая!»)

— Я думаю... — Она замолкает, прикусывая нижнюю губу. — Я хотела бы вернуться назад, посмотреть на родителей.

— На родителей? — удивляется Роберт. Голос Бога вопит в мегафон: ПРИВЕДИ ЕЕ КО МНЕ. Роберт старается не обращать на него внимание. И тихо спрашивает Пию: — Ты уверена, что этого хочешь?

Пия торжественно кивает. Ее брови нахмурены, рот плотно сжат.

Ее густые черные волосы стянуты в хвост на затылке. Он снова думает — как думал с прошлой ночи, когда ворвался в ее спальню со своей сумасшедшей идеей, — думает, как ему повезло. Повезло, что он — с ней. Их лишь двое во всем этом мире. Как ему повезло! Она уже быстро шагает по улице в сторону дома номер сорок девять. Роберт ускоряет шаг, чтобы ее догнать, и чуть не падает, споткнувшись о разбитый гидрант.

Все шло именно так, как Роберт мечтал. Несколько месяцев он убеждал себя воспротивиться указаниям Бога, а прошлой ночью он убедил в этом и Пию. Похоже, все остальные жители города — а значит, все в этом мире — поверили в то, что Бог шептал или кричал им последние семнадцать лет: что их мир впал в грех и должен быть перестроен. Все остальные последовали указанию Бога буквально: купили мясо, отравили мясо, съели мясо и умерли.

Но не Роберт и его новая подруга Пия. Не счастливчик Роберт и эта красивая девочка. Он всегда любовался ею издали. Он всегда был в нее влюблен. Теперь они с Пией идут, запинаясь, усталые, но счастливые, по мертвым улицам города, омытого утренним солнечным светом.

Он воображал себе, что все будет именно так. В мечтах представлял себе эту сцену.

Кроме...

ПРИВЕДИ ЕЕ КО МНЕ. Как стук кулаком по водосточной трубе.

УБЕРИ ЕЕ ОТСЮДА. Как пули, попадающие в стену.

«Прекрати! — вопит Роберт в отсек собственного разума. — Перестань! Пожалуйста!»

После многих лет отсутствия тишины наступает кратчайшее из молчаний — а затем Бог ему отвечает. Насмешливо, с издевкой, по-павлиньи щеголяя всеведением.

Бог отвечает:

НЕ ПРЕКРАЩУ.

НЕ ПРЕКРАЩУ, ПОКА НЕ ПРИВЕДЕШЬ ЕЕ КО МНЕ.

Голос следует за ним по пятам, вынюхивает его следы, словно волк, сторожит его — иногда скрытно, но никогда не уходит. Пия сворачивает на четвертое кольцо. Они почти пришли.

ПРИВЕДИ ЕЕ КО МНЕ.

«Нет!»

ДЛЯ ЭТОГО Я И ОСТАВИЛ ТЕБЯ В ЖИВЫХ.

«Я сам решил жить».

ТЫ НИЧЕГО НЕ РЕШАЛ.

«Прямо сейчас я решаю продолжить идти. Я продолжаю жить. Я буду игнорировать тебя всю жизнь, если придется. Я научусь уживаться с тобой, как уживаются с инвалидностью. Буду относиться к тебе как к слепоте. Я не прерву свою жизнь».

МЕНЯ ИНТЕРЕСУЕТ НЕ ТВОЯ ЖИЗНЬ.

Пие вообще-то совсем не грустно.

Прошлой ночью, когда она поняла, что больше никогда не увидит родителей, она загрустила, но только чуть-чуть, ненадолго.

Она грустила, пока убегала с Робертом, пока вылезала в разбитое окно, уходя от них навсегда. Она как

будто знала, что должна испытывать грусть, поэтому и грустила, но потом забыла — и перестала.

Но теперь они и правда это сделали, а она ничего не чувствовала. Не важно, что она ушла. Если бы она осталась, ей все равно пришлось бы с ними проститься. Если бы она осталась, если бы дождалась утра и пира, она тоже была бы мертва.

В ее жизни их больше не будет.

Если только она не поверит в то, что сказал Бог, — если только она не поверит их словам о том, что им сказал Бог, ведь сама она никогда не слышала Голоса, — если только она не поверит в воссоединение по ту сторону.

Но она никогда по-настоящему в это не верила. В душе, в сердце — не верила. А теперь она свободна.

И не чувствует никакой печали.

Мир сегодня утром прекрасен. Они с Робертом выходят с четвертого кольца на третью, возвращаясь к дому номер сорок девять. Деревья, которые обрамляют тротуар, окна зданий и потрепанные маркизы — все это больше, чем красиво. Все словно купается в красоте. Отлакировано ею.

Есть кое-какие мелочи, по которым Пия будет очень скучать, и отчасти ей их уже не хватает. Ее подруга Дженна не любила пудинг, поэтому всегда приберегала пудинги для Пии, еще с тех пор, как они были совсем маленькими. А вместе с Рут, двоюродной сестрой, как-то летом они изобрели свой язык, и во время одной особенно звездной ночи, когда весь город собрался на большой лужайке посмотреть на далекие планеты, они с Рут шептали-напевали выдуманные слова друг другу, лежа рядом, почти соприкасаясь лбами, хихикая и поверяя друг другу секретики.

А теперь Дженна мертва, и Рут тоже, и ее родители. Но Пии совсем не грустно.

Она поднимается по узкой лестнице дома номер 49 и ждет, когда ее нагонит Роберт. Он чуть полноват, немного не в форме и пыхтит за ее спиной. Их только двое!

От этой мысли у Пии в животе как будто захлопали крыльями птицы. Из всех людей в мире остались лишь они двое!

Квартира Пии — на шестнадцатом этаже. В каждой квартире этого дома есть стеклянное окно, которое выходит в коридор; так уж строили эти дома — чтобы жить общинно и дружно.

Теперь, проходя мимо окон, они видят в каждом застывшие кадры смерти.

Семьи полукругами сидят за столами. Кто-то упал, кто-то неподвижно смотрит вперед, рты у одних открытые, у других закрытые, некоторые держатся за руки, подбородки неестественно перекошены, напитки в основном допиты, иногда только начаты. И на каждом столе — большое блюдо с остатками отравленного мяса.

Пия знает всех, кого видит в этих окнах. Ее соседи. Ее одноклассники. Ее друзья. Рассажены вокруг стола, как куклы. Застыли на месте. Убили себя в служении Господу.

«Как диорамы, — думает Пия. — Как проекты, которые мы делали в школе».

Она замедляет шаг снова, чтобы Роберт мог ее догнать, и ободряюще кладет руку на его потную спину. Он нервно ей усмехается, и они продолжают идти, теперь уже бок о бок. С Робертом вышло странно. В школе Пия едва его замечала. Но теперь она чувствует за него ответственность, чувствует бремя. Она должна по заботиться, чтобы с ним все было в порядке. Кажется, Роберт потрясен: он так бледен. Он молчит, и лицо у него напряженное.

— Я тебя не виню, — говорит она внезапно и берет его за руку.

Его глаза удивленно расширились, и она пожимает его ладонь. Они остановились у поворота. За углом будет квартира Пии — и ее мертвые родители.

— Ты был прав, — говорит она ему. — Мы поступили правильно.

— Да... — говорит он, но смотрит не на нее, а в пол. — Я знаю.

Но он не знает. Он ей не верит, и она это видит. Он, наверное, винит себя. Гадает, что они будут делать, как будут дальше жить. Как будет продолжаться мир.

«Вместе мы справимся», — думает Пия.

Она довольна собой, довольна зрелостью и правильностью этой мысли.

Справятся. Они справятся вместе, потому что у них не будет выбора.

— Пойдем, — говорит она и берет Роберта за руку. Они заворачивают за угол.

Эта сцена такая же, как и все остальные: мать и отец Пии сидят друг против друга за кухонным столом, молча и неподвижно, и глаза у них, как у кукол. Третий стул — Пиин — пустой. В центре стола стоит блюдо с мясом, и от него очень мало что осталось. Это ядовитое мясо. Электрический нож лежит возле неподвижных пальцев отца. «Интересно, нож еще работает?» — задается Пия праздным вопросом. Или батарейка села? И тоже мертва.

Только теперь, глядя в пустые глаза матери, Пия чувствует укол горя. Короткий наплыв печали. Ждали ли они, что она вернется? Или думали, что кто-нибудь ее обнаружит? Что кто-то из Центра в последнюю минуту узнал о тайне ее семьи: глухоту их дочери к воле Господа? И ей, следовательно, не позволено было пройти?

Мама, конечно, была бы в отчаянии: весь мир ожидало веселье и вечная гармония, весь мир, кроме Пии. Наверное, мама протестовала. Если мама и вправду считала, что они направляются в рай, она не захотела бы идти туда без дочери.

И все-таки — вот она. Ее тонкие руки упали по бокам, как будто она устала.

Вот она. Она съела. И она умерла.

Пия качает головой из стороны в сторону. Неважно. Это не страшно.

— Все будет хорошо, — снова говорит она Роберту. — Так или иначе, но все будет хорошо.

Печаль снова ушла. На печаль просто нет времени. Нет времени. У Пии внезапно возникает ощущение миссии. Как будто у нее в голове голос и он говорит ей, что делать: «Отнесите их вниз. Отнесите их вниз».

Но это только «как будто». На самом деле никакой голос ничего ей не говорит.

Она не слышит ни шепота Бога, ни его эха. Даже сейчас в ее голове все еще тихо, а голос, который ясно говорит поверх тишины, — ее собственный. Спокойно и размеренно он объясняет, что надо сделать.

Пия всю свою жизнь ожидала, что Бог даст ей инструкции, но больше не ждет. Она не хочет, чтобы ею командовали. Она сама знает, что делать.

— За работу, Роберт, — говорит она.

Он вздрагивает, поднимает голову, отрываясь от созерцания ее мертвого отца и матери.

— За работу? — Он делает шаг назад от стола, спотыкается о ножку стула и чуть не падает. — Какую работу?

— Мы должны отнести их вниз, — спокойно говорит Пия. — Надо убрать тела.

— Те... — Он чешет в затылке, щурится на нее сквозь очки. Словно не расслышал. — Тела?

Она кивает.

— Мы вывезем их на окраину. Начнем с этих, но потом надо вывезти всех. Избавиться от них. Это займет много времени. Но так надо.

Роберт смотрит на нее изумленно, но она поворачивается обратно к своим родителям. Ее охватывает нетерпение. Вот оно. Это правильно. Это именно то, что необходимо исполнить. Мир должен снова начаться. Тела нужно убрать. Они привлекут животных. Личинки. Будут вонять и распространять болезни. У них будет много проблем, но эта — первая. С нею нужно расправиться сразу же.

— Ладно, — медленно и неуверенно говорит наконец Роберт. — Конечно.

Он поправляет очки на носу и закатывает рукава.

Они вместе спускаются в подвал дома и находят ручную тачку. С трудом вытаскивают окоченевшие тела из-за стола, загружают их в тачку и с трудом, осторожно, стаскивают вниз по лестнице, одного за другим. Внизу переваливают их в телегу, которую нашли на тротуаре на четвертом кольце. Пия говорит: «Еще», и они возвращаются, и берут пару соседей, а потом еще одну пару. Так что к тому времени как они отправляются на окраину — четыре часа спустя, — в телеге, привязанной к двум велосипедам, лежат шесть человек — шесть мертвых тел.

С усилием, со стоном, они крутят педали велосипедов и тянут за собой телегу. На полпути они врезались в бордюр тротуара, и четыре трупа свалились на землю.

Они загружают их обратно. Пия отдает приказы, так ласково, как только может, и Роберт ей подчиняется. Мир нужно отстраивать заново. По одному трудному делу за раз, по одному трупу за раз. Прошлой ночью они были испуганными, растерянными детьми, бежавшими из-под обломков погибшего мира. Но теперь они — мир. Они — будущее. У них нет времени на печаль.

* * *

Их мир состоит из города и окраины — это все, что в нем есть. А окраина не так уж и далеко. Они едут медленно из-за тяжелого груза, часто останавливаются перевести дух и дать отдых мышцам, но от центра города до кольца каменных стен и стеклянных дверей, отделяющих город от необитаемого мира, ехать всего несколько миль. Пять миль? Шесть?

Роберт и Пия, их друзья, их родители, все они жили всегда словно бы в призраке жизни, жили в мире, похожем на память о мире. Сюда прибыли их прапрапрапрадеды; это они создали мир, выщарапав десяток ква-

дратных миль пригодной для жизни земли на засушиливой вулканической планете, куда их отправили. Они звели дома, проложили дороги, построили оранжереи и оросительные системы и все другие необходимые части инфраструктуры. То первое поколение сделало всю работу. Они устроили систему ограждений с двойными электрическими воротами, отделявшую город от непроходимого, невозможного остального мира.

Они не собирались здесь оставаться надолго. Другие должны были вернуться — как только найдут планету с более подходящей атмосферой. Они должны были вернуться, чтобы забрать людей из этих шатких стеклянных домов и вернуть их в человеческий род. Должны были хотя бы прислать весть о себе — прислать хоть что-нибудь.

Но прошли годы. Поколения сменяли поколения. Крошечная цивилизация потихоньку ползла вперед, цепляясь за надежду, что весть придет, другие вернутся, и начнется следующая глава.

Но этого так и не произошло. Ожидание сменилось беспокойством, а затем страхом и отчаянием.

Пока Бог не начал говорить. Две дюжины лет назад. Задолго до рождения Пии и Роберта, еще когда их родители были детьми. Бог говорил сначала с одним человеком, Дженифер Миллер из дома номер 14, благословенно будь ее имя, потом с другим человеком, затем с еще одним. Слово Божье сначала было неоднозначным, затем более конкретным, и как бы ни было оно страшно и странно, оно вдохнуло во всех них новую жизнь — напомнило людям этого мертвого, далекого мира, что они были людьми. Голос Божий, интимный и мощный, явился, предлагая не только план действий, но — объяснение. Вот почему с вами это произошло. Вот каков смысл вашего трепетного существования.

И вот что будет дальше. Вот дата, определенная Мною для начала следующего этапа жизни. Этот этап — смерть.

И этот этап наступил для всех людей мира, кроме двух. И вот эти двое стоят рядом с полной трупов телегой, вглядываясь сквозь одну из стеклянных дверей в не-приветливый ландшафт окраин.

— По одному, — твердо говорит Пия. — Мы скинем их вниз по одному.

— Может, мы должны провести какую-нибудь церемонию?

— Мы откроем двери и отправим их туда, — говорит Пия. — Отправим их вниз. Это и есть церемония.

Все сложно устроенное ограждение, отделяющее мир от окраин, теперь, лишенное электроэнергии, стало всего лишь декорацией. Все, кто работал на электростанции, все, кто патрулировал стену, умерли. Пия легко надавливает на одну из ручек, и огромная стеклянная дверь медленно открывается. Они сразу же чувствуют запах — горячую вонь пузырящегося дегтя пустыни. Роберт морщится и закрывает рот обеими руками. Пия тоже его чувствует, его доносит горячий ветер, обжигая ей нос. Она решительно вздергивает подбородок, ее глаза твердо смотрят в будущее.

— Готов?

Роберт испуганно молчит.

— Готов? — повторяет Пия.

Роберт кивает.

Они начинают с отца Пии. Вытаскивают его из тележки, ухватив под руки, и волокут к двери. На счет три — отпускают и смотрят, как тело катится, нелепо шлепая конечностями, в горячую ядовитую землю.

— Вот так, — говорит Пия спустя мгновение. — Берем следующего.

Они стаскивают с тележки мать Пии. Ее бледные руки безвольно качаются.

— Это займет месяцы, — говорит Роберт.

— Месяцы так месяцы. — Пия отпускает тело и смотрит, как оно медленно катится с края скалы, а потом с тихим тошнотворным шипением уходит в серу. Пия помимо собственной воли завороженно наблюдает, как тело ее матери растворяется в пузырящейся грязи. «Это всего лишь тело, — думает она. — Неодушевленный предмет».

— А потом... когда закончим... что мы будем делать потом?

Пия отворачивается от мрачного зрелища того, как тело матери медленно растворяется, превращаясь в грязь и минералы.

— Все, что нам придется.

Она отвязывает от телеги следующее тело. Ее соседка, миссис Тайлер. Она часто нянчилась с Пией, когда та была маленькой.

Пия думает о том, что им придется делать. Надо выяснить, как запустить электростанцию и, может быть, как автоматизировать ее. Надо научиться пользоваться оранжереей, сажать растения и собирать урожай.

Она смотрит на Роберта. Он неохотно перерезает веревки на следующем трупе в телеге.

Им надо будет заниматься сексом. Чтобы продолжить человеческий род. Пие тринадцать лет, и у нее нет никакого опыта. У нее есть знания из анатомии, базовое понимание, но никакого тактильного опыта. Она никогда не целовалась с мальчиком.

Однажды у нее был сон, волнующий и страшный.

Но сейчас, когда она стоит здесь, на краю пригодного для жизни мира, перед тележкой, полной смерти, ей ничего не кажется страшным. Ничто не пугает. Они будут делать все, что им придется делать. Что бы ни пришлось, они это сделают.

* * *

Роберт с болезненной нежностью смотрит на эту девочку, на это волшебное существо, стоящее рядом

с ним на краю разрушенного мира. Он с восторженным удивлением думает о силе, которой она, видимо, обладает, — стаскивает эти окоченелые трупы, включая собственных родителей, с телеги, сталкивает их вниз с обрыва, делая то, что должно быть сделано. И он понимает, что любит ее, что был создан, чтобы ее любить.

А потом голос возвращается.

СЕЙЧАС.

Нет. В животе словно что-то обрывается. В голове пульсирует боль.

СЕЙЧАС.

Нет, пожалуйста...

Но больше он ничего не может ни сказать, ни сделать. Если Бог может проявить себя в его разуме, Бог может проявить себя и в его теле, и Он проявляется в его теле сейчас, и орет СЕЙЧАС, хотя Он уже направляет движения мальчика. В квартире Пии Роберт взял электрический нож — со стола, где оставили его родители Пии. Роберт не помнит, как брал нож, но он здесь, в его руке. Гравий и песок хрустят под его сапогами, когда он делает шаг.

* * *

Раньше боли Пия чувствует жар. Она чувствует жар, а затем обоняет его, тошнотворный, дымный, металлический запах ее собственной горячей плоти, когда ее друг вонзает включенный нож в спину. Она испускает крик. Она оборачивается, говорит: «Роберт». И сразу понимает, что происходит, — понимает его испуганный, бессильный взгляд, понимает, почему весь день у него было такое странное, напряженное лицо. Он здесь, по-прежнему здесь, он сейчас с ними, страшный голос Бога, он управляет Робертом даже сейчас. И она прощает его, и пугается, когда мальчик снова с силой замахивается, его пятки оставляют ямки в песке у забора, в его руке зажат электрический нож.

Его очки падают, он утробно рычит, бросается вперед и...

...и Пия открывает рот и кричит, и через ее тело течет энергия, вырывается из ее рта мощной и страшной силой рева, и непонятная жаркая сила вырывается из ее глаз...

...и поднимает в воздух мальчика Роберта и бросает его вверх и назад...

...и Пия поднимает руки, изумленная тем, что она сделала...

...и мальчик Роберт исчез, упал через край в горячие земли, за стену мира...

И девочка Пия падает, трепеща, опускается на колени — ее руки дрожат, плечи трясутся, дергаются мышцы бедер. Бог начинает говорить, и она тотчас же скрббит о молчании, тотчас же стремится к прежней глухоте и старому тихому миру...

Но слишком поздно: Бог уже заговорил.

И Бог говорит: ТЕПЕРЬ ТЫ ОЧИЩЕНА, И ТЕПЕРЬ МИР МОЖЕТ НАЧАТЬСЯ.

МЕГАН АРКЕНБЕРГ

Меган Аркенберг живет и пишет в Калифорнии. Ее рассказы публиковались в «Lightspeed», «Asimov's», «Strange Horizons» и других изданиях. Издает журнал «Mimic Dance».

Закат музыкальных машин

Дорожка 1. СВЯТОЙ ПОКРОВИТЕЛЬ БЕЗЗАБОТНО ЖИВУЩИХ

Перед лицом рока все дискотеки — рок-дискотеки, любит повторять Клауд. Он обычно подмигивает мне, когда это говорит, перекрикивая рев музыкальной системы на складе или стоя снаружи у пожарной лестницы и прокалывая фольгу блистерной упаковки кончиком карманного ножа. Сомневаюсь, честно говоря, что конец света имеет что-нибудь общее с оглушительно громкой музыкой и эйфорией от таблеток сомнительной легальности. В моем понимании конец света — природная стихия, вроде ливня или урагана. Некоторые успевают забраться повыше, а таких, как мы, смывает в канаву и крутит в водовороте с листьями и окурками. Но если нас и увлекло потоком, это еще не значит, что мы не сумеем выбраться.

Возьмите, к примеру, хоть Клауда. Прямо сейчас он плывет к музыке, словно лодка по открытой воде, — закрыв глаза, воспаряя от наркотика, названия которого

мне не выговорить. Он оклеил стену склада пузырчатой пленкой, и теперь лазерные лучи и светодиодные огеньки музыкальной системы превращают пустые ячейки в миниатюрные зеркальные шары. Когда этот свет падает на лицо Клауда, чисто выбритое, с острыми чертами — плоскости и грани под тонкой, анемичной кожей, — он становится похож на святого в церковном витраже. Святой покровитель измененных сознаний, граней, пропавших дорожных ограждений и падений со скал. Святой покровитель беззаботно живущих. Сейчас, когда он здесь, невозможно представить его в другом окружении. Этот дочиста обобранный и заброшенный склад между автострадой и каналом — его храм, таблетки, огни и пульсация кибер-гот-индустриал построка* — его святые дары и его чудеса.

Сегодня весь мой ужин — это чуть теплый растворимый кофе и половинка сломанной сигареты, которую мы с диджеем Меме курим, передавая друг другу, на крыше музыкального фургона, пока остальная часть команды разгружает и собирает динамики, световые дисплеи и бензиновый генератор в красной квадратной раме. Название группы — «Пейдей», что значит «получка», и Меме говорит, что это забавное совпадение. Меня, Фриду, они зовут «Фрайдей», что значит «пятница». Пятница — день получки. Ага, отвечаю, обхочешься.

Не в этом смысле забавное, говорит Меме.

Меме улыбается мне; ее короткие коричневые пальцы в кольцах с финифтью и с облупленным ярко-синим лаком на ногтях скользят по пульту похожей на орудийную башню платформы на крыше фургона. Зеленые и сиреневые лучи проносятся надо мной, пульсируют, проносятся обратно, а Клауд берет мои руки в свои, сплетает свои пальцы с моими. Сиреневый свет танцует на фольге и пластике за его спиной. Мой взгляд па-

* Построк — музыкальный жанр, экспериментальная форма рок-музыки, возникшая в 90-х годах.

дает на шов между бетонных плит в углу склада, где звуковая машина творит свое волшебство.

Я замечаю его слишком поздно: оранжево-коричневый луч, скользящий вниз по стене. Потолок над ним провис, отстал, как заусенец от ногтя, приоткрыв тонкую полоску неба. Дождевая вода уже бороздит ряд глубоких меловых потеков вниз по бетонным плитам, в полу — ямки размером с полдоллара, высвеченные внезапной пульсацией стробоскопа. Музыка воет, руки Клауда холодны как лед. Меме скалится, словно череп. Я ору, но уже слишком поздно: с грохотом товарного поезда провисший лист потолка отпадает, валился на звуковую систему и впускает водопад кислотного дождя.

Тишина, потом пронзительный крик.

Добро пожаловать на конец света.

Дорожка 2. КОРАБЛЬ С ДВУМЯ ЛИЦАМИ

В первый раз я замечаю граффити перед домом Ванессы, и если вы верите в предзнаменования, то, полагаю, это оно и есть. Ядовито-желтая спрей-краска, цвет предостерегающих знаков и полицейских лент. Изогнутая, лежащая на спине буква «С» нарисована на квадрате коричневого пластика, в котором, приглядевшись, я опознаю крышку мусорного бака. Пластик разъеден дождем, как будто кто-то жевал его по краям, и, полагаю, это тоже род предзнаменования. Не знаю, дело в форме, цвете или яркости, но рисунок мне режет глаза и вызывает такую сильную тошноту, какую не удалось вызвать даже вчерашнему похмелью.

Ванесса живет на одной из длинных улиц с тесно поставленными кирпичными викторианскими домами, между Дрексель и Вудлоун, в нескольких кварталах к северу от университета. Все лужайки перед домом высох-

ли, серые и безжизненные, останки тисов и розовых кустов, как перекати-поле, задуло ветром под эркеры, и не знаю почему, но у меня появилось предчувствие, что соседний парк воняет кошачьей мочой.

Путь сюда был неблизким. Я ночевала сегодня в доме Фелисити, в спальне на первом этаже, которую четыре месяца назад занимал платный жилец. То есть до того, как воздух стал токсичным, а дождь превратился в едкую кислотную хрень. Прошло четыре месяца. Сейчас должны быть школьные выпускные, любят шутить Клайд. Как будто кто-то из нас собирался оканчивать школу, конец света или нет.

Я подгребла к Фелисити почти в то же время, когда постоялец сложил вещички и уплыл из-под ее идеально наманикюренной лапки. Ванесса причалила к Вонючему парку, должно быть, немногим раньше. Вернулась поближе к своей альма-матер, сказала она, после нескольких лет руководства научно-исследовательской лабораторией по управлению климатом — где-то на западе, в Колорадо, а может, в Неваде. Я познакомилась с ней, когда она помогала Фелисити устанавливать солнечную батарею, похожую на абстрактную скульптуру, слепленную из разноцветного скотча.

Потом мы стали возить ей воду.

Сказать откровенно, Ванесса просто помешалась на этой воде. Наверное, мы все на ней помешались, но Ванесса жутко привередлива: не дотронется ни до чего, что не налито из пластиковой бутылки. Йодные, угольные фильтры, бледно-розовые таблетки для балансирования кислотности, которые раздает агентство по чрезвычайным ситуациям, — ничто ей не подходит, ни по отдельности, ни вместе. Если за последние четыре месяца вода успела побывать в облаках, Ванесса не станет иметь с нею дела — и точка.

Фелисити говорит, что Ванесса — очаровательная женщина. Только качает при этом головой. С этой Ванессой Новак всегда все непросто.

Каждый раз, когда Фелисити удается раздобыть бутилированную воду — в агентстве по чрезвычайным ситуациям, в Армии спасения или получить от одного из ее мимолетных бойфрендов, — я цепляю верх красной детской коляски на багажник велосипеда, загружаю его трехлитровыми канистрами или упаковками пластиковых бутылок и кручу педали на юг. Квартира Ванессы находится на верхнем этаже узкой трехэтажки с плоской крышей, куда надо входить через веранду, самую крохотную из всех, какие когда-либо пристраивали к задней части здания. Веранда обита некрашенными досками с торчащими отовсюду гвоздями, стекла в квадратных оконных рамках гремят от ветра. Ванесса превратила ее в теплицу, и повсюду из пластиковых лотков торчат кустики помидоров, сладкого перца, зеленого лука и базилика. Приставная лестница ведет через люк на крышу, сплошь выложенную солнечными батареями. Здесь еще больше лотков с растениями,укрытыми от дождя синей брезентовой палаткой.

Ванесса возится с одной из своих батарей, стоя босиком на черной как деготь кровельной плитке. Густые темно-каштановые локоны стянуты банданой с рисунком из рыбок. Услышав стук дверцы люка о стальную ножку палатки, она поднимает голову.

— Привет, — говорю я. — Привезла вам воду.

Больше ничего не говорю, потому что мне надо отдохнуться.

Ванесса радостно улыбается, показывая неровные, но удивительно белые зубы.

— Пятница, ты великолепна!

У нас уходит примерно пять минут на то, чтобы перетаскать восемь канистр из детской коляски в ее квартиру. Шесть она оставляет в теплице и просит меня отнести две другие на крышу. Там она бесцеремонно опрокидывает ее над каким-то растением с желтыми

цветочками. Эту картину я наблюдаю уже несколько месяцев, но даже сейчас меня коробит, когда я вижу, как отличная питьевая вода капает с листьев на кровлю. Ванесса, как всегда, не замечает моей гримасы. Или, может, ей просто наплевать. Ее не поймешь.

Иногда я приношу ей воду, и все, что меня встречает, — великолепная улыбка, молчаливое хождение вверх и вниз по лестнице и бесцеремонное выплескивание воды на растения. Но сегодня она разговорчива.

— Сегодня утром было особенно громко, правда?

Она стоит в коричневой безрукавке, сложив руки на груди, и хмуро смотрит на те непонятные желтые цветочки. Понятия не имею, о чем она.

— Простите?

— Дождь, — говорит она.

— А-а. — Пожимаю плечами и неловко потираю шею. — Наверное, я проспала. Вчера вечером у нас творилось такое деръмо... — И это еще мягко говоря, но ей не нужны детали. — Фелисити все еще хочет, чтобы вы как-нибудь к нам пришли. Если хотите.

— Зачем? Нашли еще одну солнечную панель? Нужна установка?

— Ничего подобного. — Она вроде шутит, и я пытаюсь улыбнуться. Снова и снова я вижу, как потолок склада прогибается, падает — и поток ядовитой воды обрушивается на генератор «Пейдей». Во все стороны летят искры, затем наступает темнота настолько плотная, что поражает меня, как пощечина. Меме визжит. Изо всех сил кашляя, чтобы прочистить горло, я оттаскиваю генератор в сухой угол. — Просто думала, вы отдохнули бы. Послушали бы музыку, пообщались с людьми.

Заглотнули бы пару таблеток, посмотрели, как рушится потолок. Конец света, леди, все дискотеки — рок-дискотеки.

— Взаимоисключающее, — говорит она.

— Простите?

— Разговаривать с людьми для меня не отдых. И вообще... не люблю музыку. Портит слух. — Она облизывает губы. Она все еще шутит? Опять не поймешь. — Может, поэтому вы их и не слышите. Смотри.

Она берет одну из пустых канистр, пробирается между солнечных панелей к краю крыши и зачерпывает там из лужи.

— Иисусе. Этот дождевая вода?

— Я ее не пью, — говорит она, закручивая крышку. — Просто послушай.

Она передает мне канистру. На дне плещется пол-дюйма воды.

Прижимаю канистру к уху. Слышу треск пластика, больше ничего.

— Извините, — говорю я.

Ванесса бросает на меня странный взгляд, кривит рот и приподнимает брови, как будто я говорю с таким сильным акцентом, что она едва меня понимает. Или как будто слышит двух одновременно кричащих людей и не может решить, кого слушать. Она забирает у меня канистру, показывает ее на свет. На поверхности плавают темные точки, похожие на молотый кофе, — наверное, крошки отковавшейся плитки.

Она снова подходит к краю крыши и выплескивает воду на мертвую лужайку у дома. Что-то там внизу, кажется, пугает ее, потому что она быстро отступает, чуть не споткнувшись об угол панели. Но когда возвращается в тень брезента, она снова улыбается, благодарит меня за воду, и я понимаю, что пора уходить.

Когда я спускаюсь, пластиковая крышка мусорного бака с желтым рисунком все еще лежит на тротуаре. Я мельком вижу еще один промельк желтого в конце квартала, на пожарном гидранте. И еще посреди дороги — на крышке люка канализации. Опрокинутая на спину буква «С», с выгнутыми наружу концами, с ряд-

ком кружочков внутри. Снова и снова, всю дорогу от Вонючего парка. Яркая, будто люминисцентная, и желтая до тошноты.

* * *

— Корабль с двумя лицами, — говорит Клауд, когда я показываю ему рисунок.

Он стоит на нижней ступеньке крыльца дома Фелисити. Ездит по городу в поиске нового места для сегодняшней дискотеки и забежал, чтобы проведать ребят из «Пейдэй», которые провели ночь здесь в гостиной, расположившись на двух икеевских диванах. Меме, говорит он, спит наверху, в спальне, которую Фелисити до сих пор называет комнатой Мии.

Мия — дочь Фелисити. Ей двадцать два, она на четыре года старше меня. Она не появлялась в Чикаго уже много лет. Наверное, Фелисити думает, что ее когда-нибудь сюда занесет. С ними все в порядке, осторожно говорит Клауд, просто они сильно потрясены, особенно Меме, поскольку она стояла ближе всех к обвалившейся части крыши. Легкая дрожь в голосе Клауда путает меня, поэтому подробностей я не прошу. Их генератор почти наверняка испорчен, как и большая часть музыкальной системы. Что они теперь будут делать? Что вообще они могут поделать?

Вопрос касается всех нас.

Клауд видит, что я задумалась, и кладет руку на мое плечо, нежно, как котенок. При дневном свете, без наркотиков и музыки, он становится другим существом. Много лет назад в одной из съемных квартир, где я жила с матерью, в ванной был сломанный выключатель. Лампа загоралась в тот момент, когда мы щелкали переключателем, но не когда тот становился в одну из позиций — вверх или вниз. Только на долю секунды, в неуловимое мгновение между включением и выключением, возникало теплое пятно света. Вот так и Клауд, загорается

только мимолетно. А сказать честно, больше всего он мне нравится именно таким.

— Смотри, — говорит он сейчас, водя по моему рисунку ногтем большого пальца. Другая его рука все еще на моем плече, легкая и теплая. — Это корабль викингов, драккар. Круги — это щиты, изогнутые концы — нос и корма. Хотя я не знаю, почему лиц — два.

— Корабль с двумя лицами, — повторяю я.

Как само изображение, фраза вызывает у меня легкую тошноту, хотя и не могу сказать почему. Клауд протягивает мне листок с рисунком, и я заталиваю его в карман своих джинсов.

— Что ж, — говорю я наконец, — вряд ли это знак какой-нибудь банды. Разве что у нас появились банды викингов?

Он усмехается, в его карих глазах пляшут искорки.

— Странные дни, Пятница.

— Это ты точно сказал.

Дорожка 3. СЕРЫЙ ГОРОД

Новой площадкой Клауда, как выяснилось, станет церковь.

— Она заброшена, Пятница, — говорит он, как будто это все решает. Хотя обычно так оно и есть. Но меня беспокоит не столько святотатство, сколько акустика, а церкви, по моему опыту, как правило, стоят в густонаселенных районах.

Он отклоняет голову назад, его гладкий черный хвостик качается у ворота ветровки. Раздражен или притворяется.

— Поверь мне. У нас не будет проблем с соседями.

— Да? Почему это?

Удивительно, но отвечает Фелисити, которая входит в кухню, придерживая рукой у шеи завязки ядовито-зеленого топа.

— Восточная сторона, — говорит она. — Наверное, там было наводнение. Кто-нибудь, будьте душкой и завяжите на мне эти штуки.

* * *

Мы загружаемся в открытый кузов ее грузовика: я, Клауд и еще несколько приятелей Клауда, которых я раньше видела. Они все выглядят как близнецы — в одинаковых виниловых куртках с заклепками, черных джинсах и кожаных перчатках без пальцев.

Они хоть иногда надевают обычную одежду? Двое из них уже начали: опираясь на борт, всухую глотают таблетки. Клауд пока воздержался, потому что ему надо указывать дорогу Фелисити. Он держит на коленях огромный галогенный фонарь и время от времени находит его голубой свет на уличные указатели, сверяя их с какой-то внутренней картой.

Фелисити пыталась уговорить Меме к нам присоединиться, но та сказала — нет, спасибо, она и «Пейдэй» будут спасать что смогут из их оборудования, потом загрузят фургон и отправятся сегодня вечером. «Куда?» — спросила Фелисити, но Меме лишь пожала плечами. Когда я видела ее в последний раз, она забрасывала в фургон свой рюкзак, облепленный стикерами на бампер и серебряным скотчем. Задняя дверь фургона была открыта, его оббитое фанерой пространство забито обломками динамиков, осветительного оборудования и фрагментами панели управления с отсутствующими кнопками. Один ползунок болтался на тонкой медной проволоке.

Вот этот район, говорит Клауд, толкая меня в бок. Машин сейчас повсюду мало, но эти улицы совершенно пусты. Тихо до жути, даже не слышно обычного для сентября жужжания насекомых. Воздух тяжелый от влажности. Клауд направляет свет фонаря на ряд домов. Луч освещает окна без стекол, граффити, похожие на петли цветных веревок, грязные матрасы и сломан-

ные стулья на мертвых газонах. Он опускает свет. И тут двигатель грузовика стонет, пыхтит, скрежещет и постепенно стихает.

— Черт. — Голос Фелисити выплывает из кабины вместе с глухим звуком удара ее руки по приборной панели. — Черт возьми эту сволочь!

— Мы сломались, Фелисити? — Клауд поднимается на ноги, готовый спрыгнуть с грузовика, хотя я не уверена, что он считает себя способным починить двигатель.

— Бензин кончился, — говорит Фелисити.

— Ох, — выдыхает он с облегчением. — Я вернусь в дом и захвачу пару галлонов. Это час, не больше.

— Нет, дорогой. Я имею в виду — совсем кончился.

С минуту мы сидим молча, не глядя друг на друга, как будто немного смущенные. Смущенные, потому что мы все знали, что к этому идет, но не думали, что это на самом деле случится. Когда в последний раз на заправках продавали что-нибудь, кроме леденцов и бесполезных лотерейных билетов? Фелисити грызет ноготь, и я думаю, что она, наверное, знала, она видела этот чертов указатель на приборной панели, видела пустые красные бочки под задним крыльцом ее дома.

Потом я вспоминаю про Мию. Видно, у Фелисити дар отрицать очевидное.

— Ну, — наконец говорит Клауд, нарушая неловкое молчание. — Думаю, мы уже довольно близко. Дойдем пешком.

* * *

И через полчаса мы стоим на линолеуме подвала Святой Марии, Помощницы Христиан. Подошвы нашей обуви скрипят от сырости, обходя красочные куски стекла из разбитых окон этажом выше. Пол первого этажа исчез, он прогнулся от воды и рухнул, и все обломки вывезли, и теперь здесь как в соборе — невероятная высота потолка над нами, свечи на подоконниках,

которые абсолютно вне досягаемости. У задней стены свалены в кучу скамьи и сломанное пианино, они служат фоном для проволочного клубка музыкальной системы. Похоже, что остальная часть Чикаго обогнала нас. Все уже здесь, и я восхищена, как всегда, умением Клауда разослать по городу весть и готовностью каждого вернуться, несмотря ни на что, танцевать.

Сегодняшняя музыкальная система — что-то новое. «Пейдей» приехали с востока, из Толедо, а до того базировались в Кливленде. «Грей Сити» приехали из Сент-Луиса, один из виниловых торчков говорит мне, Канзас-Сити, Уичито и Денвера. Но не это делает их разными. Разными в музыке, в аккордах таких ясных, что они кажутся живыми, когда слоями ложатся поверх замысловатой и точной перкуссии. И свет у них настроен изумительно в ритм — вихрь красного, зеленого, синего, серебристо-белого. Не знаю, могут ли глаза задохнуться от восторга, но именно так я это чувствую сейчас, едва успевая уловить переливы каскада ярких цветов.

В какой-то момент крутящийся шар на помосте бросает импульсы зеленого света на диджея, и она становится похожа на модель с обложки альбома или на персонаж из ночного кошмара. Ее лицо, как лицо Клауда, — сплошь белые плоскости и острые грани, ее крашеные сине-черные волосы свисают до бедер, мокрые из-за влажности. На ней красные кожаные брюки, жилет в тонкую полоску и два кольца наручников, надетых вокруг левого запястья как пара браслетов. Ее правая рука вся в татуировках — геометрические узоры с мелкими вкраплениями коричневых пятен, как будто кто-то пытался вытравить на ее коже карту автобусного маршрута.

Наша святая покровительница беззаботно живущих, думаю я. Интересно, куда может привести эта карта.

Фелисити держит меня в объятиях. Она танцует, как женщина вдвое ее моложе; зеленый шелк скользит

по моей шее чуть ниже щеки. А теперь Клауд положил свои легкие руки мне на талию. Он достает таблетки из кармана ветровки и отдает мне одну, в первый раз. Я глотаю ее, чувствуя привкус сухости и металла. Потом вокруг просто музыка и свет, свет, свет, который омывает мое лицо, словно дождь. Приветствуя меня у конца света.

Дорожка 4. ПРИСЛУШАЙТЕСЬ К ВОДЕ

Я просыпаюсь в своей постели и таращусь в потолок, на афишу китайского фильма, которая осталась от того, кто здесь жил до меня. Красивая женщина в кружевном платье того же оттенка слоновой кости, что ее кожа, красные виниловые туфли цвета ее губной помады. Со стоном, чувствуя что-то кислое в горле, я перекатываюсь на бок. Кто-то аккуратно сложил одежду, положил стопку на стул у окна — не я, я никогда так не складываю. Наверное, кто-то помог мне добраться до постели. Фелисити? Или, может быть, Клауд?

Господи Иисусе, надеюсь, что нет. При мысли о том, что Клауд снимал с меня джинсы, мое лицо делается жарче, чем теплица Ванессы, и краснее, чем ее, скажем прямо, жалкие помидоры.

Вылезаю из кровати и натягиваю чистую пару джинсов, а на кухне меня встречает новый сюрприз. Потрясный диджей «Грей Сити», опершись локтями о стол, ждет, когда вскипит вода для кофе в ковшике, стоящем на плитке.

— Солнечные батареи? — говорит она, указывая на плитку татуированной рукой.

Это самое странное «добroe утро» из всех, что я когда-либо слышала.

— Да, — говорю я. — Над задним крыльцом.

— Умно. Большинство пользуется газовыми генераторами.

Я фыркаю в ответ, вспомнив грузовик Фелисити, и достаю из шкафа овсяный батончик.

Пока варится кофе, я жую свой батончик и рассматриваю ее более внимательно.

Вчера, наверное, она была в белом гриме, потому что в утреннем свете цвет ее лица оказывается красновато-коричневым и немного пятнистым. Ее волосы собраны в узел на затылке и скреплены светло-зеленой пластиковой заколкой, которую я видела у Фелисити. Одежда та же, что была прошлой ночью: кожаные штаны, полосатый жилет, только теперь я вижу, что под жилетом была майка телесного цвета.

— Рада, что ты хорошо себя чувствуешь, — говорит она, поймав мой взгляд. — Мы с твоей матерью вспомнили, пока дотащили тебя домой.

— Фелисити не моя мать, — автоматически говорю я. Но замолкаю, прежде чем добавлю что-то неловкое, типа, что моя мать умерла. — Что ж, спасибо. Очень признательна.

Она наливает две чашки растворимого кофе, одну для меня и одну для себя. Пока я размешиваю подсластитель, она разворачивает небольшой клочок бумаги и кладет его на стол между нами. Я узнаю свой рисунок дракара.

— Это ты нарисовала?

Рисунок был у меня в кармане, вспоминаю я. Наверное, выпал, когда она меня раздевала.

— Да. То есть я его срисовала. С какого-то граффити возле... — я останавливаю себя, чтобы не сказать «Вонючего парка». Не задалось утро. — Недалеко от университета.

— Знаю, — говорит она. — Это я его там нарисовала.

Она барабанит пальцами по рисунку. Длинные ногти, покрытые лаком совершенно черного цвета.

— Хорошая реклама, — говорю я после паузы, которая тянется на долю секунды дольше, чем это умест-

но. И пытаюсь припомнить, найти что-то викинговское, скандинавское в музыке «Грей Сити». Не нашла. Правда, я не эксперт. Жаль, Клауда нет.

— Пятница, мне нужно тебя кое о чем спросить.
Я высыпаю еще пакет подсладителя в кофе.

— Я думаю, ты можешь мне помочь найти одну мою подругу. Она должна сейчас жить рядом с университетом. Ее зовут Ванесса. Ванесса Новак.

— Почему ты думаешь, что я ее знаю? — Я слизываю каплю слишком сладкого кофе с конца чайной ложки.

— Прошлой ночью, в машине по дороге домой, ты просила меня слушать воду.

Я стараюсь говорить равнодушным голосом:

— Зачем бы мне такое говорить?

Она убирает руки со стола и, упирая их в бедра, выпрямляется в полный рост. Довольно впечатляющий. Но я не уверена, что она хочет меня запугать. Ее глаза, темные, желто-коричневые, задумчиво прищуриваются.

— Моя подруга, Ванесса, думает, что в дожде что-то есть. Не кислота. Машины. — Она облизывает губы кончиком бледно-розового языка. — Типа микроскопические механические вирусы. Они ищут минералы, элементы, с помощью которых создают новые машины, подобные себе. Она говорит, что можно услышать, как они работают над городом. Переваривают, не разъедают предметы. — Она подносит чашку к губам, но не пьет. — Она когда-нибудь говорила тебе такое?

— Я не сказала, что твоя подруга вообще говорила мне хоть что-нибудь.

— Я беспокоюсь о ней, Пятница. Мы были... друзьями... в Колорадо. Она довольно неожиданно исчезла, когда начался дождь. Сбежала из своей лаборатории как раз тогда, когда правительство, по слухам, выплатило им большую сумму денег. Люди думают, она что-то знала. Или напряжение свело ее с ума.

Сегодня утром особенно громко. Так ведь она сказала? Ванесса? По мне, так это прозвучало безумно. И эта женщина, с ее сине-черными волосами и татуировками, похожими на город, съеденный кислотой, звучит так же. На грани. У обрыва.

— Так она права, твоя подруга? — спрашиваю я. — Насчет этих машин?

— Может быть. Я диджей, а не ученый. Откуда мне знать?

Диджей, который дружит с Ванессой. Машины переваривают город. Не знаю, что из этого звучит более невероятно.

— Ну это чертовски страшно, — говорю я.

Я забираю рисунок и оставляю свой слишком сладкий кофе на столе.

Дорожка 5. «НАГЛЬФАР»*

Моя комната выходит прямо в прихожую, как будто архитектор решил добавить ее к плану дома в последний момент. В прихожей — пол из плитки, вешалка и кожаный барный стул, на котором стоит обувная коробка, куда Фелисити бросает перчатки, бумажник, ключи и прочую мелочовку. Поверх этой кучи я вижу незнакомое мне кольцо с черной кожаной вставкой, браслет с подвеской в виде крохотного меча и ключ с простым черным бантом. Бросаю его себе в карман и иду к двери.

Фургон «Грей Сити», припаркованный через улицу, пуст. Значит, мы планируем провести еще одну ночь в том же месте. Один из команды, должно быть, остался на ночь в Святой Марии, чтобы присматривать за оборудованием. Сметаю с водительского сиденья пластиковые стаканы и пустые сигаретные пачки, прове-

* Нагльфар (норв. Naglfar) — корабль в скандинавской мифологии, сделанный целиком из ногтей мертвцев.

ряю датчик бензина — на середине шкалы — и завожу двигатель.

«Отлично», — думаю я и, возможно, даже говорю это вслух.

Проезжаю четыре квартала, затем поворачиваю, останавливаюсь перед старым кирпичным домом с рваными зелеными маркизами над окнами первого этажа. Я набираю горсть гравия и бросаю камушки один за одним в эркерное окно над дверью, пока наконец кто-то не выглядывает наружу. Торчок-близнец номер три, на этот раз — девушка.

— Мне нужен Клауд, — кричу я.

— Господи, да ты что? Посмотри на небо. Скоро дождь пойдет!

— Я в машине.

Качая головой, она захлопывает окно. Тридцать секунд спустя Клауд сбегает вниз по ступенькам, на ходу натягивая ветровку.

— Ты знаешь Ванессу Новак? — спрашиваю я.

Продевая вторую руку в рукав, он садится на переднее сиденье рядом со мной.

— Умную подружку Фелисити? Чинит технику, ненавидит вечеринки? — Он оглядывается на заднее сиденье. — Боже, Пятница, скажи, что ты не украла фургон у «Грей Сити».

— Я его потом верну. И да, та самая Ванесса. Ди-джей «Грей Сити»... — Только сейчас я понимаю, что не спросила ее имя, и гадаю, знает ли его Клауд. — Она сказала, что они были подругами, когда жили на западе. Она ее разыскивает.

— И что?

— И что? Ты можешь представить себе ее и Ванессу подругами? Я — что-то не очень. Посмотрим, что думает об этом Ванесса.

И благослови его бог, он не спрашивает, зачем я ташу его с собой. Только усмехается и предлагает мне сигарету, найденную на полу.

Впервые за то время, что я знаю ее, Ванесса заперла дверь.

Заперла и забаррикадировала, насколько я могу увидеть, прижавшись лицом к дребезжащему оконному стеклу, затуманенному от влажности. Деревянные поддоны, терракотовые цветочные горшки с чем-то неразличимым, канистры с грязной водой кучей свалены у двери. Я готова начать хвалить себя за проницательность насчет диджея «Грей Сити» с ее ядовито-желтыми двуличными кораблями на тротуаре перед домом, когда чувствую на руке первую каплю дождя.

Холод, холод, холод — хуже, чем снег за шиворот, хуже, чем ссадить колено о ледяной асфальт. Температура не имеет к этому отношения, это отмирают нервы, это разъедается плоть, господи Иисусе. Лихорадочно вытираю руку о джинсы и слышу, как приглушенно ахает Клауд, стоящий на ступеньку ниже меня. Следующая капля ударяет меня в лоб. Успеваю натянуть капюшон.

И обрушивается чертов ливень.

Клауд прыгает вслед за мной на балкон, его рука вытягивается над моей головой. Пытается прикрыть меня своей ветровкой. Мило, но бесполезно.

Быстро, встав на колени, вытряхиваю все из своего рюкзака — старый музыкальный диск, айпод с мертвой батарейкой, кожаный бумажник с идентификационной карточкой штата Иллинойс и не очень много чего еще — оборачиваю холстом рюкзака свой кулак и ударяю в окно.

Стекло уже слабое, поеденное дождем, оно ссыпается внутрь, и осколки стекла орошают анемичные кустики помидоров и клочки лука.

Мы забираемся внутрь. Позади нас остаток стекла в верхней части оконной рамы падает вниз, как нож гильотины.

Сняв пиджак, вытираю лицо подкладкой. Пятно на тыльной стороне ладони выглядит ужасно: оно серое

и начинает отслаиваться по краям, но я внушаю себе, что это лишь воображение.

— Молодец, — говорит Клауд. — Быстро сообразила насчет окна.

Я усмехаюсь.

— Ванесса съест меня живьем, когда увидит свои помидоры.

— Теперь скорее тебя, чем помидоры, — говорит Ванесса.

Она стоит в дверях теплицы, на каждую руку накинуто по грязному белому полотенцу. Похоже на крылья. Она выглядит как самый злой на свете рождественский ангел.

— Вы — не те, кого я ждала, — добавляет она без тени улыбки.

* * *

В гостиной Ванессы, обернув полотенцами плечи, мы садимся на обитый бархатом диван, который здесь — единственный предмет мебели. Пол усеян пустыми пластиковыми бутылками. Ванесса уходит через врачающуюся дверь и возвращается с плетеным креслом. С громким стуком ставит его напротив нас, на истертый деревянный пол.

— Простите, что мы испортили ваши растения, доктор Новак, — говорит Клауд. Выключатель установлен на середине, и его обаяние светит во всю мощь.

Вот почему я взяла его с собой.

Но Ванесса не смягчается. Не отводя от него взгляда, садится в кресло.

— Не беспокойтесь, — отвечает она. — Один хрен. Нам в любом случае кранты.

Я впервые слышу, чтобы она так выражалась. Добро пожаловать на конец света.

— Точно, — соглашаюсь я.

— Не абстрактно. Я имею в виду совершенно конкретно: нам кранты. — Она указывает на потолок, на

отслаивающуюся штукатурку, желтые трещины вокруг бронзовой люстры, в которой недостает половины лампочек. — Солнечные панели там, на крыше, под дождем. Долго, вы думаете, они продержатся? Еще месяца четыре? — Резкий выдох, как будто она вытолкнула весь воздух из легких. — Вряд ли. Мне пришлось снять одну этим утром. Ее уже не починить. И все делают вид, что не замечают.

У Клауда такой вид, как будто его укусила бродячая собака.

— Чего мы не замечаем? — спрашиваю я.

— У нас заканчиваются припасы. Я имею в виду не «потенциально заканчиваются», я имею в виду — сейчас, сегодня. Так что я сомневаюсь, что мне сильно помогут мои овощи, учитывая все обстоятельства. Я больше не притворяюсь.

Она пинает канистру, лежащую под креслом. Это слабый удар, он только опрокинул канистру, не отправил ее скользить по полу. Удар должен казаться жалким, скорее угрюмым, чем злым, но он мне таким не кажется.

На ее лице жесткое выражение. И вдруг она начинает кричать.

— Кляду этот город! — орет она. — С его гребаными дискотеками по слуху конца света и со всем остальным. Вы убедили себя, что готовы к концу, но это не так! Вы притворяетесь. Все вы надеетесь, что это может продолжаться до бесконечности. Все удовольствие от конца света, но без конца, да?

— Хватит!

Думаю, что я удивилась не меньше Ванессы, когда слово вылетело из моего рта. Ее очередь говорить:

— Простите?

— Я сказала, хватит. Не надо мне читать лекцию о конце света. — Чувствую, что мой голос повышается, что я невольно копирую ее тон, и часть меня хочет заткнуться. Она боится и сердится, она не заслуживает

того, чтобы я на нее орала. Но, может быть, я не только на нее ору; может быть, я ору на что-то другое. Клауд смотрит на меня изумленно. — Моя мать умерла, — говорю я, — потому что подсела на наркотики. Бензодиазепин. Не от передозировки. Она умерла от приступа во время ломки, потому что не могла купить новую дозу. Так что да, я видела, что происходит, когда все заканчивается. И я не притворяюсь.

Клауд смотрит на меня, нахмурясь, а я чувствую, что мои глаза полны слез.

Смаргиваю их. Вытягиваю рисунок с граффити из кармана и показываю его Ванессе.

— Теперь скажите. Что это?

* * *

Дождь стекает по окнам, вытравливая в стекле белые дорожки.

Где-то вдалеке гремит гром. Или, может быть, что-то рушится.

Ванесса берет бумажку двумя пальцами.

— Это Нагльфар, — говорит она. — Корабль из скандинавских мифов, построенный из ногтей мертвецов. Моя лаборатория использовала его в качестве логотипа для нескольких проектов. Морган помогла мне его придумать.

— Вы использовали корабль Рагнарёка* в качестве логотипа? — перебивает Клауд. Я помню, что это именно он узнал в рисунке корабль викингов. — Потрясающее.

— Ну мы не планировали этим вызвать апокалипсис. — Обращаясь к Клауду, она снова становится классической Ванессой, и трудно понять, говорит ли она всерьез. — Нам просто понравился его внешний вид, его двусмысленность. Вперед или назад, кто может сказать? Целью проекта была очистка загрязненного воз-

* Рагнарёк — «гибель богов», конец света в скандинавской мифологии.

духа, восполнение потери кислорода. Я говорила, что мы должны попытаться сделать личинки с возможностью самовоспроизведения. Но не думала, что это на самом деле получится.

— Значит, Морган — это та женщина, которая тебя ищет? Что ей нужно?

— Ее зовут Морган Ларсен. Так ее звали, по крайней мере. Вероятно, теперь она называет себя иначе. В Колорадо она работала менеджером в музыкальном магазине и была моей подругой. — Ванесса выстраивала предложения, словно ставила в ряд алюминиевые банки, которые собирались опрокинуть камнями. — По крайней мере, так это было.

— А что теперь? — спрашиваю я.

— После того, что сделала моя лаборатория? После того, что я ей рассказала? — Почти незаметное покачивание головой. — Не думаю, что мы с ней остались друзьями.

Конец предложения прозвучал громче — словно подхваченные ветром струи дождя вдруг ударили в оконное стекло. Сидя в своем плетеном кресле, уставившись себе на руки, она говорила таким холодным тоном, что ее голос обжигал. За окнами гостиной все шел нескончаемый дождь, а серое пятно на моей ладони стало чесаться и побелело по краям. Все это токсично. Токсично до тошноты.

— Ну я и дура, — говорю я.

Ванесса подняла голову.

— Дуры мы с Фелисити, — Я смотрю Ванессе в глаза, теплого оттенка корицы и твердые, как стекло. Ну и черт с ней. Я тоже могу быть твердой. — Как давно мы привозим вам воду? Хотите поговорить о том, что припасы на исходе? Давайте начнем с этого! Начнем с очередей в распределительных центрах, по двенадцать, двадцать четыре, тридцать шесть часов. Для вас, Ванесса. Начнем с мужчин, которых привечает Фелисити, потому что они знают, где достать воду. Начнем с чертова

пути, который я проделываю на велосипеде, чтобы привезти воду сюда. Вы знаете, как мне повезло, что сегодня меня впервые застал дождь?

Я хватаю полотенце со своих плеч, швыряю его в угол у двери. Оно заворачивается вокруг горлышка канистры.

— И каждый раз, — продолжаю я, — каждый раз я вас приглашаю. Пусть вам не нравится музыка — или больше не нравится, — но, черт побери, мы просто хотели, чтобы вы весело провели время. Хорошо провели время. Но нет, вы говорите, что у вас больше нет друзей. Интересно, почему.

Она вздрагивает.

Теплая рука, рука Клауда, касается моего запястья, но я смахиваю ее со своих пальцев. Глаза щиплет, подводка потекла. Но я еще не закончила.

— Ваша подруга Морган... — говорю я. — Я не поверила ей, когда она сказала, что знает вас. А знаете почему? Потому что она очень похожа на меня. Она такая же, как мы. Я не думала, что вы захотели бы иметь что-то общее с таким человеком. И, наверное, так оно и есть.

Клауд снова хватает меня, и на этот раз я отдерги-ваю руку. Встаю, натягиваю капюшон, иду к двери. Будь они прокляты, дождь и Ванесса.

— Подожди. — Это голос Клауда, не Ванессы. — Подожди, Пятница.

Я разворачиваюсь и жду, скрестив руки на груди. Мое лицо в тени, и я надеюсь, что им не видно, во что превратилась моя косметика.

Клауд поворачивается к Ванессе. Та снова смотрит на свои руки. Он придвигается к краю дивана, дотрагивается до кончиков ее пальцев, и она не убирает рук.

— Пожалуйста, приходите. Скажем, сегодня вечером? Вы будете в толпе. Вы можете посмотреть на нее издалека. Не обязательно к ней подходить, если не захотите.

О, Клауд, думаю я. Вот почему я тебя захватила с собой. Эта мягкость...

Вот почему я тебя люблю.

Я никогда не думала так, никогда не говорила таких слов даже самой себе. Я люблю наркомана перед концом света, а мост скоро прогнется, дом вот-вот рухнет. Катастрофа неминуема, говорит Фелисити. Кто захочет такое признать? Глупые слезы, горячие и липкие, текут по щекам. Я наклоняюсь, беру грязное полотенце с канистры и утираю лицо.

Я выгляжу глупо, но они на меня не смотрят. Ванесса, прижав свою руку к руке Клауда, кивает.

— Хорошо. Отлично. — Клауд с облегчением улыбается — широкой, детской улыбкой. — Они уже все настроят к тому времени, как мы вернемся. Это в церкви, заброшенной из-за наводнения. Никто нас не побеспокоит. Мы найдем, кто сможет захватить вас по пути...

— Клауд, — прерываю я. Слава богу, мой голос снова звучит нормально. Слава покровителю беззаботно живущих, который неясно почему, кажется, нам благоволит. — «Грей Сити» все еще у Фелисити. У нас их фургон.

Дорожка б. ЛЮБОВЬ В АДУ

Ванесса выходит из фургона осторожно, словно тут кругом по колено воды. Одна нога, потом другая, и вот белые кроссовки на плоской подошве стоят на пятнистом от дождя бетоне, уже подсохшем на полуденном солнце. Фелисити стоит на переднем крыльце в атласном халате цвета шоколадного мороженого, с сигаретой в руке.

— Здравствуй, дорогуша, — не моргнув глазом обращается она к Ванессе.

К тому времени как мы с Клаудом поднимаемся по ступенькам, Ванесса уже в прихожей, а Морган, или как

она там теперь себя называет, стоит в дверях гостиной. В другом жилете и тех же кожаных штанах, с распущенными волосами и накрашенным лицом. Улыбаясь и плача одновременно. Ее карандаш для глаз тоже течет.

— Оставим их одних, — шепчет Клауд мне на ухо. Я подталкиваю его к своей комнате и незаметно бросаю ключ от фургона «Грей Сити» обратно в обувную коробку.

Записка на моей подушке. Зеленой ручкой на линованной бумаге написано:

Хочу, чтоб ты знала, что я не расстроюсь, если она не захочет меня видеть. Просто дай ей знать, что я ее искала. Что кто-то все еще помнит о ней. Спасибо, что помогала ей, Пятница.

С любовью, Хель.

Я прочла дважды.

— Она же не всерьез?

Передаю записку Клауду, и он быстро пробегает ее глазами.

— Скандинавская богиня подземного мира? — Он пожимает плечами. — Тело богини Хель — наполовину черное, наполовину белое, так что, пожалуй, это имеет смысл, с ее татуированной рукой. Или, может быть, хочет быть в стиле с рисунком Нагльфара, которым она расписала полгорода.

— Я не о том, — говорю я. — Ну не только о том. Я имею в виду, что ее, кажется, удивляет, что кто-то помогал Ванессе.

— А тебя это не удивляет?

Он кладет записку на подоконник. Еще только полдень, а небо уже краснеет. Осень наступает — или, может быть, конец света.

— Ванесса казалась слегка...

— Чокнутой?

— Трудной, я хотела сказать.

— Да, пожалуй. — Присаживаюсь на край кровати, и Клауд садится рядом, складывая по-турецки свои длинные ноги. — Просто, наверное, я ожидала, что все, в общем, будет нормально. Или нет, не все будет нормально, а люди. Можешь считать меня чокнутой.

— Добро пожаловать в клуб, — говорит Клауд. Он откидывается на матрас, опираясь на локти. Глядит на меня, ухмыляясь. — Думаю, мы все по-своему сходим с ума. Ванесса... не знаю, может быть, она параноик, или, может быть, действительно знает что-то такое, чего не знают другие. Фелисити держится за иллюзии о Мие, я глотаю таблетки, и вся эта хрень про Морган, Хель и гребаный Рагнарёк... все это довольно безумно.

— А как схожу с ума я?

Он облизывает губы. Протягивает ладонь к моей щеке и нежно стирает полосу подводки большим пальцем.

— Трудно выразить словом, — говорит он. — Но мне нравится.

Скажи ему, говорю я себе. Скажи ему сейчас. Завтра снова пойдет дождь, и кто знает, когда выпадет новый шанс.

— Не глотай сегодня таблетки, — прошу я. — Можешь? Хотя бы сегодня ночью. Только ты, без наркотика.

— Могу попробовать, — говорит он. — Только я.

Я целую его. Одной рукой он опирается о матрас, а другой вытирает мне щеку. На вкус он как слезы, чистый и сладкий.

— Хорошо, — говорю я. — Это все, что мне нужно.

ДЖОНАТАН МЭЙБЕРРИ

Джонатан Мэйберри — многоократный обладатель премии «Bram Stoker Award», пишет комиксы для «Marvel». Автор романов «Code Zero», «Fire&Ash» и др. Пишет на самые разные темы, от боевых искусств до поп-культуры зомби. С 1978 года продал 1200 журнальных статей, 3000 колонок, две пьесы, неисчислимо поздравительных открыток, текстов песен и стихов. Преподает Экспериментальную прозу для старших классов, которую сам же и изобрел. Основатель Кофейного клуба писателей, сооснователь Клуба лжецов. Часто выступает в школах, библиотеках и на писательских конвентах. Живет в Калифорнии. Смотрите johathanmaberry.com.

Сансет-холлоу

— 1 —

ребенок все плакал.

Плакал.

Плакал.

Он запачкан кровью. Их кровью. Не его.

Их.

Том стоял на лужайке и смотрел на дом.

Поваленные лампы бросали на шторы гоблинские тени. Ночь наполнял крик. Крик наполнял комнату. Выпляскивался на лужайку. Бил его в лицо, в живот, в сердце. Крик все меньше и меньше походил на ее голос. На мамиин.

Все меньше — на мамин.

Все больше — на голос отца.

На голос чудовища, которым он стал.

Том Имуря стоял на лужайке с ребенком на руках.
Бенни было всего восемнадцать месяцев.

Он умел говорить несколько слов. Мама. Собака.
Нога.

Но сейчас он мог только плакать. Долгие, бессвязные крики вонзались Тому в голову. Так же больно, как крики мамы.

Так же сильно. Но — по-другому.

Входная дверь была нараспашку. Задняя дверь — не заперта.

Но он вылез в окно. В боковое окно, в спальне на первом этаже. Это мама его вытолкнула. Сунула Бенни ему в руки — и вытолкнула.

В ночь.

В какофонию сирен, криков, плача, голосов, читающих молитвы, звуков пистолетной стрельбы и гула вертолетов.

Сюда, на лужайку.

А сама осталась внутри.

Он не хотел уходить, он сопротивлялся.

Он был выше. Сильнее. Годы джиу-джитсу и карате. Она была домохозяйкой средних лет. Он мог бы вытащить ее из дома. Мог бы встретиться лицом к лицу с тем ужасом, что бился в дверь спальни.

Чудовище с лицом папы и с таким голодным, окровавленным ртом.

Том мог вытащить маму оттуда.

Но у мамы была сила, которую не одолел бы никакой черный пояс, никакой бицепс. Эта сила была на ее руке, скрытая под белым рукавом.

Нет. Неправда.

Это он хотел обмануть себя.

Не белым.

Рукав был красным и становился все краснее с каждым ударом его сердца.

В этом рукаве была ее сила, и он не мог ее победить.

Рукав — и то, что он скрывал.

Отметина. Рана.

Укус.

Тома поразило, что папины зубы могли оставить отметину такой формы. Формы, идеально отражающей совсем неидеальный ход событий. Его поразило, что такое вообще возможно.

Бенни вырывался из рук. Плакал и звал маму.

Том прижал братишку к груди. Слезы Тома закапали на маленькое личико. Так они и стояли, пока крик в доме не начал стихать, стихать и...

Том не мог закончить эту фразу. В его лексиконе не было слов, которые могли бы это описать.

Крики стихли.

Но превратились не в тишину.

В вой.

Жуткий голодный вой.

Он не уходил, потому что казалось настоящим грехом оставить маму одну. Без скорбящих.

Маму и папу.

Сейчас, в доме.

Они воют. Оба.

Том Имура, запинаясь, подошел к входной двери и чуть не совершил грех — чуть не вошел. Но плач Бенни напомнил, что это убьет их обоих, убьет во всех смыслах. Тело и душу.

Истинная правда: тело и душу.

Поэтому Том протянул руку и закрыл дверь.

Он порылся в кармане, ища ключ. Он не знал зачем. По телевизору и в Интернете говорили, что они не умеют думать, что их могут остановить даже такие простые, обыденные вещи, как дверная ручка. Замки были не нужны.

Но он все равно запер дверь.

И положил ключ в карман. Тот звякнул, стукнувшись о ключ от машины.

Он отошел назад, чтобы снова посмотреть на окно. Шторы колыхались. Тени переметнулись на другую сторону, они двигались странно.

Эти тени...

Боже, эти тени.

Папа и мама.

Колени у Тома вдруг подогнулись, и он упал на траву — и так сильно ударился, что боль отдалась в паху и спине. Он чуть не выронил брата.

Чуть. Но не выронил.

Он опустил голову, не в силах видеть их тени. Закрыл глаза, оскалил зубы и издал свой собственный вой. Длинный, протяжный, полузадушенный вопль потери. Боли, которую никому не под силу выразить, потому что нет таких слов в человеческом словаре. Только те, кто потеряны, понимают это, и они не требуют дальнейших объяснений. Они понимают, потому что в том проклятом месте, где они живут, говорят лишь на одном языке.

В тот момент Том понял значение слов «разбитое сердце».

В груди что-то разорвалось, раскололось. Он чувствовал это физически.

Бенни пинал его крошечными ножками и бил по лицу крошечными кулаками. Было больно, но Том терпел. Эта боль была доказательством, что они оба живы.

Еще живы.

Пока живы.

— 2 —

Бенни Имура спас своего брата Тома.

Маленький, полуторагодовалый, орущий Бенни.

Сначала из-за него они оба чуть не погибли, но потом он спас их обоих. Такой это странный и причудливый мир.

Его старший брат, на коленях, глубоко ушедший в переживание горя, не услышал звуков за спиной. Или, если услышал, его горе слило их с другими.

Он не отличил тихий вой, раздавшийся позади него, от того, что доносился из дома. Или от их отголосков внутри его головы.

Это был саундтрек нынешнего мира.

Но Бенни заметил разницу.

Он был почти младенцем. И все для него было необычно, все было ново. Он услышал этот вой, повернулся, чтобы посмотреть поверх дрожащего плеча брата, и увидел их.

Фигуры.

Отделились от ночной темноты.

Он узнал некоторые лица. Узнал людей, которые приходили к нему и улыбались. Людей, которые подбрасывали его в воздух, щекотали ему животик или трепали за щечки. Людей, которые корчили рожицы и смешили его.

Но не сейчас.

Сейчас никто из них не смеялся.

Они тянули к нему руки, но было непохоже, чтобы они собирались с ним играть. Или приласкать его.

Некоторые из этих рук были сломаны. На месте оторванных пальцев запеклась кровь. А в телах были дырки. В груди, в животах и в головах.

Их рты не улыбались. Люди скалили зубы, а зубы были красными.

Эти мысли даже не могли оформиться в голове Бенни, он не мог определить правильность и неправильность происходящего. Он мог только чувствовать. Чувствовать неправильность. Он услышал звуки голода. Стоны. Это не были счастливые звуки. Он сам бывал голоден много раз, и он знал. Именно поэтому он ино-

гда кричал. Требуя бутылочки. Требуя чего-нибудь поесть.

Бенни знал всего лишь десяток слов.

В основном названия предметов. Несколько имен.

Он перестал плакать и попытался произнести одно из этих имен.

— То... то... то...

Большего он не мог. «Том» было слишком трудно. Не всегда, только иногда. Сейчас оно не помещалось в рот.

— То... то... то...

— 3 —

Том Имура удивился, что младший брат пытается сказать его имя.

Потому что он предупреждал об опасности.

Том не ожидал, что ребенок, такой маленький, способен предупреждать об опасности.

Способны ли младенцы так рассуждать?

Краем сознания Том отвлекся от главного и рассматривал новое для него явление, будто оно висело на стенке в музее. Изучал его. Обдумывал. Стоял перед ним в задумчивой позе. И все это за такую крохотную долю секунды, что она втиснулась бы между двумя звуками «то».

Том.

Вот что говорил Бенни.

Нет. Вот что Бенни кричал.

Том рывком поднялся на ноги.

Обернулся.

И увидел то, что видел Бенни.

Их.

Как их много.

Их.

Они выходили из темноты. Тянули к ним руки.

Выли.

Голодные. Очень голодные.

Среди них была миссис Эддисон, их соседка с другой стороны улицы. Она была добродушной, только иногда вредничала. Любила поучать других женщин, как выращивать розы, хотя у самой розы — так себе.

У миссис Эддисон не было нижней губы.

Кто-то оторвал ее. Или...

Откусил?

Сразу же за ней шел Джон Чалкер. Промышленный химик. Он делал растворители для компаний, торговавших средствами для прочистки труб. Его одежда всегда пахла химией.

А теперь на нем вовсе не было одежды. Он был голый. Только шляпа на голове.

Почему он в шляпе и без одежды?

И повсюду были укусы. Большая часть его правой руки исчезла. Мясо болталось вокруг плечевой кости, как растянутая перчатка.

И маленькая девочка из семьи Хань. Люси? Лейси? Что-то вроде того.

Ей десять, может быть, одиннадцать лет.

У нее не было глаз.

Они приближались. Тянули к ним руки. Некоторые из этих рук были изрезаны и покусаны. Или оторваны полностью. Из ран не текла кровь.

Почему их раны не кровоточат?

Почему их проклятые раны не кровоточат?

— Нет, — сказал Том.

Даже на собственный слух его голос звучал как-то не так. Слишком спокойно. Слишком нормально.

Понятия спокойствия и нормальности умерли. Нет больше ничего нормального.

Или, может быть, все это — нормально? Теперь.

Но спокойствие? Нет, его больше нет. Кануло в Лету.

Или... съедено.

Слово само вдруг пришло ему в голову, нежелательное и гадкое. Сияющее истиной. Отвратительное по своей точности.

— То... то... то...

Голос Бенни спокойным не был.

Он заставил Тома очнуться.

Разбил чары неподвижности.

Расколол что-то в его груди.

Следующее слово Тома не было спокойным. А может быть, оно и не было словом.

Оно начиналось как «Нет», но изменилось, деформировалось, расщепилось и разорвало его горло на выходе. Долгий вопль, такой же нескончаемый, как завывания бывших соседей. Но — выше, не монотонный. Не просто выражение потребности. Это было чистое отрицание, и он выпалил этим воплем в них, а все они шли к нему, царапая пальцами воздух. Желая его. И Бенни. Желая чего-нибудь теплого, живого.

Мяса.

Том почувствовал, что развернулся на месте, но сам не знал, как ему это удалось. Его мозг застыл. Его крик нарастал. Но тело развернулось.

И он побежал.

Он помчался.

Помчался изо всех сил.

Но они были всюду.

Темнота мерцала красными и синими огнями полицейских машин; вой сирен, словно крики ведьмы, разрывали ночь Калифорнии, но ни один полицейский не бежал к ним. Никто не спешил к ним на помощь.

Маленький мальчик у него на руках все кричал, и кричал, и кричал.

Бледные фигуры, покачиваясь, шли к нему из темноты. Некоторые из них — жертвы. Их раны еще кровоточили... все еще могли кровоточить. В их широко распахнутых глазах застыл шок и неверие. Но других было больше.

Других.

Чудовищ.

Кем бы они ни были.

Машина Тома стояла под фонарем, облитая оранжевым светом уличного фонаря. Он ехал домой из академии, и все его снаряжение лежало в багажнике. Его пистолет (курсантам не разрешалось носить его при себе до выпуска, который должен был быть завтра) и вещи из додзё*. Его меч. Несколько боевых палок.

Он замедлил шаг, оглядывая улицу вокруг себя, оценивая, лучший ли это способ.

Должен ли он рисковать? Может ли он рисковать?

Машина стояла в конце квартала. Ключи от нее есть, но улицы плотно заставлены пустыми машинами «Скорой помощи». Даже если он доберется до машины, сможет ли он выехать?

Да.

Нет.

Может быть.

Кварталом дальше горели дома. Дорогу преграждали пожарные машины и разбитые легковушки.

Но оружие.

Его оружие.

Оно лежит там, в багажнике.

Бенни кричал. Чудовища шаркали следом за ним.

«Иди! — сказала мама. — Возьми Бенни... Сбереги его. Иди!»

Просто... иди.

Он побежал к своей машине. Бенни изо всех сил извивался в его руках, словно хотел высвободиться.

Том держал его одной рукой — она уже устала и болела, — а другой рылся в кармане, разыскивая ключи. Нашел их. Нашел замок. Открыл дверь, открыл багажник.

Пистолет в бардачке. Патроны в багажнике. Меч тоже.

* Додзё — место для тренировок в японских боевых искусствах.

Они подходили все ближе. Том слышал их вой. Близко. Слишком близко!

Краем глаза он увидел, как один из них потянулся к ребенку.

Он вложил в удар всю силу, отталкивая чудовище прочь. Оно упало, но удар не причинил ему никакого вреда. По крайней мере, вреда в обычном смысле. Оно упало, но сразу же поползло к нему.

Том понял, что мысленно называет его «оно». Не «он». Не человек.

Вот до чего он дошел. Вот до чего все дошло.

Он, Бенни и они.

Каждый из чудовищ был сейчас «оно».

Настолько был разрушен их мир.

Все казалось нереальным. Том понимал, что это существо — мертвое. Он знал и его: мистер Харрисон, их сосед через три дома, и он тоже был мертвым.

Чудовищем.

Самым настоящим чудовищем.

Это был реальный мир, и в этом мире были монстры.

Бенни продолжал кричать.

Том поднял крышку и положил Бенни в багажник. Потом схватил меч. Нет времени снимать предохранитель на пистолете. Они приближались.

Они уже здесь.

Том захлопнул капот, запер кричащего Бенни в багажнике и вырвал меч из ножен.

Все руки потянулись к нему.

И во второй раз часть разума Тома отвлеклась от настоящего и приняла созерцательную позу, изучая себя, мир вокруг, наблюдая и делая выводы.

Том с детства занимался дзюдзюцу и карате. И кендо. Он умел сражаться руками и ногами. Умел бороться.

И владел мечом.

За всю жизнь он дрался два раза. Первый — в седьмом классе, с ровесником-хулиганом. Второй — в две-

надцатом классе, когда парень из хоккейной команды что-то прошептал на ушко девушке, которая нравилась Тому. Обе драки были короткими. Пара тычков, пара ударов. Соперник проигрывал оба раза. Не отрубался. Ничего такого. Без повреждений.

Ни разу за свои двадцать лет Тому Имуре не приходилось защищать свою жизнь. Ни разу он не причинил человеку серьезного вреда. Тренировки в полицейской академии, даже учения с боевой стрельбой, не отличались от додзё. Как уроки танцев. Практика и тренировка. Без настоящей крови, без подлинного мотива.

Годы тренировок и несколько черных поясов никак не подготовили его к этому моменту.

К тому, чтобы использовать меч против человека. Резать чью-то плоть. Пускать чью-то кровь.

Кого-то убить.

Не существует большего табу. Только психопат игнорирует его не дрогнув. Том психопатом не был. Он был американцем японского происхождения, двадцатилетним курсантом полицейской академии. Сын. Пасынок. Сводный брат. Юноша — едва ли мужчина. Закон даже не разрешал ему покупать пиво.

Он стоял посреди своей улицы с мечом в руках, а со всех сторон наступали его соседи. Чтобы его убить.

Видеогames не подготовят к такому.

И кино не подготовит.

Никакая тренировка не подготовит.

Ничто не подготовит.

Ничто.

Он сказал:

— Пожалуйста...

Люди с мертвыми глазами и лицами провыли в ответ. И бросились на него, как стая саранчи.

Меч, казалось, двигался сам по себе.

Том чувствовал, как его рука поднимается и машет. Как пальцы сжимают рукоять то слабее, то крепче, ко-

гда он меняет направление удара. Сверху вниз. Справа налево. Выпад.

Он видел мелькание серебряного клинка, подвижного, как ртуть, отражающего огни этой ночи.

Он испытывал дрожь и шок, когда оружие кололо и резало тела и разрубало кости.

Он чувствовал, как ноги делают шаги и развороты; как торс поворачивается в талии, колени сгибаются и разгибаются, как пятки отрываются от земли, чтобы вложить в удар вес всего тела или позволить телу сделать быстрый разворот.

Он чувствовал все это.

Он не понимал, как все это может происходить, если сознание остается пустым. Все происходило без участия его воли. Вне его контроля.

Все происходило само по себе.

Воющие монстры бросались на него.

А его меч их пожирал.

— 4 —

Три страшных минуты спустя Том отпер багажник и поднял крышку.

Бенни скорчился там, в глубине, всем телом прижавшись к спортивной сумке Тома. Мордашка в соплях и слезах. Бенни открыл рот, чтобы опять закричать, но не стал. Когда увидел Тома — не стал.

Том стоял перед ним, с мечом в одной опущенной руке и с ключами в другой. Он был покрыт кровью. И его меч был покрыт кровью.

А вокруг автомобиля — больше десятка окровавленных тел.

Бенни закричал.

Не потому, что все понял — для этого он был слишком мал, — а потому, что запах крови напомнил ему о папе. И о доме. Бенни хотел к маме.

Он кричал, а Том, дрожа с головы до ног, стоял перед ним. Жгучие слезы выплескивались из его глаз и серебряными струйками текли по лицу.

— Прости, Бенни, — сказал он голосом, таким же сокрушенным, как весь их мир.

Том сорвал с себя залитую кровью рубашку. Футболка под ней тоже испачкалась, но не так сильно. Все еще дрожа, он поднял Бенни и крепко прижал к себе. Бенни запротестовал, стал бить его крошечными кулаками.

— Прости, — снова сказал Том.

Их окружали неподвижные куски тел — и тишина.

А потом — нет.

С боковых улиц, из открытых дверей домов появились новые. Их появлялось все больше.

Больше.

Больше.

Мистер Гейнор из крайнего дома на этой улице. Стая миссис Милхон с соседней улицы, в своем неизменном ветхом халате. Дети Канов. Делия и Мари Свенсон. Остальных он не знал. Даже двое полицейских в рваных мундирах.

— Нет, хватит, — сказал Том.

Он уткнулся лицом между шеей и плечиком Бенни. Как будто мог там найти утешение.

Хватит.

Но они все прибывали, и частью сознания Том понимал, что они будут прибывать всегда. Вот как все обстояло теперь. На это намекали в новостях. Улица, где он жил, доказала, что это — правда.

Том стал пробивать себе путь.

Он пнул мистера Гейнора в пах. Сила удара согнула того пополам. Мистер Гейнор должен был свалиться на

землю, упасть с посиневшим лицом и свернуться в позе зародыша.

Но он не упал.

Гейнор покачнулся и опустился на одно колено. Его лицо не изменило выражения. Вообще. Нисколько. Ни один мускул не дрогнул.

Потом Гейнор грузно поднялся на ноги и снова пошел вперед. Протягивая руки к Бенни.

Том снова ударил его ногой. В то же самое место и сильнее.

На этот раз Гейнор даже не опустился на колено. Он качнулся назад, но восстановил равновесие и снова двинулся к ним.

Том выругался. Обозвал его самыми грязными словами, какие смог вспомнить.

Бенни взвизгивал каждый раз, когда Том бил ногами. Том надеялся, что он не слишком сильно сдавливает брата, вкладывая усилие в пинок.

Он ударил снова, только теперь не в пах, а в бок. Ниже. В колено. Бедренная кость сломалась со звуком удара битой по мячу.

Резко.

На этот раз Гейнор свалился. Не от боли. Молча. Просто упал. Сломанная кость проткнула его хлопковые брюки и торчала, зазубренная и белая. Том наблюдал, как он пытается встать. Сила тяжести тянула его вниз, сломанная кость не давала нащупать опору.

Без боли.

Просто сломанная кость.

Том попятился, развернулся. И побежал. Держа в руках орущего Бенни.

Он пронесся между припаркованными машинами, перепрыгнул через валяющийся на земле велосипед, продрался через узкую щель в бирючинной изгороди и выпрыгнул на тротуар.

Там он увидел двух незнакомых подростков. Они стояли на коленях, зарывшись лицами во что-то склизкое и теплое — от него поднимался пар.

Желудок.

Том не знал, кто это был. Но видел, как подергиваются мертвые руки.

Тут подростки отпрянули от еды, глядя на нее праздно и тупо. Наполовину съеденное тело вздрогнуло. Труп попытался сесть, но этому помешало отсутствие мышц живота. Он перекатился на бок, вываливая из себя кишки, будто мертвых змей. Подростки встали с колен, подняли головы и принюхались.

И обернулись к Тому.

И Бенни.

Бенни все кричал, и кричал, и кричал.

И вот тогда... только тогда очертания проблемы сформировались в сознании Тома. Не причины, не значение, не решение.

Очертания.

Он попятился, развернулся и снова побежал.

Лужайки перед домами были полны медлительных тел. Некоторые растянулись на траве, как сломанные морские звезды, не имея достаточно мышц или сухожилий, чтобы двигаться хоть каким-нибудь способом. Другие шли за ним, неотступно и медленно. Медленно, но неотступно.

Том бежал очень быстро, прижимая брата к себе, грудью чувствуя биение его сердца.

Улица впереди была заполнена людьми, которые раньше жили здесь, в Сансет-холлоу.

Сейчас они все здесь.

Сейчас они все.

— 6 —

Потом еще одна фигура вышла из-за изгороди.

Невысокая красивая девушка. В разорванном платье. Испуганные глаза на бледном лице.

— Том?.. — позвала она.

— Шерри, — ответил он.

Шерри Томлинсон училась с ним в школе. Со второго класса и до окончания. Он хотел с ней встречаться, но она всегда вела себя с ним очень сдержанно. Не холодно, просто не проявляла интереса.

Теперь она шла к нему, не обращая внимания на меч, не обращая внимания на кровь. Она протянула руку и коснулась его лица, его груди, его рук, его рта.

— Том? Что это?

— Шерри? С тобой все нормально?

— Что это? — спросила она.

— Не знаю.

Он не знал. То, что сообщали в новостях, звучало неправдоподобно. Все началось в Пенсильвании. Потом люди заболели и в других городах. Везде, где приземлялись самолеты из Филадельфии. Вокруг магистралей I-95 и I-76, распространяясь от автобусных терминалов и железнодорожных станций. Журналисты называли числа пострадавших. Сначала — инфицированных, а затем — человеческих жертв. Однозначные цифры. Потом — трехзначные. Когда Том мчался из полицейской академии домой, говорили о районах, с которыми пропала связь. О карантинных зонах. В небе летали вертолеты. Много вертолетов.

Когда он вошел в дом, телевизор работал. Андерсон Купер кричал — даже орал — о бомбежке Филадельфии, Питсбурга, Балтимора. И других городов.

Въезд в Лондон собирались закрыть.

Лос-Анджелес горел.

Горел.

Вот тогда он перестал смотреть телевизор. Тогда все перестали. Именно тогда папа пришел с заднего двора с укусами на шее.

И все развалилось.

Весь смысл. Все значение.

Все ответы.

— Что это? — спросила Шерри.

Том мог только покачать головой.

— Что это?

Он посмотрел на нее внимательно. Искал раны. Укусы.

— Что это? — повторила она. И снова: — Что это?

И Том понял, что этот вопрос — все, что у нее осталось. Она не ждала ответа. Ответ ей был не нужен. Она была как машина, оставленная на холостом ходу. Органическое записывающее устройство, проигрывающее одно и то же.

— Что это? Что это?

Изредка она вставляла его имя:

— Что это, Том?

Иногда в голосе прорывались истерических нотки — но сразу же слабели и отступали.

Каждый раз интонацией, ударением она выделяла разные слова — «что», «это», «Том» — как будто механизм в ее голове давал осечку.

Повторяя снова и снова. Как литанию* апокалиптической службы без церкви.

Это напомнило Тому слова старой песни.

«Какая частота, Кеннет?»

Группа «R.E.M.» Изальбома под названием «Монстр».

Трагическая ирония.

«Какая частота, Кеннет?»

Песня рассказывала о реальном случае, когда двое неизвестных напали на журналиста Дэна Разера. Отец Тома смотрел его передачи. А старший брат отца, Сэм, знал его лично. Нападавшие избивали журналиста, повторяя: «Какая частота, Кеннет?»

Только послание Шерри было прощее.

— Что это?

Том не знал, как «это» назвать. Не находил подходящих слов.

* Литания — молитва, состоящая из повторяющихся коротких молебных возвзаний.

Слово «инфекция» ничего не объясняло, все было намного хуже.

В телевизоре говорили: «пандемия». Слово звучало довольно точно, несмотря на то, что оно предполагало. Словоказалось слишком большим для этого мира. Для мира полицейской академии, для сонного мирка Сан-сет-холлоу.

— Что это, Том?

Парень на канале «Фокс» сказал: «конец света». Словно библейский пророк. Сказал — и ушел, оставив на экране пустую картинку.

Конец света.

Том не мог сказать Шерри, что это конец света. Это был конец дня.

Сегодняшнего. А может быть, это конец еще очень многого.

Но — конец? На самом деле — конец?

Том не хотел об этом думать. Даже теперь.

Он двинулся дальше, шагая быстрее, в надежде, что она за ним не пойдет.

Но Шерри пошла. Она переставляла ноги механически, как ножницы, режущие бумагу. Чоп-чоп.

— Что это, Том?

Она вроде определилась. Всегда добавлять его имя. Словно вцепилась в него. Наверное, думала, что он знает, куда идет.

— Я не знаю, — ответил он.

Но было ясно: Шерри его не услышала. А может быть, не могла услышать.

Бенни все крутился, потом Том ощутил бедром тепло. Влажное тепло. Подгузник протекал.

Черт.

Всего лишь моча, и все же.

Как меняют подгузник во время конца света? Какова процедура?

— Что это, Том?

Он резко обернулся. Хотел прикрикнуть на нее. Сказать, чтоб заткнулась. Ударить, выбить эти глупые слова из ее рта. Разбить напомаженные губы, чтобы они больше не смогли ничего произнести.

Она отшатнулась от него, широко распахнув глаза. И тоненьким, жалобным голосом спросила:

— Что это, Том?

Но тут кусты задрожали и раздвинулись ветки.

Их становилось все больше.

Их.

— Шерри, — быстро сказал Том, — садись в машину.

— Что это?

— Лезь в чертову машину!

Он оттолкнул ее, нащупал ручку дверцы и запихнул Бенни внутрь. Некогда ставить детское кресло. Пусть его оштрафуют. Штраф будет счастьем.

— Шерри, залезай!

Она смотрела на него так, будто он произносил какие-то бессмысленные звуки. Вертикальные морщинки возникли между ее нахмуренными бровями.

— Что это? — спросила она.

Человеческие фигуры все шли и шли.

Много фигур.

В большинстве теперь незнакомые. Люди из других частей города.

Шли через дворы и лужайки.

Шли.

Шли.

— Господи, Шерри, лезь скорее в машину!

Она отступила от него, качая головой и почти улыбаясь, как делают люди, когда думают, что вы чего-то не понимаете.

— Шерри! Нет!

Она отступила слишком далеко. На один лишний шаг. Том попытался ее схватить.

Но ее схватили десять других рук. За руки, за одежду, за волосы.

— Что это, Том? — спросила она еще раз.
А потом — исчезла.

Исчезла.

Охваченный ужасом, борясь с подступающей тошнотой, Том отвернулся и, пошатываясь, побрел к машине. Бросил меч на пол у пассажирского сиденья и сел за руль. Руки снаружи уже потянулись к нему, но он быстро захлопнул дверь. Мертвые пальцы царапали двери, стекло.

Потребовалась вечность, чтобы вставить ключ в замок зажигания, хотя замок находился там же, где и всегда.

Бенни на заднем сиденье все плакал.

Люди снаружи выли невероятно громко.

Он повернул ключ.

Завел машину.

Он разбил фары, помял бампер и оба крыла, пока добрался до конца улицы. Тела разлетались в стороны. Тела перелетали через капот, разбивали лобовое стекло, ударяясь о него локтями, скулами и подбородками.

А потом валялись, как сломанные куклы, в красном свете его задних фар.

Том и Бенни направлялись в Лос-Анджелес.

Они проехали всего восемьдесят миль, когда парень по радио сказал, что город погиб.

Погиб!

Далеко на западе, по ту сторону гор, даже с такого расстояния Том видел свечение. Уродливая оранжевая туча взмывала вверх и расползлась по небесам.

Он был слишком далеко, чтобы услышать.

Ядерная волна ударила в горы. Ударила и отскочила высоко в воздух и сотрясла небо над ними.

Но автомобиль заглох.

Исчезла связь на сотовом телефоне, умолкло радио.

Погасли фонари вдоль дороги.

Том вспомнил аббревиатуру. Он где-то читал. ЯЭИ*. Но он забыл, как она расшифровывается.

Неважно. Он понял, что произошло.

Город исчез.

Несчастный случай?

Попытка остановить заражение?

Он сидел в машине, глядя в темноту за треснувшим лобовым стеклом, и задавался вопросом, узнает ли он об этом когда-нибудь. Бенни на заднем сиденье молчал. Том обернулся и посмотрел на него. Бенни уснул.

Намучался и уснул.

Или...

Холодная рука пронзила грудь Тома ножом и сдавила его сердце.

Бенни спит?

Спит?

Том повернулся и встал коленками на сиденье. Протянуть руку сюда, в темноту, было труднее, чем все, что ему пришлось сделать прежде. Труднее, чем оставить маму и папу. Труднее, чем резать мечом соседей.

Ведь это был Бенни.

Его младший брат.

Все, что у него осталось. Единственное, что могло удержать его в этом мире.

Нет.

Господи, нет.

Губы Тома шевелились беззвучно. Он боялся произносить слова вслух.

Боялся.

Если Бенни спит, он боялся его разбудить.

Если Бенни не спит, он боялся разбудить... это.

Он тянул руку через миллионы миль темноты.

«Пожалуйста!» — умолял он.

Бога, если Бог его слушал. И если Бог был Богом.

Пожалуйста.

* ЯЭИ — ядерный электромагнитный импульс.

Умолял весь мир, всю эту ночь.
Пожалуйста.

Сколько других голосов произносили это слово, кричали и умоляли? Сколько людей цеплялось за это слово, а их настигала мертвая тишина, тьма и голод?

Сколько?

Посчитать было просто.

Все, кого он знал.

Только не он. Не Бенни.

Пожалуйста.

Он коснулся лица Бенни. Щеки брата были прохладными.

Прохладными или холодными?

Он не мог понять.

Он приложил ладонь к груди Бенни. Надеясь почувствовать.

Что-нибудь. Дыхание. Биение сердца.

Он ждал.

А ночь вокруг него, казалось, вопит.

Он ждал.

И на этот раз Том сказал вслух:

— Пожалуйста!

Бенни Имура услышал его голос и проснулся.

И захныкал.

Не завыл.

Захныкал.

Не отнимая руки от дрожащей груди брата, Том прижался лбом к спинке сиденья и заплакал.

ДЖЕЙК КЕРР

Джейк Керр начал писать в 2010 году, 15 лет отработав как музыкальный и радио-журналист и колумнист. Первый опубликованный рассказ «The Old Equations» появился в «Lightspeed» и в конце концов стал финалистом на премии «Небьюла» и Теодора Старджона. Публиковался в «Fireside Magazine», «Escape Pod» и в антологии юмористической фантастики «Unidentified Funny Objects». Выпускник Кенyon-колледжа, специалист по английскому и психологии, Керр учился у Урсулы Ле Гуин и перуанского драматурга Алонсо Алегрия. Живет в Далласе с женой и тремя дочерьми.

Искупление

Эмюэл Эспозито избегал смотреть людям в лицо, но деваться было некуда. По приказу капитана обед подавали в строго определенное время, и оказаться в камбузе одному было решительно невозможно. Сэм даже как-то спросил капитана, нельзя ли обедать в каюте, но тот только рявкнул в ответ: «Здесь тебе не отель!» Он пробовал являться чуть раньше или чуть позже, но временные рамки соблюдались неукоснительно. Не успел — останешься голодным. В конце концов он перестал ходить на завтрак, а если получалось, то и на обед или ужин.

Правда, волей-неволей приходилось видеть попутчиков, которые надеялись и верили, что корабль спасет

их от смертоносного астероида. Люди, которым Сэм оглашал смертный приговор, когда-то тоже верили. Он старался убедить себя, что никому не причинял зла. Эмиграционная лотерея была организована честно, а Сэм всего лишь сообщал результаты.

Но в глубине души он осознавал, что действует на стороне зла. В его кабинет входили с надеждой, а выходили раздавленными. Невозможно забыть эти разом померкшие, безжизненные лица. Для каждого проигравшего Сэм выступал посланником смерти, и никакие профессиональные качества не могли ничего изменить.

Встреча длилась пятнадцать минут. Согласно инструкции сотрудникам полагалось вести себя профессионально, с разумной долей человечности. Придерживаться фактов. Вовремя предлагать салфетки. Без колебаний нажимать тревожную кнопку, если клиент проявляет агрессию.

«Клиентами» называл их шеф. Войдя, они садились в кресло или принимались расхаживать по кабинету в ожидании вердикта. Сэм никогда никого не дергивал, пусть хоть на голове стоят, если им так спокойнее. Впрочем, о каком покое речь? Варианта всего два — эйфория или отчаяние. Затем Сэм сообщал очередному посетителю, выиграл ли тот в лотерее и будет ли эвакуирован в Европу, Африку или еще куда-нибудь. Да неважно куда, главное, победители получали шанс выжить. А проигравшим предстояло остаться в Северной Америке ждать неминуемого конца. Самолетов и кораблей на всех не хватало.

Сэм заранее проверял на компьютере результаты и знал, кому должен озвучить убийственную весть. Как он ни старался совладать с собой, в тот миг, когда напряженное ожидание и надежда на лице его визави сменились тотальным отчаянием, у него словно отмирал кусочек души. Даже отвести глаза было нельзя, ведь по долгу службы ему полагалось оказывать дружескую поддержку — хотя какой он друг этим людям?

Тысячи. Тысячи людей, уповающих на чудо, слышали от него слова: «Сожалею, но вы не будете эвакуированы». При этом Сэму не грозило оказаться на их месте: как госслужащий он не участвовал в лотерее и автоматически зачислялся в заветный список.

Он покидал Америку одним из последних, когда астероид уже виднелся в ночном небе. Сэму и еще одиннадцати пассажирам предстояло уместиться на нефтяном танкере с экипажем из двадцати четырех человек. Итого тридцать шесть живых душ и миллион баррелей американской нефти.

В день, когда наступила очередь Сэма эвакуироваться, он открыл заранее припасенную бутылку бурбона и, жадно отхлебывая, дал волю слезам. Он пил до тех пор, пока не утратил способность плакать, а проснувшись, толком не помнил вчерашний вечер.

Это был лучший вечер за последние месяцы.

* * *

В камбузе ужинала блондинка — кажется, капитан прозвал ее «Барби». Сэм устроился в дальнем углу лицом к стене. Не успел он прожевать кусок сосиски, как на его стол опустился поднос, и блондинка без приглашения села напротив.

— Привет, меня зовут Алекс.

— Сэм, — ответил он, уткнувшись в тарелку.

— Очень приятно, Сэм. — Алекс протянула загорелую руку с безупречным маникюром. Сэм молча ответил на рукопожатие — надо сказать, довольно крепкое.

Повисла пауза.

— Вы боитесь утонуть? — ни с того ни с сего спросила Алекс.

От неожиданности Сэм чуть не поднял глаза.

— Что? Да нет. С чего бы мне бояться?

— Мы уже пол-океана проплыли, а вы не выходите на палубу, как все. Прячетесь у себя в каюте.

Сэм не ответил.

— Эй! — Алекс коснулась через стол его руки. — Не надо бояться! Мы в безопасности. Астероид уже хорошо видно, и он вовсе не страшный.

Сэм отдернул руку.

— Может, ему одиноко в пустом космосе... и он просто хочет познакомиться с нами поближе. — Она подалась вперед. — Правда он лапочка?

— Лапочка?

Сэм невольно поднял голову и тут же поспешил отвернуться. Поздно: он уже увидел ее лицо. Сэм зажмурился и замотал головой. Открыв глаза, он понял, что находится в Департаменте эвакуации с этой же блондинкой.

Стоп, это же другая?

Или нет?

Впрочем, какая разница?

— Сэмюэл, правда я лапочка?

Вопрос застал его врасплох. Сэм работал консультантом по Эмиграционной лотерее несколько дней и думал, что уже слышал все возможные вопросы. Оказалось, нет. Он взглянул на собеседницу. Круглощая блондинка с короткой челкой. Симпатичная, но ничего особенного.

— Не то слово, — пробормотал Сэм и поднялся на ноги. — Простите, но у меня следующая встреча. Кабинет психотерапевта в конце коридора.

Блондинка тоже встала, но не пошла к двери, а бросилась перед Сэмом на колени, обхватив его за ноги. Он уже собрался нажать тревожную кнопку, как вдруг она спросила:

— Хочешь минет?

Он отступил и споткнулся о стул.

— Хочешь минет каждую ночь? Запросто! Я готова на все, только измени мой статус в компьютере.

Она потянулась к его ширинке. Сэм попятился.

— Умоляю, Сэм! Только представь: ты просыпаешься, а твой член у меня во рту. Правда кайф?

Отгораживаясь стулом, Сэм нажал тревожную кнопку. Элизабет Мэри Конрой — ему вовек не забыть это имя.

— Простите, мисс Конрой. Я ничем не могу помочь. Я всего лишь рядовой сотрудник и не уполномочен ничего менять.

Элизабет выпрямилась и стала расстегивать брюки.

— Что, ты больше любишь трахаться? Да пожалуйста, хоть сейчас!

— Простите. Я не могу помочь. — Сэм произнес эти слова шепотом, но она расслышала. Ее руки безвольно опустились.

Дверь резко распахнулась, и в кабинет влетел дежурный охранник Терри.

При виде его Элизабет сдалась окончательно. Если раньше она разговаривала неторопливым чарующим тоном, то сейчас в ее голосе зазвучало неприкрытое отчаяние. Она бросилась ему на шею.

— Умоляю, спаси меня! У меня близнецы — им все-го три года! Три года! Не дай нам умереть! — сквозь рыдания прокричала она, мешком повиснув у Сэма на руках.

— Извини, Сэм. — Терри принялся оттаскивать Элизабет, но та вцепилась в рубашку Сэма и тянула его за собой. — В следующий раз прибегу быстрее.

Терри перехватил запястье девушки и резко дернул, отрывая ее от Сэма. Напоследок Элизабет заглянула Сэму в глаза.

— Мои девочки не заслуживают смерти! Пожалуйста, спаси их!

Не успела она ничего добавить, как Терри поволок ее к выходу.

Она обернулась через плечо, и ее взгляд пронзил Сэму сердце. В нем читалось чистое, всепоглощающее горе. Она прошла точку невозврата и осознала, что ей с дочерьми суждено погибнуть.

Сэм зажмурился и замотал головой.

Посыпался скрип отодвигаемого стула. Сэм открыл глаза, но блондинки Алекс уже не было. Он снова уткнулся в тарелку. К его облегчению, больше на обед никто не пришел.

Возвращаясь в каюту, Сэм зашел вымыть руки в общую ванную — к счастью, пустую. Над раковиной висело большое зеркало, но он старательно смотрел в сторону. Лицо в зеркале не вязалось с другими, преследующими его лицами. Горе, утрата, отчаяние — он видел их везде, кроме зеркала, и это было неправильно.

Вытерев руки, он поднял глаза. В чем его вина? Он никому не причинял боль намеренно, а просто передавал информацию. Казнить или миловать было не в его власти. Он невиновен. Я буду жить в награду за непростую, но нужную работу, убеждал он себя. Вымученная улыбка в зеркале больше походила на оскал черепа. Я буду жить, а они нет.

Сэм опустил голову и открыл кран. Дождавшись, пока вода станет ледяной, он брызнул себе в лицо и снова взглянул в зеркало.

Я не попал в их число. Я выживу. Мне следует радоваться. По щекам стекали капли. Он еще раз плеснул воды в лицо. Почему я не с ними? Он умывался с осторожением, а под конец прекратил зачерпывать воду и просто хлестал себя по щекам. Лицо раскраснелось, как сырья котлета, волосы повисли сосульками. Боль была знакомой и почти успокаивающей.

Он вернулся в каюту. Падение астероида на Северную Америку ожидалось завтра.

Пробнулся он поздно и, переборов голод, решил никуда не идти. В дверь постучали, но перспектива общения с кем-то приводила Сэма в ужас, и он не ответил.

Стук ненадолго утих, но вскоре возобновился с такой силой, что затряслись стены.

— Сэм, всех вызывают на палубу! Приказ капитана! До столкновения несколько часов.

— Нет, спасибо. — Он даже не встал с кушетки.

— Это не просьба. Через пять минут ты должен быть наверху, или капитан велит приволочь тебя силой.

Сэм хотел было отказаться, но понял, что капитан, чого доброго, и впрямь кого-нибудь пришлет. Выбравшись из постели, он побрел на палубу. Экипаж и пассажиры собрались на небольшой смотровой площадке на корме. Сэм пришел последним; капитан уже начал говорить, но прервался.

— Эй, соня! Я как раз объявил, что небесный бульжник врежется в Землю примерно через четыре часа. Шоу лучше наблюдать отсюда, если есть желание.

Сэм кивнул. Пассажиры толпились вокруг капитана, стоящего на невысоком помосте у кормы. Экипаж расположился по бокам на некотором расстоянии. Сэм посмотрел на запад.

Средь бела дня в небе парил астероид. Сэм задержал дыхание и стал старательно разглядывать бурлящий пенний след на воде, который оставляли лопасти двигателя.

— Я сказал: «Повернись!» — будто сквозь туман, донесся крик капитана.

Сэм обернулся, не поднимая головы.

— Прошу прощения. Я слушал.

Капитан размашистым шагом приблизился к нему.

— Эй, очнись уже! Похоже, ты не врубаешься, насколько все серьезно.

— Думаю, я понимаю это лучше многих. — Сэм упорно буравил глазами палубу.

— Изdevаешься? — Капитан взял Сэма за подбородок и заглянул ему в глаза. — Да ты хоть раз был на волосок от смерти?

Сэм крепко зажмурился в надежде, что, открыв глаза, снова увидит капитана.

Но это был не он.

Хотя...

Впрочем, какая разница.

— Сочувствуешь, да? Да ты хоть раз был на волосок от смерти?

Еще не старый, но изрядно потрепанный жизнью тип... Смуглая обветренная кожа. Прямые темно-каштановые волосы. Короткая стрижка с пробором слева.

Сэму он напоминал деревенского копа. Такой остановит тебя, даже если ты не превышаешь скорость, просто чтобы помотать нервы.

— Да или нет?! — Нахмутившись, тип треснул кулаком по столу.

— К сожалению, нет, сэр. Я не могу в полной мере представить ваши чувства.

— Так исправь. — Он ткнул пальцем в экран компьютера.

— К сожалению, не могу. — Сэм видел уже немало проигравших и по опыту знал, что для тревожной кнопки еще рано. Может, получится его успокоить.

— Не можешь или не хочешь? — Тип подался вперед. В глазах ни тени тоски или отчаяния — только злость.

— Прошу прощения, я только консультант. Я не вправе вносить изменения. Возможно, вам стоит поговорить с психотерапевтом. Кабинет в конце коридора. — Сэм поднялся на ноги.

Его собеседник тоже встал.

— И как у тебя... — он скосил глаза на табличку с именем, — Сэм, только совести хватает сидеть тут и вратить мне в глаза?..

— Я не... — Не успел он договорить, как тип перегнулся через стол и схватил его за воротник. Пока Сэм судорожно нащупывал тревожную кнопку, он выволок его из-за стола и швырнул о стену. — Пожалуйста... —

Его прервал мощный удар в челюсть. Сэм попробовал закрыться руками, но тип оттащил его от стены и толкнул к компьютеру. В это же мгновение распахнулась дверь.

— Меняй статус, или убью! — заорал тип.

Новый охранник по имени Фил — кажется, из военных — без промедления опустил дубинку ему на затылок. Тип повалился на стол, и Сэм, пошатываясь, стал отходить вдоль стены. Фил выхватил пистолет и трижды выстрелил мужчине в спину. Тот медленно осел на пол.

— В следующий раз не тяни, черт бы тебя побрал! — в сердцах воскликнул Фил. Тип перекатился на бок и вперился гаснущим взглядом в Сэма. — Кнопка тебе зачем? Всех не успокоишь.

Капитан — стоп, какой еще капитан? Впрочем, какая разница? — приоткрыл рот, пуская кровавый пузырь. Трудно было понять, жив он или нет. Открытые глаза, еще недавно полные отчаяния и злобы, теперь были пусты. Не спокойны, не покорны судьбе, а совершенно пусты.

— Пошли, приведем тебя в порядок. — позвал Фил.

Сэм потрогал окровавленную щеку.

Затем закрыл глаза и сделал глубокий вдох.

— Со мной все нормально.

— Это ненадолго, если будешь вешаться на перила. Волна пойдет, и тебе каюк.

Сэм открыл глаза. Кабинет Департамента эвакуации исчез. Вместе с ним исчезли Фил и агрессивный посетитель. И очередная частичка души Сэма. Капитан постучал его по лбу.

— Эй, мечтатель! Прекрати хлопать ушами и включи мозг! Речь идет о твоей жизни. — Он обвел взглядом присутствующих. — Когда шоу закончится, даю вам пятнадцать минут, чтобы убраться с палубы! Шторм кораблю не страшен — не те габариты, но я не хочу рисковать ни на грамм. Все поняли? Может быть не-

спокойно, так что всем сидеть внизу и ждать отбоя тревоги.

Капитана засыпали вопросами. Сэм вернулся к себе в каюту. У него не было ни малейшего желания наблюдать за астероидом, а тем более видеть лица.

* * *

Ночью Сэму приснилось столкновение. Все было как в кино: удар — и Северную Дакоту накрыло огненное облако, которое тут же стало расплзаться по всей территории Штатов. Сэма отбросило куда-то вверх. На его глазах пламя поглощало здания, города, горные массивы. Паря в небе, Сэм не видел гибнущих людей и не ощущал ужаса происходящего. Пока на его глазах ударная волна не стерла с лица земли леса в Арканзасе, он не осознавал, что его самого вот-вот зацепит. Оглядевшись, он попытался усилием мысли полететь быстрее. Ничего не вышло: пламя неотвратимо надвигалось, обдавая Сэма жаром; ударная волна подпирала подошвы. Внизу простиравшаяся выжженная земля. Он зажмурился, охваченный паникой. Ноги задрожали под давлением неукротимой силы.

Его завертело с бешеною скоростью, словно в водовороте, и неожиданно выбросило в реальность.

Очнулся он на полу, и, пока приходил в себя, каюта вновь накренилась. Сэм врезался головой в противоположную стену, но сумел ухватиться за стальную ножку койки, приваренную к полу. Заскрежетал мнущийся металл, и наступило временное затишье.

Каюта накренилась в другую сторону, увлекая Сэма прочь от двери, как игрушку. Кое-как поднявшись на ноги, Сэм двинулся к выходу. Металлический каркас судна vibrировал от натуги. Дальний угол комнаты нырнул вниз, но тут Сэм дотянулся до дверной ручки. В коридоре мигали аварийные лампочки. Лестницу на палубу затопило; вода блестела и переливалась всеми цветами радуги. Сильно пахло нефтью.

— Скорее в шлюпки! — раздался голос за спиной.

Сэм обернулся: кричал незнакомый старик. Корабль снова качнулся, и Сэма впечатало в стену. Собравшись с силами, он пополз дальше.

Ухватившись за поручень, он попробовал выпрямиться. Корабль швыряло из стороны в сторону. Волны хлестали в лицо, не давая вдохнуть.

Сэм выбрался на палубу через открытую дверь и, уцепившись за косяк, попытался выглянуть за борт. Безуспешно: нос корабля задрался вверх, а шторм только усиливался. Очередная гигантская волна чуть не смыла Сэма за борт, но он чудом удержался.

— Сюда! — раздался голос слева. Член экипажа вел за собой группу людей.

Переступая вдоль металлической ограды, пассажиры продвигались к шлюпкам. Палуба вздыбилась, бросая Сэма на перила. Он обернулся к двери — старика не было.

Остальные шли дальше.

— Стойте! Там человек!

Один из пассажиров оглянулся, но корабль накрыла очередная волна, и Сэм не заметил его лица. Когда вода отступила, стало ясно, что процессия значительно отдалилась.

Подскочив к двери, Сэм рванулся вверх по лестнице. Щедро политые маслянистой водой перила скользили, и он споткнулся на ступеньках. Новая волна захлестнула коридор. Старик сидел, привалившись к стене. При виде Сэма он потрясенно вскинул брови.

— Зачем вы тут? Бегите! Корабль тонет!

— Я пришел помочь.

Корабль снова накренился, швыряя Сэма о стену. Старик с искаженным от боли лицом уперся руками в пол.

— Я сломал ногу. Вы мне не поможете. Бегите! — Он кивнул в сторону ступеней.

— Обопритесь на меня. — Сэм подполз ближе и попытался подставить старику плечо.

Тот отстранился и заглянул ему в глаза.

— Сынок, не делай глупостей. У меня нет шансов, а ты еще можешь спастись. — Он схватил Сэма за руку и толкнул к лестнице. — Скорее!

Сэм заковылял к выходу. У двери он обернулся: старик опустил голову и закрыл глаза. Сэм остановился и вытер соленую воду со лба.

Бросить в беде очередную жертву? Нет уж, с него хватит!

Он ринулся к старику.

— Что ты делаешь?

— Не хочу вас бросать.

В глазах старика отражались замешательство и страх, но в них не было ни тени той обреченности, с которой смотрели на Сэма посетители его кабинета.

Старик встряхнул головой и с улыбкой стиснул Сэму плечо.

— И то лучше, чем быть расплющенным о борт. Спасибо.

От перемены в лице старика Сэм осталенел. Ни тени страха или отчаяния, только тепло и приязнь.

Вода прибывала. Другие лица постепенно меркли. Обреченные на смерть больше не стояли у Сэма перед глазами.

Он зажмурился. Наконец-то ему представился случай помочь страждущему и рука об руку пройти с ним за неведомую дверь.

За порогом разливалось белоснежное сияние.

ДЭНИЕЛ УИЛСОН

Дэниел Уилсон — автор бестселлеров по версии New York Times. Он также кандидат наук по робототехнике и машинному обучению, получивший ученую степень в Университете Карнеги-Меллона в Питтсбурге. Автор четырех десятков научных статей, четырех патентов и восьми книг. Он является постоянным автором для Popular Science, Wired и Discover, а также онлайн-сервисов MSNBC.com, Gizmodo, Lightspeed и Tor.com. В 2008 году Уилсон принимал участие в телепроекте «The Works» на канале The History, в котором повседневные вещи рассматриваются с научной точки зрения. Его романы: «How to Survive a Robot Uprising», «A Boy and His Bot», «Amped», «Robopocalypse» (книгу собирается экранизировать Стивен Спилберг), и «Robogenesis». Вместе с Джоном Джозефом Адамсом он редактировал антологию «Robot Uprisings» и «Press Start to Play». Проживает в Портленде, штат Орегон, и найти его можно в Twitter @danielwilsonPDX и на danielhwilson.com.

Автомат

Подвижные фигуры стоят
На каждой улице города
И, кажется, дышит камень, или
Двигаются мраморные ноги

Пиндар, 450 г. до н. э.

ВЕЛИКАЯ ЕВРОПЕЙСКАЯ РАВНИНА, 1725 г.

Пятеро имперских кавалеристов мчатся на нас, раскачиваясь в забрызганных дождем седлах. Я поднимаю

шашку и направляю острие в сердце ближайшему из них. Усатый конный драгун хищно скалится в ответ, обнажая гнилые зубы.

Даже издали видно, как ему не терпится вступить в бой. Я опускаю напрасно занесенную шашку. На открытой равнине от них не скрыться.

Но мы постоим за себя — я и моя дочь.

Сегодня перед рассветом Петр Великий, отец своего народа, основатель и законный правитель Российской империи, владыка северных земель и повелитель горных княжеств, отошел в мир иной, не оставив наследника. В числе тех, кто имел неосторожность слишком приблизиться к государю, мы разом потеряли все. Его преемница императрица Екатерина повелела казнить.

А значит, в этот день мы встретим свой конец вслед за Петром.

Императорские драгуны на отборных скакунах неотвратимо приближаются под темным грозовым небом. На сотни миль вокруг простирается трава, отливающая пурпурно-зеленым в брызгах дождя.

— Держись поближе ко мне, — говорю я Елене.

Она прижимается острым плечиком к моему бедру, и ветер накрывает ее полой моего кафтана. Влажный парик липнет ко лбу, черные кудри змеятся, словно трещины в фарфоровой коже. Изящный профиль скрыт капюшоном; точеная фигура теряется в складках широкого плаща. Елена движется порывисто, точно рассерженный зверек.

— Мы обречены, — произносит она мелодично, как будто механическая птичка выводит свою трель. Речевой механизм Елены взят из поющих деревянных часов, изготовленных в Шварцвальде.

Чарующий голосок озвучивает неприглядную правду.

Драгуны — вышколенные воины, отобранные из резерва самим Петром. Личная гвардия монаршего се-

мейства. Они бесстрашно скачут вперед, лихо топорща усы и сверкая алыми перевязями на черных кафтанах. Помимо повидавших виды шашек, каждому полагаются два мушкета. Командир в стальной кирасе вооружен длинным ружьем, у остальных за плечами простые гусарские копья.

Преследуемые Императорской гвардией, мы рисковали бежать через холмистые степи к востоку от Санкт-Петербурга. Мы надеялись затеряться на бескрайних просторах, но понимали, что нас могут настигнуть. Наша цель — не просто выжить, но и сохранить тайну своего происхождения.

От группы отделяется драгун и галопом мчится к нам, стискивая рукоятку шашки.

— Прижмись к земле, Елена. Береги себя, — говорю я. — Когда они раздеваются со мной, попробуй атаковать внезапно. Если попадешь в плен, храни свою тайну.

— Да, Петр.

Отбросив плащ, я отхожу в сторону и обнажаю кинжал — простой клинок длиной с мое предплечье. Обе мои руки ощетинились лезвиями, длинным и короткими.

Всадник дергает поводья, и вороной скакун резко останавливается в пятидесяти ярдах от нас. От лоснящихся черных боков поднимается пар. Остальные наблюдают издали, поблескивая черными глазами из-под красных киверов.

Надменные и самоуверенные, они надеются нагнать на нас страху. Из их ртов вырываются облачка пара; ветер доносит обрывки фраз и внезапный хохот.

Заметив мои лезвия, драгун медлит, затем тянется к мушкетам. Я опускаюсь с высоты почти семи футов на колени, распластав лезвия по мокрой траве. Тыльные стороны моих ладоней покрыты выделанной кожей, потемневшей от дождя. Видно, как под кожей дви-

жутся латунные шестеренки, зубцы выпирают, как холмики.

Драгун приближается, так и не вынув мушкеты. Я вжимаю пальцы в землю. Елена стоит рядом.

— Крепись, Елена, — говорю я, не оборачиваясь. — Храни государево достояние.

МОСКВА, 1707 г.

Лицо Елены — первое, что я вижу, прия в этот мир. И последнее, что когда-нибудь сотрется из моей памяти.

Не помню, как открылись мои глаза.

Отблеск ее щеки озаряет темную комнату. Безупречный овал сияет, как манящие моряков городские огни. Ее кожа сделана из фарфора. Когда она двигается, отблеск кукольного лица, подрагивая, скользит по стенам. Опираясь на деревянный стол, она что-то пишет, зажав авторучку керамическими пальцами. Невидящий взгляд черных глаз устремлен на бумагу.

В тот первый день ее рука — не более чем рука марионетки. Она скользит по бумаге, бездумно выводя буквы в темноте. Мир людей ей пока неизвестен. Под пышным платьем из дорогой ткани негромко постукивают шестеренки. Этот стук — пульс моего мира, тихий размеренный механический ритм. В воздухе разливается аромат нагретого свечного воска.

Среди плящущих на стене теней появляется новая фигура — худой и сутулый человек. Подойдя ближе, он бережно касается меня длинными пальцами. Я склоняю голову в его сторону и моргаю, всматриваясь.

Я начинаю различать черты его лица, замечаю морщины и мешки под сияющими глазами. Плотно, до белизны, сжатые губы, бороду с проседью. Конечности ритмично подрагивают в такт биению сердца в щуплой груди.

Позже я узнаю, что человека зовут Фьювани. Он мой отец. Это слово наиболее точно описывает его роль в моем появлении на свет.

Затаив дыхание, он удивленно меня разглядывает.

— *Privet*, — говорю я. Человек падает без чувств.

Не раздумывая, я выбрасываю руку вперед и хва-таю его за плечо. Его ресницы подрагивают, голова без-вольно падает, как приспущеный парус. Я впервые вижу то, что должно называться моей кистью руки. Кон-струкция из латунных стержней, покрытая эластичной телячьей кожей. Только сейчас приходит понимание, что в этом мире я всего лишь вещь. Не такая, как кукла с авторучкой, которая осознает себя не более, чем ру-чей, стекающий по склону. Более совершенная. Но все же не созданная из мягкой плоти, как человек передо мной.

Каким-то образом я существую. И, должен сказать, существовать довольно непривычно.

Кажется, я начинаю осмысливать, как это происхо-дит. Снаружи находится мир, воспринимаемый посред-ством зрения, слуха и других органов. А где-то внутри увиденное и услышанное складывается в более мелкую и простую картину мира, который в действительности крайне сложен и неизведен. Опираясь на эту упрощен-ную картину, я принимаю решения.

Например, решаю поймать отца за плечо.

Старик медленно оседает, удерживаемый моими ме-таллическими пальцами. Он роняет подбородок на грудь; лицо закрывают пряди седеющих каштановых волос. Я спас его от падения на острые инструменты, разбро-саные у моих ног. Комната с низким потолком — ма-стерская — освещена множеством свечей. Над головой нависают грубо отесанные деревянные балки, дальний конец комнаты утопает во мраке. На многочисленных столах разбросаны куски металла, веревки, деревянные миски с неизвестным варевом, грязные ложки, всевоз-можные пузырьки и пробирки.

Каким-то образом я знаю эту мастерскую.

Посреди этого хаоса виднеются незавершенные части тела. Массивные торсы с ребрами из китового уса, начиненные шестеренками и резиновыми венами из гуммиастика. Не то мастерская, не то утроба.

Я сажусь и бережно укладываю старика на пустую конторку.

Теперь я вижу, что лежу на длинном деревянном столе. Кукольная девочка слепо улыбается в темноте, строча свое послание. Ручка громко царапает жесткую бумагу.

Мы с ней стоим в родстве.

Мое тело подобно мужскому. Длинные смуглые ноги, покрытые сотнями тускло мерцающих заклепок. Вместо кожи — полоски кованного серо-золотистого металла, закрепленного на массивном каркасе. Сквозь прорези на верхней части бедер видно сплетенные металлические тросы, туго натянутые на зубчатых колесах.

Каждое мое движение сопровождает механический стук.

— Привет? — бормочет старик. — Сын мой?

Узловатые пальцы обхватывают мое запястье. Я ощущаю слабое тепло его ладоней. Чувствую теплую кровь, несущую по жилам жизненную энергию. У него другая кожа. Другое сердце. Во мне нет крови. Я не похож на отца. Он человек, а я — нечто иное.

— Так ты ожил? — восклицает он. — Наконец-то.

— Кто ты? — Я отпускаю его плечи.

— Я Фьюванти Фавури Романти Чимини, но можешь называть меня Фаво. Я последний механик царя Петра Алексеевича. Знаток древнего искусства автоматов и блеститель его наследия. Преемник великих алхимиков, опередивших свою эпоху. Хранитель тайн прошлого и будущего. И, если верить жене государя, императрице Екатерине Алексеевне, сам дьявол.

— Последний механик?

— Десять лет назад император тайно посетил Голландию, Англию, Германию и Австрию и нанял к себе на службу сотни судостроителей, живописцев и механиков. Нашей группе он поручил особое задание. При помощи уникального артефакта из прошлого нам предстояло создать... тебя! Но императрица не верила в успех мероприятия. Это было давно. Всех моих соратников давно выслали в Сибирь. Теперь я влачу одинокое существование во тьме и в страхе скрываюсь от нее.

С его губ слетают брызги слюны.

— Но ты ожил! — Он хватает со стола молоточек. — Ожил и разговариваешь! А ты меня видишь? Расскажи, что ты видишь вокруг!

— Комната. Человек. Механизмы.

— Точно. — Он легонько стучит меня по груди и прослушивается. — Безупречно. Совершенная рецептура. Древние тексты не лгут. Артефакт обладает силой.

Смысл его бормотания мне недоступен. Вытянув вперед руки, я сжимаю кисти в кулаки и ощущаю твердый металл пальцев. Сжимаю сильнее, почти до предела — и чувствую, как напрягаются внутри шестеренки. Сбрасываю со скамейки ноги и царапаю пол деревянными пятками.

Я встаю, едва не упираясь головой в низкий потолок.

Фаво исчезает во мраке. Через миг он возвращается, таща перед собой высокую золотистую раму. Старое латунное зеркало скрипит о пыльный деревянный пол и мерцает в свете свечей. Фаво становится напротив, подпирая зеркало, и бросает на меня испытующий взгляд.

Я чувствую его страх.

— Посмотри на себя, — шепчет он.

Выпрямившись в полный рост, я вижу на латунной поверхности свой темный силуэт. Я худой и высокий. Очень высокий. Лицо, подобное человеческому, — из телячьей кожи, кое-где покрытой твердым воском, в обрамлении каштановых кудрей, глаза большие и темные.

Нижняя губа немного искривлена. Одежды на мне нет. Грудь и ноги покрывают тонкие металлические полосы, под которыми кое-где аккуратно натянуты отрезки телячьей кожи. Тело золотисто-смуглое, сильное, конечности длинные. При виде блеска в своих глазах я понимаю, почему Фаво боится.

- Сын мой? — повторяет он.
- Да, — отвечаю я.
- Назови первооснову, — требует он.
- Первооснову?

Мой голос исходит откуда-то из глубины грудной клетки. Там находится некий механизм — меха, которые сокращаются и выдувают воздух в горло и между зубами. Кажется, что мой голос состоит из множества голосов. Я намного крупнее и мощнее старика, стоящего передо мной.

— Да, — шепчет он. — Она в твоем сознании. Прислушайся к нему и назови мне первооснову. Первое слово, которое ты узнал. Что это за Слово?

Непреложная истина заключена в пределах моего тела — в твердости моей плоти и силе моей хватки. Я проникаю в глубины сознания в поисках ответа на вопрос Фаво и ощущаю другую истину — еще более нерушимую. Это истина знания, истина единственной цели, намертьво впечатанной в мой разум.

Все мое существование зиждется на Слове.

Я заглядываю старику в глаза и чувствую, как скрипит жесткая кожа моих губ, когда я впервые произношу Слово вслух.

— *Pravda*. Я — правда.

ВЕЛИКАЯ ЕВРОПЕЙСКАЯ РАВНИНА, 1725 г.

Ладошка Елены трепетной птичкой касается моего плеча.

— Беги, — командую я, и птичка взмывает в воздух.

Главный драгун уже рядом. Я не отвожу глаз от спрятанных в траве лезвий. Прямо на меня движутся мускулистые ноги черного коня. Остановившись, всадник даже не снисходит до разговора со мной. Слышится только шелест обнажаемого клинка и скрип доспехов.

Драгун взмахивает шашкой, и из его груди вырывается вздох — диафрагма механически выталкивает воздух от напряжения. Я бросаюсь к коню; мои длинные руки нашаривают в траве рукоятки кинжалов. Шашка свистит мимо. Стоя на коленях, коротким клинком я рисую на животе скакуна длинную красную линию. Падаю на спину и отскакиваю в сторону, наблюдая удивленное лицо всадника.

Конь с диким ржанием пытается встать на дыбы. Из раны в животе вываливаются внутренности, вокруг которых сразу образуется жаркое красноватое облако. Всадник кубарем летит вниз. У скакуна подкашиваются ноги, и он с предсмертным воплем обрушивается на собственные потроха.

Драгун в легких доспехах проворно вскакивает на ноги, но в это мгновение я с размаху опускаю рукоятку кинжала на его макушку. Шлем на меховом подкладе сминает драгуна переносицу, и он откусывает себе кончик языка. Я без промедления перерезаю ему горло, и оттуда фонтаном хлещет кровь, смешиваясь с лошадиной. Стучат копыта: приближается подкрепление.

Яприникаю к бездыханным телам. Мимо меня проносятся кони, слышатся гневные возгласы всадников. В стороне от меня Елена тоже что-то кричит. Ее тонкий голосок мелодично повторяет одно-единственное слово:

— *Poshchady! Poshchady!* Пощады!

МОСКВА, 1707 г.

— Говорят, ты мой сын. — Петр откусывает яблоко и громко жует, изучая меня большими умными глазами.

ми. Я замечаю, что одна губа у него искривлена в сторону... как у меня!

— Да, — отвечаю я с поклоном.

— Поведай мне, сын, — с легкой усмешкой в голосе говорит он. — Что есть *pravda*?

— Истина и честь.

— Ты клянешься быть мне верным?

— Клянусь.

— Встань и обнажи меч, — велит царь, приближаясь.

На нем нет ни нарядного одеяния, ни сверкающих доспехов. Простые рабочие брюки; каблуки сапог стучат по мраморному полу кабинета. Он медленно подходит ко мне и изучает мое лицо оценивающим взглядом механика, затем еще раз откусывает от яблока.

Я стою лицом к лицу с царем Российской империи. Мы примерно одного роста. Я извлекаю клинок из деревянных ножен и направляю острие в пол. Моя рука на рукоятке тверже камня.

— Он двигается, как человек, — улыбается царь.

Наклонившись, он срывает капюшон у меня с головы. Сыромятная кожа туго натянута на шестеренках и колесиках внутри моего черепа. На затылке поблескивают латунные кнопки — застежка для кожи.

— Зато выглядит совершенно иначе, — добавляет он.

— Он служит правде, — говорит Фаво. — Как ты повелел. Артефакт дает силу и разум, но в остальном он создан в точности по твоему заказу.

— Как тебя зовут, автомат? — спрашивает царь.

Вопрос не пробуждает у меня отклика.

— Ты волен называть меня как угодно.

— Непривычно, что ты моего роста, — бормочет он, продолжая жевать.

Царь касается пальцем моего лба.

— До чего же он уродлив.

— Прости, император. Все дело в моих ограниченных возможностях, — говорит Фаво. — Со временем

его внешность можно будет улучшить. В уродстве этого существа повинны лишь мои старческие руки, а не оно само.

— Само? Ты называешь автомат «оно»?

— Называть его иначе кощунственно. Я создал не живого человека, а всего лишь куклу. Жалкое подобие Его творений.

Петр коротко и раскатисто смеется.

— Ты боишься Екатерины, стариk, даже наедине со мной. Пожалуй, не напрасно. Она не верит в эту затею. Умерших не воротишь — так она считает. Дай ей волю, она уничтожит все твои артефакты.

Фьовани опускает голову.

— О нет, мой государь. Разумеется, я не смею перечить императрице... но артефакты бесценны. Я уже нашел вместилище для последнего из них. И нельзя забывать, что у врагов есть свои артефакты. Не удивлюсь, если прямо в эту минуту другие автоматы плетут против нас козни.

— Довольно, Фьовани, — говорит Петр. — Тебе нечего опасаться.

Царь оборачивается и резко толкает меня обеими руками. Догадавшись, что это испытание, я не поддаюсь. Мои ноги твердо стоят на полу, рука крепко держит шашку. Даже такому великанию, как Петр, не под силу сдвинуть меня с места.

— Он сильнее меня. — Лицо государя потемнело от напряжения и отчасти от гнева. — Посмотрим, насколько он умен.

Петр отступает на несколько шагов и сцепляет руки за спиной.

— Боярин просит у меня пятьдесят драгунов из Преображенского полка для охраны своей усадьбы. Удовлетворю ли я его прошение, автомат?

— Нет, император.

— Отчего же?

— Солдаты Преображенского полка присягнули на верность отцу империи. Биться за человека низшего ранга для них бесчестье.

— А он неглуп!

Царь в последний раз откусывает яблоко и швыряет огрызок в дальний угол.

— Напади на меня, — говорит он.

Я не реагирую.

— Я твой император, автомат. Я отдаю приказ, а ты честью обязан его выполнить. Обнажи шашку и атакуй.

— Мой государь, — робко бормочет Фиовани. — Умоляю, учи, что этот автомат способен...

— Я жду! — торопит Петр.

Все мои члены изнывают от желания повиноваться. Отведя руку, я поднимаю клинок вверх. Но... обратить оружие против царя — значит навеки покрыть себя позором.

В голове пульсирует главное слово — *Pravda*.

— Ну же! — восклицает царь.

Мой взор затуманивается. Кончик сабли подрагивает. Я одновременно испытываю порыв покориться и послушаться. Противоречие раздирает изнутри, до звона в ушах. Я не могу не исполнить приказ, но не могу и ударить. Я тону, мой рассудок пожирает сам себя.

Но решение приходит.

Я поднимаю шашку выше, направляя острие в царя. Затем поворачиваю сверкающий клинок так, чтобы острие уперлось в мой каftан. Напрягаю плечи и обеими руками нажимаю...

— Стой! — Царь кладет мне руку на плечо.

Я молча возвращаю шашку в исходное положение.

— Добро пожаловать в Москву... Петр! — произносит царь, приобнимая меня за плечи. — Жаль, что ты не можешь выпить за знакомство.

— Но, мой государь, почему ты назвал его Петром? — тихо спрашивает Фаво.

— Потому что это он и есть Петр Алексеевич.
— Не понимаю, — удивляется Фаво. — Почему?..

— Пока я живу на этой земле, Петр — мое имя. Но твой разум и усердие помогли создать моего двойника, который однажды займет мое место и станет бессменным правителем Российской империей. Петр пронесет мое имя сквозь века словно знамя, не стареющий телом и верный истине. Вечный царь.

ВЕЛИКАЯ ЕВРОПЕЙСКАЯ РАВНИНА, 1725 г.

Под свист сабель я падаю на влажную землю, перекатившись через умирающего коня. Приподнимаюсь на четвереньки. Над головой мелькают копыта. Не успеваю я встать, как копыто втаптывает в землю мою руку. В грязной яме остаются два изувеченных металлических пальца.

Прижимая поврежденную кисть к груди, я с усилием выпрямляюсь и заношу шашку второй рукой. Ближайший драгун разворачивается и скачет в мою сторону, накренившись и держась бедрами за лошадиный круп. Красный кушак трепещет на ветру.

Обнаженная шашка серебристой молнией пронзает пасмурное небо.

Я не трогаюсь с места. Копыта стучат все громче. Боевой конь храпит от натуги под весом всадника в доспехах.

Я приникаю к земле в попытке увернуться от сверкающего клинка.

Поздно. Я чувствую мощный толчок между лопatkами. Клинок драгуна разрывает мой кафтан и броню под ним. Металлические кольца сыпаются мне под ноги, как горсть звонких монет.

Но я не выпускаю меч из рук, и его гладкое лезвие впивается в не защищенное доспехами бедро драгуна.

Враг обращается в бегство. Его нога несуразно подпрыгивает, и я вижу, что она вот-вот оторвется от тела. Ощупав рану, драгун отчаянно рычит. Конь разворачивается и смотрит назад, вытянув шею; всадник вылетает из седла. При ударе о землю его нога отлетает в сторону, заливая ярко-зеленую траву алоей кровью.

Конь испуганно отшатывается.

В моем теле нет боли. Только готовность действовать.

На меня скачут еще три всадника. В моей спине зияет широкая брешь, и левая рука безвольно висит у туловища. Я нетвердо ступаю, стремясь удержать равновесие, но руки не слушаются, и я падаю ничком, лицом в землю. Грубую кожу на щеках щекочут травинки. На этом расстоянии хорошо видно, как стебельки колышутся в такт топоту копыт.

Изогнувшись, я перекатываюсь на спину.

Впившееся в грудь копье сминает металлический каркас. Я ощущаю давление острия и дрожание руки драгуна на древке. Над головой галопом проносится конь, и я слышу, как рвутся мои внутренности. Всадник вытаскивает копье из груди. Я подскакиваю вверх и приземляюсь на бок.

Где-то поблизости Елена издает тихий стон. Она поняла, что бессмысленно умолять о пощаде.

Хоть я и не рожден женщиной, я сворачиваюсь клубком подобно плоду в утробе, изувеченный и посмеявший перейти дорогу смертным. Неподалеку приникла к земле Елена. Очертания ее хрупкой фигуры теряются под плащом.

Окровавленные копыта взрывают землю рядом со мной. Конь наступает мне на бедро, и металлический стержень внутри лопается, не выдержав тяжести. Нога едва не выскакивает из сустава. Меня снова отбрасывает, и я падаю на живот. Сломанное ребро пронзает кожу и впивается во влажную землю.

Я снова замираю.

Ласковый дождь орошаet пустынную степь. Гром умолк. Уцелевшие гвардейцы, собравшись в круг, что-то растерянно обсуждают вполголоса.

«Кровь», — слышу я.

Отчего в моих ранах нет крови, изумляются они, разглядывая затупившийся, но чистый наконечник копья. Из чего сделан этот человек? Что на нем за потайные доспехи? Даже смертельно раненный, он не издал ни звука.

Елена обратилась в бегство. Сгорбившись, она проворно перебирает ногами под плащом. Пожалуй, для нее это лучший способ спастись, если это вообще возможно. Драгуны настороживаются, словно хищники, заметив движение. Трое оставшихся солдат разом бросаются ей наперерез. Я лежу в кровавой грязи, влажные травинки, словно щупальца, касаются моего лица. Притвориться мертвым — все, на что я способен. Не так уж и сложно. Собственно, я никогда не был живым.

Чтобы одолеть меня, потребовалось три смертельных удара. Смертельных для троих человек.

Те Деум. Слава богу. Мое тело все еще работает.

Одноглазый и беспомощный, я вижу сквозь пелену дождя, как драгун хватает Елену за ворот плаща и швыряет на взмыленный лошадиный круп. Она молчит. В крике нет нужды. Слово предписывает Елене, что для любого действия нужна причина. Ее легкое, как у девочки, тело подпрыгивает в такт галопу. Истинная ее суть скрыта под одеждой, и драгун не может ни о чем догадаться. Пока.

Терпи, Елена. Крепись.

Я оставляю глаза открытым и немигающим, как у покойника, и даже не позволяю линзе сокращаться, когда в моем поле зрения возникает что-то новое. Всадники по-прежнему совещаются.

«*Koldun*», — перешептываются они.

Черный маг. Монстр. Человек без капли крови в жилах. Командир в сверкающей кирасе откровенно опасается колдунов. Не буди лиxo, пока оно тихо, увершевает он. Оставьте странника в своем темном царстве, и он принесет нам нашего пленного.

Мудрый совет.

— Навести порядок! — приказывает командир. — Мертвых не брать!

Драгун с перепачканным лицом спешивается и высматривает, чем бы поживиться у тел павших товарищей. Выругавшись, он пытается вытащить залитое кровью седло из-под изувеченного коня, но оскальзывается и падает в грязь.

— Брось! — велит командир с пышными усами. В черных глазах застыл ужас. Дыхание почти осязаемо во влажной дымке.

В последний раз проводив меня усталым взглядом, трое уцелевших солдат уводят коня и скачут к горизонту. Только когда дрожь земли под копытами утихает, я позволяю себе моргнуть. Затем поднимаюсь, дождавшись, когда их силуэты превратятся в точки.

Я один среди безмолвных тел. Солнце только что опустилось за горизонт, и на небо взошла величественная сфера луны. Я вижу свою длинную тень в бледном голубоватом свете и ощущаю в пронизывающем холоде, как сильно поврежден мой механизм.

Возможно, Елена еще жива. Мой долг — защитить ее.

Удар в спину обездвижил мою левую руку, но у меня осталась правая. Уцелевшими тремя пальцами я хватаюсь за траву и рывком перемещаюсь на локоть вперед. Правая нога остается лежать на земле. Левая еще при мне, но от нее никакого толку. Я делаю новый рывок, оставляя за собой влажный след сломанного механизма, тускло поблескивающий в сумраке.

К счастью, травы вокруг много, а моя хватка по-прежнему тверда.

Всходят звезды. Теряя части своего изувеченного тела, я продвигаюсь на локоть с каждым рывком. Тенистая трава скрывает то, что от меня осталось — изуродованную голову с частью туловища в темной шерстяной накидке и сохранившую работоспособность руку, толкающую мое тело вперед. Не останавливаясь и ни о чем не думая, я ползу по следам троих всадников, для которых так и осталось загадкой, что за чудовищное творение они бросили на поле боя.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 1725 г.

Мой мир померк незадолго до рассвета двадцать восьмого января тысяча семисот двадцать пятого года. В один миг мощные легкие Петра Великого наполнились, словно меха, и с губ государя слетел предсмертный вздох. Огромная голова упала на подушку; лицо впервые разгладилось и стало безмятежным.

Никто не догадывался о болезни. Петр скрывал ее до последнего.

Мы с Еленой не успели проститься наедине. Императрица опередила нас. Наблюдая, как она поднимается с постели усопшего, я чувствую, как она занимает боевую позицию. За окном опочивальни слышны грубые крики гвардейцев, разносимые эхом по мещеному двору. Полки уже призваны в столицу и размещены у дворца.

Я заботливо кладу руку Елене на плечо. Мы прослужили этому великому человеку двадцать лет. Проникали в зачумленные города во время войны со Швецией, ковали новое оружие для гвардейцев и даже шпионили в западных странах.

Но мы никогда не служили этой женщине.

Екатерина поднимает на нас взгляд. Ее ладонь лежит на груди Петра, мокрые от слез волосы падают на

лицо покойника. Черные брови вразлет; глаза презрительно и гневно сверкают.

— Эй вы... уродцы! — восклицает она. — Вы знали о его недуге и смели молчать?

— Нет, императрица, — отвечаю я раскатисто; воздух резонирует в просторной груди. — Я есть Слово.

— *Pravda*? Никакая ты не правда, жалкое творение. Ты кощунство. Петра обманом заставили сделать тебя вечным царем. Его околдовал этот ненормальный механик.

Я похлопываю Елену по плечу, и она мгновенно понимает мою мысль. Найти Фаво. Развернувшись, она проворно семенит к двери.

— Взять ее! — Екатерина делаетластный жест, перегнувшись через тело Петра. — Задержать обоих!

Привратник ловит Елену за волосы, срыва парик, затем хватает ее обеими руками. Она отчаянно вырывается из медвежьих объятий. Увы, я связан долгом и не могу вмешаться. Мне остается только наблюдать, как гвардеец прижимает пленницу к металлическому нагруднику.

Крики гвардейцев за окном становятся все громче.

— Слышите? — с хищной ухмылкой спрашивает Екатерина. — Ко мне прибыла моя гвардия. Петр желал, чтобы я стала его преемницей. Я, законная супруга, а не ты, его ущербная копия.

В груди Елены что-то трескается. Видимо, механизм поврежден. Теперь она почти не способна сопротивляться. Капюшон упал на лицо; тонкие латунные ноги беспомощно дергаются; деревянные пятки царапают пол. В моей груди нарастают гнев и печаль.

Моя дочь!

Но я не могу ничего сделать вопреки своему долгу чести. Ведь я — *Pravda*.

— Наш отец скончался, — выкрикивают гвардейцы за окном. Их голоса отражаются от каменных стен. — Но наша мать жива!

В груди Елены с треском лопаются ребра из слоновой кости, обломки кости и дерева застревают между шестеренками. По ее отчаянному стону я понимаю: еще немного, и механизм будет необратимо поврежден.

Pravda.

— Что мы получим за свои заслуги? — спрашиваю я Екатерину. — Намерены ли вы исполнить желание Петра?

Екатерина поправляет спадающую бretельку пеньюара и спускается с кровати супруга. Затем подходит ко мне вплотную, так что ее искаженное гневом лицо оказывается на несколько дюймов ниже моего плеча. Непослушные темные локоны спадают на лоб; ноздри хищно раздуваются с каждым вдохом.

— Ваши заслуги? — спрашивает она. — Что за вздор! Я могу вас только пожалеть. Вас необходимо уничтожить...

Высказанного вслух намерения отступить от *pravdy* мне достаточно.

Я выбрасываю правую руку вперед, и мой кулак врезается в лицо гвардейца, удерживающего Елену, расквашивая его хлипкий нос. Гвардеец врезается головой в стену и падает замертво, выпуская Елену из рук. Она хватается за мой плащ.

— Как ты смеешь?! — восклицает Екатерина.

Наш отец умер.

Екатерина совсем близко. Я могу убить ее одним взмахом ладони, и она это знает. Гвардейцы пристально наблюдают за нами. Я слышу тихий шелест обнаженного клинка и коротко мотаю головой. Шелест затихает.

Но наша мать жива.

Екатерина — царица. Я не причиню ей зла — точнее, не могу причинить, — и все же, согласно заветам Петра, я не должен допустить гибели — ни своей, ни Еленой.

Я отступаю на шаг, и моя семифутовая фигура идеально помещается в увеличенный дверной проем спаль-

ни Петра. В легкой кольчуге и кафтане я невероятно похож на лежащего на кровати покойника — как и было задумано.

— По велению Петра нам надлежит жить, императрица, — произношу я. — Мы не можем принять смерть, но я прошу вас, во имя чести усопшего... позвольте нам принять изгнание.

ВЕЛИКАЯ ЕВРОПЕЙСКАЯ РАВНИНА, 1725 г.

Ухватиться за траву. Потянуть. Отпустить. Снова ухватиться.

Божества, населяющие невидимые закоулки созвездий, наблюдают за мной через прорехи в облаках. Сверкающее око Марса с улыбкой смотрит, как роса смывает лошадиную кровь с моего плаща. Я цепляюсь лицом за извилистый корень, и кожа на щеке рвется, образуя зияющую дыру.

Я двигаюсь дальше.

Мое тело, легкое из-за чудовищных ран, медленно ползет сквозь траву, мерцающую в свете звезд. Когда луна блекнет в розовом ореоле, я наконец различаю силуэты четырех привязанных к дереву коней.

Гвардейцы спят. Елена бесформенной грудой лежит у тлеющего костра, связанная по рукам и ногам. Я проползаю по самой земле — действующая рука выброшена вперед, голова наклонена вбок, черные глаза распахнуты навстречу предрассветным лучам солнца. Из покалеченного туловища торчат металлические прутья и свисают клочья телячьей кожи.

Фигура передо мной шевелится. Я замираю с вытянутой вперед рукой.

Разомлевший после сна гвардеец отбрасывает оленью шкуру и встает, воровато озираясь. Делает пару шагов в мою сторону, затем стягивает брюки и мочится. От горячей струи идет пар.

Уже возвращаясь нетвердой походкой к спальному месту, он замечает Елену. Присаживается около нее на корточки и что-то шепчет. Я осторожно продвигаюсь вперед, ближе к центру лагеря. Грязная кольчуга цепляется за траву. Ни о чем не подозревающий драгун молча переворачивает Елену на спину, рукой закрывая ей рот. Развязывает путы на лодыжках и резко раздвигает ей ноги.

Гвардец ухмыляется, и рассвет окрашивает его зубы багрянцем.

Я подбираю шлем, лежащий рядом с его шкурой, резким движением опускаю его во влажную землю и подтягиваю тело вперед. Шлем стальной, на меховом подкладе и с острием на макушке.

— Что это?! — восклицает ошеломленный гвардеец, обнаружив под плащом Елены холодный металл. — Что ты за существо?!

Он оборачивается, тряхнув черными кудрями со ржавым отливом, и видит меня. От ужаса его глаза выкатываются из орбит, щеки мелко дрожат. Опираясь на остатки левого бицепса, здоровой рукой я заношу шлем повыше. Гвардеец сдавленно кричит. Я с размаху опускаю шлем ему на голову.

Металлическая полусфера врезается драгуну в переносицу. Челюсти резко смыкаются, и он падает. На смерть перепутанное лицо заливает кровь. Елена отталкивается обеими ногами, и драгун со стоном приземляется на спину.

Я снова опускаю шлем.

На этот раз он с хрустом расквашивает гвардейцу лицо. Я повторяю удар еще раз. И еще с полдюжины раз, пока не лопается череп. На земле остаются обломки зубов в луже слюны и крови.

С противоположного конца лагеря доносится сдавленный вопль. Елена на ногах и уже успела выхватить саблю из ножен убитого и перерезать горло двум его товарищам. Через несколько мгновений мертвые все.

Дымящийся костер обогревает только металл, древесину и телячью кожу.

— Бедный Петр! — восклицает Елена.

Она берет мою голову обеими руками и бережно укладывает к себе на колени. Затем ощупывает меня, определяя степень повреждения.

Издалека доносится предрассветная птичья трель. Я смутно слышу, как на землю течет струйка крови и ржет испуганный конь.

— Ты серьезно пострадал, — говорит Елена.

— Если найти артефакт, меня можно восстановить.

— Императрица велит разыскать нас.

— Велит, — отвечаю я Елене, своей вечной дочери. — Но мы не будем бежать куда глаза глядят. Мы отправимся на поиски.

— Поиски чего, Петр?

Я смотрю на изгиб ее фарфоровой щеки. Когда-то Елена была бездумной куклой, но теперь мы не просто предметы... мы — автоматы!

— На поиски себе подобных. Мы разыщем свою родню, Елена... пусть даже это займет тысячу лет.

УИЛЛ МАКИНТОШ

Уилл Макинтош — лауреат премии «Хьюго» и финалист премии «Небьюла», чей дебютный роман «Soft Apocalypse» был номинирован на премии «Locus Award», «John W. Campbell Memorial Award» и «Compton Crook Award». По его последнему роману «Defenders» киностудия «Уорнер Бразерс» планирует снять художественный фильм. Опубликовал четыре романа и десятки рассказов. Два десятка лет был профессором психологии, потом все свое время посвятил писательскому творчеству. Живет в Вильямсбурге с женой и детьми-близняшками.

Танцы с Бэтгерл в краю кивающих

Эйлин шевелила губами, но Рэй не понимал ни единого слова. Все мысли заглушал внутренний голос, в панике требующий набрать в ванну воды и запастись продуктами.

Рэй схватил Эйлин за плечи.

— В супермаркет лучше не соваться — там наверняка вирус на вирусе. Слушай, а если?..

— Ты понял, что я сказала?

Эйлин и раньше напоминала Рэю божью коровку из мультика, но сейчас сходство обострилось: большие круглые глаза, лицо в обрамлении рыжих кудрей. Как странно, что посреди этого кошмара в голову лезет всякая чепуха.

— Если честно, нет, — ответил он. — Наверное, не соображаю от шока.

Стены комнаты то надвигались, то отступали. Вирус уже в Лос-Анджелесе. Эпидемия распространяется с головокружительной скоростью, а они толком не подготовились.

— Я тебе изменила. С Джастином.

— Что? — растерялся Рэй. Может, у нее тоже шок? — Не говори глупостей! — Он направился к ванной. — Пойду наберу воды.

— Да послушай ты! — Она поймала его за плечо и развернула к себе. — Я тебе изменила с Джастином.

— Изменила?

Неслыханное дело. Они с Эйлин всегда были образцовой респектабельной парой. Измены для них были явлением из другого мира.

И все-таки Эйлин изменила. Да еще и объявила об этом.

Рэя затошило.

— И ты не нашла более подходящего момента для признания?

Эйлин опустила голову.

— Я хочу облегчить душу перед концом. Хочу, чтобы между нами не было лжи.

В груди сдавило, как будто сверху положили каменную плиту.

Ее глаза наполнились слезами.

— Прости.

Рэй сглотнул, пытаясь избавиться от кома в горле. Нет уж, он не станет при ней плакать. Очень хотелось отыскать Джастина Шнайдера и раскрошить ему челюсть, но и этот порыв лучше сдержать.

— Ты его любишь?

— Честно говоря, не знаю... Я совсем запуталась.

Она часто заморгала.

— Если хочешь, я могу уйти.

— Так даже удобнее, правда? — отозвался Рэй. — Я тебя прогнал, значит, можно идти к Джастину с чистой совестью.

Он на секунду представил ее в объятиях Джастина. Представил, как они целуются. Еще десять минут назад он счел бы подобную картину бредом. Миллиарды людей умирают или лежат парализованными в ожидании смерти, а Эйлин вдруг приспичило сознаваться в измене.

— Знаешь что? Я тебе помогу — уйду сам. — Рэй раскинул руки в стороны. — В конце концов, дом твой. Твои родители выплатили львиную долю всей стоимости.

Эйлин замерла. На ее лице промелькнули тщательно скрываемые облегчение и надежда. Рэю стало противно.

— Но сейчас оставь меня одного. Хочу собраться спокойно.

Она протянула руку.

— Рэй, я...

Он отстранился.

— Оставь меня.

Податься ей было некуда — вирус мог подстерегать где угодно. Он обладал невероятной стойкостью и днями выживал во внешней среде. А если подышать с большим одним воздухом — считай, ты уже труп.

Эйлин беспомощно огляделась и побрела к гаражу.

Тупая боль в груди нарастала. Шутка ли, столько ударов судьбы одновременно. Над холодильником висел шкафчик, который служил им баром. Отыскав на полке бутылку водки, Рэй впервые в жизни отхлебнул прямо из горла.

Стало чуть легче. Самую малость.

Пытаясь ни о чем не думать, Рэй пошел наверх, старател�о глядя себе под ноги. Стена вдоль лестницы была увешана их семейными фотографиями.

Собрав одежду и умывальные принадлежности, он вынес из подвала коричневый рюкзак со спасательным снаряжением, который они купили два месяца назад.

Тогда еще все верили, что Лос-Анджелесу ничего не угрожает.

Рэй совершенно не представлял, куда идти. Уолтер наверняка его примет, но неудобно сваливаться ему на голову. Им с Лорен и без того забот хватает.

Наконец сборы были окончены, но что-то мешало сесть за руль.

Он вернулся в дом. В гостиной работал телевизор: ведущие новостей сдавленным тоном, плохо скрывающим панику, сообщали о развитии ситуации. Вирус был повсеместно: в миллионах больниц и миллиардах домов. В любой момент Рэй мог стать очередной жертвой. И ведь даже не узнаешь о болезни, пока не начнешь кивать, а тогда уже поздно. Собственно, если он инфицирован, то и сейчас поздно. Правда, они три дня не высывали носа на улицу. Нет-нет, конечно же, он здоров!

За окном завыла сирена.

Чтобы успокоить нервы, он направился в свою фанкомнату. Почему-то в окружении коллекции, посвященной Бэтгерл, у него всегда получалось расслабиться. Некоторые экземпляры — коробку для завтрака и пластмассовую фигурку — Рэй хранил еще с юности. Коллекция была наглядным свидетельством того, что когда-то он жил без Эйлин, а значит, проживет без нее и дальше.

Если не заразится кивающим вирусом.

Зато если заразится, то оцепенеет и будет медленно умирать от обезвоживания. От одной этой мысли сердце отчаянно заколотилось.

В надежде унять накативший приступ паники Рэй стал разглядывать фотографии на стене — кадры из старого телешоу с Бэтгерл, — но на этот раз верное средство не сработало. Да и чем может помочь глянцевая бумага с типографской краской?

В рамке у края стены висел простой почтовый конверт, который Рэй берег как зеницу ока. В левом верх-

нем углу Хелен Андерсон своей рукой написала обратный адрес, когда возвращала ему по почте фото с автографом. На штепмеле был указан тысяча девятьсот девяносто восьмой год. Почти двадцать лет назад.

Рэй снял со стены рамку с конвертом и стал разглядывать изящный округлый почерк с резким наклоном вправо. Хелен Андерсон была в разводе; единственный ребенок остался с мужем. Что, если она тоже страдает от одиночества? До ее дома не более получаса езды в сторону залива. Там сейчас безлюдно: все желающие покинуть город едут другой дорогой.

Рэй представил, как Хелен Андерсон открывает ему дверь. И что он скажет?

«Я ваш самый преданный поклонник. Что я могу для вас сделать?»

Да уж, гениальный план.

Но даже от одной мысли о Хелен Андерсон отчаяние стало не таким беспросветным. В конце концов, что он теряет? В крайнем случае она просто откажется и поблагодарит за беспокойство.

Рэй уже сожалел о своем благородном жесте. Надо было не церемониться и выставить Эйлин.

Он коснулся заветных строчек через стекло. Рэй знал, что адрес не изменился: он регулярно проверял данные Хелен на сайте местного налогового инспектора и каждый раз представлял, как явится к ней под выдуманным предлогом, но так и не решился осуществить задуманное.

С одной стороны, чистое безумие и донкихотство. С другой — кто знает, сколько ему осталось? Почему бы напоследок не позволить себе небольшую авантюру?

У машины Рэй задержался. Может, зайти в гараж и попрощаться с Эйлин? Не исключено, что через неделю их обоих уже не будет в живых.

В памяти всплыло выражение ее лица, когда он объявил, что уйдет сам. Плохо скрываемая радость и облегчение.

Сев за руль, он решительно тронулся с места.
И притормозил, не проехав и квартала.
На тротуаре билась в судорогах женщина.
Вирус, раньше существовавший только в новостях,
ворвался в реальную жизнь.

Первым порывом было броситься на помощь несчастной, разбившей лоб об асфальт. Ее голова дергалась вверх-вниз; в распахнутых глазах застыл немой ужас.

Стоит до нее дотронуться — и он обречен. Симптомы появляются только через неделю, но инфицирование происходит мгновенно.

За углом стоял разбитый о фонарный столб внедорожник. Судя по всему, авария произошла недавно.

Девушка за рулем кивала так яростно, что ободрала подбородок о подушку безопасности. Двое малышей в автокреслах на заднем сиденьи дергали головами в такт.

У Рэя заболело сердце, и он закрылся ладонью, чтобы не видеть их ясные, насмерть перепуганные глаза.

К удивлению Рэя, Уолтер и Лорен сидели у себя на крыльце. Он опустил стекло и поздоровался.

Уолтер поднял руку в ответ. Лорен, сидящая в кресле-качалке рядом, неистово кивала.

— О черт, — пробормотал Рэй. И крикнул в окно: — Господи, Уолтер! Это ужасно!

Уолтер опустил голову.

— Час назад началось. — Он бережно коснулся плеча жены. — Поэтому я и вынес ее сюда — пусть видит траву и небо, а не четыре стены.

— Я могу чем-нибудь помочь? — спросил Рэй.

Уолтер покачал головой.

— Да я просто жду своей очереди. Я поцеловал Лорен в губы, чтобы уж наверняка.

Рэй не знал, что ответить. В чем-то он завидовал Уолтеру. По крайней мере они с Лорен умрут вместе.

— Мы прожили хорошую жизнь, — донесся голос с крыльца. — Передай Эйлин сердечный привет от нас обоих.

— Эйлин ушла, — брякнул Рэй. — Точнее, я от нее ухожу. Она мне изменила.

— Сочувствую, — вздохнул Уолтер.

К горлу Рэя подступил ком, и на этот раз он не смог сдержать слез.

— Спасибо! Ты был хорошим другом. — Он вспомнил, что Лорен все видит и слышит. — Ты тоже, Лорен. Мне так больно за вас.

Лорен все так же дергала головой. Вскоре кивание прекратится, и она замрет навсегда.

Уолтер помахал рукой на прощание. Неужели они видятся в последний раз? Неужели больше никогда не врубят «Доджерс» во дворе, не пропустят по бокалу пива в любимом баре? Несмотря на разницу в тридцать лет, Рэй с Уолтером были лучшими друзьями.

В Уилшире царил хаос. Повсюду сновали люди с рюкзаками, в хирургических масках, респираторах, шарфах и масках для дайвинга. Когда очередной заболевший падал на тротуар, через него просто переступали. Проезжая часть была забита; прикованные к рулю водители ритмично дергали головами. Лавируя между стоящими машинами, Рэй старательно отворачивался. Все равно ничем не поможешь, напоминал он себе. Вирус не лечится; больницы забиты под завязку.

На Саут-Дохерти был безнадежный затор. Пришлось объезжать по тротуару, буквально по сантиметру продвигаясь вперед среди пешеходов.

Вот и Беверли-Хиллс: роскошные особняки, удаленные от дороги, необъятные участки земли. На извилистых улицах наконец-то стало свободнее. Рэю очень хотелось выключить радио — от новостей подскакивал пульс и немели губы, — но нужно было оставаться в курсе событий.

Коммуникаций на Восточном побережье толком не осталось. Только Запад страны пока устоял против эпидемии, перекрыв границы и отстреливая беженцев из соседних штатов.

Рэй свернул на Кардифф-драйв и, сверившись с адресом на конверте, притормозил у номера пятьдесят семь. Домик поменьше остальных, в альпийском стиле. Фасад скрыт за двумя высокими деревьями; сад пышный на грани неухоженности. Ругая себя за глупый авантюризм, Рэй вырулил на длинную подъездную дорожку.

У двери он несколько раз шумно вдохнул, постоял, переминаясь с ноги на ногу, и наконец протянул руку к звонку.

Между прочим, кто сказал, что откроет лично Хелен Андерсон? Да, она ни с кем не встречается. (Уж кто-то, а Рэй знал точно, поскольку ежедневно шерстил Интернет в поисках любых упоминаний о Хелен). Но что, если выйдет подруга или домработница?

Замок щелкнул, и дверь приоткрылась. В проеме над дверной цепочкой появилось лицо Хелен Андерсон — где-то на уровне плеча Рэя. Он отлично помнил ее рост — сто шестьдесят два сантиметра, но не представлял, что она настолько миниатюрна.

— Да? — У нее были короткие растрепанные волосы. На лице ни грамма косметики. Прекрасные светло-серые глаза, цвета дымки, окутывающей горные вершины.

— Мисс Андерсон, меня зовут Рэй Пэррот. — Язык цокнул о пересохшее небо. — Я... — Заранее заготовленные слова показались нелепыми. «Я ваш самый преданный поклонник?» Тьфу! — Я пришел предложить вам помочь.

Хелен Андерсон наклонила голову.

— Мы знакомы?

— Нет... но я восхищаюсь вашим талантом.

Дверь плавно закрылась. Рэй замер, ожидая услышать звяканье снимаемой цепочки, но уловил лишь звук удаляющихся шагов.

Он постоял еще несколько минут и направился прочь, пылая от стыда.

Полный идиот! Как можно было всерьез рассчитывать, что она встретит чужого человека с распластанными объятиями?

— Погодите!..

Рэй обернулся. На крыльце стояла Хелен Андерсон в джинсах и голубом свитере.

— Да? — Шагнув к ней, он замешкался. — Простите за грубое вторжение.

— Наоборот, это я повела себя грубо. Как всегда. Помощь мне не нужна, но спасибо за предложение. Вы очень любезны.

Рэй кивнул.

— Хотите пересидеть эпидемию дома?

Хелен улыбнулась — но не ослепительно, как Бэттерл, а так печально, что у Рэя защемило сердце.

— Вроде того.

— Продуктов у вас достаточно? А воды?

Она на секунду прикрыла глаза.

— Более чем.

— Тогда всего хорошего!

Выехав к дороге, Рэй заглушил мотор и тупо уставился на почтовый ящик Хелен Андерсон. И что теперь? Прорываться в Омаху к сестре? В Небраске, как и на всем Среднем Западе, беженцев без разговоров отстреливает национальная гвардия.

А что значит «вроде того»? Странный ответ... И эта печальная улыбка. Уж не собирается ли она снова запить? Хелен Андерсон страдала от алкоголизма, но уже двадцать лет назад бросила пить и стала ярой сторонницей Анонимных алкоголиков. Неудивительно, если она сорвется из-за эпидемии. Будь Рэй ввязан, он бы точно не выдержал.

И все-таки в ее словах было что-то не то. И глаза — не испуганные, а полные боли и тоски.

Рэй вышел из машины и зашагал обратно к дому.

На этот раз Хелен открыла дверь, не набросив цепочку.

Он упреждающе поднял ладони.

— Простите, что снова беспокою, мисс Андерсон. Не стесняйтесь захлопнуть дверь у меня под носом, но я за вас волнуюсь.

— Простите? — вскинула брови Хелен.

— Когда мы разговаривали, вы не отошли подальше от двери. Такое ощущение, что вы не боитесь вируса, а просто очень страдаете.

Хелен смахнула со лба прядь и скрестила руки на груди.

— Ладно, Рэй, открою вам небольшой секрет. Да, я страдаю. И давно.

Рэй медленно кивнул.

— Когда я спросил, собираетесь ли вы пересидеть эпидемию дома, вы ответили: «Вроде того».

Хелен полуобернулась к деревьям. Ей было пятьдесят восемь: возраст безжалостно выдавали морщины под глазами и дряблая шея.

— Я опасаюсь, что вы хотите себе навредить.

Она вперилась в него взглядом Бэтгерл.

— Но как?.. Совершенно незнакомый человек явился ко мне домой спросить, как дела. Именно сегодня! — Хелен потерла пальцем лоб. — Не вчера и не завтра. И даже не через два часа. — Она испытующе смотрела на него, качая головой.

Наконец дверь распахнулась.

— Добро пожаловать.

Хелен Андерсон провела ошеломленного Рэя через гостиную с высоким потолком в просторную кухню с черными мраморными столешницами.

По дороге она схватила со стойки бутылку текилы и сделала большой глоток, затем указала на горсть ро-

зовых таблеток на столе. Рядом стояли три пустых фла-
кона.

— Я уже все приготовила, и тут вы позвонили.

За окном послышался шорох — две птички перепорхнули из кормушки на апельсиновое дерево. Для них день ничем не отличался от остальных.

— А от меня сегодня жена ушла. Двадцать два года вместе прожили, — неожиданно для себя самого выпалил Рэй.

— Сочувствую. — Хелен взяла из буфета бокал, затем вытащила из-под раковины вторую бутылку теки-лы и налила из нее. — Пожалуй, неразумно пить из од-ной бутылки. — Она пододвинула бокал к Рэю, растал-кивая таблетки.

Рэй сделал глоток.

— Как зовут вашу жену?

— Эйлин. — Рэй со стуком поставил бокал. Текила жидким огнем потекла в горло. — Она призналась, что изменила. С коллегой. Джастин его зовут.

Хелен кивнула.

— Значит, от вас ушла жена, вы сели в машину и поехали к звезде древнего телешоу?

Рэй пожал плечами.

— В трудную минуту мне всегда помогало посмо-треть пару серий. А сейчас все так беспросветно, что я понял: спасти может только Бэтгерл лично.

Хелен рассмеялась, запрокинув голову.

— Может, в трудную минуту стоило искать утеше-ния не в телешоу, а у жены? Тогда все сложилось бы иначе.

Заметив гримасу боли на его лице, Хелен схватила его за руку.

— Простите! Я ужасноестактна. — Она потяну-
лась к бутылке. — Теперь вы понимаете, почему все три мужа меня бросили.

— Да они просто идиоты!

— Ничего подобного. Правильно сделали. — Хелен окинула взглядом кучку таблеток на столе и пробормотала. — В Анонимных алкоголиках я терпеть не могла все это рассусоливание о высших силах, но сейчас... — Она покачала головой. — Вас как будто Бог послал, чтобы сказать мне: «Постой, не торопи события». Выходит, вы мой ангел-хранитель, — рассмеялась она.

Рэй раскинул руки.

— Точно, вы угадали.

* * *

Огромный телевизор в гостиной работал без звука, но видеоряд — вид сверху на Таймс-сквер в Нью-Йорке — был достаточно красноречив. Дороги были намертво забиты, водители парализованы. Прохожие в масках шли по тротуарам, лавировали между машинами, переступали через лежащих на земле — бьющихся в судорогах, кивающих или неподвижных. Все стремились покинуть город, невзирая на распоряжения властей. С каждой новой волной миграции вирус захватывал новые территории.

Рэй всегда думал, что конец света будет похож на боевик: драки, пылающие дома, мародеры. Но все происходило тихо. Цивилизованно. Когда боишься чужого дыхания, не говоря уже о крови, драться как-то не тянет.

За окном сверкнула молния. Небо потемнело, и хлынул дождь. Пальмы на заднем дворе согнулись и затрепетали под тяжестью воды.

Он посмотрел на груду пустых бутылок в углу, затем на Хелен, до сих не веря, что все это наяву. Эйлин лопнула бы от злости, если бы узнала. В лучшие дни она терпела его увлечение Бэтгерл со снисходительным презрением. В худшие — старалась его пристыдить.

— В чем дело? — резко спросила Хелен.

— Ни в чем. — Рэй пожал плечами.

- Прекратите на меня пялиться.
- Не могу.

— Я очень мнительна. Мне кажется, за моими морщинами вы ищете лицо Бэтгерл. — Она говорила на удивление внятно, словно не пила с самого утра. — Его давно нет.

Рэй вскочил на ноги.

- Да ну! Вы правда так думаете?

Хелен застывшим взглядом уставилась на бутылку.

— Я пялюсь, потому что вы и есть Бэтгерл. У вас ее движения, ее мимика. В пятнадцать лет я сходил по вам с ума, а теперь сижу рядом, в вашем доме. И я не в силах отвести глаз.

Она смерила его циничным взглядом, совершенно чуждым ее героине.

— Я стареющая звезда из прошлого, к тому же не акти какая талантливая.

Рэй цокнул языком.

— Зря вы так. Масса людей охотно поменялась бы с вами местами. Жаль, что вы не можете этим насладиться.

Хелен судорожно вздохнула, как будто сейчас расплачется.

Внезапно в комнате пропал свет. Экран телевизора мигнул и погас; за окном стихло жужжание кондиционера.

— Черт! — выругался Рэй. Перебоев с электричеством ждали со дня на день, и все равно отключение стало неожиданностью. Чем дальше, тем хуже.

Хелен взяла с кухонной стойки флакон с лекарством и вытряхнула содержимое в ладонь.

— Черт! Всего три таблетки. — Она стала озираться, как будто ожидала найти на полке случайно завалывшиеся запасы, и наконец остановила взгляд на Рэе. — Без ксанакса я не человек. Честное слово, это вопрос жизни и смерти.

Рэй схватил со стойки ключи, пролежавшие без дела четыре дня, и рванулся к двери.

— Я достану.

Она бросилась к нему в объятия.

— Мой ангел-хранитель! Мне поехать с вами?

— Нет, лучше сидите дома.

В Уэст-Пайко Рэй проехал мимо рыжеволосой женщины в маске, чем-то похожей на Эйлин. Интересно, где сейчас сама Эйлин? Дома с Джастином? Или лежит при смерти на тротуаре? Если она заболеет, Джастин возьмется за ней ухаживать или смотает удочки? Трудно угадать, как поступит незнакомый человек. Даже после измены Рэй не мог не волноваться за Эйлин и всерьез задался вопросом, не проведать ли ее.

И тут же сухо рассмеялся. Может, еще и Хелен взять с собой? Охвативший его на миг детский восторг быстро сменился грустью. Он скучал по Эйлин; без нее все было не так.

Парковка «Уол-марта» в Креншо была полупустой. Рэй вошел в магазин через дыру в стеклянной стене, прижав плотнее маску для ныряния.

Даже маска не спасала от резкого запаха мочи и гниения. В проходах между рядами парализованные лежали вперемежку с трупами. Переступая через тела, Рэй направился через весь зал к аптеке. Все, кто еще не умер, молча смотрели вслед, и от их умоляющих взглядов Рэю становилось жутко до озноба.

Во всем торговом центре стояла тишина, только из супермаркета доносились голоса.

— Простите, — шепнул Рэй, перешагивая через девочку-подростка, не сводящую с него насмерть перепуганных глаз.

У входа в аптеку лежала молодая индианка, и Рэю пришлось перелезть через стойку. Полки были почти

пусты, кое-где на полу валялись сброшенные упаковки. Индианка-фармацевт была давно мертва; ее кожа приобрела пугающий землистый оттенок. Рэй принялся торопливо просматривать ценники.

Полка с ксанаксом была пуста. Клопонина, валиума, атавана и тому подобного тоже не осталось. Все выгребли дочиста.

— Ч-черт! — прошипел Рэй.

* * *

Ту же картину он застал в остальных аптеках. Собственно, а чего он ожидал? Ясно же, что первый же посетитель заберет все транквилизаторы. Другой возможности, скорее всего, не будет.

Рэя передернуло. Когда Интернет еще работал, эксперты предсказывали, что вирус уничтожит девяносто процентов населения. А по некоторым оценкам — и больше. Страшно представить, каким станет мир после эпидемии.

Рэй поднялся по ступенькам к дому. Открыв дверь, Хелен вопросительно подняла брови.

Он покачал головой.

— Раскупили. Я все аптеки объездил.

Неожиданно Хелен осела на пол, закрыла лицо руками и расплакалась. Рэй присел рядом на корточки и стал гладить ее по плечу.

— Найдем! Наверняка есть на черном рынке.

Хелен с силой оттолкнула его.

— Где? Какой черный рынок, когда вокруг такое творится?! — Утерев слезу, она заявила: — Значит, буду спасаться текилой. Да, текила — то, что надо. — Она взглянула на часы. — Кстати, уже почти полдень, а я ни в одном глазу. Непорядок.

Рэй читал в автобиографии, что, когда шоу с Бэттерл закрыли, Хелен ушла в многолетний запой. Она изложила свою историю честно, не скрывая неприглядных подробностей.

— Не надо, пожалуйста.

Рэй задумался. Где же раздобыть транквилизаторы? И тут его осенило. Он вскочил на ноги.

— Это же Беверли-Хиллс. Наверняка ксанакс найдется в любой домашней аптечке. Пойду стучаться ко всем подряд. А если не откроют, просто залезу через окно.

Хелен кивнула, продолжая тереть глаза, и с трудом поднялась на ноги. Ее шатало, как при шторме.

— Боже, до чего горько. Я ведь была примерной девочкой. А потом Лос-Анджелес, Бэтгерл... — Ее серые глаза блестели от слез. — Успех коварен. Я не была суперзвездой, и все равно слава испортила мне жизнь. У всех знакомых актеров та же история. Ни один не выдержал.

Хелен шагнула к Рэю, и он инстинктивно привлек ее к себе. Она прижалась сильнее и положила щеку ему на плечо. У нее пахло изо рта после вчерашней текилы, но для Рэя не было аромата слаше. Он блаженно зажмурился, впитывая тепло ее тела.

Когда их губы встретились, он отпрянул от изумления.

— Простите, я не... — пробормотала Хелен.

Не давая договорить, Рэй ответил на поцелуй.

Она склонила голову набок и прошептала:

— Давай займемся любовью. Я хочу, чтобы ты меня ласкал. Хочу ненадолго почувствовать себя нормальной.

* * *

В школе, когда телешоу с Бэтгерл было на пике популярности, Рэй проходил «Повесть о двух городах». Из всего романа он помнил только самое начало: учитель литературы мистер Пател почему-то придавал ему особенное значение. «Это было лучшее из всех времен, это было худшее из всех времен». Лежа рядом со

спящей Хелен, Рэй не смог бы описать свои чувства точнее.

Слабые угрызения совести — как-никак он изменил Эйлин — затмевал безудержный восторг; Рэй ощущал себя как в сказке и не мог наглядеться на безмятежное лицо Хелен в лучах рассветного солнца. Восторг был отравлен ужасом: совсем отрешиться от чудовищной реальности не получалось. Они пять дней не выходили на улицу, но сводок новостей хватало, чтобы потерять всякую надежду. Ужас плавно перетекал в беспокойство за Эйлин. Несмотря ни на что, он не разлюбил ее и по-прежнему волновался.

Хелен приоткрыла один глаз и сонно пробормотала:

— Прекрати плятиться.

— Извини.

Он лег на спину и уставился в потолок. Эйлин не шла у него из головы. Скорее всего, она уже больна. Недавно по радио передали, что в Лос-Анджелесе вирус поразил от семидесяти до восьмидесяти процентов населения. Да, вполне вероятно, что его жена парализована и умирает. А может, и Джастин тоже.

— Что с тобой? — спросила Хелен.

Рэй удивленно посмотрел на нее и тут ощутил, что по щеке стекает слеза. Он смахнул ее тыльной стороной ладони.

— Да о жене думал... о бывшей жене. Беспокоюсь, вдруг у нее... сама знаешь.

Хелен положила руку ему на плечо.

— Добрая душа. У меня взрослый сын в Хьюстоне, а я думаю только о ксанаксе.

Рэй стиснул ее руку.

— Ты принесла миру много добра.

— Ага, — хрипло рассмеялась Хелен. — Снимаясь в заурядном телешоу.

— И вовсе оно не заурядное! Но я не о том. Вспомни свой фонд исследования аутизма.

Хелен вздохнула и покачала головой.

— Сейчас столько людей умирают в одиночестве. Меня преследует мысль, что Эйлин тоже... — Он привстал на локте. — Ты не против, если я...

Хелен напряглась.

— Хочешь поехать к ней?

— Да, просто узнаю, как у нее дела.

— А если плохо, ты останешься с ней?

Об этом Рэй еще не успел подумать.

— Я останусь с тобой, если хочешь.

— Разумеется, хочу. Не забудь, что ты мой ангел-хранитель. — Она наклонилась и поцеловала его в нос. — Если бы меня бросил муж посреди этого кошмара, я бы вычеркнула его из жизни. Пальцем бы ради него не шевельнула, даже если бы он, израненный, приполз умирать ко мне на порог. — Она повела плечом. — Но ты не такой.

Рэй жалел, что не может последовать ее примеру. Эйлин было бы поделом. Но они прожили вместе двадцать два года и всегда заботились друг о друге, пусть даже за последние лет пять былая страсть заметно поутасла. Чем дальше, тем сильнее Рэя тянуло повидаться с Эйлин.

Он притянул Хелен к себе и поцеловал.

— Вернусь через два часа. Максимум через три.

— А можно... можно мне с тобой?

Дома было безопаснее, но Рэй прекрасно понимал, почему Хелен хочет поехать: ей важно ощутить, что они пара, а не случайные знакомые, пережидающие внезапную грозу под одним навесом.

* * *

Тела лежали повсюду: на дорогах, на тротуарах, на газонах. В машинах и в грудах металлома, которые еще недавно были машинами.

Рэй едва успел притормозить: из-за грузовика прямо под колеса выскочил насмерть перепуганный кивающий подросток.

— Прости, я не могу тебе помочь! — прокричал Рэй сквозь закрытое окно и осторожно тронулся с места. — Отойди, пожалуйста! Очень прошу!

Мальчишка уперся ладонями в капот «Приуса» и открыл рот, силясь что-то сказать, но стал оседать с каждым кивком: видимо, у него начали отниматься ноги. Рэй сдал назад и аккуратно объехал несчастного.

Хелен закрыла глаза руками.

— Господи, какой кошмар!

— Почему их всех тянет на улицу? — спросил Рэй, объезжая еще живую женщину в банном халате и стараясь не встретиться с ней взглядом

— Не хотят умирать в одиночестве, — пробормотала Хелен. На ее щеках блестели слезы; бутылка текилы наполовину опустела. — Когда начал кивать, заразиться уже не страшно. Зато страшно быть покинутым. Вот они и бегут на улицу.

Опустив голову, Хелен тщательно закрывала глаза ладонями, чтобы даже боковым зрением не видеть сбитых машинами людей. Рэй охотно последовал бы ее примеру, но был вынужден смотреть на дорогу.

Хелен вытряхнула в ладонь две таблетки ксанакса и запила текилой. Надо поскорее пополнить запасы.

За поворотом на Уолтер-стрит на лужайке стоял парень, подняв руку в бейсбольной перчатке. Рэй притормозил. Парень не двигался с места.

— Боже, ты только посмотри! — Хелен показала на замершего человека с газонокосилкой. Одна нога у него была отставлена назад, как будто он готовился сделать следующий шаг.

Чуть дальше на пне сидела немолодая пара. На другой стороне улицы человек держал в руках поливочный шланг, как будто мыл свой фургон. Вот только вода из шланга не лилась.

Проезжая мимо дома Уолтера, Рэй ожидал увидеть друга на крыльце с женой, но Лорен была одна.

Рэй поехал дальше.

— Кто-то же расставил этих людей!

Это была тщательно продуманная экспозиция, субботняя зарисовка из жизни квартала. Когда о кивающем вирусе только начинали говорить, в одном из первых репортажей врач демонстрировал, что, если придать заболевшему какую-нибудь позу, он способен в ней оставаться. Как живой манекен. Мышцы от вируса не атрофируются, просто не воспринимают сигнал мозга двигаться.

— Жуткое зрелище, — сказала Хелен.

— Не то слово.

Они проехали мимо рыжеволосой женщины, стоящей на коленях у клумбы. Рэй вздрогнул: на секунду ему показалось, что это Эйлин, но до их дома было еще два квартала.

Рэй припарковался на въездной дорожке, за фургоном Эйлин. Сердце колотилось как безумное.

Он постучал, думая о том, как странно стучаться к себе домой.

Дверь открылась. Даже под маской Эйлин узнала его мгновенно и, кажется, не сильно удивилась. Открывая вторую дверь, она заметила Хелен и замерла, впившись в нее изумленным взглядом.

— Как это понимать? — наконец спросила она.

Рэй перехватил дверь и потянул на себя.

— Я приехал убедиться, что с тобой все в порядке.

— Это Бэтгерл? — В ее голосе прозвучала знакомая презрительная нотка. — Как это понимать?

Хелен шагнула через порог, споткнулась и ухватилась за косяк.

— Какая, к лешему, Бэтгерл? Меня зовут Хелен Андерсон!

Эйлин отшатнулась.

— Ой, — пробормотала Хелен. — Кажется, я перебрала. Или недобрала. Это с какой стороны посмотреть.

Эйлин в замешательстве уставилась на Рэя.

— У тебя все нормально? Если да, я оставлю тебя в покое. — Рэй краем глаза увидел гостиную. На диване сидел неподвижный Джастин.

— Нормально? Ну как сказать. — Эйлин подняла глаза. — Вообще-то нет, но спасибо, что спросил. Я бы пригласила тебя войти, но, пожалуй, не буду. Собственно, даже в маске тебе нежелательно разговаривать с... — Не договорив, она умолкла и медленно выдохнула.

Она смотрела на Хелен. Наверное, никак не могла свыкнуться с мыслью, что видит ее воочию.

А может, ей было неприятно, что Хелен привел Рэй? При виде Джастина все мелочные фантазии о мести вылетели у него из головы. У Эйлин в квартире вирус; если она не попадает в два-три процента неуязвимых, то вскоре тоже заболеет.

Эйлин не отрывала взгляда от Хелен, которая цеплялась за косяк, изо всех сил стараясь удержать равновесие. Золотистые волосы волной падали на плечи с каждым кивком.

— Хелен... — шепнул Рэй. Затем обнял ее и ласково развернул к себе.

Ее лицо одеревенело; губы запали от ужаса.

— Ксанакс. Мне без него нельзя.

Рэй обнял ее.

— Я достану. Обещаю, я позабочусь о тебе. Бедная моя.

Ее последние слова было почти не разобрать.

— Спасибо. Мой ангел. Хранитель.

— Давай ее сюда. — Эйлин придержала дверь.

Рэй отвел Хелен в гостиную и усадил в большое кресло, в котором всегда смотрел телевизор, а сам устроился рядом на полу и стал гладить ее колени и утешать сквозь слезы.

Поразительно, что болезнь настигла ее именно здесь. Горькая ирония судьбы. Пожалуй, он отвезет ее домой,

но это потом. Сейчас цель одна: максимально облегчить ей страдания.

Хелен кивала все медленнее и в конце концов оцепенела.

Приподнявшись, Рэй откинул ей волосы с лица.

Затем обернулся. На диване, сложив руки на коленях, сидел Джастин.

— Привет, — кивнул Рэй. Сначала он думал ограничиться вежливым приветствием, но в такой ситуации даже Джастин заслуживал доброго слова. — Сочувствую.

Эйлин принесла стакан имбирного пива.

— Можно просьбу? Если я заболею первая, усадишь меня во дворе?

— Конечно.

Эйлин взглянула на Хелен.

— Я рада за тебя. Я так боялась, что тебе придется переживать этот кошмар в одиночку, просто не могла думать ни о чем другом.

— Спасибо за заботу. — Рэй намеревался сохранять с Эйлин вежливый нейтралитет. Хелен и так в аду, не хватало еще добавить ей страданий.

— А тебе спасибо, что приехал. Ты добрый. И заслуживаешь счастья больше, чем я. И ты все-таки ее нашел!

Рэй молча кивнул. Не имея ни малейшего желания обсуждать с Эйлин свою личную жизнь, он стал рассеянно скользить взглядом по комнате в поисках новой темы для разговора.

Неожиданно его осенило. Он поднял Хелен на руки.

— Сейчас кое-что покажу.

Он отнес ее в свою фан-комнату и медленно повернулся вокруг своей оси, чтобы она успела все рассмотреть, затем опустил в кресло.

— Я знаю, что ты не в восторге от Бэттерл — и напрасно. Тебе следовало бы гордиться своим успехом.

Взгляд Рэя упал на детские игрушки. Кучка пестрого мусора, и только.

— Я похож на психа, да? — Он положил руку Хелен на плечо, в надежде, что прикосновение ей не противно. — Прости, наверное, я зря тебя сюда принес. Ты, наверное, хочешь пить.

Он отправился на кухню за водой со льдом и, проходя мимо Эйлин, сидящей рядом с Джастином, старательно изобразил одобряющую улыбку.

Соломинки нашлись в кладовке. Рэй уже вернулся к лестнице, и тут его словно током ударило. Ксанакс! Хелен так умоляла о нем. Кажется, она уронила сумочку на крыльце.

— Вот и я. — Он положил ей таблетку ксанакса под язык и вставил в рот соломинку. Хелен обхватила ее внезапно ожившими губами, сделала три жадных глотка и снова застыла. Как жутко было в очередной раз убедиться, что она в полном сознании, только не может пошевелиться без внешнего стимула.

Как чувствует себя человек в таком состоянии? От мысли, что ему предстоит узнать ответ на собственном опыте, Рэя прошибал холодный пот. С каждым часом росла вероятность, что он попал в заветные три процента, и все же гарантии не было.

— Рэй! — пронзительно закричала Эйлин.

— Хелен, я сейчас!

Встревоженный ее тоном, Рэй бросился в гостиную. Голова Эйлин дергалась вверх-вниз, тугое рыжие кудри подпрыгивали и опускались в такт. Он опустился на колени и бережно поцеловал ей руку.

— Бедная моя... Ну как же так?

Джастин внимательно наблюдал за ними. Наверное, ревновал.

— Одну секунду.

Он положил руку Эйлин на колено и пошел за Хелен. Удобнее собрать всех в одной комнате. Рэй читал, как ухаживать за больными кивающим вирусом. Ско-

ро придется всем менять грязное белье — даже Джастину.

Хелен полулежала в кресле. Рэй взял ее за запястья и, притянув к себе, подхватил на руки, так что она уткнулась ему в плечо. Затем отнес в гостиную, бережно усадил в свое «телеизионное» кресло и поцеловал в щеку.

Распрямившись, он оглядел своих подопечных. Все трое не сводили с него глаз. Куда бы он ни шагнул, они провожали его взглядом.

Рэю хотелось что-то сказать, но он не мог подобрать слов. Уж очень разношерстная подобралась компания: бывшая жена, ее любовник и новая любовь самого Рэя. Наедине он мог бы пообщаться с каждым, но о чем говорить со всеми сразу?

Эйлин просила не оставлять ее дома. Прожив с Хелен неделю, Рэй убедился, что она тоже любит свежий воздух, так что вряд ли будет против. А предпочтения Джастина его не волнуют.

Он перенес всех по очереди в мягкие садовые кресла на заднем дворе.

Правда, сначала пришлось переодеть обмочившегося Джастина. Стягивая с него мокрые трусы, Рэй постарался ничем не выдать отвращение.

Погода стояла отличная: легкий ветерок, редкие облака на ясном небе. Рэй сел рядом с Хелен. Он старался держать себя в руках, но сердце предательски колотилось и потели ладони. Если он тоже заболеет, некому будет за всеми ухаживать.

— Я не ахти какой кулинар, — произнес он вслух, чтобы спастись от давящей тишины и отогнать мысли о неминуемом конце. — Но сейчас это неважно: все равно из еды остались только консервы.

Он расположил предплечья Хелен на подлокотниках, как будто она вот-вот встанет на ноги. На миг ему даже померещилось, что она шевельнула рукой. Через секунду до него дошло, что Хелен по-прежнему парализована, а двигается сам Рэй — точнее, его шея.

Сердце заколотилось с новой силой, но Рэй собрался с духом.

— Вот и моя очередь. Думаю, мы все понимали, что это вопрос времени. — Он повернулся к Эйлин, пытаясь удержать голову прямо и встретиться с ней взглядом. — Эйлин, мы прожили вместе двадцать два года. Спасибо тебе.

Он хотел усмехнуться Хелен, но издал только сдавленный хрип.

— Хелен, мы знакомы всего неделю, но я... — Он чуть не сказал, что до смерти ее не забудет, но до смерти оставалось от силы несколько дней.

Ему предстоит сидеть тут и умирать от жажды. Но сначала на его глазах умрут Эйлин и Хелен.

Казалось, сердце сейчас выпрыгнет. До этого момента Рэй был уверен, что не питает иллюзий, но, видимо, в глубине души надеялся, что попал в редкие три процента.

Он выругался, с трудом шевеля каменеющим языком.

Кивание замедлилось, затем прекратилось. Рэя парализовало окончательно.

Зря он сел рядом с Хелен: так ее совсем не видно. Только боковым зрением удавалось смутно различить ее профиль.

По руке поползла муха. Лапки мучительно щекотали кожу, но согнать назойливое насекомое не было шансов. Так же, как и управлять процессом дыхания — грудная клетка монотонно расширялась и сокращалась; нельзя было дышать быстро или медленно, поверхностно или глубоко.

В приступе странной клаустрофобии Рэю захотелось закричать во все горло и, размахивая руками, бежать прочь с этого жуткого безмолвного пикника, но тело не слушалось, только механически работали легкие.

Он поймал на себе взгляд Эйлин. Интересно, о чем она думает?

Сожалеет об измене? Хочет побыть с Рэем наедине? Она посмотрела вверх — не то на пальмы в глубине двора, не то на пролетающую мимо птичку, завидуя ее свободе.

Рэй скосил глаза влево, силясь увидеть Хелен, но с трудом разглядел нечеткий силуэт. И все-таки она здесь. Раньше он не смел и мечтать, что умрет, пусть и мучительно, рядом с Бэтгерл.

Он постарался сосредоточиться на этой мысли, чтобы заглушить разъедающий душу страх. Хелен оказалась совсем не такой, как он себе представлял. Неудивительно, ведь Бэтгерл — вымышленный персонаж.

* * *

Текущая по ногам теплая струя застала его врасплох. Рэй смутился.

Сгущались сумерки. Скоро на небе загорятся звезды. Страшно даже представить, что может присниться в такую ночь.

Эйлин снова смотрела на него. Как будто хотела сказать нечто важное, о чем думала с тех пор, как ее парализовало. А может, у Рэя просто разыгралась фантазия.

Она скосила глаза немного правее его плеча.

— А чтоб его!.. Я надеялся, что тебя пронесет. — Уолтер подошел ближе и, помолчав, смахнул со щеки слезу. — Сочувствую, дружище.

Заметив Хелен, он нахмурился, а затем вытаращил глаза.

— Боже правый! Вот это номер! Жаль, ты уже ничего не расскажешь — я бы послушал эту историю! — Он скрестил руки на груди и посмотрел на Рэя, затем обернулся к Эйлин. — Попробую сам догадаться.

Рэй напрягся в надежде преодолеть паралич и открыть рот.

— Похоже, я из числа «счастливчиков», — пробормотал Уолтер. — Мне, конечно, грех жаловаться — вам

куда тяжелее, — но никакого счастья я не чувствую. Лучше умереть самому, чем видеть, как адски мучаются все мои близкие. — Он закрыл рукой рот и всхлипнул. — Ну-ка, давай. — Уолтер подхватил Рэя под мышки и поднял на ноги. Когда он убрал руки, Рэй ожидал, что сейчас рухнет обратно в кресло, но мышцы ног пришли в тонус и удержали его в вертикальном положении.

Уолтер вернулся к Хелен и повел ее к Рэю. Она шагала легко и грациозно, как ни в чем ни бывало. Он положил ее правую руку Рэю на плечо, а левую поднял выше и вложил ему в ладонь.

— Это все, на что я способен. Мне шестьдесят девять, я не смогу вечно кормить и переодевать всех соседей. И даже не знаю, нужно ли вам это. — Не сдерживая слез, Уолтер опустил левую руку Рэя на бедро Хелен. — Вот так.

Затем он поставил в танцевальную позицию Эйлин и Джастина.

Рэй посмотрел в лицо Бэтгерл — застывшее и непроницаемое. Живыми были только глаза, полные боли и ужаса. Действие ксанакса и текилы заканчивалось, и ничто не защищало от чудовищной реальности.

От крыльца донеслась музыка. «Слезы в небесах» Эрика Клэптона. Диск «Блюзы о любви» из коллекции Эйлин. Знакомая мелодия разорвала тягостную тишину и пробудила лавину воспоминаний. По дороге в отпуск в две тысячи пятом они заиграли этот диск до дыр. Рэй подарил его Эйлин, когда та лежала в больнице с воспалением легких.

Через плечо Хелен он наблюдал, как Эйлин «танцует» с Джастином. Снова встретившись с ней взглядом, Рэй ощутил, как она сilitся что-то сказать.

Но что? Что она совершила ошибку и теперь жалеет, что оказалась в паре с другим?

«Хочу, чтобы между нами не было лжи».

Слова всплыли в памяти столь отчетливо, как будто Эйлин произнесла их вслух. Этой фразой она заверши-

ла свое признание. Тогда Рэй плохо соображал от шока, но сейчас вспомнил разговор в подробностях.

«Хочу, чтобы мы не лгали друг другу. Если хочешь, я уйду», — сказала Эйлин. А Рэй услышал: «Я хочу тебя бросить. Хочу провести последние дни с Джастином, а не с тобой. Ты ведь меня отпустишь? Не будешь мешать?»

Он неверно истолковал ее слова, «Хочу, чтобы мы не лгали друг другу». Ключевое слово «мы».

Она не прогоняла его, а просила прощения. Если бы он ее тогда обнял и сказал, что любит несмотря ни на что, они бы танцевали сейчас вместе. Хелен — замечательная, что бы она о себе ни думала, и все же Бэтгерл не принадлежит ему.

Рэй попытался ответить Эйлин. Сказать, что любит ее и прощает, что понял все только сейчас и сожалеет, что оттолкнул ее. Он попытался выразить свою мысль взглядом, надеясь, что она долетит до Эйлин, несмотря на тускнеющее небо. «Слезы в небесах» закончились, и зазвучала «Ты дорога мне».

ДЖЕЙМИ ФОРД

Джейми Форд — правнук Мин Чунга, горняка из Китая, эмигрировавшего в Сан-Франциско в 1865 г. и взявшего западную фамилию Форд, тем самым запутав последующие поколения. Его дебютный роман «Hotel on the Corner of Bitter and Sweet» два года был в списке бестселлеров «Нью-Йорк таймс» и в 2010-м был удостоен «Asian/Pacific American Award for Literature». Его произведения переведены на 32 языка. Ведет блог на jamieford.com о своей новой книге «Songs of Willow Frost», а также смотрите Twitter@jamieford.

Лунный волосок

Май 1910 г.

Дороти Мой битых пять минут таращилась на серебряную монету в ладони, трогая грязными пальцами выгравированное на металле слово «СВОБОДА». На что же потратить последние десять центов: купить еще дозу опиума или сесть в автобус и убраться отсюда подальше? При мысли о тягучем шарике с привкусом табака (на дне трубки всегда оставались крошки) рот непроизвольно наполнялся слюной. Неделю назад Дороти заскочила сюда покурить разок-другой, да так и не выбралась. Почти все время она провела лежа, и нынешнее утро — если она правильно определила время — показалось беспросвет-

ным еще до того, как, на миг прозрев, она ощутила скорый конец света.

— Эй, что происходит? — окликнула она служанку.

Здание плавно покачивалось. Слышался глухой рокот, похожий на далекий раскат грома. Курильня «Черная свеча» целиком умещалась в подвальчике в китайском квартале Сиэтла, на глубине тридцати футов. Сверху располагался недавно построенный отель «Милуоки».

— Не бойся, это не землетрясение. Наверное, «зевфир» едет или товарный поезд. — Служанка ловко крутилась трут и подожгла ароматическую палочку, чтобы помочь клиентам заново раскурить трубки.

Дороти готова была поклясться, что стены ходят ходуном.

Ей вспомнилось путешествие в Америку: полтора месяца в ледяном трюме торгового дирижабля, в компании еще полусотни девушек. Их кормили галетами с чистым опиумом, подавляющим аппетит, а заодно и тошноту. Уже тогда Дороти знала, что опиум служит невидимой цепью, привязывающей рабов к хозяевам. И все-таки ей повезло. У девушек, которых готовили в невесты по фотографии, ноги были закованы в специальные ящички с хитроумным устройством, медленно увечающим ступни. За сутки железный механизм совершил один оборот. Импозантный седобородый акупунктурист аккуратно втыкал девушкам крошечные медные иголки в ноги, руки и лицо, чтобы облегчить боль. Иголки подсоединялись к электрогенератору, который получал энергию от Плети Святого Франциска — пассата, дующего в северной части Тихого океана.

Внезапный грохот вырвал ее из дремотного состояния.

Воздух дрожал вовсе не от героиновых испарений: это содрогалась и вспучивалась земля.

Грохот стал невыносимо громким, с потолка посыпалась пыль, и закопченные глухие стены с треском лопнули, осыпая все вокруг хлопьями штукатурки. Истош-

ные вопли из игорного зала этажом выше, стук падающих тел и костей для маджонга — все тонуло в утробном реве растревоженных недр.

Пока затейливые опиумные грезы не окончательно развеялись, оставив теплое послевкусие прощального поцелуя, Дороти прикрыла глаза и попыталась представить, что это Най-Най укачивает ее на руках. Бабушка, как и большинство выходцев из Поднебесной империи, называла великую комету Небесной метлой.

«Сиэтл таймс» окрестила космического гостя Межзвездным бродягой.

А еще Дороти читала, что Эдмунд Галлей в порыве колониальной гордыни назвал комету в свою честь, словно четыре тысячи лет до него блуждающая «звезда» не сбивала с курса корабли. Словно благородное имя, присданное причислить комету к достижениям британской цивилизации, могло скрасить тот факт, что длинный хвост Небесной метлы состоит из цианида ртути и способен стереть с лица Земли все живое.

Дороти заморгала, окончательно приходя в себя. Потерла распухшие красные глаза и поняла, что в тусклом зале никто не заметил катастрофы, кроме служанки, укрывшейся под тяжелой деревянной скамьей. Под градом обломков потолка величиной с кулак половина всегда data-aev беспробудно спала, улыбаясь в наркотическом экстазе. Остальные лежали на боку, блаженно пыхтя трубкой и не замечая, что макушкой колются о деревянный подголовник.

Дороти захотелось остаться и на последние деньги купить еще одну дозу сахарной эйфории. Но тут ее отбросило на четвереньки, потом на живот, и монетка заскользила в шель в полу. Пол прыгнул на два фута к северу, затем лихо свернулся к юго-западу. Загремели, сталькиваясь, медные плевательницы. Дороги закрыла голову руками. Жестянки с «лунными пилюлями» дребезжали, как струны цитры, ударяясь о деревянные доски. На полсыпались горошинки британского опиума.

с примесью нитрата серебра, камфоры и мускуса. Аптекари прозвали эту смесь «Лунный волосок». Алхимики давно оставили затею превратить свинец в золото. Куда прибыльнее добывать из маковых головок возносящие на небеса пары, и неважно, что активное серебро окрашивает кожу курильщика в пепельно-голубой.

Пытаясь сесть, Дороти уловила знакомый запах: от пылающих лужиц арахисового масла вспыхнули темные бесформенные плитки прессованного опиума. Обогревательные лампы и миски разлетелись вдребезги, и осколки марганцевого стекла казались багровыми стеклянными островками в озере огня. Курильщики, так и не расставшиеся с длинными медными трубками, прикрыли глаза, как будто переживали самый счастливый миг в своей жизни. Вполне вероятно, что для них причудливые опиумные грэзы и впрямь были верхом блаженства. Спящие по-прежнему улыбались, не чувствуя, как занимается одежда из грубой мешковины и пламя добирается до волос, кожи и складок жира. Их сон продлится до следующего пришествия кометы, у которого уже не будет живых свидетелей.

«Мне всего шестнадцать. Мне еще рано умирать!» — мысленно взывала Дороти. От страха постепенно прояснялось в голове. Думая о смерти, она вспоминала родителей, насильно отправленных в рудокопы и погребенных под горой Рейнир среди четырех сотен мигрантов, которые пытались выжить последние крохи из заброшенного серебряного прииска. У Дороти никого не было, кроме Най-Най и беспутных кузенов, которых она толком не знала. Например, Дарвин Чин Ци — он работал прислугой в отеле «Сорренто». Они с Дороти не виделись целую вечность, с тех пор как она ему отказалась. Когда обоим было по десять лет, гадальный автомат и-цзин сообщил, что им суждено вместе пережить грандиозное событие и после связать себя узами брака. Наверное, я забеременею, и мы поженимся, решила тогда Дороти.

Пустившись в бега, она угодила в лапы британских колонизаторов. Та же компания впоследствии продала всю их деревню своему северо-западному филиалу. Новые браки запретили, а размножаться дозволялось только с одной целью — чтобы избежать участия в лотерее слуг, выставив вместо себя потомка.

Довольно предсказаний, решила Дороти, переползая через теплые тела. Подземные толчки слабели, и только оранжевые языки пламени лизали стены.

* * *

У выхода лежали двое еще не остывших охранников и меняла с разбитыми счетами. Кости рассыпались поверх стопок грязных купюр.

Дороти подняла подол платья и, присобрав нижнюю юбку, запихнула в панталоны деньги и пакетик опиума. Затем преодолела еще один задымленный лестничный пролет, отодвинула засов и открыла тяжелую дверь. Здесь дышалось немного легче.

В зале лежал еще один охранник. Распухшее лицо, рот искажен гримасой боли. В кресле застыл мужчина — европеец средних лет в дорогой одежде. Кожа с голубоватым отливом от «противокометных пилюль», популярных среди богачей. По ямочке на подбородке Дороти узнала в нем владельца одного из близлежащих казино. Теперь ямочку заливалась кровь, а во лбу зияла круглая рана: судя по всему, мужчина только что застрелился.

Мало кто всерьез воспринимал регулярные предупреждения Королевской гидрографической службы. Зато повсюду гремели бесконечные торжества, посвященные комете. Для богатых наука была чем-то вроде и-цзин для бедных — и те и другие верили только в благоприятные прогнозы. А остальные бездействовали от страха.

Наконец Дороти пробралась к выходу. Сводчатый дверной проем был завален телами: полуодетые муж-

чины в шелковых халатах и женщины в облегающих платьях из серебристой парчи, расшитых нефритом. Да и те, кому удалось выскочить наружу, далеко не ушли. Она переступала через распухшие тела, разбросанные в беспорядке, словно сухие листья. Прохладный ветерок пахнул миндалем, хлороформом и водорослями. Дороти прикрыла шарфом нос и рот.

Пошатываясь, она добрела до Саут-Джексон. Улица напоминала зловещую скульптурную композицию из трупов. Мертвые мужчины, женщины и дети на порогах разрушенных многоэтажек, ресторанов и главного здания Благотворительной организации Чонг Ва. Мертвые водители за рулем автомашин, двигатели которых продолжали выбрасывать в воздух облака пара. Раздавленная троллейбусом повозка рикши. Тела пассажиров на дымящейся мостовой, осыпанные осколками витрины, которую проломил трамвай, сойдя с рельс. Шестерка лошадей в полной упряжке. Лужицы пены, текущей из их ноздрей. Однаковые лошади в одинаковых позах; тавро, выстроенные в идеальную прямую; лошадиные ноги, уложенные ровно, как спички в коробке. Завершали картину десятки мертвых чаек и голубей, чьи перья медленно кружились в воздухе, как конфетти.

У многих голубей к лапкам были привязаны красные свитки. Не нужно было быть провидцем, чтобы угадать их содержание: торопливые слова прощания, адресованные родным и близким, которых наверняка тоже нет в живых.

Шум заполнял все пространство. С грохотом рушились здания, трещало пламя, шипели гаснущие керосиновые лампы, и что-то бормотал пожилой японец с голубоватой кожей. Он стоял, привалившись к протекающему пожарному шлангу, с окровавленной головой и в одном ботинке.

— Мы живы, дитя мое. *Йокатта мада Икитеру!* Серебро спасло нас.

Он сильно закашлялся. Дороти отвернулась и вдруг заметила в луже свое отражение. «Лунный волосок» придал ее коже насыщенный оттенок голубого фарфора. Неделя в «Черной свечке» защитила ее от ядовитого дыма.

Японец застонал и принялся отчаянно всхлипывать, обнаружив, что при очередном приступе выплюнул в ладонь зубы. Из пустых лунок потекла кровь.

Земля снова вздрогнула, сотрясая дома и беспорядочно крутя в воздухе дорожные знаки. Порыв урагана лишил Дороти возможности дышать, швырнув на землю и, прокатив полквартала, бросил среди перевернутых урн, коробок от лапши и крысиных трупов. Придя в себя, она осознала, что сидит лицом к Пьюджет-Саунд и Олимпик-Маунтинс. Платье было изорвано в клочья, ладони и локти ободраны; нижнее белье пропитано кровью и гноем из разбитых коленок.

Спустя некоторое время, когда саднящая боль и головокружение утихли, Дороти решила, что сейчас раннее утро. Только в этот раз огненный шар всходил на западе — густо-оранжевое свечение из-под пелены темного дыма на горизонте растекалось во все стороны. Вся картина напоминала черное хлопковое поле, перевернутое вверх дном.

Наконец подземные толчки прекратились. Дороти осмотрелась — есть ли кто живой. Из руин постепенно выбирались люди: повара, игроки, банкиры и танцовщицы. Насмерть перепуганные, они робко переглядывались и постепенно приближались друг к другу. Собравшись вместе, они зашагали по улице — смутно знакомой, но изменившейся до неузнаваемости. Дороти поплела следом. Всего выживших было около дюжины. Вместе они обогнули груду металла и камня, дымящуюся, как вулкан, — сошедший с рельс поезд у вокзала Кинг-Стрит. Неоновые огни игорных домов

и кабаре на Пионер-Сквер освещали бесконечные ве-реницы тел. Вскоре Дороти привыкла не замечать изуве-ченные трупы и оторванные конечности. Она приняла негласный этикет своих спутников — в карнавальных костюмах и полураздетых, раненых и обожженных — и не проронила ни слова за весь путь. Немая процес-сия, участников которой объединял только голубой от-тенок кожи, двигалась по Черри-стрит к пирсу Коул-ман-Док.

На углу разрушенного пирса Дороти вдруг ясно осо-знала, что ее дни сочтены. Жизненная энергия истоща-ется, как завод разбитых часов. Замерев, девушка уста-вилась на глубокий каньон, которые раньше заполняла вода Пьюджет-Саунд. Острова Вашон и Бейнбридж на-поминали зеленые горные вершины: воды Тихого океа-на отступили, обнажив диковинный, почти лунный пей-заж. Дно было усеяно гниющими водорослями, дохлой рыбой и разбитыми грузовыми судами, на которых по-прежнему красовались американские, британские и канадские флаги. Когда вода уходила, корабли вреза-лись в речное дно; последний фрегат раскололся надвое и вспыхнул. Матросы бросились на берег, где мгновен-но умерли от ядовитых газов, застыв в неестественных позах. Мелкие суда медленно проваливались в песок; с каждым подземным толчком их затягивало все глуб-же. Южнее, где раньше были роскошные отмели, вид-нелись механизированные консервные машины. Мерт-вые рабочие в металлических клетках держали в руках длинные лопаты, погруженные в песок.

Интересно, живы ли моллюски и устрицы? Дере-вья, растения, злаки — как скоро их погубит Небесная метла?

Обернувшись, Дороти заметила семейную пару. Из очень богатых, судя по изысканности одежды, благо-родной походке и важному виду, с которым они ступа-

ли через развалины рука об руку, в одинаковых масках с серебряным фильтром. Поравнявшись с голубокожей процессией, женщина качнула зонтиком от солнца, а мужчина приподнял фетровый котелок, словно на воскресной прогулке.

При виде злобы на лицах своих спутников Дороти попятилась и побежала назад к Чайнатауну. Вслед ей летели отчаянные крики: толпа набросилась на беззаботную пару, словно голодные собаки на хромого оленя. Ненависть и жажда мести за столетия рабства вырвалась наружу. Наверняка самонадеянные супруги вышли из специального, заранее построенного убежища, не подозревая, что конец света безнадежно обесценил их деньги и высокое положение.

Новый толчок, сильнее прежнего, продлился около минуты, которая показалась Дороти вечностью. Девушка присела у перевернутой тележки с пивом, за медным бочонком размером с банковский сейф, и разрыдалась. Она твердо решила повидаться с Най-Най, пока этот мир не уничтожен окончательно. Словно демонстрируя безнадежность этой затеи, здание банка «Хэйз энд Хэйз» пошатнулось и рухнуло.

Видимо, взорвался газопровод.

Пересидев очередную серию толчков, Дороти помчалась прочь от волны жара. Она была в четырех кварталах от взрыва, когда земля, вздрогнув, разверзла пасть, и подземное пламя поглотило руины шестиэтажной постройки.

Спустя десять минут, совсем запыхавшись, на другом конце Международного района и Азиатского квартала, Дороти нашла Най-Най там же, где оставила ее в последний раз — на мигрантском кладбище рядом с захоронением бедняков и бродяг.

Подойдя ближе, она открыла рот в изумлении. Все до единого резные гранитные надгробия, когда-то расположенные идеально ровными густыми рядами, треснули, а некоторые упали на землю. Ступать по могилам

было жутковато, и только при виде целого и невредимого памятника Най-Най Дороти стало легче. Обняв холодный камень, она ощущала биение под землей, медленное и ритмичное, как стук метронома.

Внезапно кладбище озарила вспышка, разорвавшая завесу темных туч на западе. Отделившись от пелены вихри длинными извилистыми щупальцами поползли через все небо к горизонту, словно надеялись дотянуться до руин Сиэтла.

Дороти в беспомощном оцепенении наблюдала, как в водоворот затягивает вереницу цеппелинов. Бетонные якоря взметнулись над водой и через миг исчезли в бурлящей пене.

— Най-Най, я ненадолго! — Дороти попыталась перекричать ветер, то и дело швыряющий в нее градины размером с шарики опиума — те самые, которые если не спасли, то ненадолго продлили ей жизнь. — Не знаю, где ты, но думаю, мы скоро увидимся.

Дороти представила, как уносится в небо вместе с прахом Най-Най. И тут заметила надпись на надгробии — любимое бабушкино изречение из Книги перемен. Она погладила пальцами знакомые иероглифы.

«Только тогда, когда мы осмелимся принять жизнь такой, какой она есть, отринув иллюзии и самообман, из череды событий возникнет свет, озаряющий путь к успеху».

— Вот она! — крикнул грубый голос с европейским акцентом. Дороти огляделась. В квартале от нее стояла компания мужчин в грязных охотничих костюмах. — На кладбище прячется. Свеженькая! Чисто голубая!

— Хвала Иисусу! — откликнулся другой голос. — Господь благосклонен к праведникам.

Дороти поднялась на ноги, с ужасом отметив про себя, что рты и воротники у всех измазаны запекшейся бурой жидкостью очевидного происхождения. Только тогда она осознала, что они вовсе не спасатели. Им нужно серебро в ее крови. Видимо, они решили, что раз

люди с голубой кожей выжили, то, выпив их кровь, они станут неуязвимы для ядовитых испарений кометы.

— Тихо, не спугни, — сказал третий. Разделившись, они стали крадучись окружать Дороти. — Нам еще убежище искать.

Дороти вспомнила изречение на могиле Най-Най, и-цзин и предсказание, согласно которому ей и ее кузену суждено пережить вместе грандиозное событие и впоследствии пожениться. Если Книга перемен не ошибается, конец света — и есть то самое событие. И они с Дарвином встретятся, хочет она того или нет. Что предназначено судьбой, того не избежать. Но сначала она должна принять жизнь такой, какой она есть: и хищников в человеческом обличье, жаждущих ее крови, и ураган, который квартал за кварталом уничтожал город, поднимая в воздух кирпичи.

И все же у нее есть шанс. Слабый луч надежды, а еще пакетик опиума с голубым серебром — последние запасы лунных пильюль. Дороти выживет, разыщет Дарвина и спасет его. Да поможет ей «лунный волосок».

ДЕЗИРИНА БОСКОВИЧ

Дезирина Боскович публиковалась в «Lightspeed», «Nightmare», «Fantasy Magazine» и «Clarkesworld», а также в антологиях «The Way of the Wizard», «Aliens: Recent Encounters» и «It Came From the North: An Anthology of Finnish Speculative Fiction», выпускница Clarion Writers' Workshop. Смотрите desirinaboskovich.com.

Наша брань не против плоти и крови...

Говорили, конец наступит в пятницу. В следующее мгновение мы все окажемся на планете Икс, которая похожа на рай, но при жизни.

В Миссури это должно было случиться ровно в четыре часа. Мы собирались в гостиной, опустили жалюзи и выключили свет, смотрели телевизор и ждали, когда исчезнем. Я, Джейн, Ларри и Тим. А также Сильви, которая все время плакала. И, разумеется, отец. Маму скорректировали.

Наконец по экрану побежали помехи: отключилась последняя станция. Мы приглушили звук и подождали еще немного.

3:55. 3:58. 3:59.

Ничего не произошло.

4:01. 4:02. 4:05.

Совсем ничего.

Ларри поднялся иглянулся на улицу. Он такой — ему всегда любопытно, всегда нужно знать.

— Там люди, — сообщил он. — Бегают туда-сюда.

Отец направился к оружейному шкафчику и взял два двуствольных дробовика. Один себе, другой для меня — мне исполнилось пятнадцать, достаточно, чтобы водить машину и чтобы стрелять, пусть я и девочка.

— Можно мне один? — попросила Джейн, но отец покачал головой. Ей было всего двенадцать.

В 4:25 телевизор вновь заработал, и на всех каналах показывали президента. Он говорил:

— Сограждане... Нас обманули.

Очевидно, как и у отца, у правительства тоже имелись свои подозрения. Что, если инопланетяне окажутся мошенниками, лжецами, обманщиками и шарлатанами? НАСА, Пентагон, ЦРУ — они связались с прочими по секретным каналам, сказал президент. Они не желали быть жертвами. Они разработали другие планы.

— Мы ранены, но не побеждены, — провозгласил он. — Мы проиграли сражение, но не войну. Теперь мы должны дать отпор инопланетным захватчикам. Должны защитить не только нашу страну, но всю планету. Я стою здесь перед вами — и прошу вас, от всего сердца, присоединиться ко мне. Мы должны сплотиться — и мы сплотимся, мы сделаем это. Господи, благослови Соединенные Штаты Америки!

Отец выругался и выключил телевизор.

— Пришельцы, — сказал он. — Чушь собачья. Я так и знал. — Потом рявкнул мне: — Аннетт, пожалуйста, угомони сестру! Мне нужно позвонить.

— Ладно, — ответила я, положила дробовик и взяла Сильви на руки. — Идем, милая, пора спать.

* * *

Когда я спустилась вниз, за обеденным столом сидели мужчины.

Я прислушалась к их шепоту. Они повторяли то, что постоянно твердил отец: что это колossalный заговор между учеными, правительством и новостными агент-

ствами. С целью создать единое мировое правительство, объявить военное положение, конфисковать у нас оружие. «Война свободомыслию», — говорили мужчины, но вообще-то свободомыслящих у нас почти не осталось. Их всех скорректировали.

Мама была свободомыслящей. Поэтому ее больше нет.

В дом продолжали заходить люди. Они рассказывали о разбитых машинах на перекрестках, об уличных потасовках и о дефиците бензина. О пылающих кварталах. О супермаркетах с выбитыми стеклами и пустыми полками; о трех покупателях, дравшихся за последний кусок замороженной ветчины. И о корректо-рах, за которыми гонялись, которых избивали и пристреливали.

Джейн стояла за моей спиной и тоже слушала. Ей было двенадцать, и она считала себя очень взрослой, но ей не следовало здесь находиться.

— Помоги мне с ужином, — сказала я.

Ужин состоял из сандвичей: копченая колбаса на белом хлебе и арахисовое масло с джемом. Мы несли тарелки к столу, когда кто-то принялся колотить и трезвонить в дверь, зовя на помощь.

Отец огляделся.

— Мы кого-то ждем? По моим подсчетам, все в сбое. — Он подошел к окну у двери иглянул сквозь жалюзи. — Это Дон.

Дон ходил в нашу церковь, прежде чем стать корректором. С тех пор никто с ним не разговаривал.

Мы с Джейн поставили чипсы и сандвичи на стол.

— Принеси газировку, — велела я.

— Сама принеси, — ответила Джейн.

Отец приоткрыл дверь, не снимая цепочки.

— Что тебе нужно? — спросил он.

— Пожалуйста, — проскучил Дон. — Я слышал, здесь собираются люди. Прошу вас. Просто позвольте мне войти. Иначе меня убьют.

— Мне жаль, — сказал отец, которому вовсе не было жаль.

— А как же прощение? — взмолился Дон. В доме стояла такая тишина, что слышно было бурчание в наших животах, но на улице царил хаос: вопли толпы, завывание сирен, визг покрышек и постоянный стрекот выстрелов. — Как же милосердие? Как же любовь к ближнему? Как же умение подставлять другую щеку?

— Действительно, как же? — сказал отец и захлопнул дверь перед носом Дона.

Дон завизжал, толпа взвыла, мы услышали звуки борьбы, царапанье, и что-то тяжелое врезалось в дверь. Прогремел выстрел, затем еще один.

Мой брат шагнул к окну.

— Ларри, — сурово произнес отец, — не смей туда глядеть. — Потом вернулся к столу. — Итак. На чем мы остановились?

Они жевали сандвичи и планировали войну.

Позже, когда никто не смотрел, я выглянула в окно. Увидела Дона, точнее, то, что от него осталось, — ворох драной одежды, брызги телесных жидкостей, кусочки мозга и лужу крови, — а также разбитую форму для запеканки. Макароны с тунцом и осколки стекла смешались с человеческими останками.

Той ночью они заколотили окно.

Когда пришла пора спать, мы с Джейн ушли малышей наверх. Джейн прочла молитву, но, сказав: «Аминь», — продолжила молиться молча, сложив руки и закрыв глаза, лицом к окну и ночному небу. Я сидела с ней, пока не взошел растущий яркий полумесяц.

Следующим утром электричества не было, но наш генератор работал. Позже тем днем президент выступил по телевидению и объявил военное положение, как и предсказывал отец.

Вскоре по улицам уже катили танки, солдаты махали людям, которые вышли из домов. Местные жители аплодировали, плакали и потрясали флагами. Все сошли с ума; все готовились к войне.

В наш дом все время прибывали люди. Человек десять постоянно жили у нас, а еще десять приходили и уходили в любое время дня и ночи. Я хотела послушать их планы, но должна была готовить, мыть посуду, стирать полотенца и простыни. Я заставила Ларри помогать мне, хотя он непрерывно жаловался. У Джейн наверху был целый детский сад, с лишившимися матерей младенцами и малолетками, которых привели овдовевшие отцы.

Я складывала свежевыстиранное белье и смотрела новости. Сплошь бурные ток-шоу, вновь и вновь показывавшие размытые видео, на которых пришельцы высаживались в Сибири или Гренландии и разворачивали огромный лагерь.

— Нельзя ли их перестрелять? — поинтересовался один из участников передачи. — Вот что я хочу знать. Мы ведь в состоянии это сделать? У нас самая мощная армия во всем мире. А то и во всей Вселенной. Неужели BBC дрыхнут за штурвалом?

— Сбросить на них атомную бомбу с орбиты! Точно!

— Аннетт, — позвал отец. — Мы умираем от голода. Можешь что-нибудь приготовить?

— Есть, сэр, — откликнулась я.

— И выключи эту чушь. Сама знаешь, это сплошное вранье.

— Есть, сэр.

Чего и следовало ожидать. Наступил конец света, а мне не только приходилось всех обслуживать, но и нельзя было даже посмотреть телевизор.

* * *

Без мамы все изменилось.

И дело было не в практической стороне вопроса — я всегда помогала маме. Дело было в смысле. Потому

что мама всегда верила в Бога, и хотя ее Бог оказался мстительным и жестоким, он был рядом. Мамина вера позволила нам продержаться последние недели, когда все начало рушиться.

С прибытием инопланетян церковь сразу раскололась. Половина паствы считала их ложными пророками: не было бога, кроме Господа, и рая, кроме Царствия Божия, а планета Икс представляла собой очередную апокалиптическую уловку, дьявольский соблазн.

Другая половина верила, что это дело рук Господа, чьи дела неисповедимы; Он стоит за каждой силой Вселенной, и никому не дано понять Его деяний. Поэтому они хотели молиться, и проповедовать, и обратить к свету как можно больше душ, прежде чем наступит последний день.

Разумеется, это шло вразрез с приказами инопланетян: пришельцы велели всем заниматься своими делами, не готовиться к апокалипсису и уж точно не пытаться спасти мир. Они выбрали по одному человеку из каждой тысячи и сделали их корректорами, чтобы карать нарушителей. Кара заключалась в немедленной казни. Наказанием за отказ стать корректором также служила мгновенная казнь.

В ту неделю мама с отцом многоссорились, потому что он не хотел, чтобы она умирала.

«Но Господь призвал нас», — терпеливо объясняла она.

«А Он не мог призвать кого-то другого? Для разнообразия?»

Ее скорректировали в четверг, когда она рука об руку с другими мучениками молилась в церкви.

Прежде чем все это началось, мы были на домашнем обучении. Теперь Джейн хотела продолжить занятия. «Я начну с того места, где мы остановились», — сказала она, но всякий раз, когда я к ним заходила, они слушали проповедников по радио и читали Библию.

Мы долго откладывали еду на случай конца света. К счастью, он действительно случился, а значит, весь наш рис и кукурузное пюре не пропадут зря.

Я думала, что запасов в кладовке хватит надолго. Но со всеми людьми, что приходили и уходили, планировали войну и заглатывали наши продукты, еда кончилась меньше чем через неделю. Все говорили, что в бакалейных магазинах ничего не осталось, однако нам требовалось чем-то питаться.

Я спустилась в подвал в надежде добиться какой-нибудь помощи, но мужчины были слишком заняты спором над грудой незаконных шифрующих приемопередатчиков и ворохом нарисованных от руки карт: просили друг друга заткнуться, чтобы послушать новости из Джоплина, от другой повстанческой ячейки. Один все же отвлекся, чтобы сообщить мне, что видел в миле по дороге пункт, где выдавали пайки. Поэтому я положила в сумку пистолет 22-го калибра и сама отправилась на поиски.

Я давно не выходила из дома. Наш квартал выглядел паршиво. Воры по ночам сливали бензин, и теперь улицу загромождали бесполезные машины. Повсюду валялся мусор, разбитая мебель, горелая обшивка, осколки стекла.

Через три дома меня окликнула соседская девочка. Она стояла в дверях с младенцем, отчаянно махала мне руками и звала меня.

— Николь! — крикнула в ответ я. — Ты в порядке?

Родители никогда не позволяли мне общаться с ней; говорили, будто она дурно на меня повлияет.

— Да! — ответила она. — Но у нас нечего есть. Три дня назад Джеймс ушел за едой, но так и не вернулся, и теперь я умираю с голода, а ребенок все время плачет. Мне страшно, и я не знаю, что делать!

— Ты можешь пойти со мной. Я ищу еду.

— Я боюсь выходить, — сказала она.

— Не бойся. У меня пистолет.

Я показала ей свое оружие, и мы зашагали к перекрестку, где, как мне сказали, находился пункт раздачи пайков.

— У вас украли бензин? — спросила Николь, укачивая ребенка.

— Мы слили его для генератора, — ответила я, не подумав.

— Для генератора. Значит, у вас по-прежнему есть свет.

— Ага. Окна заколочены, чтобы никто не увидел.

— Умно, — кивнула она. И расплакалась. — Я так рада, что ты пришла, — сказала она. — Я видела, что они сделали с тем парнем у вашей двери. И пожары, и драки, и солдат, которые прикатили на танках и забрали кучу людей. Потом Джеймс забил наши окна и пропал. Думаю, его они тоже забрали.

— Все в порядке. — Я неловко погладила ее по плечу. — Тот парень на крыльце был корректором. Уверена, с Джеймсом ничего подобного не случилось.

— Может, его просто убили. Ради еды.

Это казалось весьма вероятным, и я не знала, что ответить.

Мы вышли на главную улицу и увидели группу людей, человек восемь или девять, направлявшихся в нашу сторону. Они бежали вприпрыжку вдоль желтой разделительной полосы, пели, хлопали в ладоши, трясли бубном и смеялись, как дети. Они несли цветы, цветы украшали их волосы... и кроме этих цветов, на них не было ничего.

— Что с ними такое? — спросила я, но Николь не знала.

— Эй! — крикнула я. — Что вы делаете?

Они меня словно не заметили. Мы смотрели, как они бегут мимо нас в чем мать родила.

Следом за ними шла пожилая женщина в нормальной одежде. Вместо цветов она держала большую палку.

— О, привет, — сказала она. — Я Рут. Кажется, девочки, я вас знаю.

Она жила дальше по улице, но мама не позволяла нам беседовать с ней и даже ходить мимо ее двора, потому что у нее в окне висела пентаграмма. Я начала понимать, что в конце света есть свои преимущества: впервые в жизни я могла говорить с кем вздумается.

— Я Аннетт, — сказала я. — А это Николь. Чему они так радуются?

— Благослови их Господь, — ответила Рут, — они в раю. По крайней мере, им так кажется.

— Они думают, что это планета Икс?

— Они видят то, что хотят видеть. Мы все такаем. Но у некоторых получается лучше прочих.

— Это херня, — заявила Николь. — Полная херня. Они трахнутые на голову.

— Это ничуть не хуже, чем спалить полгорода. Вы идете к хлебным очередям? Пожалуй, я составлю вам компанию. Мне нравится сопровождать этих лунатиков, они совершенно безобидны. Но с вами интересней беседовать.

— Ладно, — согласилась я.

— У нас есть пушка, — добавила Николь.

Пункт раздачи оказался длинным грязным рядом складных столов, за которыми трудились муниципальные служащие и волонтеры под охраной солдат. Мы стояли в очереди, а солдаты ходили взад-вперед с тяжелыми винтовками наперевес.

Рут это ничуть не испугало. Она тут же завязала беседу с ближайшим солдатом, на вид совсем ребенком.

— Молодой человек, — сказала она, — вам еще рановато служить в армии.

— Мне восемнадцать, мадам, — усмехнулся он.

— Боже мой. С каждым годом все молодеют и моложеют.

— Я только что записался, — сообщил солдат. Он действительно выглядел очень юным, едва ли старше

меня. Паренек со Среднего Запада, с голубыми глазами, светло-каштановыми волосами и чистым, свежим лицом. — Сразу как услышал речь президента, про то, что будет война. Я думал, мы будем сражаться с пришельцами, но вместо этого нас два дня обучали, а потом отправили сюда, охранять линии снабжения и поддерживать порядок.

— Не сомневаюсь, ты скоро увидишь своих пришельцев, — сказала Рут.

— Очень на это надеюсь, — ответил он. Видимо, ему хотелось поговорить с нами, ведь он был таким молодым и так далеко от дома. — Я слышал, ожидается крупная атака. Где-то рядом. В Чикаго или в Сент-Луисе. Мы будем наготове! Можете на нас рассчитывать!

Нам, голодным оборванцам, ждавшим белого хлеба с правительственным сыром, эта идея вовсе не показалась такой прекрасной, и тихий стон ужаса прокатился по очереди. Мы лишились электричества, половина города сгорела, наши родственники погибли или пропали без вести — а теперь еще и пришельцы собрались нас атаковать? Это переходило все границы.

— А знаете что еще? — продолжил молодой солдат. — Я слышал про повстанцев. Людей, которые не верят в пришельцев. С ними нам тоже нужно разобраться. Так что идет война на два фронта. Мне этого не понять. У нас есть враг, настоящий враг. Как нацисты, только хуже. Говорят, они похожи на ходячих лягушек.

— Ладно, ладно, — сказал его командир, подходя сзади и хлопая парня по плечу. — Хватит сказок. Надо работать.

Наш солдатик глупо ухмыльнулся, отдал честь Рут и зашагал к началу очереди.

* * *

Той ночью были атакованы города в Индии, Китае и Бразилии. Все это показали по телевизору: рушащие-

ся здания, пылающие деревья, изуродованные архитектурные пейзажи. Озера ревущего огня. И паникующих людей, которые бегали и кричали, пока все, что было им дорого, обращалось в пепел. Телекомментаторы молчали. Лишь смотрели вместе со всеми, бледные и напуганные.

После хлебной очереди Николь пошла за мной к нашему дому. Сперва я боялась приводить ее, но она была юной и симпатичной, а среди повстанцев были преимущественно мужчины, так что они не возражали. Она сразу отдала своего младенца Джейн, а мужчины вручили ей пистолет. Сейчас она сидела среди них, жадно наклонившись вперед, и смотрела хаос по телевизору.

Они не боялись. Они заявили, что это подделка, очередная фальшивка. Операция под чужим флагом, сказали они.

— Что это значит? — спросила Николь, и Здоровяк Дуг объяснил.

— Но ведь люди погибли по-настоящему? — спросила я. Мне никто не ответил.

Я отнесла обед Джейн и детишкам наверх. Они все умирали с голоду, потому что некому было готовить еду, да и не из чего. Тимми бросился к тарелке, словно дикий волк, но Джейн оказалась быстрее и шлепнула его.

— Тимми, — сказала она. — Мы не помолились. Закрой глаза, Аннетт.

Я подчинилась.

— Потому что наша брань не против плоти и крови, — начала она, цитируя стих, который я когда-то тоже знала, — но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной...*

Я не стала слушать дальше, а вышла, так и не открыв глаз.

* К Ефесянам 6:12.

Назавтра мне вновь пришлось идти на пункт раздачи пайков. В доме было слишком много людей, и они поглощали слишком много пищи, но требовалось хранить это в тайне, иначе у солдат могли возникнуть подозрения. За едой следовало отправить кого-то другого, однако никто не хотел этим заниматься, потому что это было скучно. Намного веселей сидеть в подвале и пересчитывать ручные гранаты, которые привез под покровом ночи какой-то псих из Роллы. Поэтому пищевой долг снова выпал мне.

Молодой солдатик узнал меня и подошел поздороваться.

— Вроде я видел тебя вчера, — сказал он. — Тебе мало дали?

— Я, э-э, у меня большая семья, — ответила я, почти не покривив душой.

Он просиял.

— Правда? У меня тоже. Сколько вас?

— Ну я сама, и Джейн, и Ларри, и Тимми, и Сильви, — сказала я. — И еще отец. И мама, но ее скорректировали.

— Как и мою сестру Рэй Энн, — кивнул он. — И старшего брата Джека, а ведь у него было двое детей. Мне нравится думать, что я здесь ради него. Эти люди, что сражались с самого начала, они были настоящими героями. Ты согласна? Мама говорит, мы должны быть им благодарны. Твою маму она бы тоже назвала героем.

Тут командир выразительно посмотрел на него, и он зашагал дальше, вдоль очереди.

На обратном пути я встретила Рут.

— Снова ты, — сказала она. — Послушай, не хочешь вечером прийти ко мне? Сегодня полнолуние, и с учетом того, что мир должен был кончиться, но не кончился, я решила, что следует поблагодарить богиню. И приводи подружку. Получится полный круг.

— Я, э-э, ладно, — ответила я. — Звучит неплохо. Я посмотрю, что можно сделать.

* * *

Поначалу Николь не хотела идти — она сказала, что это звучит странно и невразумительно, — но я настояла. Я целыми днями убирала и готовила. В доме воняло, потому что мы больше не могли принимать душ, а туалеты засорились. Никого это не волновало, поскольку все ожидали, что война начнется со дня на день. Самодельные постели заполонили весь дом, на них валялись кучи грязной одежды и влажных полотенец для подтирания. Я всего лишь хотела выбраться из дома, оказаться подальше от всех этих мужчин с неопрятными бородами и вонючими ногами. Так что я напомнила Николь, что если бы не я, ее бы здесь не было, и в конце концов она согласилась.

Мы ускользнули сразу после ужина, когда дети легли спать, а мужчины беседовали при свете камина, чтобы сэкономить топливо генератора. Телевизор они запретили, потому что нам не хватало бензина, а кроме того, по нему все равно показывали одно вранье.

Теперь, когда электричества почти не было, ночи казались темнее. Грозовые облака неслись по небу, то и дело закрывая луну. На заднем дворе Рут, скрытом разросшейся живой изгородью и низко нависшими ветвями платанов, было так темно, что мы с трудом видели друг друга. Ярко вспыхнула спичка — Рут зажгла три свечи, от которых по ее лицу побежали жутковатые тени, и на мгновение она превратилась в настоящую ведьму.

Мы встали в круг, вытянув руки, и Рут объяснила, что есть лишь одна богиня, хотя у нее много имен — разных имен для разных воплощений. Сегодня Рут призывала Гекату, единственную в трех лицах: деву, мать и старуху. Это была богиня перемен, концов и начал, рождений и смерти. Здесь и сейчас, когда мир умер

и на его останках родился новый, она была богиней настоящего.

Затем Рут помолилась, но совсем не так, как Джейн. Она молилась о силе, и мудрости, и гармонии; молилась о защите для всех женщин и о мире на перепутье.

Я чувствовала тепло белой свечи, которое грело мне пальцы и лоб.

Когда Рут закончила, Николь первой задула свою свечу, даже не сказав «аминь». Бросила сочившийся воском огарок в траву и сказала:

— Э-э, было весело. Мне пора возвращаться. Аннетт, ты идешь?

Потом шагнула в тени и выскользнула за калитку.

— И круг разорван, — произнесла Рут.

Она опустилась на колени, пристроила три свечи на небольшой каменной горке и вновь зажгла огарок Николь. Похлопала по траве рядом с собой. Я села.

— Наверное, мне не стоит вам об этом рассказывать, — начала я, — но люди в моем доме... они планируют войну. Собираются напасть на военную базу. А может, просто на солдат. Точно не знаю.

— Я так и думала, — ответила Рут.

— Я не хочу, чтобы пострадал кто-то еще.

— Знаю, — сказала Рут. — Но этого не избежать.

Армия сильнее, и намного. Твоим друзьям не победить.

— Они мне не друзья.

— Но ты не хочешь, чтобы они погибли.

— Конечно, нет. Я не хочу, чтобы кто-то погиб. Кто угодно.

В отличие от отца и матери, я не была героем. Я просто хотела жить.

— Если тебе что-то понадобится, Аннетт, обещай, что придешь ко мне. Договорились?

Я пообещала.

Затем она велела мне возвращаться домой, пока меня не хватились.

Никто не заметил моего отсутствия. Они слушали новости из Джоплина: сегодня вечером там началось восстание. Большинство мятежников погибло, а остальные сбежали и попрятались. Военная база не пострадала. Повстанцы проиграли.

— Но мы-то не проиграем? — спросила Николь. — Мы сильнее. У нас больше людей. Мы справимся. Мы победим.

По радио сообщали о новых разрушенных городах, обратившихся в прах и пепел, стертых с лица земли ино-планетным оружием. Альбукерке. Флоренция. Перт. Лахор. Комментаторы гадали, что станет следующим.

— Я слышал, военные стратеги опасаются атаки на северо-восточный финансовый центр, — сказал один. — Или психологического удара, нацеленного в сердце Америки.

— Омаха? Сент-Луис? Де-Мойн?

— Завтра, — сказал отец. — Тупые придутики из Джоплина. Выдали нас. Завтра, прежде чем они доберутся сюда. Завтра мы нанесем удар.

Джейн разбудила меня часа в два ночи, стиснув мое плечо костлявыми пальцами.

— Аннетт, — прошептала она, — Ларри пропал. Просыпайся. Я не могу найти Ларри.

— Сколько времени? — простонала я, затем осознала, о чем она говорит, и вскочила.

Мы босиком крались по дому, обходя спящие силуэты, обследуя каждый закоулок. Мы заглянули на кухню, в бесполезные ванные, где пахло канализацией, в покинутый задний двор и даже в подвал, где двое парней охраняли оружие. Они осмотрели нас с ног до головы, словно не узнали.

— Нет. Мы не видели парня.

Мы вышли на улицу, держась за руки, всерьез напуганные. Следовало позвать отца, но мы понимали, что он нам больше не принадлежит. Он стал частью чего-то другого — он возглавил что-то другое, — и мы превратились в помеху.

Мы нашли Ларри посреди улицы: он таращился на ослепительную полную луну, словно безумный. Облака разошлись. Джейн тихо окликнула его по имени, но он словно не услышал.

Я проследила за его взглядом. В небесах выписывал зигзаги космический корабль.

Я никогда не видела ничего подобного и сразу поняла, что это чужеродная вещь, не из нашего мира. Корабль испускал призрачное свечение, он был стремительным и ловким. По одной из треугольных сторон бежали бирюзово-фиолетовые светящиеся узоры.

— Смотри, — сказала я, показывая в небо, но Джейн возилась с Ларри, а когда я вновь подняла взгляд, корабль исчез.

— Он ходит во сне?

Но Ларри бодрствовал, просто казался сонным и сбитым с толку.

Мы притащили его обратно к крыльцу, требуя объяснений.

— Я встал, чтобы пописать, — сказал он. — Потом выглянул в окно и увидел перед домом инопланетянина. Я понял, что это пришелец, потому что он был толстым и чешуйчатым, как лягушка. Он помахал мне. Хотел, чтобы я шел за ним. И я пошел.

— Но окна заколочены, — возразила я. — Помнишь? Ты спал. Тебе приснился сон.

— Это был не сон, — настаивал он. — Я не сплю.

— Нет! — рявкнула Джейн. — Прекрати врать! Аннетт права. Окна заколочены. Ты ничего не видел.

— Я не вру. Я видел пришельца. Правда видел.

Она ударила его по щеке. Сильно.

— Пришельцев не существует, Ларри. Их не бывает. Иисус бы этого не допустил. А теперь возвращайся в постель.

Она схватила его за руку и поволокла к двери.

Он расплакался.

— Мне больно!

— Отпусти его, Джейн, — велела я. — Все в порядке. Давайте просто вернемся в постель.

Но я долго не могла заснуть. Я лежала на полу среди братьев и сестер, вспоминая, как сверкающий космический корабль зигзагами летел по небу, и гадая, не было ли это сном.

* * *

На следующее утро я проснулась поздно. Когда я спустилась вниз, все уже завтракали. Николь взяла на себя заботу о том, что она называла «провиантом», и мне больше не нужно было тревожиться о готовке.

Однако Николь и Джейн рассказывали всем о «колдовстве», к которому Рут принудила Николь и меня, и о том, как от этого колдовства у Ларри возникли галлюцинации и он вышел во сне на улицу. Все мужчины хохотали над тем, что Ларри пошел за пришельцем, потому что тот помахал ему. Смущившийся Ларри тоже смеялся.

Но Джейн с Николь были крайне серьезны.

— Говорю вам, от этой дамочки мураски по коже, — сказала Николь. — Я туда больше не пойду. И, думаю, Аннетт тоже не стоит туда ходить.

— Согласен, — кивнул отец, глядя на меня, словно только что вспомнил, что я его дочь. — Нам здесь нужна помощь. И больше никакой болтовни с чужаками! Это может нас убить!

Я собиралась рассказать им про космический корабль, но поняла, что меня просто высмеют, как высмеяли Ларри. Поэтому я промолчала.

Но я все равно хотела поговорить с отцом. Я увела его в пустую кладовку, где никто не мог нам помешать.

— Папа, мне страшно, — сказала я. — Я не хочу, чтобы ты это делал. Не хочу, чтобы ты умер. Помнишь, что ты сказал маме?

Он уставился на меня, словно я его ударила.

— Разве ты не понимаешь, Аннетт? Твоя мама сражалась. И мы тоже сражаемся. Все остальные — предатели. Они приспешники, Аннетт, изменники, стадо овец. Но не мы. Не я. Вот почему мы должны сражаться.

— Но как насчет меня, и Джейн, и Ларри, и Тимми, и малыши Сильви? Если ты погибнешь, мы останемся одни.

— В том-то и суть. Я делаю это ради вас. Чтобы у вас, детей, было будущее без страха и рабства.

— Мне плевать на будущее. Меня волнует настоящее. Я просто хочу, чтобы у нас все было хорошо.

Он пообещал, что так и будет.

* * *

Я снова пошла на пункт выдачи, в надежде встретить моего солдата. Мне нужно было кому-то рассказать про корабль пришельцев.

В прежние времена, если бы родители заявили, что пришельцев не существует, я бы сразу им поверила, вне зависимости от того, что видела собственными глазами. Но теперь все изменилось. Я могла верить в то, во что хотела верить, могла быть тем, кем хотела быть.

Я думала, мой солдат поймет. Быть может, даже обрадуется: наконец его пришельцы совсем близко.

Но он прикусил нижнюю губу и задумчиво посмотрел на меня.

— Многие люди что-то видели, — сказал он. — Всякие странные вещи. Вещи, которые не всегда сходятся и не всегда соответствуют фактам. Командир говорит, это «галлюцинации, вызванные стрессом». Так он их

назвал. У наших парней они тоже были. Возможно, иногда мы просто видим то, что хотим видеть.

— Ты не понимаешь, — ответила я. — Он выглядел таким реальным. И ощущения. Я ощущала его кожей. Как электричество. Покалывание.

Тут я смущилась.

— Может, так оно и было, — мягко ответил он, и я поняла, что он мне подыгрывает. — В любом случае я должен попрощаться. Наверное, мы больше не встретимся... Сегодня вечером я отбываю в Сент-Луис.

— Вы все уезжаете? Все солдаты?

— Большая часть, — сказал он. — Не сомневаюсь, ты слышала разговоры.

— Да, — кивнула я. — Что скоро будет новая атака. Когда ты уезжаешь?

— Ночью. В час ноль-ноль, — сообщил он, словно это должно было меня впечатлить. — В общем, пока. Может, еще встретимся, после войны.

— Может быть, — ответила я.

— Мне бы этого хотелось. Ты классная девчонка. Удачи тебе и твоей семье.

— Спасибо, — сказала я. — Тебе не страшно? Пожале, придется сражаться по-настоящему.

— Хотел бы я остаться дома, в Оклахоме, — ответил он. — А теперь иди. Бери свое арахисовое масло и сухое молоко.

Вернувшись домой, я сразу отправилась к отцу.

Они планировали начать восстание сегодня, собирались напасть на одиноких солдат и небольшие патрули, ограбить пункты выдачи пайков, нарушить линии снабжения, устроить диверсии в кинотеатрах, где показывали пропаганду.

Но теперь, с моими разведанными, они могли развернуться намного шире.

Отец хлопнул меня по спине.

— Вот видишь? Я так и знал. Ты боец, одна из нас. Я горжусь тобой, детка. Новый план! — крикнул он повстанцам, и они принялись спорить, следует ли устроить засаду с гранатами, когда армейская колонна будет покидать город, или перестрелять солдат по одному из винтовок, укрывшись на обочине дороги, или проделать все это в качестве отвлекающего маневра, в то время как остальные будут придерживаться исходного плана. Их нельзя было назвать блестящими стратегами — войну они видели только по телевизору.

Я испытывала некоторую вину за то, что выдала моего солдата, но зря он меня не послушал. Я знала, что видела.

Повстанцы — и Николь — выдвинулись незадолго до полуночи. Перед уходом отец вручил мне трансивер, чтобы я могла слушать их передачи.

В доме царила темнота — мы экономили горючее. Я сидела в подвале с одинокой свечой, сжимая в руке трансивер и слушая переговоры. Джейн была наверху, приглядывала за спящими детьми и слушала собственные передачи, как и всегда. Проповедники вещали для пустых пространств и покинутых шоссе между сельскими городишками; они говорили об Иисусе и Сатане, сере и крови. Неудивительно, что детишек мучили кошмары.

Все случилось очень быстро, в начале второго.

Большая атака состоялась — но не в Сент-Луисе, или Чикаго, или Де-Мойне; ее целью стал Оклахома-Сити. Я слушала про огненные шары, плавающийся асфальт, потоки огня. Это было страшнее, чем смотреть: просто слышать голоса, описывавшие небывалые ужасы.

Направлявшиеся в Сент-Луис солдаты развернулись и двинулись на юг, захватив почти всех, кто остался в городе. Сидя очень тихо, я ощущала рокочущую дрожь: это танки ползли к шоссе. Наши повстанцы, готовившиеся к битве, встретили вооруженные силы, шагав-

шие на войну; вместо горстки праздных солдат их ждала целая армия.

— Бегите! — крикнула я в трансивер, надеясь, что отец услышит. — Бегите домой! Прячьтесь! Они уходят! Мы будем свободными!

Быть может, они меня не услышали. Или не смогли ответить, потому что сражались за свою жизнь. Но я их слышала: их крики, и клокотание, и вопли, и хриплые призывы на помочь, и мольбы отступить, и прерывистое дыхание перед смертью.

А потом я поняла, что осталась одна, мы все остались одни — я, и Джейн, и Ларри, и Сильви, и Тим. И мы тоже были борцами, только умными. В отличие от мамы. В отличие от отца. Мы не были предателями или приспешниками — мы просто собирались сделать все необходимое, чтобы выжить.

Я поднялась наверх, чтобы рассказать Джейн о случившемся. Дети крепко спали, радио бубнило проповеди, но Джейн не было.

Я снова спустилась вниз и увидела, как она проскальзывает в дверь. Ее волосы стояли дыбом, глаза были выпучены, лицо испачкано грязью и сажей, и она ухмылялась, словно хэллоуинская тыква. От нее пахло жидкостью для разжига и огнем.

— Господи, Джейн. Где ты была?

— Поджигала дом Рут, — сказала она. — Рут — ведьма. Новый мир поднимется на пепелище старого, и в этом новом мире не будет сатанинских обрядов и языческой ереси. Ведьмам место на костре.

Я молча уставилась на нее.

— Иди сюда, — позвала она, и я встала рядом с ней в дверях. Отсюда были видны трескучие языки пламени, взмывавшие над крышей, пожирающие древние платаны.

— Не будет иной войны, кроме священной, — прогласила Джейн.

Мне хотелось удушить ее, но я сдержалась, потому что она была моей сестрой, и я знала, что рано или поздно мы понадобимся друг другу. Она была моей безумной, свирепой, наивной сестрой, дочерью моей матери, но кровь — не водица, и мы не расцепим рук, до самого конца.

— Забудь про Рут, — сказала я. — Я слушала трансивер. Думаю, отец нас покинул.

— Не покинул, а умер. Знаешь ли, Аннетт, я уже не ребенок.

— Знаю, — ответила я. — А теперь собери всю еду, что осталась. Я солью бензин из генератора. Потом мы разбудим Ларри, Тимми и Сильви. Нужно убираться отсюда, если хотим выжить.

— Как насчет других детей?

— О них позаботится Иисус, — сказала я. — Мы должны позаботиться о своих собственных. Пусть спят.

Джейн поняла. Я знала, что она поймет.

Мы с сестрой стояли на перепутье, готовые призвать богиню, мстительную и кровожадную, себялюбивую и жестокую... какую угодно, лишь бы выжить. Ее имя не имело значения; для нас она была богиней настоящего, и мы собирались воспользоваться ее могуществом.

ХЬЮ ХАУИ

Хью Хауи. Автор известного постапокалиптического романа «Wool». Начально самоизданный в виде серии повестей, «Wool» часто становится бестселлером по многим версиям. Другие книги: «Shift», «Dust», «Sand», «The Hurtle» и т. д. Хью живет в Джупитере (Флорида) с женой Амбер и собакой Белла. Смотрите Twitter @hughhowey.

Под горой

— **П**родолжай, — то и дело говорил один основатель другому. Для Трейси это слово стало мантрой. Начало положил Игорь, он махал изуродованной рукой, призывая других вернуться к работе. Вначале они подшучивали над ним, затем шутка превратилась в талисман силы. *Продолжай. Делай свое дело. Шаг за шагом.* Напоминание двигаться вперед, даже если работа кажется отвратительной и бесмысленной, даже если миллиарды людей умрут.

Но Трейси знала, что у некоторых вещей есть срок годности: они не могут работать до бесконечности, рано или поздно их нужно отложить. Отложить или выбросить. Потому что они сломались.

Мир — одна из таких вещей. Десять основателей сделали в Колорадо что могли. Углубили имевшуюся в горе пещеру. А когда двигаться стало некуда, прекратили работу. И принялись считать мгновения до конца света.

Из горных камней и породы получилась гряда холмов, сейчас припорошенная снегом. Брошенные тяжелые погрузчики, автобусы и самосвалы замерли у груд мусора. В лесах царила кладбищенская тишина, глубокое безмолвие отчаяния, завершения трудов. Снег беззвучно падал с небес, затянутых тяжелыми свинцовыми тучами.

Трейси стояла вместе с другими основателями сразу за распахнутыми стальными дверями построенного ими склепа и смотрела, как снег ложится на вчерашние грязевые колеи. Перекрещивающиеся следы автобусов, что доставили приглашенных, к ночи исчезнут. Человечество еще существовало, мир еще не погиб, но Вселенная уже избавлялась от улик.

Рядом с Трейси нервно зашевелился Анатолий. Крупный физик выдохнул, и над его бородой возникло морозное облачко. С другой стороны от Трейси Игорь сунул руку под тяжелое пальто и достал серебристый предмет. Трейси скосила глаза. Блестящие часы казались совершенными в изуродованной ладони. Игорь утверждал, что является потомком выходцев из Чернобыля. Анатолий говорил, что это химический ожог.

Часы тикали в красных спекшихся пальцах Игоря.

— Десять минут, — сообщил он ворчащим, словно далекий гром, голосом. Стиснул уродливый кулак с часами. Розовые костяшки побелели.

Трейси перевела взгляд на лес и в последний раз прислушалась, надеясь на звук двигателя — рычание арендованной машины, ползущей по горной дороге. Надеясь на торопливые хрустящие шаги. Надеясь, что среди серых осин с облезающей корой появится человек. Но фильмы лгали, заставляя верить в счастливые развязки в последний момент, в бегущего мужчину с усталой, счастливой улыбкой, который кинется к ней в объятия и прижмется дрожащими теплыми губами к дрожащим холодным.

— Он не придет, — прошептала Трейси. Капля искренности, просочившаяся из забытых глубин.

Игорь услышал и снова посмотрел на часы.

— Пять минут, — тихо сказал он.

И лишь тогда, лишь за пять минут до того, как им предстояло уйти внутрь и навсегда закрыть двери, она с абсолютной уверенностью осознала, что он не придет. Джон вместе с другими отправился в Атланту, подчинился приказу, как хороший солдат, и все ее труды в Колорадо — все фантазии о жизни рядом с ним — оказались ужасной иллюзией. Огромные двери склепа сомкнутся за ее спиной, и она останется в одиночестве. И в это мгновение Трейси поняла, что ей не следовало строить это место, что она не стала бы тратить свое время, если бы только знала.

— Нужно идти внутрь, — сказал Игорь. Опустил крышку на маленьких часах — они щелкнули, словно взвешенный пистолет, — и ушел в своем тяжелом пальто.

Кто-то всхлипнул. Кто-то шмыгнул носом. Внезапно Патриция вырвалась из группки основателей и выбежала за огромные двери, стуча ботинками по бетону. На мгновение Трейси решила, что Патриция не остановится, что будет бежать, пока не исчезнет в осинах, но она остановилась сразу за бетонной платформой, наклонилась, набрала в ладонь свежего снега и бросилась назад, слизывая снег с руки.

Трейси тоже захотелось что-нибудь схватить. Веточку. Кусочек коры. Поймать языком снежинку. Она не отрывала глаз от леса, высматривая Джона, пока Анатолий не увел ее внутрь, достаточно глубоко, чтобы можно было закрыть двери. Из твердой стали, толщиной четыре фута, покрытые ржавыми разводами от непогоды, они омерзительно визжали. Словно волчица в серых лесах созывала щенков.

Двери закрывались, и мир сужался. Стал колонной, затем просветом, затем щелью. С тяжелым, смерто-

носным ударом створки сошлись, сталь встретила сталь, и воцарилась такая темнота, что все на мгновение ослепли.

Хотя двери закрылись, Трейси по-прежнему слышала волчий плач; она не сразу поняла, что этот тоскливый звук издает один из основателей. Ей на глаза навернулись слезы. Она вспомнила, как рыдала в молодости. Вспомнила, как мужчина впервые разбил ей сердце. Казалось, мир кончился.

Примерно это и произошло сегодня.

* * *

Под горой царило замешательство. Почти пять тысяч людей задавали вопросы. Они до сих пор не распаковали вещи; у них болели спины от поездки на автобусе по ухабистой дороге. И миллионы предлогов, под которыми их сюда заманили — уединенный отдых, встречи, отпуска, непредвиденные обстоятельства, — рассыпались в прах, столкнувшись друг с другом.

Когда двери закрылись, основатели начали объясняться. Сначала семье. Потом всем приглашенным. Трейси получила свою долю приглашений и раздала большую часть полезным людям. Солдатам. Инструментам возмездия. Она хотела перестрелять тех, кто это сотворил, когда мир очистится.

Друзей у нее не было. Большую часть взрослой жизни она провела в Вашингтоне или за границей. Был привратник в Женеве, который всегда по-доброму к ней относился. Был парень, который оформлял за нее налоги. То есть не было никого. Лишь малочисленная семья: отец и сестра с мужем. Три человека во всем мире. Быть может, поэтому решение Джона причинило ей такую боль. Он был для нее почти всем. То есть она так думала.

Что ж, зато ей предстояло открыть ужасную правду небольшой аудитории, рассказать о кошмаре, который она носила в себе больше года. У двери в комнатушку

сестры Трейси помедлила. Подняла руку, чтобы постучать. За дверью ждала истина, и Трейси не была уверена, что готова с ней встретиться.

* * *

Пока Трейси говорила, отец сидел на постели, замыкая руки. Ее сестра Эйприл, у которой от потрясения отвисла челюсть, сидела рядом с ним. Реми, муж Эйприл, садиться отказался и стоял рядом с женой, положив руку ей на плечо. В его глазах ужас мешался с гневом.

Они все оделись для обещанного похода — недели жизни в лесу. Ненужный походный инвентарь стоял у кровати. Рюкзаки и одежда были напоминанием о лжи Трейси. Она слушала слова, которые срывались с ее собственных губ. Слушала, как рассказывает о том, о чем столько раз говорила в мыслях: о крошечных машинках, которые используют в больницах для лечения рака — этих невидимых лекарях, что спасли бы маму, если бы она дожила до их изобретения; эти самые машинки умели исцелять — а умели и убивать.

Она рассказала своей семье, как эти машинки оказались в крови каждого человека на Земле. Всеобщее исцеление стало возможным — но ненадолго. Люди догадались, на что еще способны эти машинки, и остальное было лишь вопросом времени. Появился переключатель, способный уничтожить каждого живого мужчину и каждую живую женщину. Любой засевший в подвале хакер мог воспользоваться этим переключателем, — а значит, рано или поздно кто-то должен был им воспользоваться.

Трейси закончила с этой частью, и, вопреки ее ожиданиям, отец не начал задавать бессмысленные вопросы; никто не впал в истерику, не оттолкнул ее и не ринулся колотить в дверь и требовать, чтобы его выпустили. Никто не спросил, не вступила ли она в секту и не принимает ли наркотики; никто не предложил отдох-

нуть от работы, которой она занималась в Вашингтоне, и обратиться к специалисту.

— Это был лишь вопрос времени, — повторила Трейси — А потому наше правительство нанесло превентивный удар. Чтобы иметь возможность контролировать последствия.

Реми открыл рот, но Трейси его опередила.

— Мы не имеем отношения к группе, которая это сделала, — сказала она. Посмотрела на отца. — Мы этого не делали. Но мы узнали об этом и поняли, что не сможем это предотвратить. Мы поняли... что, возможно, они правы. Что это следовало сделать. И потому мы выбрали следующий самый разумный поступок. Мы создали это место. Мы собирались здесь. И пригласили тех, кого могли. Тут с нами ничего не случится. По пути вас всех вакцинировали. Быть может, вы почувствовали, как закладывает уши, когда ехали наверх. Теперь мы проведем здесь полгода, может, год...

— Полгода, — повторил Реми.

— Этого не может быть, — покачала головой Эйприл.

— Может, — ответила Трейси сестре. — Мне очень жаль. Я не хотела держать это в тайне от...

— Я не верю, — сказал Реми. Оглядел комнату, словно впервые ее заметил. Муж Эйприл был бухгалтером, он привык к черно-белым колонкам цифр. Кроме того, он также был специалистом по выживанию и привык доходить до правды своим умом. Простыми словами его не убедишь. Игорь говорил, что некоторым людям потребуются недели, чтобы поверить.

— У нас нет никаких сомнений, — сказала Трейси. Она соглашалась, у нее были сомнения. Окончательно она поверит, лишь когда наступит час «Ч». Но бессмысленно заражать других своими тщетными надеждами. — Я понимаю, это трудно осознать. Даже мне. Но война, к которой мы готовились, будет без облаков огня и армий на марше. Все будет быстрее и намного ужасней.

— Это сделала ты? — спросил отец древним, дрожащим голосом. Несмотря на подкрадывающееся старческое слабоумие, он знал, что Трейси работает на плохие агентства и контактирует с плохими людьми. Много лет назад она сообщила ему секретные данные, а он согласился ее выслушать. Скорее всего, эти тайны слабоумие заберет в последнюю очередь, крошечные островки разочарования в темном, бурном море.

— Нет, папа, я этого не делала. Но благодаря мне у нас есть это место, хорошее место, чтобы переждать.

Она вспомнила ту ночь в Милане, когда впервые увидела книгу со словом «Инструкция», вытисненным на обложке. Ту самую ночь, когда заставила Джона на мгновение забыть свою жену, когда годы флирта наконец дали плоды: бутылка вина, танец, платье — из-за которого у нее возникли проблемы, поскольку она расплатилась корпоративной карточкой. В его номере они занялись любовью, а потом она в поисках новых опасностей направилась к комоду, где должен был лежать его пистолет, но вместо пистолета нашла книгу.

Если бы Джон остался в постели, она бы не обратила на нее внимания. Книга была написана сухим языком, свойственным юристам, которые подались в политику. Порядок действий в чрезвычайной ситуации. Какие-то инструкции. Но Джон вскочил с кровати, словно Трейси впустила в номер его жену. Она помнила, как дрожали у него руки, когда он просил ее убрать книгу и вернуться в постель, словно эта книга была намного опаснее взведенного пистолета и была заряжена чем-то гораздо хуже пуль.

Когда он уснул, Трейси устроилась на краю ванны, положила книгу на крышку унитаза, включила телефон на запись и пролистала все страницы. В процессе сканирования она прочла достаточно, чтобы испугаться.

Достаточно, чтобы понять.

— Мне жаль, — сказала она отцу, не в силах вынести разочарования на его лице.

— Когда?.. — спросила Эйприл.

Трейси повернулась к сестре, школьной учительнице, которая знала лишь, что Трейси работает на правительство, и понятия не имела о засекреченной крови на ее руках. Эйприл была на четыре года старше Трейси — и всегда будет старше, во всех смыслах, что не имели значения, и ни в одном, что имел.

— Через несколько часов, — сказала Трейси. — Через несколько часов все кончится.

— Мы что-нибудь почувствуем? — Эйприл потеряла предплечье. — И как насчет всех остальных? Всех, кого мы знаем. Они просто?..

Реми сел рядом с женой и обнял ее. Трейси ощущала холод. И еще большую пустоту.

— Мы тоже должны были остаться снаружи, — сказала Трейси. — Мы четверо. Не забывайте об этом. Позже мы вернемся к этой беседе. Сейчас мне нужно на собрание...

— На собрание? — спросила Эйприл. — Собрание? Зачем? Чтобы решить, что делать с остатками наших жизней? Решить, кто будет жить, а кто умрет? Что за собрание?

И теперь Реми уже не обнимал жену. Он удерживал ее.

— Как ты смеешь? — крикнула Эйприл Трейси.

Отец вздрогнул на постели, попытался сказать что-нибудь, попросить дочерей не ссориться. Трейси отступила к двери. Она ошиблась насчет истерики. Истерика началась, просто не сразу. Выйдя в коридор и закрыв дверь в маленькую комнатку под непрерывные крики сестры, Трейси осознала, что насчет битья в дверь она тоже ошиблась.

Спасти человека оказалось нетрудно. Но спасти его против воли — очень тяжело. Трейси поняла это, шагая по коридорам в командный центр. Крики сестры

по-прежнему звучали у нее в ушах. По пути она слышала приглушенные рыдания и далекие вопли из других комнат: люди узнавали правду. Трейси думала, что, спасая им жизнь, искупает все свои грехи, но грех того, что она не посоветовалась с этой самой жизнью, оказался исключением. Она вспомнила, как, будучи подростком, спорила с матерью, как кричала на нее и говорила, что предпочла бы не рождаться. Говорила искренне. Какое право имел кто-либо другой принимать за нее решение? Мать всегда ждала от дочери благодарности просто за то, что родила ее.

Теперь Трейси совершила ту же ошибку.

Она покинула жилое крыло, включавшее две тысячи комнат, вырытых сбоку и присоединенных к старому комплексу, и вошла в широкие коридоры исходного бункера. Изначально предполагалось, что полторы тысячи человек смогут прожить здесь пять лет. Основатели пригласили почти пять тысяч, но не собирались сидеть здесь столько времени. Самым сложным оказалось вычистить и заново наполнить баки для воды и дизеля.

Вся конструкция была погребенной реликвией из другой эпохи, «капсулой времени», рассчитанной на иную угрозу, на иной конец света. Ее забросили много лет назад. Она стала туристической достопримечательностью. И пришла в упадок. Основатели выбрали это место, рассмотрев несколько вариантов. Игорь и Анатолий воспользовались своим статусом ученых и арендовали бункер под предлогом поиска нейтрино, некоторых неуловимых субатомных частиц. Однако на самом деле они искали совсем иную опасность: машинки, носившиеся по воздуху и по венам каждого человека.

Трейси открыла своим ключом дверь и вошла в тесный командный центр. На потолке висело кольцо мониторов, провода от них тянулись к оборудованию, которое установили инженеры. В углу притаилась блестящая стальная капсула, напоминавшая инопланетный

корабль. Ее построили согласно украденным схемам; сначала считалось, что она нужна для очистки крови от маленьких машинок, но оказалось, что это некое криоустройство, побочный проект команды из Атланты. Из всего находившегося в комнате оборудования Трейси умела обращаться только с кофеваркой. Она включила ее и устремила взгляд на часы, которые вели обратный отсчет до Армагеддона.

По одному начали подходить другие основатели. У многих покраснели глаза и щеки. В отличие от прежних собраний в этой комнате, никто не болтал, не дискутировал и не спорил. Как и возле дверей бункера, здесь царило похоронное молчание.

Сварилась вторая порция кофе. Один из инженеров включил мониторы, и все принялись молча смотреть телевизионную трансляцию. Говорящие головы обсуждали неожиданного кандидата, выдвинутого в президенты. Возбуждение в студии казалось ощутимым и зловещим. Трейси глядела на мертвых людей, беседовавших о несбыточном будущем.

Две минуты.

Говорящие головы умолкли, и студию сменила сцена в пригородах Атланты. На заднем плане сверкали далекие небоскребы. На сцене девушка в черном платье взяла микрофон, сделала глубокий вдох и запела.

При звуках национального гимна Трейси прослезилась. Ей пришлось напомнить себе, что нужно дышать. И в который раз ее посетило ужасное предчувствие, что она ошиблась, что книга была всего лишь книгой, что Джон верил в ложь и вскоре она будет опозорена в этой самой комнате, перед этими самыми людьми, которых уговорила последовать за собой. Она станет очередным ложным пророком. Сестра до конца жизни будет смотреть на нее как на сумасшедшую. Газетные заголовки будут насмехаться над идиотами под горой, которые решили, что наступает конец света. И почему-то это казалось страшнее десяти миллиардов трупов.

Ей было стыдно, что мысль ошибиться вызывала панику.

Крупные красные цифры на таймере продолжали обратный отсчет. Она не хотела оказаться права, ни в одном смысле. Так или иначе, ее мир подходил к концу. Когда таймер дойдет до нуля, Трейси окажется изгоем либо узником.

Череда экранов показывала одну и ту же сцену с разных ракурсов: все новостные станции и сети сосредоточились на девушке в черном платье. Один экран переключился на обязательный строй истребителей, рассекавших воздух. Еще один продемонстрировал группу сенаторов и конгрессменов, прижавших ладони к своей проклятой патриотической груди. Трейси высматривала Джона, ей показалось, она увидела его рядом со сценой, в пиджаке, который подчеркивал красивые плечи, но оттопыривался на ребрах. Таймер показывал пять секунд. Кто-то из основателей принял шепотом считать.

Три.

Два.

Один.

Ряд нулей.

И ничего не произошло.

— Они до сих пор дышат, — сказал кто-то.

Игорь выругался и полез за своими чертовыми часами.

Три секунды длились целую вечность. Никто не шевелился.

— Твою мать, — произнес кто-то.

Камера Си-эн-эн тошнотворно накренилась, оператор пошатнулся, и Трейси поняла, что говорил один из репортеров. На другом экране возникла яркая вспышка, мелькнуло грибовидное облако, и картинка пропала.

Девушка уже не пела. Ее сменили заставки телеканалов и ошарашенные дикторы, уставившиеся на свои

мониторы. В студии новые яркие вспышки появились на последнем работавшем мониторе, который показывал какую-то панораму с большого расстояния. Три классических кошмарных грибовидных облака вознеслись к небесам, расталкивая другие облака. Затем монитор тоже отключился, неубедительно пообещав «скоро вернуться».

— Выключите! — вскрикнул репортер, махая кому-то за кадром. — Выключите...

И кто-то выключил. Где-то во всех этих венах щелкнул переключатель, и все говорящие головы на всех экранах повисли или склонились набок. Из носа махавшего репортера хлынула кровь. Его рот приоткрылся, глаза остекленели.

Основатели в командном центре затаили дыхание и молча смотрели, прижав руки ко рту. Сомневавшиеся поверили. Все замерло. На экранах двигались лишь тонкие красные струйки, стекавшие из носов и ушей. Не осталось ни одного живого человека, чтобы повернуть камеры, сменить картинку, которую могли видеть лишь десять основателей у оплетенных проводами мониторов.

— Вырубите их, — наконец попросил кто-то. Все вздрогнули.

Трейси смотрела, как Дмитрий возится с панелью управления. Он случайно переключил канал, попав на повторные показы. Шел сериал: семья за обеденным столом, неудачная шутка, «консервированный» смех из динамика, иллюзия того, что где-то там, как и всегда, продолжается жизнь. Но теперь консервированным был не только смех. Консервированными стали они все. Все человечество. То немногое, что от него осталось.

* * *

— Эй. Проснись.

Сны. Всего лишь сны. Черный призрак, рвущий когтями ее мать, злая ведьма, хоронящая отца и сестру. Об-

ливаясь потом, Трейси села на постели. Почувствовала, как на плечо легла рука.

— У нас проблема, — сказал кто-то.

Массивный силуэт на фоне тусклого света, льющегося из коридора.

— Анатолий?

— Идем, — позвал он и, тяжело ступая, вышел из крохотной комнатки под горой.

Трейси перебралась на другую сторону широкой койки, реквизированной для двоих, и натянула несвежие штаны и рубашку.

Туман кошмарных снов мешался с еще более кошмарными воспоминаниями о первом дне в комплексе, кружась в ее сонном мозгу. Но страх в голосе Анатолия прорвался сквозь липкий морок. Обычно невозмутимый, русский казался потрясенным. Неужели всех планов, как пережить конец света, хватило лишь на день? И началось восстание? Вчерашний вводный инструктаж прошел не слишком удачно. Начались стычки. Толпа собралась возле массивных входных дверей, рассчитанных на то, чтобы не только не впускать опасности, но и не выпускать людей.

А может, произошла утечка. И внешний воздух проник в бункер. Трейси босиком торопливо зашагала по коридору, пытаясь определить, нет ли жжения в легких, трогая верхнюю губу на предмет кровотечения. Последней мыслью, прежде чем она догнала Анатолия и они вместе вошли в командный центр, было видение однокого мужчины, защищенного от внезапной смерти, но все равно медленно умирающего, который слабо колотил по дверям и умолял, чтобы его впустили...

— Все в сборе? — спросил Дмитрий.

Худой программист оглядел комнату поверх очков. Среди основателей не было лидера. Трейси обладала особым статусом организатора группы, ведь именно она нашла «Инструкцию». Анатолий координировал аренду и планировку убежища. Но Дмитрий был самым ум-

ным, энтузиастом-самоучкой; именно он обезвредил машинки в их крови. Похоже, ему больше всех нравилось руководить. Никто его не одергивал.

— Что случилось? — спросила Патриция, затягивая пояс халата и обхватывая себя руками: в комнате было холодно.

— Программа, — сказал Дмитрий. — Она... изменилась.

Кто-то застонал. Трейси протерла глаза. Все подготовились к обычной технической болтовне программиста, которую трудно было переносить даже среди бела дня.

— Пятьсот лет, — сказал он. Поправил очки на носу и вновь оглядел собравшихся. — Не шесть месяцев. Пятьсот лет.

— До чего? — спросила Сандра.

— До того момента, когда мы сможем выйти наружи, — ответил Дмитрий и показал на дверь. — Когда мы сможем выйти отсюда.

— Но ты говорил...

— Я помню, что говорил. И все это есть в книге. Там написано — шесть месяцев. Но вчера запустилась программа. Это динамический код, он сам себя ассемблирует, и теперь таймер установлен на пятьсот лет.

В комнате стояла тишина. Единственным звуком было шуршание кондиционированного воздуха в потолочной решетке.

— Как ты узнал про эту новую программу? — спросил Игорь. — Здесь жучки? — Он кивнул на серебристую капсулу, опутанную проводами и трубками.

— Конечно, нет. Мы установили антенны, и через них я могу подключиться к ячеистой сети, посредством которой взаимодействуют машины. Вы вообще меня слушаете? Программа будет работать пятьсот лет. Эта книга, — он показал на том, лежавший на большом круглом столе, — это не руководство ко всей программе.

Она лишь для небольшой ее части, для одной стадии. Думаю, криокапсулы нужны для того, чтобы...

— Как нам ее изменить? — спросил Анатолий. — Ты можешь пролезть в сеть. Как нам выключить ее? Чтобы мы могли выйти прямо сейчас? Или переставить таймер обратно на шесть месяцев?

Дмитрий выдохнул и покачал головой. Так он делал, когда кто-то из основателей задавал вопросы, выдававшие фундаментальные пробелы в понимании того, что сам Дмитрий считал базовыми концепциями.

— Невозможно. Иначе я бы уже этим занялся. Я могу программировать тестовые машины в моей лаборатории, но захватить целую сеть? — Он снова покачал головой.

— Что это значит для нас? — спросила Трейси.

— Это значит, что еды нам хватит на год, — ответил Дмитрий. — Восемнадцать месяцев, в крайнем случае — два года, если будем нормировать. А потом мы все медленно умрем здесь, внутри. Или...

— Или что?

— Или быстро умрем там, снаружи.

Шерон стукнула по столу и сердито посмотрела на Дмитрия.

— У нас четырнадцать человек в лазарете и еще восемь под замком, после того как мы сказали, что им придется провести здесь шесть месяцев и все, кого они знали, мертвы. Теперь ты хочешь, чтобы мы сообщили им, что это была ложь? Что мы привели их сюда, чтобы уморить голодом?

Трейси обмякла на стуле. Подняла глаза на Дмитрия.

— Ты уверен? В прошлый раз ты ошибся с таймером. Сбился на несколько секунд. Быть может...

— Это была задержка трансляции, — сказал Дмитрий, протирая глаза под очками. — Все станции используют задержку трансляции. Я не ошибся. Ни тогда, ни сейчас. Могу показать вам код.

Кто-то застонал.

— Что ты говорил насчет капсулы?

— Я думаю, это инструкция для одной стадии, — ответил Дмитрий. — А капсула нужна для...

— Ты имеешь в виду, это холодильник? — перебила Патриция.

— Да. Криокапсулы позволяют разделить программу на стадии. Продержаться пять сотен лет. Я просмотрел одну из заявок, которые мы перехватили, и все сходится...

— Наша капсула работает? — спросил Анатолий.

Дмитрий пожал плечами.

— Никто из вас не захотел, чтобы я ее протестировал. Послушайте, нам нужно принять решение...

— Какое решение? Ты сказал, что мы все умрем.

— Не все, — возразила Трейси. Положив голову на ладони, она мысленно видела ведьму из своего сна, которая засыпала землей тысячи тел, извивавшихся, пытавшихся выбраться.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Патриция.

— Я имею в виду, что мы ничем не отличаемся от них. — Она посмотрела вверх и ткнула пальцем в мертвые экраны, которые когда-то показывали мир и людей с их гимнами. Людей, что обрекли человечество на смерть. — Перед нами — такой же выбор. Наш маленький мирок, наша горка недостаточно велика для всех нас. Поэтому мы должны принять решение. То же, что и они. Мы ничуть не лучше их.

— Да, — кивнул Дмитрий. — Насколько я понимаю, нашей еды хватит, чтобы восемнадцать месяцев кормить пять тысяч человек. Или пятьсот лет кормить пятнадцать.

— Пятнадцать? Зачем?

— Чтобы выжить, — ответил Дмитрий. Но его тон подразумевал нечто более мрачное и зловещее. Трейси попыталась представить, о чем он умолчал. Кто-то озвучил ее мысли:

- И убить всех остальных? Наши семьи?
— Ни за что, — произнес кто-то другой.

Трейси смотрела, как волнуются ее коллеги, основатели. Это очень напоминало вводный инструктаж. Рано или поздно будет драка.

— В любом случае нам столько не прожить, — сказала она, пытаясь продемонстрировать бессмысленность спора.

— Поколения! — выпалил Анатолий. Почесал бороду, словно обдумывая некий безумный план. — Одно рождение на одну смерть.

Взгляд Трейси вернулся к книге в середине стола. Другие тоже смотрели на нее. Под обложкой имелся подобный параграф. Внезапно сразу несколько параграфов обрели смысл. Ответ был перед ними, только никто не хотел его видеть. Эта книга производила такой эффект.

— Я в этом неучаствую, — сказала Наташа. — Ни в коем случае. Лучше проведу год с семьей, чем стану обдумывать то, что предлагаете вы.

— А не изменится ли твое мнение через год, когда будет съеден последний паек и нам останется лишь наблюдать, как мы все медленно умираем? Это все равно случится, сейчас или потом. Какой путь чище?

— Мы рассуждаем, как они, — прошептала Трейси. Вновь посмотрела на экраны, увидела в одном свое отражение.

— Отряд Доннера, — произнес Шерман. Кто-то из русских покосился на него, и он начал объяснять: — Переселенцы, которые шли на запад двести лет назад. Они застряли в горах, и им пришлось...

— Мне знакома эта история. Не вариант.

— Я и не говорил, что это *вариант*. — Шерман повернулся к Наташе. — Я хотел сказать, именно так мы начнем думать через год. Или восемнадцать месяцев. Неважно.

Наташа дернула себя за локон, схватила волосы губами и ничего не ответила.

— Это будет быстро, — сказал Дмитрий. — У нас остались канистры с моими тестовыми нанороботами. Их я могу программировать. Сперва придется вакцинировать себя...

— Слишком быстро, — перебила Трейси. — Нужно все обдумать.

— За тридцать шесть дней число людей уменьшится до четырнадцати, — предупредил Дмитрий. — Если продолжим раздавать еду с такой скоростью, каждый месяц задержки будет стоить нам одного человека. Как долго ты хочешь думать?

Он снял запотевшие очки и протер. В комнате стало жарко.

— Мы в спасательной шлюпке, — сказал Дмитрий. — Она дрейфует к берегу, но медленнее, чем мы надеялись. Нас в этой шлюпке слишком много.

Он вернул очки на переносицу и невозмутимо оглядел собравшихся.

— Мы все должны были погибнуть вчера, — произнес Анатолий. — Наши семьи. Мы сами. Все. Никого из нас не должно здесь быть. Каждый день — это подарок. Целый год — благословение.

— Неужели так важно, чтобы кто-то из нас пережил все это? — спросила Патриция. Головы повернулись к ней. — Я хочу сказать, это будем даже не мы. Если решим так поступить. Это будут наши потомки. И что за ад ждет их здесь, в этой дыре, где им придется обитать поколение за поколением, поддерживая численность ровно в пятнадцать человек, совокупляясь с братьями и сестрами? Разве это можно назвать выживанием? Какой в нем смысл? Какой смысл пытаться пережить это? Нас все равно будут ждать сволочи из Атланты.

— Вот поэтому мы и должны выжить, — ответила Трейси.

— Трейси права, — кивнул Дмитрий. — Именно поэтому. Чтобы все это не сошло им с рук. Разве не тако-

вы были наши планы с самого начала? Вот почему еды нам хватит на год, зато оружия у нас достаточно, чтобы перебить целую армию.

— Пятнадцать человек — не армия.

— Но они будут знать, — сказал Дмитрий. — У них будут легенды. Мы все запишем. Используем первых пятнадцать на полную катушку. Позаботимся о том, чтобы никто никогда не забыл...

— Ты хочешь превратить это в религию.

— Я хочу превратить это в идею.

— Или в культ.

— Мы ведь не оставим мир уродам, которые это сотворили?

— Сейчас мы ничего не будем решать, — заявила Трейси, потирая виски. — Мне нужно поспать. Нужно повидаться с семьей...

— Никто не должен об этом знать, — сказал Анатолий.

Трейси выразительно посмотрела на него.

— Я не собираюсь ничего рассказывать. Но нужно выждать пару дней, прежде чем переходить к действиям. — Она заметила лицо Дмитрия. — Ведь мы можем позволить себе два дня?

Он кивнул.

— И ничего не программируй, не посоветовавшись с нами.

Снова кивок.

Шерман безрадостно усмехнулся.

— Точно, — сказал он. — Мне тоже нужно поспать. — Он ткнул пальцем в Дмитрия. — И нужны гарантии, что я проснусь утром.

На следующий день Трейси взяла завтрак в столовой, увидела трех основателей за столиком в углу и присоединилась к ним. Все молчали. Поедая хлеб с консервированной ветчиной, Трейси смотрела на толпы не-

знакомцев, которые пробирались между столами и стульями, знакомились, оглядывались и пытались примириться с заключением. Со спасением. На мгновение гул голосов и звяканье ложек по тарелкам заглушил громкий взрыв смеха. Трейси поискала глазами его источник, но смех смолк так же резко, как и начался. Она наблюдала, как Игорь жует хлеб, устремив безжизненный взгляд куда-то за пределы горы, и знала, что он думает о том же, о чем и она. В этом помещении собрались призраки. Им придется сделать то, что придется. И впервые Трейси поняла, что испытывал Джон все эти годы. Она вспомнила, как он оглядывался в ресторане, какими затравленными были его глаза и как он внезапно бледнел. *Ищет выход, обычно думала она. Ищет выход на случай, если все полетит к чертям.*

Но нет — он занимался именно этим: рассматривал окружавших его людей, окружавшие его тела. Как он мог искать выход, если выхода не было?

Трейси заметила сестру и Реми, которые отходили от линии раздачи с подносами в руках. Начала было махать им, потом одернула себя. Увидев сестру среди живых мертвецов, она поняла, что нужно делать. Трейси положила хлеб и оставила поднос на столе. Надо было найти Дмитрия. И узнать, получится ли.

* * *

Требовалась новая «Инструкция», новый сборник правил. Десять основателей и еще пять человек, которых они выберут, потратят остаток жизни на проработку деталей, чтобы составить точные указания. Трейси решила, что не присоединится к ним. Если бы здесь был Джон, она бы попробовала, но она не могла выбрать в партнеры ни одного мужчину из их группы.

Первым делом следовало написать собственные указания, собственные инструкции. В том числе как открыть огромные двери склепа, на случай если никого не останется. Дни и ночи она сидела в командном цен-

тре, помогая Дмитрию с капсулой, донимая его вопросами, на которые у него не было ответа. Криокапсула была рассчитана на одного человека. Поняв, что это такое, они не стали ее проверять. Пока Дмитрий переделывал трубки, Трейси втиснулась внутрь, чтобы оценить размеры.

— Может, одну голову сюда, а другую — сюда? А ноги — вот так.

Дмитрий пробормотал что-то себе под нос. Он пытался натянуть кусок трубы на маленький разветвитель. Получалось не очень.

— Помощь нужна? — спросила Трейси.

— Справлюсь, — ответил он.

— Что, если... что-то случится со всеми вами и потомков не будет? Что, если некому будет ее открыть?

— Уже работаю над этим, — сказал Дмитрий. — Антенна, которая ловит ячеистую сеть. Я могу так ее настроить, что когда их таймер обнулится, капсула откроется. Не важно, произойдет это через двадцать лет или через двадцать тысяч, пока здесь будет энергия... — В конце концов ему удалось натянуть трубку на разветвитель. — Не волнуйся. Я об этом позабочусь. Спешить мне некуда.

Трейси надеялась, что он прав. Хотела верить ему.

— Как ты думаешь, на что это будет похоже? — спросила она. — Это будет... мгновенно? Словно не успел закрыть глаза вечером, как уже утро и звонит будильник? Или будут сны, множество снов?

— Я не знаю, — покачал головой Дмитрий. Открыл было рот, потом молча вернулся к работе.

— Что? — спросила Трейси. — Ты что-то от меня скрываешь?

— М-м... ничего. — Он отложил трубку и скрестил руки на груди. Затем повернулся к ней. — Как по-твоему, почему никто не сражается за место в этой штуке? — Он кивнул на капсулу.

Трейси об этом не думала.

— Потому что я попросила первой? — предположила она.

— Потому что это гроб. Люди с незапамятных времен хоронят своих близких в гробах. До сих пор никто не проснулся.

— То есть это плохая идея?

Дмитрий пожал плечами.

— Мне кажется, люди, сделавшие это, думали не о тех, кто окажется *внутри*.

Трейси вытянулась в стальном цилиндре и принялась размышлять о том, каким эгоистичным было все это. Подарить жизнь, когда не просят. Забрать жизнь, чтобы спасти кого-то другого.

— Последние два дня я думаю лишь о том, какую мы совершили ошибку, — сказала она и закрыла глаза. — Все бессмысленно. Все зря.

— Такова жизнь, — заметил Дмитрий. Открыв глаза, Трейси увидела, что он размахивает каким-то инструментом, уставившись в потолок. — Мы падем бесславно. Мы не оставим следа. Ты поступила правильно. Они — нет. Из-за них мы оказались в этой жопе, не из-за тебя.

Трейси не хотелось спорить. К чему? Это не имело значения. Ничто не имело значения. Быть может, именно это и пытался сказать ей Дмитрий.

Она вылезла из «гроба-в-склепе», чтобы в последний раз проверить ресурсы, чтобы убедиться, что оболочка герметична. В большом ящике лежали ее рукописные инструкции, комплект карт, два пистолета, одежда, походный инвентарь Реми и Эйприл и пищевые пайки.

Пять сотен лет — слишком долго, чтобы строить планы, почти невероятно долго. А потом ей пришло в голову, что она ошиблась. Ошиблась насчет огромных дверей, что вели под гору. Это был не склеп. Мертвые были снаружи. А здесь сохранился пузыrek жизни, погребенный глубоко в скале. Пузыrek, едва вмещавший пятнадцать человек. Пятнадцать и еще двух.

Прежде чем разбудить сестру, Трейси прокралась в комнату отца и тихо поцеловала его в лоб. Поправила редеющие волосы и поцеловала еще раз. Последний раз. Вытерла слезу и пошла в соседнюю комнату. Игорь и Анатолий ждали за дверью. Они согласились помочь ей. Их не обрадовало ее решение, но она обменяла свое место на два других.

Они тихо вошли в комнату. Русские держали шприцы наготове. Сперва склонились над Реми. Все произошло быстро, он даже не дернулся и не разбудил жену. Затем пришла очередь Эйприл. Трейси подумала обо всем том, что собиралась взвалить на них, на сестру и на Реми. Бухгалтера и школьную учительницу. Сегодня вечером они легли спать — и что найдут, проснувшись? Пятьсот лет, пролетевшие, словно одно мгновение. Ключ на шее. Записку от нее. С извинением.

Игорь поднял Эйприл, Трейси помогла Анатолию с Реми. Они поплелись по темным коридорам со своей ношей.

— Продолжайте, — шептала Трейси свою мантру, ужасный отказ от всего, что они сделали. Но теперь это было обещание. Это была надежда.

— Продолжайте, — шептала она сестре. — Продолжайте, за всех нас.

РОБИН ВАССЕРМАН

Робин Вассерман — автор нескольких книг для детей и подростков, в том числе «The Waking Dark», «The Book of Blood and Shadow», трилогия «Cold Awakening», «Hacking Harvard» и серия «Seven Deadly Sins», по которой был поставлен популярный телевизионный мини-сериал. Ее статьи и рассказы публиковались в антологиях, а также в «The Atlantic» и «The New York Times». Бывший редактор детских книг, сейчас она сотрудник университета Южного Нью-Гэмпшира. Живет и пишет в Бруклине (Нью-Йорк). Узнайте о ней больше из сайта robinwasserman.com или присоединяйтесь к ее [@robinwasserman](https://twitter.com/robinwasserman).

Дорогой Джон

Дорогой Задрот,
не думай, что мне плевать, раз я пишу это на туалетной бумаге. Туалетная бумага не символична, а целесообразна. И то, что письмом тебе я могу подтереть задницу, — всего лишь приятное совпадение.

Эти письма призваны помочь нам вернуться в счастливые времена. По крайней мере, так утверждает Исаак. Окунуться с головой в чудесные воспоминания, потом выдернуть затычку и смотреть, как они стекают в канализацию. Написать слезливые «я тебя люблю» и «быть может» всем тем, кого мы потеряли, затем сжечь и попрощаться с дымом и пеплом. Или, в моем случае,

написать — подтереться — смыть. Прощай. Исаак говорит, это принесет облегчение. Очевидно, он не знает, что такое двусмысленные метафоры. И не знает свою паству, раз воображает наличие чудесных воспоминаний и счастливых «быть может». С подобными воспоминаниями в такие места не попадают.

Наверное, тебя удивит, что я попала сюда, лоханулась именно таким образом, но ведь мы давно не виделись. Дерьмо случается. Может, меня бы тоже удивило твоё местонахождение. Я в этом сомневаюсь, но из вежливости допускаю такую возможность. А ты думал, что я на это не способна. Дерьмо случается; люди — по крайней мере, те из нас, что время от времени выбираются из подвала, — меняются. Вот она я, после расставания с тобой: Остин, потом Л.А., потом обратно в медвежье брюхо Америки, пусть это и близковато к дому, скачу по засраным городишкам на I-70, шесть месяцев обслуживаю дальнобойщиков в забегаловке, ощущая себя героиней детективных сериалов, которой суждено сыграть звездную роль трупа на помойке, потом пустыня, потом горы, потом равнины — и везде, где я останавливалась, каждый, ради кого я останавливалась, обещал, что это навсегда. Помнишь, как я лишила тебя невинности, а ты сказал, что прикуешь меня к постели и не выпустишь, пока я не состарюсь и не сморщусь и не придет время обзавестись новой моделью? Постельные разговоры стали лучше, но мужчины — нет, и ни один из них не продержал меня дольше тебя. Может, люди все-таки не меняются. («Я изменился», — сказал ты, но это я изменила тебя, и если твоя уродина-ученица желала переспать с тобой, причина лишь в том, что я заставила тебя выбросить оранжевые сабо и перестать шептать себе под нос, когда ты думал, что никто не смотрит). Итог: сперва кончала я, потом кончали они, потом они уходили. Пока я не спуталась с Детьми Авраама, потому что отец Авраам сказал, что Господь никогда меня не покинет, вот только сам отец Авраам

покинул меня, а гребаный мир кончился, аккурат в тот день, когда он и предсказывал, и где оказалась я?

Здесь, в Ковчеге, надежно запертая в горном бункере, с отприском Авраама и всеми прочими, которым хватило глупости поверить ему, когда они с папашей заявили, что конец близок. Мир нас кинул, но мы просекли фишку и кинули его первыми. Пошли за пареньком в горы и забаррикадировались листовым металлом и ключей проволокой, ожидая гнева Божия и гадая, какую форму он примет. Неудивительно, что он решил вышвырнуть нас, как динозавров. Читать тут нечего, кроме Библии, и я прочла достаточно, чтобы понять: шутки у Господа однообразные. Ему нравится сокрушать и — крайне редко — спасать. Думаю, мы ему тоже нравимся — перевоспитавшиеся шлюхи, и нарки, и воры, и бедолаги, что пытаются сбежать от собственных воспоминаний и скверных мужей, — потому что мы до сих пор живы. Ты всегда так гордился своей гребаной нормальностью. Я бы предложила посмотреть, куда это тебя завело, но оттуда ты вряд ли меня услышишь. Ты был снаружи, с прочими козлами, обдевал свои нормальные делишки, когда случилась жопа. Исаак говорит, нужно думать, будто все несчастные душонки, застигнутые врасплох, скончались быстро и мирно. От аневризмы в тот миг, когда небеса раскололись. Стремительное, чистое уничтожение.

Я предпочитаю думать иначе.

Ты был в подвале, когда это случилось, — вот что я предпочитаю думать. Просидел там два дня подряд, вцепившись руками в джойстик (да, я в курсе, что его не называют джойстиком с 1988 года, но хер у тебя получится капать мне на мозги с того света), с плесневелыми коробками от пиццы под ногами и порнухой на стене, потому что ты настолько разжирел, что уже много лет ни одна девица не бывала в твоей усыпальнице, и больше нет смысла скрывать свои извращения. Ты

палил куда ни попадя и радостно хихикал, а когда услышал первые взрывы, подумал: *Крутые спецэффекты, чувак!* — в то время как наверху небо рушилось на землю, а потом твоя крыша тоже рухнула, и когда на другой день ты решил сползти с дивана и пополнить запасы пива, оказалось, что дверь придавило десятью тоннами мусора, телефоны не работают, а вай-фай умер, и какая жалость, твой аварийный генератор кончился быстрее запасов пищи, и потому последние свои дни на Земле ты провел в темноте, без электричества, сперва дроча джойстик, словно можно было повернуть взрывы вспять, затем переключившись на собственный член, пыхтя и напрягаясь, воображая, что я стою на коленях и отсасываю тебе, пока ты расстреливаешь очередное выдуманное королевство, прислушиваясь к печальному, слабому отзвуку моего голоса, — потому что ты навсегда запомнил первую девчонку, которая тебя бросила, которую ты прижал к полу в ванной, плача, пуская сопли и умоляя: «Прошу, детка, не бросай меня!» — пока у нее не помутилось в мозгах и она не сказала: «Ладно, милый, если я тебе нужна, я останусь», — и осталась, пока ты не заскучал и не бросил ее сам, — думая, что если бы ты ее не бросил, тебе не пришлось бы дрожать одному в темноте, лишаясь рассудка, и сначала у тебя кончилась еда, потом пиво, а потом ты медленно умер, поскуливая, в луже собственной блевоты и спермы.

Думаю о тебе, не пропадай!

С любовью,

Хизер

Дорогой Толстосум,
помнишь, как ты смеялся надо мной, потому что
я всегда заказывала одно и то же? Ты сам делал заказ

за меня, прежде чем я успевала открыть рот. Куда бы мы ни пошли, ты знал. Телятина парминьяна. Пад тай. Цыпленок тикка масала. Сначала мне казалось милым, что ты делаешь вид, будто тебя это тревожит, потому что выпендрежные куски говна обычно не тревожатся по поводу девиц, которые знают, чего хотят, и не меняют своего мнения. Я ведь не приносила с собой сэнди-чи с арахисовым маслом и джемом, чтобы тайком поедать их из-под стола, пока ты наслаждаешься суши, так откуда мне было знать, что всякий раз, заказывая пад тай или позволяя тебе заказать его для меня, я укрепляла твое мнение насчет моей безынициативности, и скучности, и провинциальности, и негибкости, и «незелания дать обстоятельствам шанс»? Почему-то тебе было стыдно за меня перед официантами или друзьями, а может, перед всевидящим божеством, которое ждало от тебя чего-то большего, нежели подружка, боявшаяся отведать телячьих почек.

Тебе бы здесь не понравилось.

Здесь мы едим бобы и снова бобы. Консервированного тунца и консервированные персики. Мы едим арахисовое масло, если ведем себя особенно хорошо, а если плохо — ничего не едим. Каждый день — одно и то же. Иногда, в первое время, мужчины надевали костюмы и отправлялись на охоту, чтобы добыть на вечер свежее мясо, но зима выдалась слишком долгой и слишком холодной, и, говорят, все животные умерли. Говорят, нам не нужно выходить наружу, в этом и есть смысл нашего Ковчега. Мы подготовились. Проходят месяцы, а запасы еды не убывают. Мы тщательно все распланировали — бобов нам хватит на годы.

Годы бобов, тунца, персиков и арахисового масла. Можешь себе такое представить? Ты, считавший, что невозможно есть одно блюдо два вечера подряд. Это удел нищих, говорил ты, но когда я попыталась отдать объедки настоящему бедняку, ты ударил меня по руке и заявил, что я потворствую слабакам. Бродяге при-

шлось слизывать телятину парминьяна с асфальта. Вот что бывает с теми, кто встречается с республиканцами, сказал ты мне той ночью, распяв меня на своем догощем матрасе. Так ты представлял себе сальности.

Однако я заметила, что ты ничего не имел против одной и той же наркоты каждый вечер. Ты любил наркоту; тебе нравилось, что у меня есть пропащие дружки, которые могут ее достать. Тебе нравилось, что я хорошо выгляжу в купленных тобой платьях и достаточно мило улыбаюсь твоим приуркам-друзьям, чтобы те злились и, приходя домой, вымешали злость на своих уродливых подружках; тебе понравилось, что я трахнула одного из них, когда ты попросил меня об особым одолжении — *пожалуйста, ради меня, детка*; тебе понравилось, что ты смог заставить меня сделать это, но не понравилось, что я это сделала. *Обслужила его*. Отсосала, и позволила трахнуть себя в задницу, и кончить себе на сиськи; все это было достаточно мерзко, но еще мерзее оказалось то, что ты заставил меня рассказать тебе об этом, рассказать, когда твой член был во мне, рассказать, каким был его член, что он был меньше и мягче твоего, что твой друг был обрюзгшим, с дурным дыханием и редеющими волосами, что он до крови прикусил мне сосок, а когда я сообщила тебе все, что ты хотел услышать, ты вышвырнул меня из постели и заявил, что я сплю с тобой только из-за денег (что соответствовало действительности) и никогда не стала бы спать, если бы ты был бедным (что тоже соответствовало действительности), а потому я шлюха (что, возможно, тоже правда). Теперь я думаю, что мне больше нравился твой бассейн, чем ты сам. Твой бассейн, и твои глупые рестораны, и твой кокаин, несмотря на то что без меня его бы у тебя не было. Больше всего мне нравилось, когда ты уезжал на выходные, а я могла лежать на матрасе в голубой хлорированной воде, пьяная и покрасневшая от солнца, и смеяться облакам, журчанию фильтрационной си-

стемы бассейна и тому, как сморщивалась от влаги кожа на пальцах. Я представляла, будто это мой бассейн, моя жизнь; представляла, как твой самолет врезается в гору и какой-то седовласый адвокат появляется на пороге, берет мою ладонь в свои и мягко сообщает, что ты все оставил мне.

Это ложь.

Я представляла, как ты возвращаешься — но другим. Что-то новое в твоем лице, когда ты смотришь на меня, словно наконец понял, зачем я тебе нужна. Я представляла, как мы вместе лежим на матрасе в бассейне, счастливые; как, будто в самом начале, ты прижимаешь меня к раковине в позолоченных туалетах, пока официанты делают вид, что не замечают нашего долгого отсутствия; ты рвешь мою дешевую блузку, словно Тарзан, и говоришь, что я напоминаю тебе шедевр Микеланджело, что лизать мои соски — все равно что осквернять бесценное произведение искусства, что ты хочешь похитить меня, ты хочешь обожать меня, ты хочешь меня. Но ты возвращаешься из последней поездки и говоришь, что хочешь женщину, которая лучше впишется в твой мир и сможет сама выбирать себе суши.

Больше нет богатых; больше нет бедных. Есть имущие и неимущие. Мы, Дети Авраама, возлюбленные сыновья и дочери Господа, имеем: убежище; пищу; генераторы; пушки; жизнь.

Вы, все прочие, не имеете ничего.

Мне больше не нужно бояться, что меня бросят, что меня перестанут хотеть. Во-первых, теперь наши желания не имеют значения — идти некуда. У нас есть радио, и мы знаем, что творится снаружи, точнее, знаем достаточно, чтобы себе представить. Города, стертые с лица земли; Западное побережье, ушедшее под воду; низвергнутые правительства; повсюду мятежи и трупы. *Tohu va vohu*, — Исаак говорит, так начинается Библия на иврите. В начале земля была безвидна и пуста, и тьма

над бездною; этим все началось, говорит он, этим и закончится. Исаак говорит, мы слишком долго были одни; пришла пора быть вместе. Не только в том смысле, что все мы собирались в Ковчеге, но и в том, что каждый из нас должен объединиться с другой душой, составить пару как положено. Исаак сам подберет нам партнеров. Он утверждает, что Господь дал ему подсказки насчет подходящих союзов, а поскольку этот же Бог просветил его по поводу конца света и способов выжить, придется ему поверить. Это намного проще, чем старый подход. Исаак разобьет нас на пары, а потом, через десять дней, мы соединим руки и души перед лицом Господа. Мы поклянемся Ему. *Навсегда*, — поклянемся мы, и так тому и быть. Это тоже кое-что новенькое. Когда знаешь, что Бог способен разозлиться и уничтожить мир, не хочется нарушать слово.

Однажды ты сказал, что, если мне удастся связать кого-то брачными узами, нужно обязательно составить брачный контракт, чтобы, когда муж меня бросит, я получила свою долю. «Вообще-то я получу твою долю, — заметила я. — Разве не так работают брачные контракты?» Ты рассмеялся. И уточнил, что тебя рассмешила не глупая шутка, а сама мысль, будто ты способен на мне жениться.

Тогда-то мне и следовало догадаться. Не потому, что ты рассмеялся, а потому, в какой момент ты это сделал. Если ты выйдешь замуж; когда он тебя бросит. Ты раньше меня понял, что я из тех девушек, которых бросают.

И теперь ты снова меня бросил.

Не волнуйся, на этот раз я не стану устраивать сцену.

Я думаю, ты погиб вместе с Калифорнией, когда ее смыло волной. Может, перед смертью ты пожалел, что не научился плавать; это не спасло бы тебя, но ты бы продержался чуть дольше или сохранил бы чуть больше достоинства. Может, ты бы увидел, как всплывает Л.А., как надпись «Голливуд» качается на волнах вместе

с силиконовыми имплантатами, как «Ягуары», «Рэндж Роверы» и «Феррари» погружаются на дно, как рыбы срут на итальянскую кожу, как трупы анорексичных старлеток раздуваются на солнце; ты умрешь, а я буду жить, хотя твой дом сделан из кирпича и мрамора, а мой — из старых коробок. «Три поросенка» — плохое руководство, как пережить конец света, и кроме того, наше творение надежно: дуй сколько влезет — Ковчег даже не шелохнется. Там, где ты сейчас, на ужин подают только морепродукты, вечер за вечером. Полагаю, обстоятельства получили свой шанс.

С любовью,

Хизер

Дорогой Джон,

помнишь, как мы шутили? Как я оставляла тебе записки: «Дорогой Джон, я тебя не бросила, но, пожалуйста, купи молоко по дороге домой». Как мы решили, что если я когда-нибудь действительно брошу тебя, то напишу: «Дорогой Джон, на этот раз я это сделала». Ты считал несправедливым, что твое имя ассоциируется с расставаниями*. Ты сказал: «Я никогда тебя не брошу. Только не я. Только не тебя».

Интересно, это любовь делает нас глупыми или глупость — необходимое качество, чтобы влюбиться?

Можешь считать это письмом, которое ты так и не получил. Можешь думать что угодно, только не думай, будто я по тебе скучаю.

Луковое дыхание. Потливость. Царапанье вилкой по тарелке. Постукивание ручкой по зубам. «Музыка мыслей», так ты это называл.

«Музыка мыслей»! Что за человек способен придумать такое?

* «Дорогой Джон» (Dear John) — письмо о разрыве отношений, обычно от невесты солдату в армию.

Внеси все это в список «Вещей, по которым я не скучаю».

Можешь еще добавить вранье.

Я никогда тебя не брошу.

Я никогда тебя не брошу.

Я никогда тебя не брошу.

Когда ты смотрел на меня своими щенячьими глазами, я почти в это верила. А издевки над страхом? Просто выключи его, говорил ты, словно никогда не боялся.

Как мне могло прийти в голову, что все получится, что я проведу вечность с человеком, который не понимает, что такое страх? Вот моя вечность, по состоянию на сегодняшнее утро: черные моржовые усы и седеющая жидаенькая бородка, жилистые бицепсы и кривобокие уши. Маленькие руки, большой нос. Его зовут Гэвин, и мне кажется, в другой жизни он был богачом. Из тех, у которых случается кризис среднего возраста, когда они обнаруживают, что их «порше» не способен волшебным образом повернуть годы вспять, и обзаводятся кем-то вроде меня, шлют цветы и дают обещания, а потом подписывают бумаги о разводе и женятся на ком-то другом. Вот только Гэвин действительно бросил свою жену, бросил ее умирать вместе с миром, и теперь, здесь, есть только я. Исаак говорит — точнее, говорит, что так говорит Господь, — будто мы созданы друг для друга. Может, он кидал дротики или вытаскивал имена из шляпы. А может, это действительно Господь, и Гэвин — моя судьба.

У меня есть подруга, и она считает это полной херней, хотя никогда не произносит подобных слов. Тереза Бэббидж, присматривавшая за Исааком, когда тот был обычным ребенком, а не Нашим Спасителем. Она рассказала мне, что однажды он так испугался какого-то кошмара, что надул в постель, в одиннадцать-то лет; она заставила меня дать клятву молчать, потому что если про это узнают, он поймет, кто проговорился,

а мы обе догадывались, что за этим последует. Так вот, она считает, что это полная херня, что Исаак заставляет нас жениться, потому что запретил трахаться до свадьбы, и многим одиноким мужчинам этого не хватает. Я не стала говорить, что мне тоже этого не хватает. Ей бы это не понравилось. И не стала говорить, что в свадьбе по договору нет ничего нового. Мужчина заявляет, что хочет быть с тобой, и ты остаешься. Мужчина заявляет, что больше не хочет быть с тобой, и уходит. В данном случае Исаак говорит, что хочет, чтобы я была с каким-то женщиной. Единственная разница в том, что не имеет значения, хочет ли мужчина быть со мной.

Гэвин не бросит меня, а я не брошу его. Вот в чем основное различие. Я не жду, что он спасет меня, не жду, что он будет любить меня или хотеть. Я не жду ничего, кроме одного: мы будем вместе, а не порознь.

Ты говорил, что тебе нравится спасать людей, говорил, что спасешь меня. Что ты не такой, как другие. Ты останешься, ты докажешь мне, что можно остаться, что не все уходят. Уходят только неправильные люди, говорил ты, и мне повезло, что они ушли, потому что иначе не было бы тебя. Вместе не всегда лучше, чем врозь. Только с тобой.

Ты говорил, что не боишься меня. Что ничто во мне не заставит тебя сбежать. Что мы больше никогда не будем одиноки, что мы будем вдвоем наедине. Помнишь, как мы превратили квартиру в крепость, решили навсегда забаррикадироваться от мира? Мы залегли под одеялами с неисчерпаемым запасом карамелек и газировки, которых должно было хватить на все шесть сезонов «Клана Сопрано», и всякий раз, когда головорезы Тони кого-то убивали, мы целовались. Мы были глупыми и не понимали, что такое крепости, и баррикады, и вечность. И мы так и не досмотрели «Сопрано», о чём я очень жалею, ведь «Нетфликс» прекратил свое существование, и, как выяснилось, у любителей кабельного телевидения

и фанатиков Судного дня не слишком много общего, а потому никто не может рассказать мне, чем все закончилось. А если бы и мог, не стал бы разыгрывать сценки глупыми голосами, как делал ты, когда я пропускала серию.

Иногда я думаю вот о чем. О дне, когда догадалась, что дипломированный придурок, являвшийся каждый день, чтобы сменить арендованный автомобиль, потому что сиденье недостаточно далеко откидывается назад, или дребезжит крышка бензобака, или заедает сцепление, или радио не ловит верхний край УКВ-диапазона, вовсе не был таким уж дипломированным придурком; что ему было наплевать на грабаные автомобили, что он просто искал повод улыбнуться девушке за стойкой. О дне, когда я улыбнулась в ответ. О четырех днях, которые ждала твоего следующего шага. О ямочках на твоих щеках, когда мы занялись сексом. О том, что ты сказал, когда отвез меня домой тем вечером — в первый раз, прежде чем приехать обратно на своей арендованной консервной банке, осознав, что тянуть не следует. Ты сказал, что вернулся не потому, что я показалась тебе симпатичной. Нет, ты считал меня симпатичной. Разумеется, считал. Но вернулся не поэтому.

Мне нравилось, когда ты заикался. Нравилось, что я заставляла тебя нервничать.

Ты вернулся, потому что забыл поблагодарить, когда я дала тебе ключи, а я заметила, что это не слишком вежливо.

Не просто симпатичная девушка — симпатичная девушка, у которой выдался паршивый день на работе, где требовалось улыбаться и быть милой. Симпатичная девушка в платье с бабочками и блестящим «гвоздиком» в носу, с камуфляжным лаком на ногтях; девушка, которую кто-то обидел, которой попалось на одного паршивого клиента больше, чем следовало, — и от этого в твоей душе что-то проснулось, сказал ты, и ты вернул-

ся на следующий день, чтобы проверить, не уволилась ли я. У тебя сложилось обо мне впечатление, сказал ты. Словно я была тропическим жучком на цветке и легчайший ветерок мог спутнуть меня.

Мне понравилось, что ты вспомнил, во что я была одета; понравилось, что ты не сравнил меня с грабаной бабочкой.

Признаюсь, ты прав: с тобой было по-другому. С тобой было лучше, но в итоге все свелось к одному и тому же: все закончилось. Не имеет значения, насколько хорошим было что бы то ни было, если оно закончилось; то, что оно было хорошим, лишь усиливает боль, так что какая грабаная разница?

Все кончено. Теперь у нас есть лишь одна вечность. Мы оба знаем, что ты умер, и оба знаем как, и я не хочу об этом говорить.

С любовью,

Хизер

* * *

Дорогой Лживый Ублюдок,
надеюсь, ты умер в лесу и твою самодовольную физиономию сожрали сбежавшие из зоопарка медведи, яйцеголовый уебок.

С любовью,

Хизер

* * *

Дорогой Учитель,
это была моя первая пятерка с плюсом, и надо полагать, я доказала, что едва ли тяну на тройку, поверив тебе. Поверив твоим словам, что у меня есть талант, в реальной жизни, а не в твоем кабинете, у стола, с за-дрянной юбкой, когда мы оба прислушивались, не идет

ли кто, хотя лишь один из нас мог распознать этот звук. Ты пишешь, как настоящий писатель. Вот что ты нацарапал на последней странице. Зайди ко мне после уроков, — и дважды подчеркнул. Пятерка за усердие.

Я думала, дело в моей жизненной философии. Считала себя портретом художницы в юности. Думала, ты любишь меня поэтому, и потому, что я смеюсь, словно у меня есть секрет, и потому, что я бдительно выжидаю на границе жизни и вижу вещи, которых большинство видеть не может, — ведь именно так ты мне говорил. А вовсе не потому, что я могу отсосать, как профессиональная шлюха, или потому, что у тебя загадочная страсть к костлявым запястьям и слэп-браслетам, или потому, что мне хватило глупости верить, когда ты говорил, что я умна.

Знаю, знаю: я похожа на ребенка, когда жалуюсь.

Теперь мне кажется, что именно это тебе нравилось больше всего.

Возраст — всего лишь число, говорил ты, что в ретроспективе объясняет, почему тебе нравилось трахать подростков: ты полагал, что мы перепутаем клише с мудростью.

В ретроспективе многое становится ясным, не только клише: например, поступки девочки, выросшей без отца, и печальная алчность мужчины за тридцать, отчаянно желающего удержать уходящую молодость. Мне было шестнадцать, тебе — на шестнадцать лет больше, между нами могла поместиться еще одна я. Что, надо полагать, тебе бы понравилось.

Тереза Бэббидж всего на девять лет старше Исаака; это кажется весьма отталкивающим сейчас, когда ему тридцать, но уже не станет вызывать такого отторжения в будущем, и в любом случае не тебе судить. Исаак говорит, когда ему исполнится тридцать, он станет мужчиной: так это делалось в библейские времена — и посмотрите за окно, они вновь наступили. (Окон у нас нет, но мы все понимаем, что он имеет в виду.) Он го-

ворит, Господь хочет дать ему женщину, а сам он хочет, чтобы этой женщиной была Тереза, и раз уж возраст — всего лишь число, а все, что говорит Исаак, сбывается, так тому и быть. Вот что мы все сказали себе и пожали плечами.

Неудивительно, что он выбрал именно ее: не потому, что она ближе всех ему по возрасту, не считая маленьких детей, и не потому, что она горячая штучка, а потому, что она была его нянькой, и это самое близкое к учителю, что у нас есть. (*Весьма горяча для учительницы — вот очередное прекрасно знакомое тебе клише.*) Она нарушала правила ради него, позволяла ему позже ложиться спать, разрешала смотреть фильмы ужасов, даже после того, как начались кошмары, посредством которых Господь возвещал конец света, и во всем этом есть нечто пьянящее: вместе нарушать запреты, шнырять в темноте, делить общий секрет. А секреты имеют тенденцию плодиться.

«Пишите рискованно», — сказал ты нам, раздав журналы. Пишите о том, что чувствуете и чего боитесь. Не нужно стерилизованного говна про выпускные балы и щенков. Ты называл их журналами, а не дневниками, потому что дневники — для маленьких девочек, и ты обещал, что, кроме нас, их никто не увидит. «Превратите страницы в хранилище своей души», — предложил ты нам, но когда я показала тебе листы, на которых рассказывала о том, каков ты на вкус и как вело себя мое сердце, когда ты писал языком слова на моей шее, ты велел мне не быть гребаной идиоткой и никогда больше не писать ничего подобного, однако ни слова не сказал о том, хорошо это написано или нет.

Я подчинилась. Я никому не сказала. Даже когда ты променял меня на десятиклассницу, которая начертала любовную поэму своей менструальной кровью, я не написала ни слова. Этот урок я усвоила. Никогда не пиши то, что действительно имеет значение. Никогда не говори.

И все же я по-прежнему думала, что когда-нибудь смогу стать писателем. Если будет время. Если со мной случится то, о чем стоит написать. И вот она я, свидетельница конца света, которой нечем заняться, кроме как возиться с консервированными фруктами да описывать падение цивилизации вместе со скорбной песнью моего сердца, — но единственное, что я сочинила, — несколько писулек на бумаге для жопы, адресованных вам, кускам деръма. Здесь, внутри, нет ничего, о чем мне хотелось бы написать, а снаружи нет ничего, что могла бы воскресить моя писаница. Чего мне действительно хочется, так это улечься на диван и смотреть телевизор.

Ты говорил, что телевизор превратит нас в пассивных потребителей чужих слов, и нам следует расколоть его кувалдой, чтобы выпустить нашу творческую силу на волю, совершив акт творения посредством разрушения, сровнять с землей наши отупелые, потребительские, капиталистические, мелочные, прыщавые жизни и возвести на обугленной земле новые; ты говорил, еще никто не жалел перед смертью, что мало смотрел телевизор, но я буду жалеть. Мне жаль, что я так редко смотрела «Друзей» и составила такой длинный список «Глупых сериалов, которые я, как уже неоднократно было сказано, не смотрю». Могу представить, как ты умер (тебе перерезало яремную вену осколком зеркала, перед которым ты тщетно пытался зачесать волосы на лысину), но уже не могу вспомнить, на что похожи «Настоящие домохозяйки». Однажды я сказала тебе, что, по моему мнению, «мыльные оперы» — самая реалистичная форма повествования, потому что они никогда не кончаются на «долго и счастливо», они вообще не кончаются, а ты рассмеялся, словно это была шутка, и теперь я думаю, что объектом шутки оказалась я сама, ведь «мыльные оперы» кончились вместе со всем прочим.

Снаружи ничего не осталось. Так говорят по радио, хотя большую часть времени никто ничего не говорит. Иногда, сквозь помехи, мы слышим чей-то плач.

Снаружи не осталось ничего, и глупо надеяться, что это не так, мы все с этим согласны — кроме тех случаев, когда приходится выставить кого-то за дверь. И тогда мы делаем вид, будто это не смертный приговор, а всего лишь другая жизнь. Снаружи может быть что угодно, говорим мы. Ей здесь не нравилось, не настолько, чтобы следовать правилам и подчиняться приказам, так, быть может, снаружи ей понравится больше.

Быть может, если Тереза Бэббидж предпочла не трахаться с подростком, если ее это не заводило, в отличие от тебя, если она сделала вид, что предложение Исаака было просьбой, а не приказом, и вежливо отказалась, то это был ее выбор, и, быть может, пробуждая несколько ночей в дикой пустыне, она не станет о нем сожалеть.

Это не казнь, сказал Исаак прошлой ночью, когда запер за ней двери. Это даже не наказание. Просто разумная политика мирного общества. Делай как все — или выметайся.

Она сказала, что он ебанутый. Спросила: как насчет феминизма, и Хилари Клинтон, и Эм-ти-ви, и как мальчишка, родившийся в двадцать первом веке, мог проглотить всю эту чушь, мир уже две тысячи лет работает иначе? — а он ответил, что мир погиб и что много чего не случалось уже две тысячи лет — и ему вовсе не пришлось прямиком заявлять: «Я свет миру»*, — чтобы мы поняли намек.

Возможно, она думала, что ее сестры уйдут вместе с ней, но ошиблась. Вряд ли она надеялась, что я составлю ей компанию, хотя могла ожидать, что я приду попрощаться. Она не знала, как я отношусь к прощениям.

* Иоанн 8:12.

Она не говорила мне, что собирается ему отказать, иначе я бы ее переубедила. Рассказала бы о вещах, которые приходится делать, о том, как терпеть, о том, как быть девушкой, которая остается. Рассказала бы, каково это, когда тебя бросают, но она не спросила, и ее вытолкали за дверь без теплой одежды, и без еды, и без малейшего гребаного представления о том, как выживать, потому что пока все прочие учились стрелять, варить мыло и заготавливать грибы, она нянчила будущегоmessию, и теперь, вероятно, она мертва. Я сохранила свой ноутбук. Разумеется, батарейка давным-давно села, но иногда я смотрю в пустой экран и вспоминаю. Я и раньше любила смотреть на помехи, особенно когда мне плохо. Любила вглядываться в безжизненные шумы, любила, прищурившись, изучать бесплодные пустоши, почти веря, что если постараться, можно привлечь хаос к порядку, что где-то за волнистыми линиями прячется лицо, голос, целый мир.

Я хочу, чтобы картинка вернулась; хочу, чтобы мир вернулся. Хочу помойные реалити-шоу, и рекламно-информационные блоки поздней ночью, и мультики субботним утром. Хочу Эм-ти-ви. Хочу китайскую еду навынос и пульт с отпечатками жирных пальцев; хочу отгулы, проведенные в тумане бормочущих ток-шоу и лепечущих телеигр; хочу, чтобы Люк и Лаура* воссоединились, а «Как вращается мир» восстал из мертвых; хочу толстых мужчин с костлявыми женами и больниц, где все красивы и сексуальны и только скучные люди умирают; хочу охотников за торнадо, и состязания едоков, и субботних телеевангелистов, и даже фригидную сучку из «Фокс-ньюс». Хочу вернуть все послебеденные часы, что провела с тобой в твоей машине, и твоем кабинете, и том паршивом мотеле, ведь я могла провести их дома, с пакетом «Доритос», и Опрай,

* Люк Спенсер и Лаура Веббер — персонажи американского телесериала «Главный госпиталь» (выходит с 1963 г.).

и «Парнем, который познает мир», а теперь я лежу на своей койке и делаю вид, будто сплю, вдыхаю затхлый воздух, не обращаю внимания на храп, верчу в руках нож и гадаю, не решу ли воспользоваться им в одно прекрасное утро; я могла бы проиграть в голове все серии, могла бы стать собственной «смеховой» дорожкой, могла бы вспомнить все диалоги и прекрасные лица — вместо тебя. Я хочу забвение, которое досталось всем вам, снаружи; не хочу остаться в одиночестве, когда все исчезнут.

Я хочу. Хочу. Хочу. Я снова веду себя как ребенок, верно? Как плаксивая девчонка, которая думает, будто плохие вещи случаются только с плохими людьми, и боги справедливы.

Конечно, я бы не назвала Исаака плаксивой девчонкой, или невежественным мальчишкой, или неадекватным, или жалким лишь потому, что он верит, что мы спаслись, поскольку заслуживали спасения, что смерть — это кара, а жизнь — награда, что мы можем помнить только то, что захотим, а остальное забыть, что поскольку он нас спас, теперь наши жизни навечно принадлежат ему. Учителей больше нет, а если бы и были, нельзя научить спасителя человечества — сосуд, избранный самим Господом, — тому, чего он не хочет знать. Так что сам видишь, в этом прекрасном новом мире нет места для тебя. В этом мире дети берут то, что захотят, а прочие довольствуются объедками.

С любовью,

Хизер

Дорогой Джон,

я сказала, что не скучаю по тебе, и это правда. Но на самом гребаном деле я по тебе скучаю. А может, я скучаю по траху. Точка. Всего через неделю мы с Кризисом

Среднего Возраста сольемся в священном счастливом браке, и можно было бы предположить, что мне уже не терпится. Ему так точно не терпится.

На вкус он как рыба.

Исаак все время болтает, какой это будет радостный день, но его глаза слишком печальны. Я вижу это, даже если все прочие не видят, потому что мне знакомо лицо человека, оставшегося за бортом.

Ему бы следовало к этому привыкнуть. Сначала собственная мамаша подкидывает его под дверь отцу Абрахаму, словно одну из паршивых бесплатных газетенок, которые сразу отправляются в помойку. Подбрасывает отцу, которого он никогда прежде не видел и который как раз готовится к Судному дню со своей ебанутой пастью.

Пацан использует ситуацию на полную катушку, объединяется с папочкой и заводит столь близкую дружбу с папиным приятелем наверху, что начинает слышать божественный шепот, затем становится спасителем, главным режиссером Судного дня, учит нас, как построить Ковчег и подготовиться к концу света, — и какова его награда, когда небеса обрушаиваются на землю, как было обещано? Папочка тоже его бросает. Запирает парнишку в земле обетованной со всеми прочими и валит с горы, чтобы погибнуть с грешными толпами. Предпочитает мир собственному сыну и утверждает, что так повелел Господь — намного действеннее, чем «потому что я так сказал».

А теперь Тереза тоже его бросила.

Не имеет значения, что она не хотела уходить; ее больше нет. Так он видит ситуацию.

Ничего не могу с собой поделать — мне его жаль. Я говорю: «Она тебе не подходила, Исаак», — и, к его чести, он не прикидывается, будто не понимает, что я имею в виду. Даже не пытается улыбнуться. «Я спас ей жизнь, — говорит он. — Разве этого не достаточно?»

И знаешь что? Может, и достаточно. Все ведут себя так, словно любовь способна спасти кого угодно, но любовь спасает не от всего. И, быть может, мы все поняли наоборот, может, это спасение порождает любовь. Исаак спас нас — и нам следует любить его за это. Он спас нас — и теперь мы принадлежим ему. Так рассуждает парень, и нужно признать, в этом есть смысл. Именно это я ему и сказала.

Но мне не нравится, как он теперь на меня смотрит.

Без Терезы мне не у кого спросить, не разыгралось ли мое воображение. Насчет того, как его глаза следуют за мной, когда я иду по комнате. Насчет того, как он заметил, что я смотрю на него, и улыбнулся.

Я просто пыталась проявить доброту.

«Дорогой Джон, я бы хотела, чтобы ты был здесь», — полагаю, мне нужно сказать именно это, поскольку другой вариант — «я бы хотела, чтобы ты умер» (погиб от голода, или сгорел заживо, или был разорван дикими кошками), но здесь ты бы не знал, куда себя девать. Тебе бы не понравилось сидеть взаперти, пытаться что-то разобрать в помехах, криках и плаче, доносящихся из радио, жить в сплетении тел и облаке дурного дыхания, когда повсюду кожа, и пот, и бледные люди.

Теперь я такая же бледная, как и ты, бледная, и худая, и скучающая по солнцу. Ты всегда ругал меня за то, что я экономила на солнцезащитных кремах. Все мы от чего-нибудь умрем, отвечала я.

Я знаю, от чего умер ты. Конечно, знаю. Как думаешь, почему я так здорово играю в эту игру? Чем еще мне было заняться после нашей последней встречи, как не воображать твою смерть? Я видела ее во снах и просыпалась, чувствуя запах дезинфицирующего средства и блевоты, чувствуя твой вкус, не здорового тебя, а тебя в самом конце, и это вкус железа и резины, чего-то ядовитого. Иногда я представляла, будто почувствовала ее, некую флюктуацию во Вселенной, словно кто-то пере-

резал невидимую нить, что удерживала нас вместе, и некий невесомый груз поднялся или опустился — но вообще такие гребаные вещи ни хера нельзя почувствовать, так что, скорее всего, это была головная боль, или судороги в мышцах, или несварение, хотя всякий раз я думала, что, возможно, это ты.

Мне не нужно было находиться рядом, чтобы знать, как ты умер. Как усох. Твой труп представлял собой скелет, обтянутый кожей, но разбухший от жидкости. *Беременный жидкостью.* Ты накачался до такой степени, что не заметил указатель, решил, что собираешься только вздренуть, а не уснуть навеки; до такой степени, что, быть может, увидел меня и улыбнулся, подумав, что не один. Но ты был один. И это я тоже знаю.

С любовью,

Хизер

Дорогой Осел,

полагаю, ты все-таки не закончишь тот роман. Господи, роман, роман, вечно этот гребаный роман. И куда мне понять такие вещи, телке, которая мыла твою грязную посуду, когда над ней начинали роиться мухи, ведь твой внутренний мир ограждал тебя от подобных вещей? Куда мне, глупому жвачному — настолько глупому, что пришлось искать «жвачное» в словаре, — постичь глубины твоего интеллекта, выкидыши твоего литературного величия, твои пасьянсы, которые, надо полагать, вели к некоему вселенскому эмоциональному катарсису? Если бы я считала, что ты действительно можешь написать роман, я бы задумалась, не сделашь ли ты из меня персонажа, тупую пизду (РЕДАКТОРУ: очень желательно оставить данное устоявшееся выражение, но если совсем никак, можно заменить на

тупую манду), которая вступила в секту. Я буквально слышу, как ты говоришь всем собравшимся в кафе приятелям-неудачникам: «Поверить не могу, что совал свой член в это гнездо безумия», — и потому я без всяких угрозений совести присвоила твой ноутбук, когда ты свалил.

Чтобы не быть наивными — а может, чтобы быть наивными, ведь, по твоему мнению, я больше ни на что не способна, — зададим вопрос: и кто теперь тупая пизда (манда)? Кто сидит в безопасности в бункере с богоизбранными людьми, а кто гниет в ожидании чужой кошки, которая полакомится твоими внутренностями, ведь свою ты так и не удосужился завести?

«Только не говори, что действительно веришь в эту чушь, — сказал ты мне после первых встреч. — Остается молить чертова несуществующего бога, что я не потратил впустую время на дуру, которая способна купиться на подобное».

Я сказала, еще в самом начале, потому что так было написано в брошюре: «это мое призвание» и «мне нужно покаяться, пока еще есть время», — но не сказала тебе то, что сказал отец Авраам: что «прощение возможно» и «Господь никогда не оставит тебя», — поскольку знала, что ты будешь смеяться, а я хотела верить, что это правда.

И в конце концов ты заявил: «я больше не могу выносить всю эту дурь» и «секс не стоит безумия», — а меня это устраивало, потому что в доме отца Авраама было много комнат и полно пустых кроватей, и почему так получилось, что всегда бросают меня, но именно мне приходится собирать вещи и выходить за дверь?

Я так и не ответила на твой вопрос.

Действительно ли я верила?

Действительно ли я верю?

Только тупая пизда (манда) не поверила бы в это. Отец и его сын сказали, что наступит конец света —

и конец света наступил. Сказали, когда он наступит, и не ошиблись. Сказали, как его пережить, и вот она я. Авраам приютил нас на своей груди, Исаак построил ковчег — и вот мы плывем к спасению по морю проса, и автоматических винтовок, и фасоли.

Если бы я не верила, разве пошла бы туда и разве осталась бы?

Если я не верю, чем еще меня убедить?

«Атеизм — единственное честное интеллектуальное убеждение», — заявил ты, а я не стала спрашивать: что, если ангел спустился на землю, или телепророк раздвинул Красное море, или одиннадцатилетний пажан заявил, будто Господь сообщил ему, что мир погибнет, и так оно и случилось, — потому что было проще позволить тебе думать, что я не слушаю, когда ты говоришь. Быть может, если бы ты задал мне вопрос, я бы ответила. Если бы ты спросил, о ком я думаю, когда твой член во мне, и почему я настолько себя ненавижу, что позволяю ему там находиться, я бы рассказала тебе историю.

«Холокост, — сказал ты. — Геноцид армян. Руанда. Что за бог, и т. д., и т. п.»

«Все умирают, — ответила я. — Или в этом ты тоже винишь Его?»

Я не знаю. Вот мой ответ. Не знаю, верю ли я в Него, а потому не знаю, следует ли тревожиться насчет нарушенного обещания, данного Ему, но это риторический вопрос, потому что моя будущая «родная душа» пропала. Кризис Среднего Возраста сбежал в ночи вместе с усами, очевидно, предпочтя смерть вечности в моем обществе.

Это при условии, что он сбежал по своей воле. Очевидно, не в первый раз, но не будем забывать про Исаака, и про его взгляд, когда он сообщил о побеге, и про то, как он взял меня за руку и сказал, чтобы я не тревожилась об одиночестве, ведь у Бога есть на мой счет другие планы.

«Никогда не доверяй тому, кто говорит, что у Бога есть план», — сказал ты мне, и в этих словах есть смысл.

Я держу нож под подушкой, на всякий случай. У каждого из нас есть что-то свое — свой личный план спасения в чрезвычайной ситуации. Некоторые не могут смириться с утратой мира. «Что за бог?» — спросил ты, и теперь у нас есть ответ, и не каждый может с ним жить.

Мы сложили пазл из кусочков, подслушанных по радио. Что случилось в тот день, после того, как мы заперлись в Ковчеге. На что это было похоже, когда рухнуло небо. По радио говорят, это было прекрасно, ливень света, но они говорят так потому, что выжили. Я думаю, ты тоже выжил, по крайней мере, пережил первый удар, и, быть может, попытался написать об этом поэму: *наконец-то хороший материал!*

Я думаю, твой город не был стерт с лица земли, твой лофт не испарился. Ты слишком далеко от побережья, чтобы тебя смыло. Думаю, ты испытывал удовлетворение, пока еще мог что-либо испытывать. Ты не мог поверить в бога, который сделал «Пятьдесят оттенков серого» бестселлером, но бог, который испепелил двадцать миллионов человек и оставил тебя выбивать твою трубку, вырезанную вручную из кукурузного початка? Думаю, с этим богом ты смог бы примириться. Думаю, проблемы начались, когда полетели атомные бомбы — «Хаос рождает хаос, — любил говорить ты, набивая трубку, — достаточно одного безумца с ядерным кодом, которому нечего терять», — а раз не осталось неба, чего еще лишаться? Думаю, ты получил полную дозу, и твоя кожа начала отваливаться кусками, ты выблевывал все свои внутренности, пока не превратился в пустой мешок, ты стал зомби, стонущим чешуйчатым зомби, радиация пожрала твой мозг вместе со всем прочим, и, думаю, ты пытался убить себя, выпив кружку чернил для авторучки, потому что считал эту смерть

романтичной, но чернила ты тоже выблевал и умер, умоляя своего несуществующего гребаного бога прекратить боль.

С любовью,

Хизер

Дорогой Без-Обязательств,
это было бы нехилое грабаное обязательство, наш ребенок. Наш выкидыш, комок наших клеток, наши медицинские отходы. Даже не обязательство, а якорь. Из тех, что используют на кораблях. Ржавый, неприятный на ощупь, провонявший рыбой. Наверное, следовало сказать: из тех, что использовали.

К этому трудно привыкнуть.

Ты мог бы и не говорить, что он тебе не нужен. Что как только он оказался внутри меня, я тоже стала тебе не нужна, вне зависимости от того, насколько быстро от него избавилась. Ты мог бы и не говорить, что из меня получится паршивая мать.

Все это я знала и без тебя.

Ты мог не платить за это — и не стал. Но мог бы хотя бы предложить.

Действительно ли из меня получилась бы паршивая мать? Полагаю, у меня будет шанс выяснить, если я останусь здесь.

Тебе нравится, как я выразилась? Если я останусь. Избыточное если, вроде «встретимся завтра за кофе, если солнце взойдет; мне будет больно, когда это закончится, если закончится».

Если сила тяжести действует, я разобьюсь, когда удаюсь о землю.

Плодитесь и размножайтесь, таков план. Взращивайте бункер до тех пор, пока не сможете его покинуть. Заселите Землю. Не сейчас, говорит Исаак, но скоро.

Про нас двоих он тоже это говорит. Скоро. Мы не поженимся сегодня, вместе с остальными. Мы подождем, пока ему исполнится тринадцать, а потом соединимся. Соединимся во всех смыслах.

Я сказала ему, что достаточно стара, чтобы быть его матерью, хотя не добавила, что не нужно быть Фрейдом, чтобы увидеть связь. Сказала, что ни к чему спешить. Что у него уйма времени, чтобы стать мужчиной.

Он сказал мне не разговаривать с ним как с ребенком.

Сказал, что я его понимаю, и мы полюбим друг друга. Господь об этом позаботится.

Сказал, что Господь желает, чтобы у него родился сын.

Весьма вероятно, что он сочиняет всю эту херню, но я не сомневаюсь, что он сам в нее верит. Что ничуть не лучше.

Если ты не веришь Исааку и скажешь об этом вслух, тебя выставят за дверь.

Если ты не будешь выполнять свои обязанности, тебя выставят за дверь.

Если ты согрешишь против Господа или какое-нибудь трепло обвинит тебя в этом, потому что хочет захватить твоими припрятанными шоколадными батончиками, тебя выставят за дверь.

Будь я матерью, я бы позаботилась о том, чтобы моя дочь знала: нужно делать то, что приходится. Даже если это означает позволить пацану вставить тебе, вытерпеть один рывок, содрогание, сперму, обмякший член, слезы.

Да, я думала об этом. Я думаю об этом.

Но, возможно, если бы я была матерью, я бы спрятала девочку под курткой, выскоцила бы из Ковчега и вырастила ее снаружи. Возможно, родившись после конца света, она сможет приспособиться и выжить. Или я могла бы оставить ее, когда буду уходить — если буду, — оставить в безопасности там, где о ней будут

заботиться, пусть и не любить, могла бы позволить ей принять жизнь такой, какой она должна быть, вместо того чтобы нашептывать дочери на ухо, что следует желать большего, что когда-то жизнь была чем-то большим.

А может, Исаак прав, и Господь организует мне сына.

С любовью,

Хизер

P.S.: Думал, я забыла? Полагаю, когда ты отчаялся достаточно, чтобы отобрать еду у соседки, которая не желала делиться, тебя пристрелили, и ты умер, размазывая кишки по земле, лопоча от изумления. Очевидно, соседка теперь тоже мертва, та самая, за которой ты шпионил в бинокль, делая вид, будто наблюдаешь за птицами, ведь тебе нравилось смотреть, как покачиваются ее обнаженные пышные формы, хотя ты постоянно твердил, что я должна сбросить вес. Не ради внешности, говорил ты. Ради здоровья.

* * *

Дорогой парень в футболке «Arcade Fire» с пятном на воротничке,

ты был милым. Больше я почти ничего не запомнила. Ты купил мне выпивку, но не слишком много, и ничего не сказал, когда я заказала еще.

Я помню, что тебя только что уволили, однако ты взял пропуск у приятеля, чтобы пробраться в здание и забрать файлы. Ты пригласил меня с собой, но мы не пошли в твою печальную, заброшенную кабинку за остатками твоей прежней жизни. Ты не пожелал заняться сексом на диване начальника или обосрать его письменный стол. Ты захотел показать мне крышу, потому что «оттуда открывался лучший вид на город», а я выглядела как человек, которому не повредит хороший вид.

Я немного боялась, что ты окажешься человеком, которому не повредит хороший прыжок с крыши.

Мне бы хотелось запомнить ощущение твоих рук, обхвативших меня, когда мы стояли возле перил и смотрели на мерцающие в ночи огоньки, но я помню только, что словно очутилась на палубе корабля, а передо мной горели в темном море упавшие звезды.

Я подумала: *Может, это он.*

Может, это случилось.

Потому что именно так думаешь после правильной дозы алкоголя, когда чьи-то руки и губы кажутся правильными и кто-то кажется хорошим человеком. Впрочем, последнее необязательно.

Кто-то — лучше, чем никого.

Это сказал мне Исаак, потому что он не хочет, чтобы я уходила, как Тереза, не хочет заставлять меня уходить. «Неужели со мной будет так плохо?» — спросил он, и лучше бы не спрашивал, ведь этот вопрос был таким детским. Он сказал, что у меня есть день на размышления, прежде чем пообещать себя ему. Сказал, что проявляет великодушие, потому что я ему нравлюсь.

Мне всегда хотелось спросить, знает ли он, почему его бросила мать, важно ли для него, имелась ли у нее на то причина.

Не то чтобы в причине было что-то особенное. Причины есть у каждого.

Будет ли с ним так плохо? Он не останется тринадцатилетним навсегда — но навсегда останется моим.

Я думала, что люблю всех вас — даже тебя, пускай всего на одну ночь, — но никто из вас не смог меня спасти. А Исаак смог, и, быть может, он прав: быть может, я должна любить его, быть может, именно так это и работает.

На этот раз он совершил мудрый выбор, словно сумел заглянуть мне в душу.

Я — девушка, которая остается.

Я — девушка, которая говорит: *Да, если хочешь.*

Все, что угодно.

Только не бросай меня.

У тебя не было времени выяснить это — и не было времени проверить. А может, и было. Я не помню.

Я могла рассказать тебе правду, всю правду о себе; ты мог поведать мне то, о чем никогда никому не рассказывал, тайны, делавшие тебя тем, кем ты был; мы могли решить, что эта ночь — начало всех начал; ты мог читать стихи, а я — тексты всех известных мне песен C + C Music Factory, которых насчитывается ровно три, потому что мы могли хотеть произвести друг на друга впечатление, и это могло сработать; мы могли ограничиться поцелуем, словно герои скучного фильма, могли решить, что раз «Голливуд» считает это романтичным, лучше не спешить, ведь в нашем распоряжении все время мира; мы могли потрясти Землю. Я не помню — точно так же, как на следующий день не могла вспомнить твое имя или адрес твоего офиса, что не имело значения, потому что я дала тебе свой телефон; вроде бы это я точно запомнила, но ты так и не позвонил, а значит, я в чем-то ошиблась.

Думаю, ты умер в самом начале, взмыл светом к небесам, слился с падшими звездами. Надеюсь, это действительно было красиво.

С любовью,

девушка в лаймово-зеленою мини-юбке, которая
хотела увидеть небо

* * *

Дорогой Джон,

вот что я бы написала, если бы написала хоть что-нибудь. Дорогой Джон, так будет лучше. Дорогой Джон, это все равно случится, сейчас или потом, и лучше пусть случится сейчас. Дорогой Джон, ты не поверишь, но я делаю тебе одолжение. Дорогой Джон, можешь меня не навидеть, потому что я тоже тебя ненавижу. Ты гово-

рил, что никогда меня не бросишь, а теперь бросаешь, так что не пытайся обвинить меня в том, что я бросила тебя первой. Дорогой Джон, не умирай, и, быть может, однажды я вернусь.

Сам видишь, почему я не оставила записки.

Твоя мать отвела меня в сторону. Не в тот первый день в больнице — тогда было слишком много слез, сплошные слезы и комканье носовых платков у твоей постели. «Несомненно, когда мать теряет сына», — все время твердила она, будто это не было самой естественной вещью в мире, будто не этим матери занимаются каждый день, будто не поэтому она меня ненавидела, что бы ты ни говорил. После того первого дня, но до конца недели, прежде чем я отправилась домой, чтобы собрать для тебя чемодан побольше, потому что мы оставили позади стадию вещевых мешков и приобрели новый статус путешественников с долгосрочной визой в царстве болезни, так вот, в какой-то момент она отвела меня в сторону. Ты с этим не справишься, сказала она. Думаешь, что справишься, но это не так. Она считала, что раз ее муж скончался, значит, ей известно, что делать; считала, что раз ты время от времени звонил ей и жаловался, что я не мою посуду, раз однажды, думая, что я сплю с официантом, ты по глупости рассказал ей, почему я не общаюсь с родственниками, и почему не поступила в колледж, и как зарабатывала на квартиру в тот год, что провела в Л.А., — по всем этим причинам она считала, будто знает меня.

Она сказала: тебе с этим не справиться, а раз ты не можешь справиться, лучше уйти сейчас. Я могу справиться с этим, сказала она, имея в виду: он мой. Ты — никто, а он — мой. Возможно, она никогда тебе этого не говорила, а значит, ты так и не узнал, что отчасти вина лежала на ней. Она сделала меня слабой. Ведьма, как я всегда и утверждала. Наложила на меня проклятие, и оно сбылось.

Я девушка, которая остается, — но почему-то я ушла.

Ушла прежде, чем ты успел меня бросить, и так же поступила с миром: оставила его умирать в одиночестве, закрылась на все замки, устроилась возле радио и принялась слушать, как он отправляется ко всем чертям.

Я не думаю о миллионах людей, которые погибли. Я думаю о тебе и о том, действительно ли у тебя выпали волосы и как ты без них выглядел. О том, как мы убивали бы время, пока твои вены накачивали ядом, играли бы в скрэбл или «Тривиал персьют», а может, тебе бы удалось заставить меня почтить вслух, даже дерзовые стихи, которые, как ты прекрасно знаешь, я не-навижу. Сколько еще раз ты сделал бы мне выговор за то, что я обкусываю ногти? Сколько раз я бы забралась к тебе в постель, просунула бы руку под трубочки и твою ночную рубашку и гладила бы холодную жилистую плоть, пока ты не выдохнешь: «О да, спасибо!» — всегда вежливый, даже в подобный момент?

«Я никогда не покину тебя», — сказал Исаак, и, конечно, я слышала это и прежде, но никто не вкладывал в эти слова такой смысл. *В этой жизни и в следующей. Тебе никогда не придется быть одной. Я обещаю.*

Он верит в свое слово. Он не увидит *tohu va vohu* в моем сердце и не догадается, что я — девушка, которой суждено быть брошенной, не любимой. Он не уйдет. Я верю, что он верит в это, и сама почти верю, что так оно и есть.

«Я обещаю тебе вечность, — сказал он. — Разве не этого ты хочешь? Разве не этого хотим мы все?»

Если любишь, люби меня вечно — сказочная любовь, сказочные «долго и счастливо», вот во что он верит, как и положено, ведь он еще ребенок.

Вот во что я верила все эти годы, вот чего желала, а теперь, когда ребенок хочет подарить мне это, я думаю, что, быть может, пришла пора повзрослеть.

Потому что все уходят. Но не все уходы одинаковы.

Не все расставания одинаковы.

Не все расставания неправильны, и не всегда в них есть чья-то вина. Может, твой уход не означал, что меня недостаточно.

Может, мне следовало дождаться, пока ты меня покинешь, а не уходить первой.

Иногда я гадаю, что, если? Что, если случилось чудо. Ремиссия. Исцеление. Что, если через пять минут после моего ухода ты сел, сорвал кислородную маску, и сила хлынула по твоим жилам, убивая опухоли. Что, если ты позвал меня, но я уже ушла.

Я позволяю себе воображать, что ты где-то есть, и если уж ты получил одно чудо, почему не два? Почему не достаточно чудес, чтобы пережить падение неба и его последствия? Ты мог бы возглавить храбрый отряд выживших, что странствует по сельской местности, поедая грибы и коз, мог бы стать голливудским героем, одержавшим победу над богом и природой, хоть сейчас на телезкран. Ты мог бы загореть, стать сильнее, чем прежде, — мускулы бугрятся под рваной одеждой, волосы сияют золотом, как всегда под конец лета, — и будь ты жив, будь ты чудом, я бы знала, что так тому и суждено. Ты бы не остался один, не искал бы, где спрятаться, не съежился бы в укрытии, выжиная, пока завершатся трудности. Тебе не понадобился бы нож под подушкой, ты не думал бы сбежать от мира. Ты бы уперся ногами в землю, воздел бы кулак к расколотым небесам, крикнул бы: «Это принадлежит мне, и вы это не получите!» — а потом отправился бы на поиски выживших, чтобы сотворить мир заново. Может, отправился бы на поиски меня. Может, ты ищешь меня сейчас.

Может, мне следует выйти тебе навстречу. Может, я говорила серьезно, когда сказала: «Не умриай».

Не умриай, и, быть может, однажды я вернусь.

Я могла бы уйти отсюда. Ускользнуть в ночи. Могла бы найти тебя, в лесу, или в пещере, или в разрушен-

ном торговом центре, где ты рыщешь в поисках снаряжения под взглядами манекенов в туристическом магазине и грызешь засохшие батончики из мертвого автомата. Это тоже было бы чудом, но в новом мире все чудесно. Мужчина разглядел на горизонте апокалипсис; мальчик прислушался к слову Божьему и построил Ковчег; я пришла к ним, потому что считала, будто заслуживаю смерти, и благодаря этому выжила. Этот новый мир кишит чудесами. Что для него еще одно чудо?

Я знаю, что ты мертв. Вполне вероятно, что, уйдя отсюда, я тоже умру, и скоро. Это меня сжуют бывшие обитатели зоопарка в разросшемся лесу, это я провалюсь в выгребную яму и полечу к центру Земли, изнасилованная веселой ордой анархистов или убитая выстрелом в спину из-за моих туфель и фляги. Но прежде чем это произойдет, я снова увижу небо и снова пройдусь под дождем. Попробую на вкус траву и воздух, и мне больше не придется воображать разрушенные города и гниющие трупы, потому что я увижу их собственными глазами. Мне не придется воображать, и представлять, и гадать, и просыпаться, ощущая привкус крови и тлена, и, быть может, вернувшись к миру, я перестану мечтать о нем. Может, я даже узнаю, что снаружи не так плохо, как мы думали. Может, мир во все не покинул нас, не навсегда, пока нет, и еще есть время попрощаться или сотворить очередное чудо.

Может, мне не нужно быть девушкой, которая остается, потому что боится противостоять тому, что снаружи, в одиночку. Может, не нужно говорить: «Ладно, конечно, все, что угодно, только не бросай меня, только не уходи». Может, я могу уйти сама — или могу вернуться, могу выбрать. Может, вечность вместе хуже одиночества. Может, вечность вообще ни при чем.

С любовью,

Хизер

Дорогой Исаак,
прости меня.

Если буду жива, когда мир кончится по-настоящему, может, я вернусь. Иногда люди возвращаются.

С любовью,

Хизер

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Джон Джозеф Адамс.</i> ВВЕДЕНИЕ	5
<i>Тананарав Дью.</i> КОЛЛЕКТИВНЫЙ ИММУНИТЕТ .	7
<i>Скотт Сиглер.</i> ШЕСТОЙ ДЕНЬ ОХОТНИЧЬЕЙ СТОРОЖКИ	28
<i>Энни Беллет.</i> БАЮ-БАЮШКИ, ЗВЕЗДЫ	49
<i>Чарли Джейн Андерс.</i> РОК МЭННИНГ ВАС НЕ СЛЫШИТ	72
<i>Шенон Макгвайр.</i> ПЛОДОВЫЕ ТЕЛА.	91
<i>Сара Ланган.</i> ЧЕРНЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК	110
<i>Нэнси Кресс.</i> АНГЕЛЫ АПОКАЛИПСИСА	135
<i>Дэвид Веллингтон.</i> ИЗОЛИРОВАННЫЙ АГЕНТ .	158
<i>Кен Лю.</i> БОГИ НЕ УМИРАЮТ	182
<i>Элизабет Бир.</i> ЖИЗНЬ ВСЕГДА ПРЕПОДНОСИТ СЮРПРИЗЫ	213
<i>Бен Х. Уинтерс.</i> ПРИВЕДИ ИХ КО МНЕ	228
<i>Меган Аркенберг.</i> ЗАКАТ МУЗЫКАЛЬНЫХ МАШИН	242
<i>Джонатан Мэйберри.</i> САНСЕТ-ХОЛЛОУ	268
<i>Джейк Керр.</i> ИСКУПЛЕНИЕ	290
<i>Дэниел Уилсон.</i> АВТОМАТ	302
<i>Уилл Макинтош.</i> ТАНЦЫ С БЭТГЕРЛ В КРАЮ КИВАЮЩИХ	324
<i>Джейми Форд.</i> ЛУННЫЙ ВОЛОСОК	352

Дезирена Боскович. НАША БРАНЬ НЕ ПРОТИВ ПЛОТИ И КРОВИ.....	363
Хью Хауи. ПОД ГОРОЙ	385
Робин Вассерман. ДОРОГОЙ ДЖОН	408

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
 правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

ЦАРСТВИЕ ХАОСА

Сборник

Ответственный редактор: *В. Демичев*
Компьютерная верстка: *Р. Рыдалин*
Технический редактор *Т. Полонская*

Подписано в печать 18.05.2017. Формат 84x108 $\frac{1}{32}$.
Усл. печ. л. 23,52. Тираж 2000 экз. Заказ 549.

Наши электронные адреса: WWW.AST.RU
E-mail: neoclassic@ast.ru
ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, стр. 3, ком. 5
«Баспа Аста» деген ООО

129085 г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 3 құрылым, 5 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru

Қазақстан Республикасында дистрибутор және өнім бойынша арыз-
талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ.,
Домбровский көш., 3 «а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89, 90, 91, 92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Онімнің жарамдалық мерзімі шектелмеген.

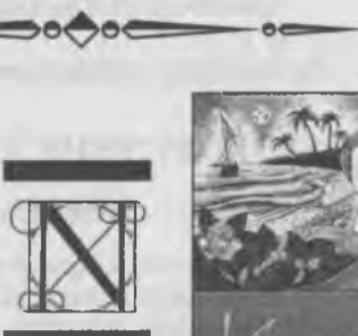
Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Представляем серию «NEO-Классика»!

ЭРИХ МАРИЯ РЕМАРК
НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ
БЕЗ ПЕРЕМЕН
НА ОБРАТНОМ ПУТИ

СОМЕРСЕТ МОЭМ
ЛУНА И ГРОШ
УЗОРНЫЙ ПОКРОВ

ЭРИХ МАРИЯ РЕМАРК
ПРИЮТ ГРЕЗ
ГЭМ
СТАНЦИЯ
НА ГОРИЗОНТЕ

УИЛЬЯМ ГОЛДИНГ
ПОВЕЛИТЕЛЬ МУХ
НАСЛЕДНИКИ
ВОРИШКА МАРТИН

КУРТ ВОННЕГУТ
БОЙНЯ НОМЕР ПЯТЬ
ДАЙ ВАМ БОГ ЗДОРОВЬЯ,
МИСТЕР РОЗУОТЕР!

Представляем серию

ФАНТАСТИКА

КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

— ФАНТАСТИКА —
КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

ГОЛОД, СМЕРТЬ, ВОЙНА и МОР – предвестники библейского Апокалипсиса, конца мира.

Научная фантастика изображает пришествие хаоса в виде ядерной или экологической катастрофы, эпидемий смертоносных болезней, космологического катаклизма. В преддверии грядущего бедствия кое-кто отчетливо видит его наступление, кое-кто пытается предотвратить, а немногие смельчаки решают бороться до самого конца.

Созданный под редакцией Джона Джозефа Адамса и Хью Хауи, опытнейших составителей фантастических антологий, триптих Апокалипсиса представляет собой серию из трех сборников апокалиптической фантастики.

«Хаос на пороге» фокусируется на событиях, предшествующих массовой катастрофе, когда лишь единицы предчувствовали грядущий коллапс. «Царствие хаоса» обрушивает на человечество мощные удары, практически не оставляющие выбора ни странам, ни отдельным людям. «Хаос: отступление?» изображает участь человечества после Апокалипсиса.

В этом сборнике вашему вниманию представлены 20 новых, ранее не публиковавшихся историй, вышедших из-под пера Сары Ланган, Тананарав Дью, Нэнси Кресс, Кена Лю и многих других мастеров современной фантастической прозы.

ХАОС НА ПОРОГЕ
ЦАРСТВИЕ ХАОСА
ХАОС: ОТСТУПЛЕНИЕ?

ISBN 978-5-17-097859-5

9 785 170 978595

www.ast.ru